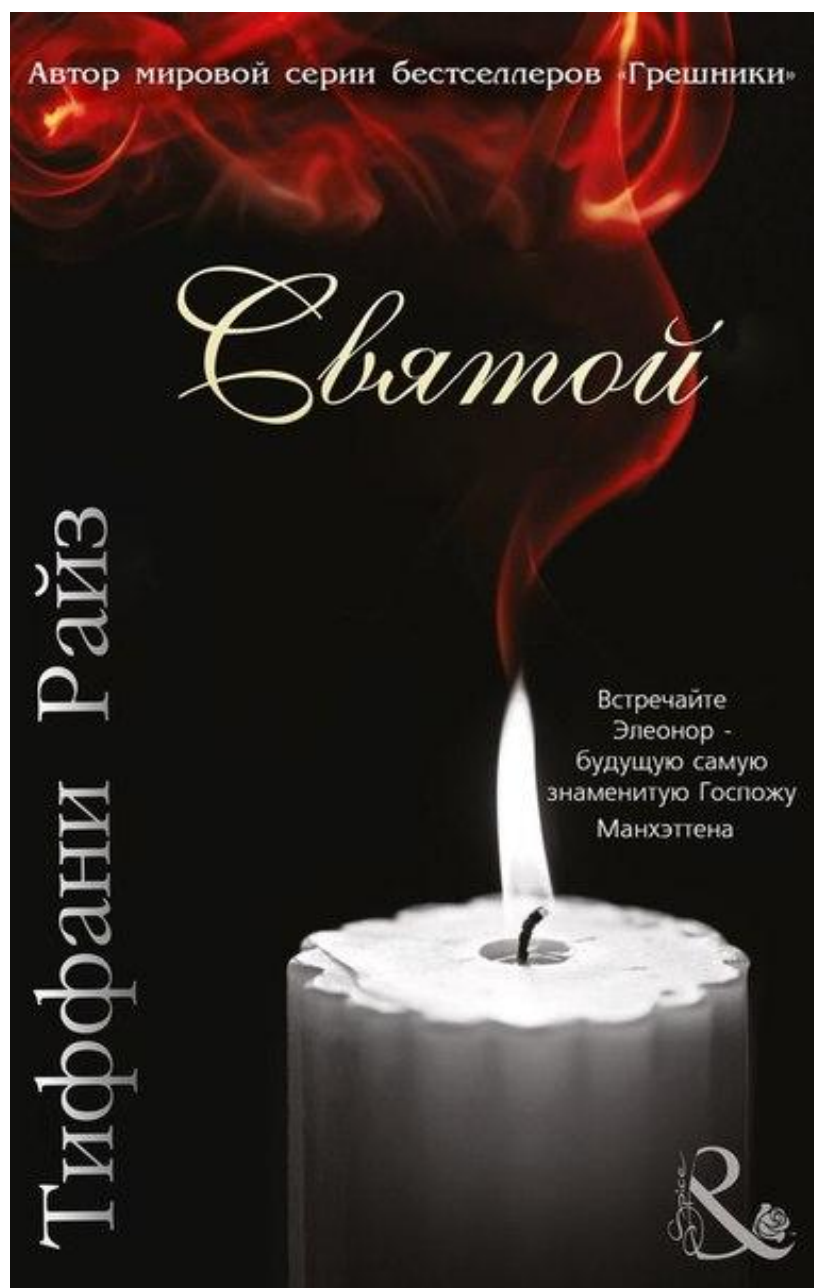

Тиффани Райз

"Святой"

Серия: Грешники (книга 5)

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Святой

Серия: Грешники

Перевод: Skalapendra, Catherine_Tate

Сверка: helenapasad

Бета-коррект: lildru

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Известнейшая Госпожа Манхэттена, Нора Сатерлин, когда-то была просто девчонкой по имени Элеонор...

Для этой зеленоглазой бунтарки не существовало правил, которые она не стремилась бы нарушить. Её угнетал фанатизм матери и жесткие ограничения католической школы, поэтому однажды она заявила, что никогда больше ноги её в церкви не будет. Но единственный взгляд на магнетически прекрасного Отца Маркуса Стернса - Сорена для нее и только для нее - и его достойный возжелания итальянский мотоцикл, были сродни Богоявлению. Элеонор в плену противоречивых чувств - даже она понимает, что неправильно любить священника.

Но одна ужасная ошибка чуть не стоила девушке всего, и спас её никто иной, как Сорен. И когда Элеонор клянется отблагодарить его полной покорностью, целый мир открывает перед ней свои невероятные секреты, которые изменят все.

Опасность может быть управляемой, а боль - желанной. Все только начинается...

Глава 1

«Да, он был частью моего сна, но и я была частью его».

«Алиса в Зазеркалье», Льюис Керролл

Нора

Нору Сатерлин преследовали.

Она не догадывалась об этом, направляясь через Баварию в самое сердце Черного Леса. В конце концов, кто мог её преследовать? И почему? Никто не знал, куда она уехала и зачем. Она уставилась на дорогу перед собой, не думая оглядываться назад.

Непонятная тяжесть и скорбь поселились в её голове. Солнце, которого здесь было едва ли не больше, чем она видела за всю свою жизнь, не отставало от нее, пока она спускалась по укрытой тенью от деревьев дороге. Тьма. Свет. Тьма. Свет. Норе казалось, что темнота пытается поймать её и удержать. Она вдавила педаль газа в пол и скрылась в глубине леса.

Наконец она добралась до конца дороги и заметила небольшой домик с соломенной крышей, скрытый тенью елей и сосен. Двухэтажный и полностью каменный, он выглядел совершенно сказочным. В нем мог жить добрый дровосек - из тех, что спасали маленьких девочек из пасти волка. Но если так, то кем была она в этой сказке? Дровосеком? Девочкой?

Или волком?

Нора взяла свои вещи из машины и направилась к дому. Его владелец предупредил её об отсутствии замка, но заверил, что она будет в безопасности. Этот

участок леса был частной собственностью, никто её не потревожит. Ни одна живая душа.

Плющ обвивал домик с земли и до самой крыши. Норе показалось, что, переступив порог, она перенеслась на четыре века назад. Осматривая интерьер, она уже составила план на день. Ей хотелось развести огонь в сером каменном очаге и выпить чаю из красной глиняной кружки. Спать под тяжелыми простынями на простой кровати из грубо сколоченного дерева. В другой раз и при других обстоятельствах ей бы здесь понравилось. Но сейчас горе рвало ее изнутри и то, что она должна была сделать, лежало тяжестью на плечах.

Да и не в ее характере было радоваться, что спать придется в одиночестве.

Затащив свои вещи в единственную спальню, Нора опустилась на колени возле меньшего из ее двух чемоданов. Осторожно, медленно и неохотно расстегнула молнию. Из бархатной сумочки она вытащила серебряную коробочку размером карманную Библию и просто держала ее некоторое время в дрожащих руках.

Как и обещал хозяин дома, вымощенная булыжником тропа вела к озеру. Сосновый запах окутывал девушку, пока она спускалась по ней. Был апрель, но этот запах напомнил ей Рождество. «O Holy Night» на фортепиано, красные и зеленые свечи, серебристые бантики и золотые узоры, Святой Николай придет и спрячет монетки в обувь всех хороших деток. Хотелось ей надеяться, что Святой Николай решит прийти к ней сегодня. Она бы ему обрадовалась.

Тропа расширилась, и Нора увидела озеро. Блики пробивающегося сквозь тучи солнца играли серебром на его темной глади. Она остановилась на камнях возле самой воды. Она могла это сделать. Все это время она готовилась к этому моменту, думая, что скажет и как. Она должна быть сильной. Ради него она сделает это.

Нора сглотнула и сделала быстрый вдох.

- Сорен... - произнеся его имя, она остановилась. Она не могла больше выдать ни слова. Слова застряли в ее горле и душили, как рука на шее. Повернувшись спиной к воде, Нора быстро пошла, почти побежала обратно к дому, прижимая к груди серебряную коробочку. Она не могла сделать это сейчас. Не могла отпустить.

Она положила коробочку на каминную полку и отвернулась. Может быть, ей будет легче поверить, что ничего этого не случилось, если не смотреть?

Снаружи поднялся ветер. Покосившиеся, оббитые плющом ставни с грохотом ударялись о каменные стены. Электричество пробежало по коже, в воздухе пахло озоном. Начиналась буря.

Нора развела огонь в обоих очагах – большом, каменном, который она заприметила с самого начала, и в том, что поменьше, в спальне. Хозяин дома нашел для нее холодильник и шкафы. Лишняя любезность. У нее уже две недели не было аппетита, она заставляла себя есть только чтобы избежать головной боли от голода.

Весь день она пыталась занять себя бытовыми мелочами. В домике было чисто, но ей показалось необходимым вымыть всю посуду в большом медном чайнике и подмести пол найденной в кладовой метлой. Девушка работала до тех пор, пока не упала без сил на кровать и не задремала.

Нора проснулась от беспокойного сна без сновидений и первым делом наполнила водой фарфоровую ванну на ножках. Она опустилась в теплую воду в надежде, что тепло проникнет сквозь кожу и поможет ей расслабиться. Но спустя час кожа ее покраснела и сморщилась, а тело все еще было будто стянуто в узел.

На ней была длинная белая сорочка на тонких бретелях. Подол щекотал ее лодыжки при ходьбе и касался босых ступней. Чтобы отвлечься, Нора остановилась перед зеркалом, закручивая и закалывая свои волосы и так, и сяк, чтобы темные волны образовали небрежный низкий пучок со свободными прядями, которые обрамляли ее

лицо. Когда она закончила, то почти усмехнулась, увидев результат. В белой сорочке, с приглушенным макияжем и убранными локонами она была похожа на девственную невесту в свадебную ночь. Старовата невеста, конечно же, в прошлом месяце ей исполнилось тридцать шесть. Но тем не менее, женщина в зеркале выглядела скромной, невинной, даже напуганной. Она думала о пожилых людях, но сегодня снова ощущала себя подростком - беспокойным и ожидающим, желающим того, чему не могла подобрать определение, но знала, что нуждалась в этом. Но что же это было? Кто это был?

Она спустилась вниз и решила поесть. Но вместо себя она подкормила поленьями камин. Пока дерево потрескивало, сгорая, за окном кухни небо расколола молния.

Совсем недалеко слышались раскаты грома. Нора стояла у окна и наблюдала, как ночь раскалывается. По лесу снова и снова грохотал гром. Между зарядами Нора слышала другой звук. Намного громче. Чище. Ближе.

Шаги по камню.

Стук в дверь.

Затем тишина.

Нора застыла. Здесь никого не должно быть. Никого кроме нее. Хозяин пообещал ей уединение. Этот коттедж был единственным домом на несколько миль по его словам. Он владел всей землей вокруг него.

Она будет в безопасности. Она будет одна.

Еще один стук.

На двери коттеджа не было замка. Кто бы ни стоял снаружи, он мог войти в любой момент. Две недели единственными эмоциями, которые она испытывала, были печаль и горе. Теперь она ощутила что-то еще - страх.

Но Сорен натренировал ее слишком хорошо - Евреям 13:2 «Страннолюбия не забывают, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам». И такая ночь подходила или демону или ангелу, святому или грешнику.

Она рывком открыла дверь. Человек, не ангел, стоял за порогом.

- Убежище?

Дождь намочил его темные волосы и покрыл каплями кожаную куртку.

- Какого черта ты тут делаешь? - спросила она, скреживая руки на груди, стесняясь низкого выреза на сорочке. Ей стоило накинуть халат.

- Умоляю об убежище. Мне стоит повторить? Убежище?

- Ты преследовал меня? - спросила она. Прошлой ночью она летала в Марсель и обедала с ним. Она и не думала, что он будет преследовать ее до самой Германии.

- Я бы пришел раньше, но ошибся поворотом у Гензеля и Гретель. Девочка в красном плаще подсказала мне дорогу, и теперь я здесь, Белоснежка.

- Ты нашел дорогу сюда, Охотник. Найдешь и обратную, - ответила она. - Я не могу дать тебе убежище.

- Почему?

- Ты знаешь, что произойдет, если я тебя впущу.

- Именно то, чего мы оба хотим.

- Этого не должно произойти. И мне не нужно тебе объяснять почему.

Улыбка исчезла с его лица.

- Я нужен тебе, - сказал он.

- Это не важно. Я должна сделать это сама, одна.

- Ты не должна делать это одна. - Он сделал почти незаметный шаг вперед. Носки его промокших под дождем коричневых ботинок коснулись, но не пересекли порога. - Ты слишком многое делаешь в одиночестве.

- Я не могу тебя впустить, - ответила она и снова ощутила этот ком в горле.

- Он хотел, чтобы ты сделала это в одиночку?
- Нет, - ответила она. - Не хотел.
- Впусти меня.
- Это звучит как приказ. Я говорила тебе, кем являюсь. И ты знаешь, что я отдаю приказы.

Она уже чувствовала, как рушится ее решимость. Двадцатипятилетний, высокий, с глубоким загаром, темные волосы легкими волнами, которые требовали, чтобы женские пальцы снова и снова зарывались в них, ясные глаза цвета морской волны, унаследованные от его матери персиянки, и лицо, которое обязан вылепить скульптор, чтобы оно сохранилось, даже когда они оба превратятся в пыль и пепел.

...Как она могла отвернуться от него? Как вообще кто-то мог?

- Тогда прикажи мне войти, - сказал он.

Она закрыла глаза и ухватила за дверь, чтобы успокоить себя. Это было неправильно. Она знала это. Она поклялась себе до того, как увиделась с ним, что не будет делать этого, никогда, не с ним. Но затем она увидела его. И сейчас, после всего случившегося, и горя, которое угрожало поглотить ее, кто мог винить ее в том, что она использует его для успокоения? Один мужчина мог обвинить ее. Но было ли этого достаточно, чтобы остановить ее?

- Прикажи мне войти, - повторил он, и Нора открыла глаза. - Пожалуйста.

Она никогда не могла устоять перед мольбами красивого мужчины.

- Входи, Нико, - ответила она сыну Кингсли. - Это приказ.

Глава 2

Нора

Она захлопнула дверь за Нико и потянула его к камину. Нора помогла ему снять куртку и ботинки. Потрепанные, в слое грязи, его обувь была совершенно не похожей на сапоги для верховой езды Кингсли. Эти практичные ботинки были рабочими, со стальными носками.

- Мне стоит знать, как ты меня нашел? - спросила она, стряхнув грязь с ботинок Нико и поставив их сохнуть у камина.

- Я шел по твоему следу из хлебных крошек.

- Хлебных крошек?

- Возможно, в ресторане ты случайно оставила свою сумку открытой, и я мог случайно увидеть адрес в бланке подтверждения аренды.

- Сумку я случайно оставила открытой, - сказала она.

- Но не случайно увидел адрес. - Он стянул носки и запустил руки в волосы, стряхивая с них капли дождя.

- Каков отец, таков и сын, - вздохнула она. - Ты такой же пронырливый, как и Кинг.

- Ты сердишься?

- Нет, не сержусь. - Она прижала ладонь ко лбу и потерла распространяющуюся там головную боль. Нико убрал ее руку и с беспокойством посмотрел на нее.

- Хочешь есть? Или вина? - спросила она, прежде чем он успел спросить как она, вопрос, на который она не хотела отвечать. - И ты принес что-то с собой?

- В машине могут лежать одна или две бутылки «Розанеллы».

- Я не заставлю тебя их принести, - ответила она. Снаружи до сих пор бушевала гроза.

- Я принесу позже. Сначала о главном. - Нико взял ее за запястье и притянул ближе.

- Нико...

- Нет, - сказал он. - Не сопротивляйся мне. Позволь помочь.

Вздыхнув, Нора положила голову ему на грудь и позволила размять свою шею. Когда они встретились в декабре, с ней был Зак, и Нико, с его слов только его мать называла его Николя, показал ее редактору/другу/редкому любовнику все свое почтение. Но когда она месяц спустя снова навестила его, Нико не делал ничего, чтобы скрыть свое восхищение тем, что она была с ним. Ему едва исполнилось двадцать пять. Красивый и юный, и француз, по какой причине он хотел ее, почти на двенадцать лет старше его, и с долгой историей интимных отношений с мужчиной, который, как он узнал, был его биологическим отцом? Она получила ответ на этот вопрос, когда они прогуливались. Две женщины, мать и дочь, остановили их, спросив дорогу. Матери на вид было около сорока, а дочь возраста Нико. Обе были классическими французскими красавицами и хорошо одеты. Нико просто подмигнул дочери. Матери он улыбнулся так игриво, что даже его отец впечатлился бы. У сына Кинсли был фетиш на женщин постарше.

Что ж... как мило.

- Тебе больно, - сказал он. - Я чувствую это.

- Мне нравится боль, - напомнила она.

- Никто не любит такую боль. Я бы знал.

Она сочувственно опустила глаза. Мужчина, который вырастил Нико как своего сына, умер пять месяцев назад. Месяц спустя появилась она и сказала, что у него другой отец, из-за чего разошлись швы на его все еще заживающем сердце. Если кто-нибудь и понимал боль, которую она испытывала сейчас, это был Нико.

- Позволь мне сегодня облегчить твою боль.

- Как? - Она посмотрела на него. - Ты можешь воскрешать людей?

- Я могу тебя воскресить.

Она едва не сказала, что он был таким же высокомерным, как и его отец, но прежде чем она открыла рот, Нико поцеловал ее.

Нора нервничала словно девственница, ее губы дрожали под его поцелуем. Если бы это был кто-то другой, она бы удивилась новоприобретенной застенчивости. Нора никогда не была такой скромной, никогда не была стеснительной, никогда не была невинной. И все же, это был единственный сын Кингсли, и, переспав с ним, она утратит нечто дороже, чем ее девственность.

- Ты дрожишь, - прошептал в ее губы Нико.

- Я боюсь.

- Боишься? Чего?

- Не знаю.

- Я здесь, - прошептал он. - Тебе не стоит бояться.

Он здесь. Вот почему она боялась. Но страх не остановил ее, когда она открыла рот, чтобы ответить на его поцелуй. Он целовал ее вдоль подбородка к уху и прикусил мочку. Над пульсирующей точкой на шее он оставил долгий, томный поцелуй. Жар его рта распространялся до самого позвоночника. Его поцелуи были ни неуверенными, ни поспешными. Пока он целовал ее, мышцы расслабились, кожа покраснела от тепла, и страх исчез. Впервые за эти дни она ощутила себя человеком. С момента встречи в декабре, она и Нико еженедельно переписывались. Письма, звонки, он даже писал письма от руки. Письма она читала и перечитывала и отвечала на них. Письма, которые она сжигала прежде, чем кто-то сможет их найти.

Она откинула голову назад, и Нико поцеловал выемку на ее горле. Он обхватил руками ее шею и потер большими пальцами сухожилия плеч.

- Что это? - спросил он и взял цепочку на ее шее.

Нора сжала кулон в ладони. Она еще не могла говорить об этом. Он слишком много для нее значил. Особенно сейчас.

- Медальон со святым. Католическая штучка.

- Я знаю о святых. Я один из них, помнишь?

- Святой Николай рано принес мне в этом году Рождество, - ответила она, улыбаясь его поцелуям на ее шее. - Хотя секс с ним отправит меня в список грешников на вечность.

- Это мой список. А значит мне судить. - Он снял с ее плеча бретельку и провел кончиками пальцев по обнаженной коже. Ее тело задрожало, наслаждаясь прикосновениями его загрубевшей от работы ладони.

- Ты прекрасна в белом, - прошептал ей на ухо Нико и провел руками вниз по ее спине, скользя по шелку сорочки.

Нора ничего не ответила. Она купила белую сорочку для Сорена в их годовщину, праздник, которому не суждено теперь состояться.

Она отпустила медальон, и тот упал ей на грудь. Она обернула руки вокруг широких плеч Нико и прижалась грудью к его груди. На нем была обычная черная футболка и рабочие джинсы. На ней была шелковая сорочка. Он работал весь день и пришел к ней с грязью на ботинках. Всю неделю она плакала и пришла к нему с печалью в сердце.

- Я хочу провести всю ночь внутри тебя, - сказал Нико у ее шеи.

Она отстранилась от его объятий, но лишь для того, чтобы взять его за руку.

- Пошли навстречу, - сказала она. - В гробу выспимся.

Она отвела его в спальню. Он отпустил ее руку, чтобы позаботиться об угасающем огне. Он скормил ему сначала бумагу, затем лучину и затем бросил полено в дымящийся камин. Комната нагрелась и покраснела от тепла и пламени.

- А ты хорош в этом, - сказала Нора. - У тебя в доме есть камин?

- Два, - ответил он. Два. Нора прикусила щеку, чтобы сдержать смех. Она узнала от Нико, что, когда он был подростком, то провел год в Калифорнии и еще один год в Австралии. Хотя сейчас он жил во Франции, но овладел английским до такой степени, что его акцент был едва уловим. Все еще был, но, определенно, не такой явный, как намеренно усиленный акцент Кингсли. Но иногда акцент Нико проявлялся во всю мощь. - Тебе стоит приехать ко мне домой. Я хочу, чтобы ты его увидела.

Она отказалась от всех приглашений приехать в его дом, и вместо этого встречалась с ним в нейтральных местах - в Арле, в Марселе. Она знала, как только они окажутся наедине, в его доме, или ее, это произойдет. И так оно и было.

- Если я приеду в твой дом, ты заставишь меня работать? - спросила она, подходя к нему. Огонь потрескивал, и горящий пепел приземлился у ее ноги. Нико стряхнул его ладонью.

- Все работают на Розанелле.

- До сих пор не могу поверить, что ты именно такой.

- Почему? - Он улыбнулся ей.

- Кингсли не любит марать руки. Во всех смыслах.

- Думаешь, он стыдится того, что я фермер?

- Ты делаешь вино. Он пьет его. Он гордится тобой.

Признавал он это или нет, но Кингсли влюбился в идею быть отцом Нико. «Мой сын винодел», - иногда говорил он, и Нора видела гордость в его глазах. И Норе разбивало сердце то, что Нико до сих пор не ощутил гордость за своего отца, Кингсли.

- А ты? - Нико посмотрел на нее снизу вверх. - Ты гордишься мной?

- Это важно?

- Для меня важнее, чтобы ты гордилась мною, а не он.

Она провела тыльной стороной ладони по его лицу. Легкая щетина на его подбородке царапала ее кожу. Однажды она спросила его, что он каждый раз ищет, когда отправляется в постель с женщиной на десять, пятнадцать или двадцать лет старше него. Образ матери? Учителя? Тренера? - Мою Розанеллу, - ответил Нико, ссылаясь на название его самого продаваемого вина, - женщину, которая затмевает всех женщин.

- Да, мой Нико. Я тобой горжусь.

Они смотрели друг на друга. Ставни были закрыты. Один камин освещал и согревал комнату. Снаружи ветер и дождь бушевали так сильно, что она представила, что все, кроме нее и Нико, были стерты с лица земли. Только они вдвоем остались, единственные выжившие.

Нико опустил на колени, обнял руками ее талию и поцеловал сквозь ткань ее живот. Медленно он скользнул ладонями вниз по ее ногам и обхватил лодыжки. Нора запустила пальцы в его волосы, пока он целовал обнаженное бедро, выглядывающее в разрезе сорочки. Он скользил руками вверх по ее ногам. Все, что он делал всякий раз, когда прикасался, заставляло ее нервные окончания покалывать, а живот напрягаться. Сейчас его большие пальцы развели в стороны полы сорочки. Нора обхватила столбик кровати позади себя, когда Нико оставил поцелуй на вершине ее бедер. Она подалась навстречу ищущему ее клитор языку Нико.

- Что это? - спросил он, щекоча маленькое металлическое колечко.

- Пирсинг.

Нико изогнул бровь.

- С ним я поиграю позже.

- Можешь и сейчас.

Она шире развела ноги, и он скользнул одним пальцем между ее влажных складочек и проник внутрь. Он согнул палец и провел подушечкой по мягкому месту, которое там нашел.

Он подразнил ее языком, прежде чем с жадностью всосать клитор. Она прислонилась к изножью позади себя, чтобы оставаться на месте. В комнате стоял пьянящий аромат дыма. Тепло от камина подогревало ее внутренний жар. Она слышала рваное дыхание Нико, пока он лизал и целовал ее. Он развернул руку и добавил второй палец. Он развел пальцы, открывая ее для себя. Ее внутренние мышцы сжались вокруг его пальцев. Это было слишком. Она больше не могла ждать.

- Стоп, - приказала она. Нико подчинился и откинулся на руки. Она схватила его за футболку, и он поднял руки. Он расстегнул джинсы, а она бросила его футболку на пол. Под одеждой скрывались твердые мышцы - мышцы, появившиеся от работы на винограднике, а не в спортзале. Он использовал эти мышцы, чтобы встать и крепко прижать ее к себе. Она ощутила, как к ней прижимается его эрекция. Она подняла одну ногу и закинула ее на его бедро, открывая себя для него. Головка вошла легко, и Нико поднял Нору и опустил на себя, пронзая до упора. До кровати было пару шагов, и он отнес ее туда, положив спиной на бордовое покрывало.

Нико накрыл ее тело собой и медленно и чувственно погрузился в нее, посылая волну экстаза вдоль ее позвоночника к кончикам пальцев. Он вышел почти до самой головки и снова проник в нее, ее влажное тело не сопротивлялось ему. Он показал высшее мастерство в своем желании, пока двигался в ней, проталкиваясь вперед и отступая, выполняя древние шаги этого первобытного танца с мощным мужским изяществом. Казалось, он не торопился кончить, будто намеревался находиться в ней

всю ночь. Она провела ладонями по его торсу и остановилась на его поясице. Она ощущала, как наклонялись натянутые мышцы спины каждый раз, когда он входил в нее, и выгибались, когда выходил.

С каждым толчком Нора приподнимала ему навстречу бедра. Основание его члена задевало клитор, она подняла голову, чтобы кусать и целовать его плечи. Из нее вытекла смазка, покрывая бедра. Она подняла колени, чтобы еще больше открыться ему. Нора вдыхала его запах теплый и живой, похожий на новую весну, окружившую их в лесу.

Он опустил руку между их телами. Она задрожала под ним, ее голова откинулась назад, когда он обхватил двумя пальцами ее набухший клитор и погладил. Он мощно толкнулся в нее, и Нора ахнула, когда ее внутренние мышцы сжались.

Мир вокруг них замер, и воцарилась тишина. Нора даже не слышала грозы, потрескивающего камина, скрипа кровати. Все, что она могла слышать, это лязг металлической пряжки ремня Нико, его неровное дыхание и шлепающие звуки.

Каждая частичка ее тела напряглась, когда Нико навалился на нее и вздрогнув кончил. Он вышел из нее и оставил дорожку поцелуев от груди до живота. Снова опустив голову между ее бедер, впился в ее клитор. Ее спина напряглась, живот задрожал, она вдохнула и забыла, как выдыхать. Он протолкнул пальцы в ее истекающее соками лоно и снова довел ее до грани. Каждая мышца внутри судорожно сокращалась. У нее так долго не было секса, что сейчас ощущалось, будто недельная норма оргазмов обрушилась на нее за один раз.

Семя Нико вытекло из нее и попало на постель. Нора обернула руки вокруг него, и он обмяк, лежа на ней, покрывая ее плечи и шею чувственными поцелуями.

- Спасибо, - сказала она. - Я нуждалась в этом.

- Как и я. Несколько месяцев нуждался.

Он долго и страстно поцеловал ее, прежде чем встать.

Нико слез с постели и поднял футболку. Она наблюдала, как он собирается. Она любила эту часть, наблюдать за тем, как мужчина одевается после секса. Ей нравилось то, как Нико небрежно натягивал футболку, словно ему и не приходило в голову, что она будет наблюдать за ним и наслаждаться зрелищем.

- Ты куда?

- Тебе нужно выпить моего вина. Хочешь?

- Нико, если бы ты кончил в бокал, то я бы его выпила.

Он устоял на ней. Она действительно заставила сына Кингсли Эджа покраснеть?

- Мы оставим сбор этого винограда на потом. - С широкой улыбкой он оставил ее одну в спальне.

Нора медленно собралась с мыслями. Она кончила так сильно, что даже руки подрагивали. Это из-за секса? Возможно. Так же она весь день ничего не ела. Она ополоснулась в ванной и нашла Нико внизу, на кухне, откупоривающим бутылку красного вина. Он протянул ей бокал, и она поднесла его к губам. У него был сладкий пикантный аромат, и, когда она отпила, ощутила всю его силу. Сильное вино, как и его создатель.

- Parfait, - выдохнула она и опустила бокал. - Но, если я не съем что-нибудь, через два глотка опьянею.

- Садись, - сказал он и указал на огромное потрепанное кресло у камина. - Пожалуйста.

Она усмехнулась его рыцарству.

- Пожалуйста, - ответила она, присаживаясь и подтягивая ноги к груди. Сейчас она чувствовала себя расслабленной, обмякшей и использованной. Она почти могла заставить себя забыть о шкатулке на каминной полке. Почти. Но не совсем.

- Что это? - спросил Нико.

- Ничего. Думаю о том, сколько проблем будет из-за секса с тобой.

- Проблем с кем?

- С Кингом.

- Это его дело? - по его тону, Нора поняла, что Нико не планировал рассказывать Кингсли о сегодняшней ночи.

- Ты его сын. Это станет его делом.

Нико принес ей тарелку с сыром, крекерами и виноградом.

- Не волнуйся об этом, - ответил он. - Если он разозлится, мы скажем ему, что я воспользовался твоим горем.

- О, хорошая идея. Он может купиться на это, кроме той части, где ты пользуешься мной. - Она приняла тарелку и расположила ее на своем колене. - Он, в конце концов, знает меня.

- Быть с тобой было моим выбором, - ответил Нико. - Мой выбор, мои последствия. А не твои.

- Oui, monsieur. Merci beaucoup, - ответила она своим лучшим соблазнительным французским.

- Ты ведь знаешь, что я говорю на английском, - напомнил он ей, и взял виноградину с ее тарелки.

- Знаю, - ответила она. - Но и я говорю на французском. Спасибо твоему отцу за этот навык.

- Он заставил тебя выучить?

- Они с Сореном постоянно говорили на нем, пока я стояла рядом и как идиотка не понимала ни слова. Мне пришлось выучить его, чтобы понимать, что они говорят обо мне.

Нико сел на пол перед ней и обнял колени руками. Он выглядел совсем юным, сидя в такой позе, но, несомненно, сильным и мужественным. В приглушенном пламени камина она могла различить вены на его предплечьях и легкий пушок темных волос на коже.

- Как ты познакомилась с Кингсли? - спросил он между глотками вина.

- Как я познакомилась с Кингсли? Это сложный вопрос. Уверен, что хочешь узнать ответ?

- Я же спросил. - Он пожал плечами и в этот момент, с этим жестом, она увидела в нем его отца. Такого пренебрежительного. Такого типичного француза. Такого Кингсли.

- Почему ты хочешь знать?

- Я совсем его не понимаю, - признался Нико, и она увидела искорку печали в его глазах. Печали подходящей ей. Она поманила его пальцем, и Нико пододвинулся ближе, достаточно близко, чтобы поцеловать ее колено и опереться подбородком о бедро.

- Он многим не нравится, но его многие любит. И практически никто не понимает, - ответила она, лаская ладонью его шею.

- Но ты понимаешь его.

- Да. Но я и он, мы одинаковые во многих смыслах.

- Я хочу узнать его. А тебя хочу узнать еще больше.

- К сожалению, невозможно рассказать мою историю с Кингсли, не рассказав тебе историю обо мне и Сорене, - ответила она. - Это одна большая история, о нас троих.

- Тебе будет больно говорить об этом?

- Да, - ответила она. - Но небольшая боль никогда меня не останавливала.

- Ты мне расскажешь? - спросил Нико. Он взял ее за руку, переплетя ее пальцы со своими. Она посмотрела на их сцепленные ладони - его загорелая, мозолистая ладонь контрастировала с ее светлыми и изящными пальцами. Несколько мгновений назад он лежал между ее бедер, и только сейчас они впервые взялись за руки. В день, когда они встретились, она рассказала ему, кто он. Возможно, пришло время сказать, кем была она.

- Хорошо, время сказок. Но предупреждаю. Мне платят за мои истории.

- Я рассчитаюсь оргазмами.

- Договорились, - ответила Нора, и они рассмеялись. Боже, как хорошо было снова вот так смеяться. Несколько дней назад она могла поклясться, что больше никогда не засмеется. Он повернул руку и чувственно провел большим пальцем по центру ее ладони.

- Раз это Черный лес, мы превратим все в сказку, - начала она.

- Я люблю сказки.

- Тебе и эта понравится. Она начинается с нытья, но мощно заканчивается.

- Это настоящая сказка? Там есть и ведьмы, и феи? - подразнил он.

- Вроде того.

- И короли? - улыбнулся Нико.

- Определенно, - ответила она. - Один король. Одна королева.

- Что еще?

- Раз мы на территории братьев Гримм, мы сделаем все правильно, - ответила она. - Готов?

Нико поцеловал кончики пальцев Норы.

- Готов, - ответил он, посмотрев на нее пылающими глазами. Она все еще не могла поверить, что Нико здесь. Раньше она тайно желала его и хотела увидеть, и вот он - пришел к ней в грозу просить об убежище. Что еще магического могло произойти в эту ночь?

- Все сказки братьев Гримм начинаются и заканчиваются одинаково, - начала она.

Она сделала глубокий вдох и начала.

- Жил однажды... - Она замолчала, и позволила клинку горя снова проткнуть ее живот. Она приняла боль, дышала сквозь нее и отпустила ее. - Жил однажды... священник.

Глава 3

Элеонор

Она или умирает, или кончает. Элли пока не могла определиться.

- Что смешного, мисс Шрайбер? - спросила ее учительница.

Элли подняла голову и уставилась на лоб сестры Маргарет. Безопаснее, чем смотреть ей в глаза.

- Неа. Я... отличная скульптура, - ответила Элли, указывая на изображение на экране проектора перед классом по Богословию. - Ее там, если понимаете, убьют? Или... что-то еще?

- Не убьют, - улыбнувшись, ответила сестра Маргарет. - Хотя можно понять, почему ты подумала, что она умирает.

Сестра Маргарет вернулась к изображению святой Терезы Авильской, проецируемому на экран. Каждая пятница была посвящена какому-нибудь святому в Школе святого Ксавьера.

- Это знаменитая скульптура Жана Лоренцо Бернини называется экстаз святой Терезы. Тереза Авильская была мистиком. Кто-нибудь может ответить, кто такой мистик? Мистер Кейс?

Она указала на Джейкоба Кейса за передней партой.

- Эм... - начал он. - Люди, у которых был мистический опыт?

Элли закатила глаза. Он разве не знал, что нельзя давать определение тем же самым словом?

- Почти, - ответила сестра Маргарет. - В католической религии наше духовенство действовало как посредник между верующими и Богом. Мистики - это те редкие души, которые в глубоком смысле контактировали с Богом без посредника. В случае святой Терезы, к ней пришел ангел Господень. Давайте прочитаем ее собственные слова об этом. Страница триста семьдесят.

Они все перелистнули на нужную страницу, и в начале Элли прочитала:

Слева подле себя я видела ангела в телесном облике. Между тем Господь наш иногда желает, чтобы я видела ангела в телесном облике. Этот ангел не велик, а скорее мал и очень красив – его лицо пылает, словно он принадлежит к высшим ангелам, которые представляются нам огненными и называются у нас херувимами... В руке у него я вижу длинное золотое копье, на острие которого, кажется, блистает огонь. Этот ангел иногда является, чтобы вонзая свое копье мне в сердце, проникая им в самые мои внутренности.

- Как вы видите, - сказала сестра Маргарет, - скульптор пытался показать глубокую и внезапную близость с Богом, которую испытала святая Тереза, когда ангел пришел к ней и проткнул ее стрелой, и, мисс Шрайбер, кажется вы опять смеетесь. Не хотите ли поделиться с классом, что именно вас так веселит?

Элли ощутила, как глаза всех присутствующих направлены в ее сторону. Она очень хотела, чтобы сестра Маргарет перестала обращаться к ней. Может, если она скажет правду, сестра Маргарет усвоит урок.

- Ничего, - ответила Элеонор. - Разве что святая Тереза кончает.

- Простите? - возмущенно спросила сестра Маргарет.

- Ой, да ладно. Она откинула голову, у нее закрыты глаза, а рот приоткрыт. Ангел пронзает ее стрелой, и она вся в огне. Серьезно, проникая в ее внутренности? Я уже в очереди. Тоже хочу быть святой, если и меня ждет такое.

Весь класс взорвался хохотом. Только сестре Маргарет было не до смеха.

- Элеонор, - сказала сестра Маргарет, и больше ни слова.

- Знаю. Знаю. - Элли собрала свои книги и отправилась в кабинет завуча.
Снова.

К счастью, у завуча Уеллса сегодня не было времени на теологические споры. Он сказал ей прекратить говорить об оргазмах на уроках Богословия, и она пообещала отныне держать все комментарии при себе. Он только пригрозил ей, прежде чем отправить из кабинета. Забрав учебники из шкафчика, Элли ушла из школы и направилась домой.

Когда она повернула на Элм-стрит, ощутила что-то позади себя. Она оглянулась и увидела периферическим зрением машину. Проигнорировав ее, девушка продолжила идти. Машина последовала за ней, двигаясь достаточно медленно, чтобы держаться позади нее.

Наконец, водитель остановился и опустил стекло.

- Я потерял своего нового щенка, - сказал мужчина в машине. - Ты не сможешь мне его найти?

- Черта с два, - ответила она, заглядывая в машину почти привлекательного мужчины, сидящего за рулем. - Я видела этот особенный эпизод «Различных ходов¹».

- Тогда, может, сможешь мне отвезти мой Порше в гараж?

- Да, черт возьми!

Элли побежала к пассажирской двери, села в машину и бросилась в объятия водителя.

- Пап, что ты здесь делаешь? - она крепко прижалась к нему и поцеловала в щеку.

- Я несколько недель не видел свою девочку. Думал, ты захочешь устроить со мной тест-драйв.

Она захлопнула за собой дверь.

- Тогда поехали.

Ее отец завел машину и выехал на дорогу. С отцом за рулем, Порше двигался по узким улицам города со скоростью изящного гепарда. Элли без напоминания пристегнулась. Как только они выбрались на шоссе, ее отец поддал газу и скользил из одной полосы в другую. Он знал, где все радары, и с ним всегда был радар-детектор.

- Она мне нравится. - Элли провела руками по приборной панели. - Настоящая кожа.

- Где ты ее взял?

- Одолжил у друга.

- Могу я сесть за руль?

- У тебя есть водительские права или страховка?

Элли посмотрела на него.

- Пап.

- Ладно.

Он съехал с шоссе и на парковке у заправки они поменялись местами.

- А теперь спокойно, - предупредил он ее, когда она завела машину. - Она как перышко. Космический корабль и тот не так быстро набирает скорость.

- Потому что у космического корабля нет под задом такого двигателя.

Элли поставила ногу на педаль газа и надавила на нее. Гравитация врезалась в ее тело, но она и ее желудок проигнорировали давление и не отступили. Ее отец был хорошим водителем. Она была еще лучше. Она управляла машиной как автогонщик. Вся мощь и скорость. Она вела как пилот Формулы 1 - с чисто женской утонченностью. Порше требовал изящества. Двигатель располагался сзади, а не

---

¹ комедийный сериал

спереди, и многие новоиспеченные владельцы Порше разбивали своих деток по дороге домой из салона, потому что не знали, как обращаться с задним двигателем.

Она свернула на шоссе и вскоре они мчались по живописной двух полосной магистрали на скорости восемьдесят миль в час².

Ее отец откинулся на спинку, излучая спокойствие, несмотря на то, что деревья мимо них проплывали размытым коричневым пятном.

- Держи ровно. Не прыгай по педали газа.
- Я не прыгаю. Я давлю. Обожаю эту машину.
- Я ведь не отвлекаю тебя? - спросил отец.
- Неа. Только от свидания с чрезвычайно религиозным, слишком старым парнем.
- Мне следует кого-то убить?
- Он уже убит. Нужно написать работу по Иисусу.
- Хорошо, с Иисусом ты можешь встречаться. Но больше ни с кем.
- Он единственный знакомый парень, который не раздражает меня, - ответила она.

- У тебя никогда не будет парня, если будешь так относиться к ним, так что... продолжай в том же духе.

- Я не хочу парня. Все парни в школе ослы.
- Рад слышать, что мне пока не придется ни в кого стрелять. Мне даже нравится мысль, что у тебя вообще не появится парень. Никогда.
- Не переживай. Для меня нет мальчиков.
- Девочки? - он одарил ее твердым «я должен знать кое о чем» взглядом.

Она покачала головой.

- И девочек тоже.
- Слава Богу.
- Я хочу мужчину.
- Где мой пистолет.
- Вот здесь.

Элли прибавила скорости.

- Мама говорит, мне запрещено ходить на свидания. Думаю, навсегда. Она не считает меня взрослой.

- Ты знаешь свою мать. Она не хочет, чтобы у тебя были такие же проблемы, как и у нее.

- Ты говоришь о беременности в семнадцать? И чья в этом вина?
- Элли, заткнись и веди машину.
- Прости, пап.

Элли закрыла рот и сосредоточилась на поворотах шоссе. Они могли и не добраться куда-то по этим черным дорогам, но именно в этом и состояло все веселье вождения. Следуя за поворотами, встречать неизвестное, смотреть смерти в лицо. Точно, как в школе, кроме части с весельем.

Пока они ехали куда-нибудь, Элли заметила, как отец изучает ее.

- Что? - спросила она. - Что-то не так?
- Ты похожа на свою мать.
- Ты хочешь, чтобы я тебя прямо здесь высадила? - она указала на пустошь вокруг них.
- Твоя мать очень красивая женщина.
- Она очень сумасшедшая женщина, которая сводит меня с ума. Я упоминала про сумасшествие?

---

² 128 км\час

- Что такого сумасшедшего она делает?

- Наш священник, Отец Грег, болен. Мама поклонялась ему, поэтому и расстроена.

- А ты боготворила его?

- Он назвал меня Эллен.

Элли развернулась на шоссе.

- Мне нужно делать домашнюю работу, - сказала она. - Мне нужно домой.

- Без проблем. Был рад увидеть свою девочку.

- Фу. Не называй меня так.

Отец рассмеялся и взъерошил ее волосы. Может, ей стоит разбить машину так, чтобы она ударилась с его стороны...

- Прости, малыш. Ты слишком быстро растешь.

- Ты же знаешь, что меньше чем через три недели мне будет шестнадцать.

- Боже, ты заставляешь меня чувствовать себя старым. - Он тяжело выдохнул. Ее отец не был старым. Ему только тридцать пять. И он бы выглядел на свои тридцать пять, если бы не такая тяжелая жизнь. Он слишком много пил, делал то, что не стоило, общался с плохими, пугающими людьми. Но, тем не менее, не заставлял ее ходить в церковь или делать домашнюю работу, так что, выбирая между ним и мамой, она знала, с каким из родителей захочет провести время.

- Скорее бы уже повзрослеть. Поверь, я считаю минуты до своего дня рождения. Водительские права, я уже бегу.

Элли улыбнулась перспективе ездить самой в школу, ездить по городу, ездить, где пожелает, особенно вдали от мамы, ее дома и ее жизни.

- Элли?

- Что?

- Ты же знаешь, что я не могу купить тебе машину, верно? И мама тоже не может.

Ее живот скрутило в узел.

- Пап, ты два года назад мне пообещал...

- Два года назад у меня было много денег, нежели сейчас.

- Что случилось?

- Жизнь. Бизнес не так хорошо идет.

- Бизнес не так хорошо идет, - повторила она. - Ты об угоне машин и их перепродаже? Это они пострадали от кризиса?

- У тебя острый язык, - ответил отец, и из его голоса исчезла вся любовь.

- Если ты не собирался мне покупать машину, то и не стоило обещать.

- Хочешь эту?

- Это ты в семье угонщик машин, а не я.

- Ты можешь дать мне пять гребаных секунд, пожалуйста?

Элли остановилась в квартале от своего дома, где мать не увидит ее со своим отцом.

Она заглушила двигатель и сидела молча.

- Элли... детка... прости. Я бы хотел купить тебе все, что ты пожелаешь, но сейчас не могу. Я должен кое-кому денег. И должен вернуть долг.

- Как скажешь.

- Не делай так. Ты знаешь, я люблю тебя, и сделаю для тебя все.

- Знаю, - ответила она, хотя и не была в этом уверена. - Мне нужно идти.

Ее отец схватил ее за плечо, развернул и неуклюже поцеловал в щеку.

- Не злись на папу. Он делает все, что может.

- Передай папе, что я не злюсь. - Ее плечи поникли. Ее сердце поникло. Ее надежды поникли. - Я просто хочу, чтобы все было по-другому.

- Ну, да... мы оба, ребенок.

Она слабо улыбнулась и выбралась из машины.

Элеонор закрыла дверь и пробормотала под нос:

- Не называй меня ребенком.

Пока она шла последний квартал, то пыталась подавить слезы разочарования. Два года назад, на ее четырнадцатый день рождения, он пообещал ей от всего сердца и души, что купит, когда ей исполнится шестнадцать, машину. И она поверила ему, хотя глубоко в душе знала, что он все время обещает что-то и никогда не исполняет этого. Обещаю, что мы увидимся на Рождество. Обещаю, что приду на школьный спектакль. Обещаю, что найду новую работу, чтобы ты не волновалась за меня. Обещания сыпались, но не исполнялись. Однажды она это поняла.

Может, в этом была ее вина. Может, никто не мог доверять своим словам. Она хотела бы, чтобы в ее жизни появился человек, которому было не наплевать на нее, и он бы сдерживал свои обещания. Хоть раз в жизни она хотела иметь кого-то, кто бы обращался с ней так, будто она что-то значит.

Миленькая розовая мечта. Такая же осуществимая, как и трах с ангелом, как у святой Терезы.

Элеонор отперла заднюю дверь и вошла на кухню. На подъездной дороге стояла машина, но где была ее мать? Мама работала ночную смену менеджером в мотеле и на полставки - бухгалтером в небольшой строительной компании. Если она не была на работе, то или спала, или сидела за кухонным столом с бухгалтерскими книгами и счетной машинкой. Элеонор приготовила себе ужин, миску хлопьев и пошла кушать в гостиную.

Она нашла маму в потрепанном халате, утирающей слезы и свернувшейся калачиком на диване, обитом тканью в турецкий огурец.

- Что случилось? - спросила Элли. Мама вытерла лицо салфеткой. - Умер отец Грег?

- Нет, - ответила мама, заправляя за ухо прядь волос. - Но, вероятно, он не вернется. Не в ближайшее время.

- Мне жаль, - сказала Элли, по-турецки сев на пол. Мама никогда не разрешала ей есть на мебели, что совсем не имело смысла. Мебель была старой, изношенной и покрашенной. Как что-то маленькое как хлопья могло сделать еще хуже, чем было. - Что же произошло?

- У нас будет новый священник, - без малейшего энтузиазма ответила мама.

- Это же хорошо, верно?

- Нет, не хорошо.

- Почему?

- Новый священник...

- Что?

- Он иезуит.

- Кто?

- Иезуит, - повторила мать. - Это орден священников. Они основали твою школу, хотя я не думала, что иезуиты преподают.

- Они плохие священники?

- Они ученые, - ответила она. - Занимаются наукой. И очень, очень свободных взглядов.

- Это плохо?

- Иезуиты... Они могут быть... может, и нормальными. Я бы предпочла любящего пастуха, нежели ученого.

- Ну, - сказала Элли, зачерпывая порцию хлопьев, - может, тебе повезет. Может, этот новый священник очень любит овец.

Мать смерила ее взглядом.

- Знаю. Знаю, - второй раз за день сказала она. Она собрала еду и книги и пошла в свою комнату. Неужели никому не нравится находиться рядом с ней?

Она доела свои хлопья в комнате и начала доставать домашние задания. Но как она вообще могла думать о заданиях, когда происходило столько дерьма? Ее папа не купит ей машину на день рождения, как обещал. У мамы был нервный срыв из-за нового священника. И ей исполнится шестнадцать через пару недель, ни парня, ни денег, ни машины, ни надежды, что все наладится, ни сейчас, никогда. Живот скрутило так, будто туда кто-то ударил. Голова болела, и в горле першило. Она не знала, хотелось ли ей кричать или плакать одновременно.

Вместо этого она пошла в ванную и заперла дверь.

Она включила свою плойку и села на унитаз, в ожидании пока та нагреется.

Пять минут спустя Элеонор стояла перед тумбочкой, закатывая левый рукав. Она взяла плойку и задержала дыхание.

Легко. Ты сможешь. Она начала отсчет.

Три.

Два.

Один.

На счет «один» Элли прижала обжигающий металл к левому запястью. Она заскулила, когда боль проникла прямо в ее душу. Она подняла плойку, затем прижала ее ниже. После целой секунды она убрала плойку и бросила ее на тумбочку.

Элли дышала сквозь боль, не сражалась, но принимала ее, наслаждалась ею, позволяла напомнить ей, что она была живой и могла ощущать все, что хотела. В школе были парни, которые бы плакали как сучки, если бы их так обожгли.

Элли опустила рукав на ожоги и выключила плойку. Она вернулась в комнату и села на кровать, ее руки все еще подрагивали. Она открыла учебник по математике и вытащила карандаш.

Сейчас она чувствовала себя гораздо лучше.

Глава 4

Элеонор

В утро субботы Элли решила, что больше никогда не вернется в церковь. Она размышляла об этом с тех пор, как обнаружила маму плачущей на диване. Всю свою жизнь ее мать хотела стать монахиней. Она мечтала о том дне, как произнесет клятвы и примет одеяние, как другие девушки мечтали о свадьбе. Но в семнадцать она влюбилась в красивого волшебника по имени Уилл и спустя несколько месяцев вышла замуж и забеременела, и не в таком порядке.

И вот она сейчас, шестнадцать лет спустя, разведена, работает на двух работах и ходит в церковь пять дней в неделю, потому что только церковь придавала ее жизни смысл. Но жизни Элли она не придавала никакого значения. Она вообще сомневалась, существовал ли Бог. Она считала католическую церковь глупой, раз та запрещала контрацептивы и говорила, что священникам нельзя жениться. Соберись, черт возьми. Или люди должны размножаться и плодиться, или же быть безразличными и

бездетными. Церковь не может следовать двум путям. Лицемерие вызывало у нее отвращение. Католическая церковь была большим бизнесом, и все они работали на нее.

Поэтому она уходила. Теперь как это сообщить маме?

Элли поморщилась, когда мать постучала в дверь.

- Что? - прокричала она, схватила подушку и прижала ее к лицу.

- Элеонор Луиза Шрайбер! Сейчас же вылезай из постели.

Началось. Сейчас или никогда. Она набралась смелости и крикнула с большей уверенностью, чем ощущала...

- Я не пойду.

- Что?

Элли подняла подушку.

- Я сегодня не пойду на мессу. - Она отчеканила каждое слово. - Я буддистка!

- Элеонор, сейчас же вставай и собирайся на мессу.

- Я атеистка. Я превращусь в пепел, как только переступлю порог церкви. Всем будет только лучше, если я буду держаться подальше от этого места.

Ее мать зарычала.

- Не знаю, что это было, но я не собираюсь с тобой спорить.

- Тогда не спорь. У меня есть гражданские права. Ты не можешь заставить меня идти в церковь против моей воли.

- Пока ты несовершеннолетняя и живешь в моем доме, могу.

Элли села и посмотрела маме в глаза. Хватит шуток. В этот раз она была серьезна.

- Мам, - сказала она, ее голос был как можно более спокойным и разумным, - Я больше не хочу играть в эти игры.

- Церковь не игра.

- Она не настоящая.

Сначала ее мать ничего не ответила, но и не ушла. Плохой знак. Ее мать не сдалась. Мама собиралась достать козырную карту – чувство вины.

- Отец Грег скоро официально уходит на пенсию. Он не вернется. Сегодня вступает в должность новый священник. Если новый священник наймет кого-то, ты больше не будешь получать стипендию в Святом Ксавьере. Мне нужно, чтобы ты помогла мне произвести хорошее впечатление.

Элли пожала плечами.

- Плевать. Отправь меня в государственную школу. Больше не будет униформы. - И драк в автобусе. Больше не будет высмеиваний из-за того, что ее отец сидел в тюрьме. Больше не будет поддразниваний из-за ее груди, которая, казалось, не хотела переставать расти. Больше не будет крови на коленках.

- Элеонор, я серьезно.

- Мама, я серьезно. Ты должна прекратить превращать меня в молодую версию себя, за вычетом ребенка, которого ты не хотела. Иди без меня. Для меня не существует церкви. Ни сейчас. Ни когда-либо.

Элли откинулась на кровать. Она знала, что та не услышала последнюю фразу, но, может, победа в битве будет началом победы в войне. Накрыв лицо подушкой, Элли попыталась снова заснуть.

Она ждала удаляющихся шагов матери. Но вместо скрипа половиц, она слышала шепот. Элеонор из-под подушки взглянула на маму. Как жаль, что мать так сильно ненавидела мужчин. Ее отец был прав. В тридцать три мать все еще выглядела юной и красивой. По крайней мере, она могла быть красивой, если бы постаралась. Без макияжа. Она никогда ничего не делала со своими волосами. Она носила мешковатую

одежду, как одеяние монахини. Элли, возможно, понравился бы отчим. Было бы хорошо иметь рядом мужчину, которому на самом деле не наплевать на нее.

- Мам? Что ты делаешь?

- Молюсь святой Монике. - Глаза мамы оставались закрытыми. Она сжала свой медальон в руке.

- Святой Монике? Она была мученицей или мистиком?

- Ни то, ни другое. Она была матерью.

- Хорошо. Ненавижу мучеников. - Тупые девственные мученики. Между свадьбой и смертью, они выбирают смерть. При любой возможности она бы выбирала член, а не смерть. Почему ей никто не предлагал такого выбора?

- Она была матерью святого Августина. Он тоже был своевольным, непослушным ребенком. У него была любовница, и та родила от него внебрачного ребенка. Он веселился, играл и не заботился о Боге. Но его мать, Моника, была христианкой, она снова и снова молилась за него. Молилась изо всех сил, чтобы ее ребенок узрел истину Евангелия и обратился к нему. Бог услышал ее молитвы, и святой Августин сейчас один из докторов церкви.

- У церкви есть доктора?

- Есть.

- Тогда почему она до сих пор такая больная? Они должны быть дерьмовые доктора?

Ее мать снова перестала говорить, перестала шептать, перестала молиться. Но все еще не уходила.

- Элли... - Сейчас тон ее голоса был мягче, добрее, снисходительным. Плохой знак.

- Что. Сейчас. Мама?

- Мари Роуз сказала, что новый священник должен быть красивым.

- Мам, он священник. Это мерзко. - Она снова прижала подушку к лицу.

- Он ездит на мотоцикле.

Элли убрала подушку с лица.

- На мотоцикле?

- Да. - Ее мать улыбнулась. - На мотоцикле.

- Каком? Не какая-то дерьмовая развалина из Японии, верно?

Ее мать покачала головой.

- Что-то итальянское.

- Веспа? Это скутеры, а не мотоциклы. - Элли захохотала, представив священника с колораткой на маленьком скутере Веспа.

- Нет. Что-то начинающееся на Д. Ду- что-то там...

Глаза Элли распахнулись.

- Дукати?

- Что это?

Она знала о Дукати, но никогда не видела их вблизи. Она бы убила за возможность оседлать Дукати. Ощутить эту мощь. Всю эту свободу. Что бы она отдала...

Умрет ли она, если пойдет еще один раз в церковь? Еще один час? Еще одна месса? Она могла увидеть байк, может, даже потрогать его, затем уйти.

- Ладно. - Элли сбросила одеяло. - Я иду. Но я иду ради Дукати, а не ради Бога.

Ее мать захлопнула за собой дверь, и Элли выбралась из кровати. Схватив школьную юбку, она направилась в ванную. Месса или нет, ей, так или иначе, пришлось бы встать. Ее мочевого пузырь был готов взорваться, пока она спорила с мамой.

Она прижала руку к окну в ванной и ощутила лишь комнатную температуру стекла. Хорошо. Утро теплое. Ей не придется надевать чулки под юбку.

Ее волосы выглядели так, будто принадлежали сумасшедшему человеку, так как она легла спать, не высушив их. Никакая плойка или расческа не усмирят их. Она взяла бутылку зеленого геля для волос и распределила его по волосам, приручая дикие пряди так, чтобы было возможно их завязать в хвост.

Элли засунула ноги в свои черные армейские ботинки. Осторожно черным карандашом обвела глаза. Она была низкой, а сиськи слишком большими, по крайней мере, она могла перенять макияж из образа «Героинового шика».

В спальне она нашла самую плотную фланелевую рубашку и накинула ее поверх футболки Pearl Jam. Поверх рубашки она надела зеленый жакет в стиле милитари.

Элли запрыгнула на заднее сидение их старого Форда и, как только закрыла за собой дверь, мама начала сдавать назад по подъездной дорожке.

- Я хочу, чтобы ты поздоровалась с новым священником, если выпадет шанс. Отец Грег попросил меня вести его книги, после того как сам он больше не мог справиться с этими обязанностями. Этот молодой священник может захотеть все изменить.

- Я скажу привет. А потом угоню его Дюка и укачу в закат.

- Его что?

- Дак. Дюк. Дукатис. Не важно.

- Я постараюсь быть непредвзятой к новому священнику. По крайней мере, ты можешь дать ему шанс, - ответила мама.

- Я ведь еду? Но только ради мотоцикла. Я же упоминала эту часть?

Мама рвано вздохнула.

- Ты должна ходить в церковь ради Бога, а не по другой причине.

- Говорила же, я не думаю, что верю в Бога.

- Бог везде. Он в каждом. Мы все создаем его в своем воображении.

- Я еще не встречала того, кто был бы похож на Бога.

- Сколько еще людей понадобится, чтобы достучаться до тебя? Бог сказал Аврааму, что пощадит Содом и Гоморру, если в городе найдется десять праведников. Только десять.

Элли думала об этом, думала о мальчиках в школе, которые были мудаками в кедах, об учителях, который не делали ничего, кроме наказаний, об отце, который не мог сдерживать обещаний ради спасения своей жизни, о матери, которая заталкивала ей в глотку религию...

Ни в одном из них она не видела Бога. Даже в себе.

- Десять? Мам, клянусь, мне хватит одного.

Если она встретит одного единственного человека, который покажется ей святым, праведным, добрым, самоотверженным, умным и мудрым, который будет сдерживать обещания и мельком заботится о ней? Может, тогда она и поверит.

- Только одного? - с недоверием спросила мать.

- Ну, один человек и небольшой акт, как у святой Терезы не повредит. - Элеонор улыбнулась, и мама с отвращением покачала головой.

- Знаешь, все, что я когда-либо хотела, это дочь, любящую Бога, которая ходит в церковь, уважает своих священников и, может, даже, немного уважает свою мать. Думаешь, я о много прошу?

Элли обдумывала этот вопрос целую секунду, прежде чем дать ответ.

- Ага.

Как только мама припарковалась у Пресвятого Сердца, Элли выпрыгнула из машины. Мама, возможно, и могла заставить ее пойти в церковь, но она и не думала сидеть рядом с ней.

Элли вошла в святилище и заняла место у северной части алтаря, где лежит Евангелие, с левой стороны, обращенной к алтарю. Давным-давно, замещающий священник объяснил разницу между стороной с Евангелия и стороной Послания, или правой стороной. Так же это был тот же священник, который научил всех, что Аминь правильнее переводится «да будет так». Это удивило ее. До него она всегда думала, что Аминь обозначает «конец связи».

К тому времени как она пришла, скамья, где она привыкла сидеть, уже была занята, так что вместо сидения под ее любимым витражным окном, ей пришлось сесть на проходе. Все в порядке. Отсюда она лучше рассмотрит нового священника. И если он ей не понравится, она может «случайно» наступить на подол его ризы. Упс.

Она стянула жакет, взяла молитвенную книгу и вернулась к книге дня. Из своего рюкзака она достала копию «Права на спящую красавицу» и поместила ее между страниц. Она слышала, как какие-то девочки в ее классе по немецкому хохотали над ее копией. Одна из них украла ее у старшей сестры. Гадость, говорили они. Мерзость, говорили они. Так пошло. Они не могли поверить, что люди на самом деле делали это, говорили они. И, конечно же, Элеонор украла копию из государственной библиотеки. И сейчас, уже третий раз перечитывая ее, она не могла понять, почему эти девочки из ее класса называли книгу мерзкой и противной. Элли влюбилась в историю о сексуальном рабстве в сказочном мире королей и королев. И еще лучше того, главной героине, Красавице, тоже было пятнадцать, как и ей. Пятнадцать плюс еще сотню лет, которые она проспала под заклинанием. Может, Элли так же находилась под заклинанием и не знала об этом. Может, она заснула, и все происходящее было сном, плохим сном, где ее отец был вором, а мать вообще не хотела рожать свою дочь. Может, однажды придет принц и поцелует ее, займется с ней любовью, и она проснется, чтобы понять, что она была королевой.

Элли перевернула страницу, и зазвонили колокола. Она закрыла книгу и поднялась на ноги.

Начался гимн.

Элли посмотрела на дверь святилища и увидела нового священника.

Сон закончился. Заклятие разрушено.

Элли проснулась.

Глава 5

Элеонор

По проходу между рядами церкви, позади крестоносца и дьякона, шел мужчина - мужчина со светлыми волосами и лицом Бога. Он смотрел вперед так сосредоточенно и серьезно, что она проследила за его взглядом, указывающим на алтарь, проверить ждал ли его Иисус.

Проходя мимо ее скамьи, он повернул голову и на долю секунды посмотрел ей в глаза. Книга в ее молитвеннике выпала из рук и приземлилась на пол. Она даже не шевельнулась, чтобы поднять ее. Та так и осталась там лежать, забытая, забытая как все и вся в этом мире. Все и вся, кроме этого мужчины, который сейчас шел к алтарю и встал перед церковью.

Под воротником его облачений она увидела кусочек черного с белым квадратом.

Этот мужчина, самый красивый мужчина, которого она когда-либо видела в своей жизни, этот мужчина, который был олицетворением ее голода, каждого ее желания и каждой тайной полуночной фантазии... Этот мужчина был ее новым священником?

- О мой Бог... - прошептала она, но не знала адресовалось ли это Богу на Небесах или Богу перед ней.

Элеонора перекрестилась, когда перекрестилась вся церковь. Она продолжала стоять, пока остальные стояли.

- Во имя Отца, и Сына и Святого духа, - проговорил новый священник, и вместе с прихожанами Элли ответила.

- Аминь.

Его голос, богатый и звучный, эхом отдавался от стен церкви. Его слова обволакивали ее словно золотым шнуром и притягивали к нему. Святилище светлело с каждым его произнесенным словом, словно само солнце приблизилось, чтобы его послушать. Однажды зимой она видела мужчину на углу улицы, играющего на старой виолончели. Виолончель в зимнюю ночь посреди замерзшего города - так звучал его голос.

Она села, когда приход сел, и даже сидя ее сердце возвышалось.

Женщина читала Ветхий завет.

Мужчина читал Новый завет.

Священник читал Евангелие.

Она не слышала ни единого слова. Она слышала только музыку. Даже когда начались и окончились гимны, она все еще слышала музыку.

Она опустила на колени, когда прихожане опустила на колени, и помолилась, когда прихожане помолились. И когда пришло время вставать для Эвхаристии, она снова встала.

На ногах, которых больше не чувствовала, девушка неуклонно шла к алтарю. Хотя она и шла по собственному желанию, все же чувствовала напряжение. Этот золотой шнур сам собой обернулся вокруг ее сердца, и она была готова идти куда угодно за ним. Он вел ее к нему.

С каждым шагом она приближалась к нему, шнур затягивался, и все же, чем сильнее он стягивал, тем больше радости она испытывала.

В ее голове промелькнули картинки. Взмах белых крыльев. Горящая стрела. Витражи под ногами. Его руки на ее лице. Его губы на ее губах. Его рот на ее груди. Его кожа на ее коже. Его тело внутри ее тела. Его сердце в ее сердце и в его руках...

От дьякона она взяла облатку, произнесла «Аминь» и целиком ее проглотила.

От священника она приняла чашу с вином. Поднесла чашу к губам, и рукав ее рубашки сполз, обнажая ее руку и два следа от ожога на запястье. Она посмотрела ему в глаза и увидела некую вспышку в них, что-то, что не смогла описать словами. Как будто он узнал ее, как будто он где-то видел ее прежде и сейчас пытался вспомнить где. Она знала, что никогда не видела его. А если и видела, то никогда бы не забыла.

Золотой шнур затянулся еще сильнее.

- Кровь Христа, - прошептал он мягче, чем говорил другим, так тихо, что она наклонилась ближе, чтобы его расслышать.

- Аминь.

Их пальцы соприкоснулись, когда она вернула ему чашу, и Элли вернулась на свое место. Она подобрала свой роман с пола, закрыла его и запихнула в рюкзак.

Месса закончилась. Все были благословлены идти с миром. Но Элеонор не ощущала спокойствия, и не ощутит его, пока не поговорит с ним.

С ним? С кем «с ним»? Когда дошла до вестибюля церкви, Элли поняла, что не знает, как звали нового священника. Она должна узнать. Сейчас.

Она увидела, как ее мать шепчется с группой пожилых женщин у двери флигеля. Вероятно о том, что новый священник был слишком юн, слишком неопытен, слишком симпатичен. Как будто такое сочетание бывает.

- Хороший день. Я иду домой, - обратилась она к матери и поспешно ретировалась, прежде чем та успела что-то возразить.

Все прихожане окружили их нового священника. Но ей все равно удалось его увидеть. Он возвышался над большинством из них. Должно быть, он был ростом в шесть футов или больше. Смотря поверх толпы, он встретился с ней глазами, словно искал. Она беззвучно произнесла: «Я буду ждать тебя».

Она проскользнула через боковую дверь и принялась наблюдать за тем, как разъезжаются машины. Вскоре на стоянке не осталось ничего, кроме блестящего черного мотоцикла. Даже с противоположной стороны парковки она могла разглядеть его очертания, хромированные детали, сияющие на мартовском солнце. Она никогда не видела ничего прекраснее, кроме мужчины, пересекающего тротуар в его направлении. Осторожно, как можно тише, она вышла из тени и последовала за ним к мотоциклу.

Он оставил черное облачение духовника. Отец Грег всегда носил обычную черную рубашку и черный жакет поверх нее, обычно без белой колоратки. Но этот священник был в более официальной и тяжелой черной рубашке священника. Для нее она выглядела европейской. Она никогда не видела священника, выглядевшего так... Она не могла подобрать слово. Элегантно?

Он дошел до мотоцикла, остановился, но не обернулся.

- Я все думал, куда ты пошла, - сказал он, снимая шлем с руля. Он развернулся к ней лицом. - Ты сказала, что будешь меня ждать.

- Вы идиот. Вы ведь знаете это? - спросила она.

Он изогнул бровь. Элли засунула руки в карманы и уставилась на него.

- Разве?

Он сел на мотоцикл, и она шагнула перед ним.

- Вы хоть представляете, что у вас между ног? - спросила она.

- Я хорошо осведомлен о том, что у меня между ног, - ответил он, не переставая улыбаться. Она прищурилась на него и подошла ближе, зажав переднее колесо между коленями.

- Тогда вы знаете, что это «Дукати». 907 I.E, - сказала она.

- Правда?

- Он черный. Никогда не видела черного. - Она обошла байк. - Вы хоть представляете, сколько стоит этот «Дак»?

- Думаю, небольшое состояние. - Он повесил шлем на руль.

- Ага. Небольшое. И где же ваш стопор?

- Pardon?

- Ваш дисковый стопор. Нельзя оставлять «Дукати» на парковке без стопора, если только вы не тупой преступник или хотите, чтобы его угнали. Какой из двух вариантов?

- Преступно тупой.

- Значит, признаете это?

- Нет, я исправляю твою грамматику. Я и не думал, что пригород Коннектикута такой опасный район. Мне стоит бояться? - спросил он таким тоном, будто знал что такое страх, но только в теории, а не на практике.

- Если бы у меня было что-то столь же ценное, я бы повесила на это замок.

Он улыбнулся ей.

- Я собирался.

- Это хорошо. Тогда ладно. - Она стояла там и не знала, что еще сказать. Несколько вещей, которые пришли ей на ум, были слишком поспешными. Наподобие «Я люблю тебя» и «ты женишься на мне?»

- Скажи мне свое имя.

- Элли.

- Это сокращенное от...?

- Элеонор. Элеонор Луиза Шрайбер к вашим услугам. - Она приподняла концы юбки и присела в самом саркастичном реверансе. - А ты кто, черт возьми?

- Попробуй снова. Вежливее, пожалуйста.

Она ковыряла носком ботинка землю.

- Ну?

- Ладно. Как вас зовут, Отец?

На мгновение он изучал ее лицо, но не отвечал.

- Разве вы не знаете своего имени?

- Я обдумываю, как ответить на вопрос. А пока позволь сказать вот что. Рад наконец познакомиться с тобой, Элеонор.

Он протянул левую руку для рукопожатия. У нее не было выбора, кроме как протянуть свою левую руку. Как только ее ладонь оказалась в его, он обхватил ее пальцы и притянул к себе. Он задрал ее рукав и изучил два следа от ожога на запястье.

- Эй, какого дьявола вы творите? - спросила она, пытаясь вырвать свою руку. Он не отпустил ее, просто удерживал на месте всей своей невероятной силой.

- У тебя на руке ожоги второй степени и много царапин на коленях. Потрудись рассказать, откуда они?

- Не вашего ума дело.

Священник изучал ее прищуренными глазами цвета стали. Казалось, он не был оскорблен ее словами.

- Элеонор, - сказал он. - Скажи, кто причинил тебе боль. И скажи сейчас же.

Она ощутила силу его воли, словно на нее давила стена.

- Нет. Вы даже имени своего не назвали.

- Если я скажу свое имя, ты расскажешь об ожогах?

Он отпустил ее руку, и она притянула ее к себе и прижала к животу. Все ее тело трепетало от прикосновения его руки к ее руке, от того, как упорно он ее рассматривал.

Она стояла неподвижно и молчала, а он изучал ее лицо до тех пор, пока Элли неохотно не посмотрела ему в глаза.

- Вы никому не расскажете то, что я вам расскажу? - Она не была в восторге от идеи рассказать кому-либо что-то столь личное, но по какой-то причине, причине, которую она не могла объяснить, она доверяла этому мужчине, этому священнику.

- Ни единой душе.

- Ладно. Договорились. Имя?

Он порылся в черной кожаной седельной сумке на мотоцикле, вытащил что-то похожее на Библию, но на каком-то иностранном языке. Он открыл потрепанную обложку и перелистнул на страницу, где он толсто от руки написал черными чернилами четким разборчивым почерком свое имя.

Сорен Магнуссен.

Она протянула руку и кончиками пальцев провела по буквам его имени.

- Сорен... Я правильно произнесла?

- Ты произнесла его как американка.

- А как я должна говорить?

- Мне нравится, как ты его произнесла. Ты должна знать, здесь этим именем меня больше никто не позовет. Так назвала меня мама. К несчастью, меня заставили носить имя, которым назвал меня отец - Маркус Стернс.

- Значит, тут никто не знает вашего настоящего имени? – То, что он написал в своей Библии «Сорен Магнуссен», казалось намеком на то, что он считает имя Сорен своим настоящим именем, а не Маркус.

- Только ты. И теперь, когда ты его знаешь, думаю, должна мне ответ на мой вопрос.

- Ничего серьезного.

- Элеонор...

- Я привыкла к Элли, а не Элеонор.

- Элеонор – имя царицы. Элли - простое французское местоимение, обозначающее Она или Ее. А сейчас, Элеонор, расскажи мне, как ты получила эти ожоги на запястье. А после обсудим колени.

- Плойка.

- Сама себе или кто-то в доме причиняет тебе боль?

- Сама.

- Почему ты это сделала?

- Ради забавы.

- Тебе нравится причинять себе боль? - Он задал вопрос без отвращения или удивления. Она слышала в его голосе только любопытство.

Она кивнула.

- Считаете меня сумасшедшей?

- Мне ты кажешься вполне нормальной. Кроме твоей одежды.

- Что? Не понимаете гранж?

- Твои волосы тоже вызывают вопросы.

- А с волосами что не так?

- Они зеленеют.

- Это не плесень, - ответила она, смеясь над игривым взглядом неодобрения на его лице. - Это гель для волос. Я сделала зеленые пряди.

- Сколько тебе лет?

- Пятнадцать. Но через две недели будет шестнадцать. - Она ощутила потребность добавить эту часть. - Мама говорит, вы слишком молоды для священника.

- Мне двадцать девять. Но для нее я постараюсь состариться быстрее. Уверен, служба в церкви, в которую ходишь ты, изрядно меня состарит.

- Буду стараться изо всех сил. - Она широко улыбнулась ему и теребила лацканы пиджака. И снова наступило неловкое молчание. Хотя он, казалось, не испытывал неловкости. Было такое чувство, будто у него вся жизнь впереди на то, чтобы наблюдать за ее странным поведением.

- А теперь к коленям. Эти раны выглядят впечатляюще.

- Я упала, - ответила она. - Вот такое вот дерьмо.

- Ты не похожа на неуклюжую. Возможно, я ошибся.

Она поджала губы. Она? Неуклюжая?

- Я не неуклюжая. Ни разу. Мой учитель физкультуры говорит, что я двигаюсь, как обученная танцовщица.

- Тогда откуда раны на коленях?

- Я подралась в школе.

- Надеюсь, она выглядит хуже, чем ты.

- Он, - ответила она с гордостью. - Он выглядит нормально. Но все еще смешно ходит.

Глаза Сорена слегка округлились.

- Ты подралась с мальчиком в школе? - Он казался слегка взволнованным.

- Я не виновата. В школе есть девочка - Пайпер Райли. Если ее имени недостаточно, то у нее есть огромные сиськи. Она боится собственной тени и не может дать отпор. Так этот парень, Трей, в автобусе вел себя как мудака, говоря всякие мерзости о ее теле. И я сказала ему заткнуться. И тогда он начал меня поливать грязью. Он только и говорил «я хочу твое тело, Элли». Я ответила, что он может его получить. И дала ему свою ногу. Прямо по его яйцам. Это было потрясающе. Когда мы вышли из автобуса, он так сильно меня толкнул, что я упала на колени и разодрала их. Ничего нового. Обычная среда в местной католической школе. Ваши налоговые баксы не работают.

Он продолжил смотреть на нее. Его глаза еще больше округлились.

- Отец Стернс? Сорен? Или как вас там? - она помахала рукой.

- Прости. Я был поглощен твоей историей. Мог даже войти в состояние фуги.

- К счастью для меня, это все произошло за автобусом, и водитель ничего не видел. Иначе, моя задница была бы у замдиректора Уеллса. Он сказал, если я еще раз окажусь в его кабинете, меня публично распнут в пример перед всей школой. Думаю, он шутил.

- Ты заслужила такое обращение?

- Может быть. На уроке я сказала, что у святой Терезы не было мистического опыта, а на самом деле она испытала оргазм. И не скажешь, что я не пыталась это доказать. Она сказала, что ангел «проник» в нее «пылающей стрелой» прямо в ее «внутренности», и так она испытала «экстаз». - Элли показала воздушные кавычки для акцента. - Это не мистический опыт. Это был большой О. (О - оргазм). Завуч Уеллс не оценил мою теорию.

- Мне нравится твоя теория.

Элеонор открыла рот, но потом закрыла его. У нее не было слов. Ни одного. Вообще. Она не знала, что ответить на это.

- Я думаю пору уходить, - сказала она.

- Почему?

- Хотите, чтобы я осталась?

- Да.

Она вопросительно посмотрела на него.

- Никто никогда не хотел, чтобы я осталась. После того, как начну говорить.

- Я хочу, чтобы ты осталась, - ответил он. - И хотел, чтобы ты продолжила говорить.

- Я не прерываю вашу игру в гольф?

- Гольф?

- Все священники играют в гольф, верно?

- Не этот священник.

- Во что вы играете?

- В другие игры.

Что-то в том, как он произнес слово «игры», заставило пальчики на ногах Элли поджаться внутри ее военных ботинок.

- Тогда мне стоит отпустить вас к вашим другим играм.

- Сделай кое-что, прежде чем я уйду.

- Что?

- Распусти волосы.

В этот раз она даже не спорила и не спрашивала зачем. Просто стянула резинку с волос, пробежала пальцами по взлохмаченным волнам и склонила голову набок.

- Дай мне правую руку.

Он снова вытянул руку и взял ее необожженное запястье в свою ладонь. Из ее левой руки он взял ее резинку и обернул вокруг ее запястья.

Продев два пальца под резинку между запястьем, он высоко ее оттянул и отпустил, щелкая по чувствительной коже так сильно, что она вздрогнула.

- Черт... Иисусе, больно. Зачем вы это сделали?

- Чтобы эти ожоги на твоём запястье полностью зажили, потребуется несколько месяцев. Существуют другие способы причинения боли без шрамов. Ты должна узнать их.

Элли посмотрела на свое запястье. Ее кожа до сих пор пульсировала от боли ужасного щелчка, но краснота уже начала сходить.

- Вы... вы просто...

- Элеонор, твоё тело - это храм. Ты должна обращаться с ним, как с бесценным и святым сосудом. Я усвоил одно и только одно, наблюдая за женой своего отца. Если собираешься украшать его, или делай это правильно, или найми профессионала.

Он снял свой шлем с руля и завел мотоцикл. Впечатляющий мотор взревел, и Элеонор ощутила, как вибрации распространяются по земле и прямо к ее животу.

- Вы не обычный священник, верно?

Он улыбнулся ей так, словно влепил пощечину и одновременно поцеловал.

- Боже мой, надеюсь, нет.

С этими последними словами он надел шлем и убрал подставку своим каблуком. Элеонор сделала три огромных шага назад. Он выехал с парковки и оставил ее в одиночестве.

Она наблюдала за ним, пока он не исчез из поля зрения. А потом стояла и слушала, как звук его двигателя растворяется в тишине.

- Я ваша, Сорен, - сказала она только Богу, но не понимала, какой вкладывала смысл в эти слова. Она знала одно - это была правда.

Она принадлежала ему, несмотря на последствия. Она принадлежала ему.

Аминь. Аминь.

Да будет так.

Глава 6

Элеонор

В ночь на среду чудо, о котором молилась Элеонор, свершилось. Ее мать рано ушла на работу. Ее не будет с пяти до полуночи. Элеонор могла уйти из дома на несколько часов, и никто не заметит этого.

Она видела в церковном бюллетене, который кто-то держал, что тем же вечером в шесть часов будет проводиться Великопостная служба. Идеальное оправдание. Двадцать минут она работала со своими волосами, пока они не стали напоминать человеческие, а не обычную львиную гриву. Она надела чистую одежду: узкие джинсы и свитер с V-образным вырезом. За всю свою жизнь так быстро она еще не ходила в церковь.

Когда она добралась до «Пресвятого сердца», она не увидела молящихся. Ей, вероятно, стоило спросить, где проходит служба. Может, Сорен знает?

Элеонор подошла на носочках к двери и поняла, что та открыта. Внутри кабинета она разглядела лампу на рабочем столе и движение теней.

- Тук-тук, - сказала она и не постучала. Дверь полностью открылась, и Элеонора шагнула назад.

В дверях стоял Сорен, облаченный в свою ризу и воротничок. Он не казался расстроенным, увидев ее.

- Здравствуй, Элеонор. Рад снова тебя видеть. - Он скрестил руки и оперся о дверной проем.

Она заглянула за его плечо и посмотрела внутрь. На столе и стульях стояли книги.

- Вы переезжаете?

- Сестра отца Грегори попросила собрать его вещи.

Элеонор сделала еще шаг назад. Стоя так близко к нему, ей приходилось поднимать голову, чтобы смотреть на него.

- Он правда не вернется?

Сорен медленно покачал головой.

- Ты должна понимать, что инсульт — серьезное заболевание. Как только его выпишут из больницы, он останется с его сестрой и ее мужем.

- Они хорошие люди?

Казалось, он на мгновение озадачился ее вопросом.

- Его сестра и ее муж? Я не знаком с ними, но я говорил с ней по телефону. Она показалась очень доброй и заботливой.

- Это хорошо.

Элеонор прикусила нижнюю губу, пока пыталась придумать, что еще сказать.

- Что ты делаешь? - спросил он.

- О, простите. Я собиралась на ту службу, но не нашла ее. Я увидела...

- Я говорю о губе.

- Не знаю. Я кусаю ее иногда. Привычка.

- Прекрати. Единственные девушки, которых я видел, что так делали, были или не очень умными, или пытались такими казаться. Я отказываюсь верить, что и ты такая же.

- Правда? Вы даже не знаете меня.

Он улыбнулся и шагнул назад в кабинет.

- Я знаю тебя.

Элеонор последовала за ним.

- Что значит, вы знаете меня? - спросила она, но когда перешагнула через порог, он поднял руку.

- Вон.

- Вон?

- Вон из моего офиса.

- Почему?

- Потому что я так сказал.

Элеонор шагнула в коридор.

- Мне не разрешено быть в вашем кабинете?

- Никому младше шестнадцати не разрешено находиться в моем кабинете без присутствия родителей. Никому старше шестнадцати не разрешено находиться в моем кабинете с запертой дверью. Это мои правила.

- Довольно строгие.

- Я строгий.

Он взял книгу с полки и добавил ее к стопке на столе.

- Почему вы такой строгий?

Он молчал, пока перемещал еще одну книгу с полки, и вопросительно посмотрел на нее.

- Могу я говорить с тобой как со взрослой? - спросил он, передвигая книгу по полке.

- Я бы разозлилась, если бы вы говорили со мной как с ребенком.

Он взглянул на нее и поставил пустую коробку на стол, и начал складывать в нее книги по одной.

- В прошлом году было опубликовано разоблачение по поводу сексуального насилия над детьми католическими священниками и всей церковью, покрываемое епископами, архиепископами и даже папской курией.

- Мама говорила, эти люди, жертвы, они охотники за деньгами церкви.

- Твоя мать ошибается.

- Значит, сексуальное насилие плохо, как они и говорят?

- Элеонор, ты знаешь, почему я здесь? - спросил Сорен.

- Знаю, что Отец Грег уходит на пенсию, и в епархии нехватка священников, и им пришлось попросить у ордена Иезуитов замену. Вы замена.

- Все не так просто, как кажется. Недавно я вернулся в свой орден после рукоположения. Все было напряженно. Не так давно в нашей епархии иезуит был обвинен в сексуальных домогательствах, основанных на школьном домашнем задании.

По ее телу пробежался холодок.

- Он растлевал детей?

- Слухи сосредоточены на одном из школьных служащих, другом иезуите, который пытался скрыть документы от адвоката истца, который судился со школой и остальными в гражданском суде.

- Что произошло?

- Я позвонил адвокату и рассказал ему все, что знал, все, что слышал, и все, о чем спрашивали во время следствия.

- Вы сдали иезуита адвокатам? Иисусе, какие же крепкие у вас яйца? - У ее отца были «друзья», которые покончили с собой, чтобы не общаться с копами или адвокатами.

Сорен мягко усмехнулся.

- Думаю, то же самое сказал и мой наставник. Но он не улыбался, когда говорил это. Я рассказываю эту историю не для того, чтобы впечатлить тебя или шокировать. Рассказываю для того, чтобы ты знала, почему я здесь. Я должен был провести две недели в Нью-Йорке, навещая друзей и семью, прежде чем отправиться в Индию. Но вместо этого я здесь, в крошечном приходе крошечного городка в Коннектикуте.

- Вот дерьмо. Да у вас проблемы.

- Мое присутствие здесь католический эквивалент «иди в угол и подумай над своим поведением».

- Значит, вы не разрешаете детям находиться в своем кабинете потому что...

- От святого Павла и первое послание Фессалоникийцам 5:22. «Удерживайтесь от всякого рода зла».

- Думаю, нахождение в кабинете детей может выглядеть подозрительно.

Сорен поправил несколько книг в коробке, чтобы освободить место для еще двух.

- Может. Боюсь, отец Грегори был немного небрежен в этих областях. Безусловно, судя по тому, что я слышал о нем, он был хорошим и воспитанным человеком.

- Был.

- Тем не менее, здесь я незнакомец. Быть наедине с семидесятилетним священником и двадцати девятилетним священником - это две разные ситуации.

- Это не помогает, когда вы самый сексуальный священник на планете.

Сорен резко посмотрел на нее. Элеонор побледнела.

- Я сказала это вслух.

- Мне притвориться, что я не слышал?

Элеонор обдумывала его предложение, и на ее щеках начал расцветать румянец.

- Я сказала это. Пойду помолюсь Богородице.

- Считать человека привлекательным не грех.

- Разве?

- Желание не грех, - ответил Сорен, присаживаясь на стол, лицом к ней. - Фантазии не грех. Грехи - это действие или бездействие. Либо ты делаешь то, что не должна делать. К примеру, застрелить кого-то. Или ты не можешь сделать то, что можешь. Например, не давать милостыню нищим. Считать кого-то привлекательным такой же грех, как и стоять на балконе и наслаждаться красивым видом на океан.

- Тогда что такое похоть?

- Ты задаешь прекрасные вопросы. Это вопросы молодой девушки, которая не кусает себе губы.

- С этого момента я буду кусать свои губы.

- Я знал, что именно так и поступишь. Не хочешь узнать ответ на свой вопрос?

- О похоти? Ага.

- Пойдем в святилище. Там ты можешь присесть.

- Я не против послушать стоя.

- На тебе военные ботинки.

- Они удобные.

- Где юная леди в Уэйкфилде, Коннектикут, купила военные ботинки?

- В Гудвилле³, - ответила она.

- Ты носишь ботинки из Гудвилла?

- Да.

- Поздравляю, Элеонор. Твоя обувь заслужила иронию.

Прежде чем она успела спросить, что он имел в виду, мужчина прошел мимо нее. Она развернулась на каблуках своих ботинок из Гудвилла и последовала за Сореном в святилище. Он открыл двери и поставил стопер, чтобы они оставались открытыми.

- Вы и правда «избегаете любого проявления зла»?

- Да. Я бы не хотел, чтобы нас обвинили в том, чего мы не делали.

- А что, если мы уже что-то сделали? - спросила она, опускаясь на колени на одну из лавочек, чтобы быть лицом к Сорену, который сел в ряду позади нее.

- Это совершенно другая ситуация. Но мы говорим о похоти.

- Я жажду вашего ответа.

- На самом деле, нет. - Он пристально посмотрел на нее своими пронзительными глазами. - Ты просто хочешь моего ответа. Похоть - это всепоглощающее и неконтролируемое желание, которое ведет к греху. Мужчина может желать жену другого мужчины. Так бывает. Вопрос, который он задает сам себе - при возможности, пойдет ли он на поводу своих желаний? Попытается ли он соблазнить ее, как только они останутся наедине? Набросится ли он на нее? Если она придет к нему, сдастся ли он? Или будет уважать ее семейное положение, вежливо откажет ей и предложит ей с мужем сходить на семейную консультацию?

---

³ Goodwill - сеть секонд-хендов. (с англ. Добрый Воля)

- Значит, все дело в том, как сильно ты чего-то хочешь, в этом и есть разница между любовью и похотью?

- Частично. Но вопрос не только в степени желания, а в том, что ты делаешь с ним. Если я посчитаю девушку невероятно привлекательной, интригующей и умной, тогда я не согрешу. Я бы мог рассказать это своему духовнику, он бы посмеялся и сказал не возвращаться, пока у меня не появится что-то достойное исповеди. Сейчас, если бы я пошел на поводу своего влечения к этой девушке, тогда у меня могли бы возникнуть проблемы.

- Или очень хороший вечер. - Она улыбнулась ему. Сорен изогнул бровь. - То есть очень грешный вечер.

- Так-то лучше.

- Значит, нормально желать кого-то, пока ты не поддаешься желанию?

- Существует много ситуаций, когда следование за своими желаниями не грех.

- Супружеские пары, верно? Они могут заниматься сексом, как и когда захотят.

- Супружеские пары определенно могут вступать в сексуальные акты друг с другом.

- И... - Элеонор взмахнула рукой, надеясь получить еще ответы. - Больше никто? Остальные в заднице? То есть, не в заднице?

- Думаю, этот вопрос на твоей совести. Я не категоричен, когда дело касается сексуального поведения в современном мире. Церковь может запрещать все и вся, но церковь все еще состоит из людей. Наложение правил на правила в нашей пастве не сделает никого святым. Это послужит лишь добавлению греха, который свойственен нашим церквям.

Элеонор указала на двери святилища.

- Пять минут назад вы ввели новые правила в церкви.

- Правила не для церкви. Они для меня. Если я позволю себе находиться с тобой наедине в моем кабинете, я бы нарушил правило, а не ты.

- Так для чего все эти правила?

- Ничего обременительного, клянусь. На самом деле ты можешь помочь мне с одним из них. У меня предчувствие, что оно не очень хорошо воспримется.

- О, нет. Что вы собираетесь делать? - Элеонор достаточно хорошо знала прихожан и понимала, что любые крупные перемены будут встречены со страхом, гневом и смятением. Она не могла дождаться, когда увидит, как все бесятся.

- Дом священника. Я закрываю его для посещения прихожан.

- Воу. Погодите. Вы закроете дом?

- Ни одному прихожанину не разрешается в него входить.

Глаза Элеонор чуть не выпали из орбит.

- Судя по твоему безумному взгляду, такое заявление заденет чьи-то чувства? - спросил Сорен с легкой улыбкой на губах. Он не казался взволнованным такой перспективой.

- Если вы превратите церковь в «Макдональдс», это точно заденет чьи-то чувства. Да там все охренеют. Простите за мой плохой французский.

- Прощаю.

- Зачем закрывать дом? Церковь постоянно его использует.

- У этой церкви есть храм, часовня и большая пристройка. Нет необходимости использовать дом священника для церковных нужд. Мне, так или иначе, нужен дом. Я не буду слушать исповеди в спальне, а затем принимать ванну в кабинете.

Ответил он без намека на кокетство, но это не помешало Элеонор представить Сорена лежащим мокрым и обнаженным в ванне. Или просто мокрым и обнаженным?

- Элеонор?

- Простите. Я пыталась вспомнить разницу между словами «лежать» и «лгать», - солгала она.

- Лгут кому-то, а лежат сами по себе.

- О, точно. Спасибо. И еще. Вы не можете закрыть дом. Вы выведете из себя всю церковь.

- Я так и думал. Служба, на которой ты хотела присутствовать, проходит прямо сейчас в доме. По какой-то причине ни храм, ни часовня не подходят для этого.

- В доме уютнее. И у отца Грегга всегда были вкусняшки.

Сорен похлопал по колену.

- Это прискорбно, но я так решил. Для священника важно иметь четкие границы между ним и его прихожанами. Я постараюсь изо всех сил, чтобы объяснить логично им мою точку зрения.

- Логично? Вы собираетесь использовать логику с католиками?

- У тебя есть идея получше? - От кого-то другого этот вопрос прозвучал бы саркастически или как вызов. Но от Сорена вопрос прозвучал с неподдельным интересом. Если у нее была идея получше, он хотел ее знать.

- Послушайте, я знаю этих людей. Я выросла с ними. Они, правда, не любят новичков. Все и так напуганы тем, что вы иезуит, а не обычный священник.

- Они боятся иезуитов?

- Говорят, что иезуиты очень... - Она поманила Сорена рукой. Он наклонился вперед, и она прошептала ему на ухо. - Либеральные.

Сорен отстранился и посмотрел ей в глаза.

- Должен рассказать тебе секрет. - Она снова наклонилась к Сорену и вдохнула. С этим вздохом она ощутила аромат зимы, чистоты и холода, и на мгновение подумала, что кто-то оставил открытым окно. - Мы либеральные.

Он откинулся на спинку скамьи и прижал палец к губам.

- Но ты этого от меня не слышала, - ответил он и подмигнул ей. Тело Элеонор закипело, и вялотекущая лихорадка, возникшая от присутствия с ним в одном помещении, усилилась еще больше. - Но это не имеет значения. Ты собиралась подсказать мне идею, которая лучше моей.

- Ага... нет. Логичность не сработает. Она может сработать, если вы заставите их думать, что закрытие дома, было их идеей.

- И как же?

Она пожала плечами и подняла руки: - Не знаю. Скажите им, что слышали от заинтересованных членов церкви, которые хотят больше правил и мер безопасности, или что-то в этом роде? - Они всегда говорили о безопасности в школе. - И вы можете сказать, что услышали мольбы людей и решили последовать их совету и добавить несколько новых правил, таким образом, вы сможете поддерживать всеобщую безопасность и избегать происков зла. Никто не хочет ходить в церковь со скандальной репутацией, верно? Вы лишь делаете то, о чем они просили.

Сорен поднял пальцы к губам и медленно провел ими по нижней губе. Жест казался бессознательным, как и ее покусывание губы. Тогда как покусывание губы, очевидно, делало ее похожей на идиотку, его касание губы заставляло ее хотеть оседлать его бедра, обернуть руки вокруг него и провести языком по его горлу.

- Значит, ты говоришь, что мне стоит манипулировать прихожанами, заставляя их думать, что закрытие дома было их предложением?

- Или же напрямую солгать. Обмануть. Все, что угодно.

- Я могу солгать. Это грех, но я ценю твое предложение.

- Вы не грешите?

- Пытаюсь.

- А я нет.
- Ты не гречишь? - Сорен спросил с таким сомнением, что она бы обиделась, если бы у него не было права быть скептическим на этот счет.
- Нет, я не пытаюсь не гречить.
- Сорен закрыл глаза и покачал головой.
- Что? - спросила она.
- Он поднял руку вверх, говоря о потребности в тишине.
- Что? - прошептала она.
- Ты это слышала?
- Она наклонила голову и прислушалась.
- Нет. Я ничего не слышу. А вы слышите? - спросила она Сорена.
- Да.
- Что?
- Как Бог смеется надо мной.
- Элеонор подперла рукой подбородок: - Вы слышите, как Бог смеется над вами?
- Громко. Удивлен, что ты не слышишь.
- Он смеется над вами, а не надо мной, - ответила она.
- Отличное замечание. И ты отлично подметила момент с управлением приходом.
- Я обдумываю твоё предложение.
- Правда?
- Это мудрая и макиавеллианская стратегия.
- Это плохо?
- Нет. Это по-библейски. От Матфея 10:16 «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».
- Овца среди волков. В таком свете приход выглядит опасным. Вы думаете, мы опасны.
- Я думаю, ты опасна.
- Элеонор села на пятки. Они шутили все время, пока находились в храме, но то, что он сказал и как он сказал? Это не было шуткой.
- Я? Опасная? - повторила она.
- Да. Очень.
- Почему?
- Потому что хочешь такой быть. Это часть причины.
- А еще я хочу вырасти до шести футов и иметь прямые светлые волосы, но желать чего-то не значит иметь. Я не опасная.
- Я бы объяснил причины, по которым ты так говоришь, но мне нужно вернуться к упаковке вещей. Я пообещал сестре отца Грегори, что все его вещи будут собраны до завтра.
- Знаете, в приходе миллион старушек, которые упакут весь кабинет за вас.
- Знаю, но я сказал, что сам сделаю, и считаю, что только другой священник должен прикасаться к его личным вещам.
- Очень мило с вашей стороны. - Она подмигнула. «Мило с вашей стороны?» Она могла выглядеть еще большей подлизой или идиоткой? - Думаю, мне пора домой. Мама может позвонить и будет волноваться, где я.
- Где твоя мать?
- Работает. - Элеонор пошла за ним из храма.
- Она часто работает допоздна?
- Это рано. Она часто берет поздние смены. За них больше платят.
- Твой отец не помогает вам финансово?

Элеонор снова остановилась в дверях кабинета, пока Сорен вернулся к наполнению коробок.

- Мама не примет от него ни цента, даже если он предложит, в чем я очень сомневаюсь. Он говорит, что на мели.

- Я так понимаю, развод не был мирным.

- Она ненавидит его.

- А ты?

- Ненавижу папу? Ни за что. Я люблю его.

- Почему твоя мать ненавидит его? И если эти вопросы слишком личные, ты не должна отвечать на них.

- Нет, все хорошо. - Ей нравилось отвечать на вопросы Сорена. Они были личными, но не смущающими. - Мама с папой поженились, когда она была на восьмом месяце беременности.

- Восьмом? А кто-то совсем не торопился.

Элеонор попыталась улыбнуться, но не смогла.

- Что такое? - спросил Сорен.

- Она так долго оттягивала, потому что надеялась на выкидыш.

Сорен с громким стуком уронил книгу на стол.

- Конечно же, нет.

- Это правда. Я подслушала однажды, как она говорила с бабушкой о каком-то парне по имени Томас Мартин. Она сказала, что ей стыдно думать об этом, но она желала, чтобы Бог завершил беременность так же, как и с Томасом Мартином, кем бы о ни был.

- Томас Мертон, - поправил Сорен.

- Вы знаете его?

- Он был монахом-траппистом в аббатстве Гефсимани в Бардстауне, штат Кентукки. Возможно, он самый известный католический писатель двадцатого века. Когда он был юношей, у него появился внебрачный ребенок, но мать и дитя были убиты во время воздушного налета во Вторую мировую войну, что и позволило ему стать монахом, без семейных обязательств отцовства.

- Думаю, теперь всю понятно. Она надеялась, что Бог убьет меня, чтобы она смогла стать монахиней.

Сорен с таким глубоким и проникновенным сочувствием посмотрел на нее, что она не смогла этого вынести.

- Элеонор... мне так...

- Жаль. Знаю. Не надо. Сейчас она меня любит. Я так думаю. - Элеонор усмехнулась. - Так или иначе, с папой это был порыв страсти. Ей было семнадцать. Через год после моего рождения, она узнала, чем отец зарабатывает на жизнь. И они развелись. Она не хотела его денег, потому что, как она сказала, они были грязными.

- Грязные деньги? И чем же зарабатывает твой отец?

- Он... - Элеонор замолчала и обдумывала, как лучше выразиться. - Он механик, вроде как. Работает с машинами.

- Здесь нечего стыдиться.

- Машины не всегда принадлежат ему.

Сорен кивнул: - Понимаю.

- Несколько раз он был в тюрьме.

- Это тебя беспокоит?

- Нет, - ответила она. - Во всяком случае, не сильно.

Мгновение они смотрели друг на друга в полном молчании. Это не было неловкое молчание, скорее, многозначительное.

- Так или иначе, оставлю вас с вашими сборами. - Элеонор хотела остаться и продолжать беседовать с ним. Но и навязываться не хотела, испытывать на прочность его гостеприимство.

- Я увижу тебя в воскресенье? - спросил он.

- А что в воскресенье?

- Месса? Церковь? День святого обязательства?

- Верно. Воскресенье. Я уточню у своего секретаря, - ответила она. - Свободна ли я буду.

- У тебя есть номер этого кабинета?

- Он на холодильнике.

- Набери его, когда будешь дома. Хочу удостовериться, что ты благополучно добралась до дома.

Она уставилась на него.

- Серьезно?

- Как долго тебе идти до дома?

- Не знаю. Минут двадцать.

- Тогда жду твоего звонка меньше, чем через полчаса. Пожалуйста, будь осторожна.

Она помахала ему и шагнула назад. Уходить было больно. Шнур, который она ощутила в прошлое воскресенье, возник опять, в его присутствии, она ощутила его даже сильнее, когда уходила от Сорена.

- Еще три просьбы, Элеанор, пока ты не ушла.

- Какие? - Она повернулась к нему. Он снова стоял в дверях своего кабинета.

- Первое. - Он поднял один палец. - Ты сказала, что хотела бы быть ростом под шесть футов и иметь светлые длинные прямые волосы. Никогда больше не желай этого. Бог создал тебя. Не оспаривай эстетику Создателя. Поняла?

- Да, наверное, - ответила она.

- Второе. - Он поднял второй палец. - Не переживай насчет того, что я назвал тебя опасной. Это было не оскорбление.

- Как скажете.

- Именно. И третье. - Он шагнул в кабинет. - Я уже четыре дня в «Пресвятом Сердце», и половина прихода дала ясно понять, что мне здесь не рады. Отца Грегори очень любили. Приход не готов его отпустить и принять нового проповедника. Ты не единственная, кто знает, каково это чувствовать себя нежеланным.

Элеонор ощутила что-то щекочущее в горле. Это обжигало, и она проглотила это. Но жжение осталось.

- Церковь не ваша собственная мать.

- Нет. Я и не преуменьшаю твою боль, притворяясь, что недоверие прихода ко мне сравнимо с беременностью тобой, напуганной семнадцатилетней матерью, отчаянно желающей, чтобы ее проблемы волшебным образом исчезли, и мечта, которую она утратила, вернулась к ней. Но я скажу, что сейчас не имеет значения, хотела тебя мама тогда или нет. Как и неважно, хочет меня эта церковь или нет. Мы здесь, ты и я. Мы не уйдем. Мы здесь, и если нет другой причины, кроме той, что Бог хочет чтобы мы были здесь, за Ним и будет последнее слово.

- Если вам станет чуточку легче, я хочу, чтобы вы были здесь.

Сорен опять взял одну из книг Отца Грегори.

- Мне стало легче.

- Спасибо... Сорен. - Она до сих пор не могла поверить, что обратилась к священнику по имени, без обращения «отец».

- Спокойной ночи.

Она развернулась и начала уходить.

- Тридцать минут, - крикнул Сорен, и Элеонор позволила себе улыбку от уха до уха, которую сдерживала последний час.

Как только она вошла в кухню, Элеонор взяла телефон. Ей пришлось растянуть шнур до самого холодильника, чтобы прочитать номер телефона «Пресвятого Сердца».

Сорен ответил с первого гудка.

- Я дома, в безопасности, - ответила она.

- Хорошо.

- Спасибо за сегодняшний разговор.

- Элеонор, мне понравилась наша беседа.

Она улыбнулась в телефон. Обычно она ненавидела, когда ее называли Элеонор. Почему из его уст это звучало так правильно? Элеонор... то, как он произносил его, оно звучало таким благородным, таким взрослым.

- Могу я задать быстрый вопрос?

- Безусловно, - ответил Сорен, и она услышала звук падающих в коробки книг.

- Вы тоже опасны?

Она затаила дыхание в ожидании ответа.

- Да.

- Так и думала, - ответила она. Сорен ничего не сказал.

- Спокойной ночи, Сорен. Увидимся в воскресенье.

- Пожалуйста, попытайся между этим вечером и воскресеньем избегать всего, что докажет мою правоту насчет тебя.

Элеонор рассмеялась бы, но она знала, что он не шутил. Она тоже не шутила, когда ответила.

- Не могу обещать.

Глава 7

Элеонор

Наступила ночь пятницы, и Элеонор выбралась из ванной. С тех пор, как девушка познакомилась с Сореном, она постоянно думала о священнике. Просыпалась и засыпала с мыслями о нем, писала его имя на клочках бумаги и нашептывала его, когда никто не слышал. Сегодня вечером она должна разобраться с этими чувствами. К счастью, ее мать уже отправилась спать.

Элли вымыла ванну и достала две свечи из секретного тайника. Они жили так близко к железнодорожным путям, что весь дом дрожал, когда мимо проезжал поезд. Мать запретила свечи после одного случая на День благодарения. Слава Богу, индейки не горят. В отличие от скатерти. По крайней мере, пожарные были добры с ней. Но следующий поезд сегодня должен был быть не раньше чем через час, так что Элли зажгла свечи и начала наполнять ванну горячей водой. Как только та наполнилась, она разделась догола и опустилась в воду. Сегодня ей понадобится время наедине с собой в воде. За прошедший год ее тело изменилось. Почти за одну ночь у нее выросла грудь, которая казалась огромной для нее, и ширина бедер заставляла ее чувствовать себя толстой большую часть времени. И она думала, что могла бы прожить счастливую жизнь без лобковых волос. Принимая ванну, она ощущала себя невесомой и живой. Вода окружала ее тело и ласкала как сильные руки. Что-то в погружении в воду возбуждало. Будучи обнаженной в ванне, она особо остро чувствовала каждый дюйм своего тела - что оно делало, что могло ощущать.

Элли откинулась на спину и позволила воде укачивать ее. Жар проникал в тело, щекотал чувствительные соски и окутывал промежность. Она позволила своему разуму погрузиться в тысячи эротических фантазий. Ей бы понравилось принимать ванну с Сореном. Может, это не вода бы облизывала ее соски или скользила через складочки между ее ног.

Она открыла глаза и взяла ближайшую свечу. Сидя в воде, она подняла левую руку над мерцающим огнем. Крепко держа свечу, она наклонила ее и позволила воску капнуть на внутреннюю сторону запястья. Сорен сказал ей найти новый способ причинения боли. Воск мог сработать. Было больно, он жалил, но не оставлял шрамов. Воск капал на ее плоть, и она поморщилась, когда тепло покрыло нежную кожу, покрывающую ее вены. Еще одна порция расплавленного воска упала на предплечье. В этом месяце ей исполнится шестнадцать. В честь дня рождения она украсила себя шестнадцатью каплями воска от запястья до локтя. С каждым ожогом она ощущала, как все больше и больше возбуждается. Огонь, свет и тепло, казалось, были как снаружи, так и внутри нее. Элли дышала сквозь боль, побеждая ее, управляя ею. Принимая боль, она ощущала, как становится сильнее, даже могущественней.

После последнего ожога она опустила руку в ванну и смыла затвердевший воск. Девушка смотрела на свою кожу, теперь израненную и красную от ожогов. Откинувшись на спину, она опустила правую руку между ног и нашла тугую узелок клитора. Клитор. Она любила это слово. Впервые она узнала о нем из журнала, что лежал в комнате ожидания у врача. Это не то слово, которое можно где-то услышать или произнести вслух. Никто в школе не называл все своими именами, когда речь заходила о сексе, кроме тех смущающих лекций только для девушек в спортзале. И даже тогда говорили только о менструации и матках. Никто никогда не говорил о клиторе, что для нее казалось безумием. Это была самая потрясающая вещь. Когда он наливался так, как сейчас, она могла его потерять между пальцами, и ее охватывали эти потрясающие ощущения. Она не могла поверить, что ее собственное тело могло заставить ее чувствовать себя настолько хорошо. Каждый раз, когда она трогала себя, то ощущала пустоту внутри, пустоту внутри бедер. Пустота изнывала от желания быть открытой, исследованной и наполненной.

Осторожно она ввела в себя два пальца. Проникновение всегда заставляло ее нервничать, что добавляло возбуждения. Пальцами она ощущала сопротивление, словно что-то могло разорваться, если она толкнет слишком резко. Но она должна проникнуть внутрь. Этого хотело ее тело. Жар внутри влагалища удивил ее. Это из-за горячей воды, или она разожгла этот пожар внутри себя? А, может, все это из-за Сорена. С закрытыми глазами она с легкостью могла представить, как лежит на постели обнаженная и ожидающая. И в фантазии Сорен нависал над ней, целовал ее живот, бедра, грудь. В фантазии она тянулась к нему, обнимала его плечи, притягивала ближе. Он занимался сексом раньше? Или был девственником, как и она? Каким бы он был в постели? Нежным? Осторожным? Грубым? Он говорил или молчал? Сказал бы ей, что любит ее, или же просто всю ночь показывал ей это?

Она почувствовала, как в пояснице и животе увеличивается давление, в то время как снова потерла клитор большим пальцем. Ее тело поднялось над водой, и мышцы в бедрах и ягодицах начали сокращаться и дрожать. Ей казалось, будто натянутая струна виолончели порвалась внутри нее. Все гудело и вибрировало. Наконец, давление достигло своего пика. Оргазм жестко пульсировал в клиторе, зажатом между пальцами, словно у него было свое сердце. И внутри нее влагалище сокращалось снова и снова, сжимая само себя. В этот последний момент удовольствия Элеонор представила, как Сорен входит в ее тело и глубоко проникает, пронзая, как это делал ангел Терезы, до самых внутренностей.

Когда оргазм утих, Элеонор села в воде и вымыла руки с мылом. Она начала потеть в ванне и включила кран с холодной водой, плеснув ей себе в лицо.

Ощутив себя чистой и расслабленной, Элли выбралась из ванны и закуталась в полотенце. Она спустила воду и погасила свечи. Ночь пятницы. Лучшая ночь недели.

Элеонор пробралась в свою комнату и свернулась на кровати. Она нашла свой дневник, который прятала за изголовьем постели. Ей нужно записать все мысли, которые у нее были о Сорене. В своей фантазии она видела, как бьется пульс в ложбинке на его горле, как его необычайно темные ресницы отбрасывают тени на лицо. Она хотела запечатлеть эти образы, прежде чем они растворятся. В ее фантазиях они жили быстро и быстро умирали. Чернила могли надолго сохранить их после того, как ее разум перейдет к новой фантазии.

Она написала: «Сорен толкнулся в нее». Толкнулся? Она уже использовала это слово дважды в этой сцене. Она вытащила свой тезаурус и перелистнула на слово «толкаться».

- Таранить, ударять, тыкать, толкать, совать, сверлить, - прочитала она.

Сверлить? Он сверлил ее?

- Он трахает меня, а не устанавливает новые кухонные шкафчики, - сказала она своему бесполезному тезаурусу. Не важно. Вернемся к письму. Она позже исправит ситуацию с «толчком».

Погрузившись в письмо, она сначала проигнорировала постукивание в окно. Ветка, птица, вор, собирающийся ее ограбить, - ей было плевать на это сейчас. Только когда постукивание превратилось в стук, она повернула голову на звук.

Элеонор посмотрела сквозь грязное окно и увидела лицо мужчины. Она подняла окно.

- Пап, какого черта? - прошептала она.

- Долгая история. Мне нужно, чтобы ты собралась и поехала со мной. - Он больше не улыбался. Она заметила страх в его темно-зеленых глазах.

- Пап, что...

- Собирайся, живо, - приказал он.

- Хорошо, хорошо. Сейчас соберусь. - Она начала уходить, но отец схватил ее за руку.

- Надень школьную форму. Буду ждать тебя в машине.

Он отпустил ее руку и шагнул в темноту.

В ванной Элеонор сняла пижамные шорты и футболку и натянула почти не ношеную школьную униформу - клетчатую юбку, белую футболку поло, чулки и ботинки. Вернувшись из школы, она заплела волосы в косички. Попытка укротить роскошную черную шевелюру не увенчалась успехом. С косичками она выглядела как какой-то мультяшный персонаж, в берцах и одежде школьницы католической школы. Но ее отец пообещал объяснить все, поэтому она взяла пальто, схватила черный рюкзак и выбралась в окно, закрыв его за собой.

По улице проехал бежевый «Камри». Она никогда не видела отца в такой невзрачной машине. Плохой знак.

- Так что стряслось? - спросила она, когда забралась на пассажирское сиденье, и отец сорвался с места, в два раза превышая скоростное ограничение.

- У меня неприятности, - ответил он.

- Насколько серьезные?

Отец задумался, прежде чем ответить.

- Очень.

- Вот черт.

- Ага, несколько месяцев назад возникли некоторые финансовые трудности. Пришлось взять в долг. Они рано потребовали его обратно. Или я оплачу до утра, или...

Элеонор от страха обхватила колени. Ее руки дрожали. Внутри все сжалось.

- Или нет.

Она наклонилась вперед и сказала сквозь ладони, закрывающие лицо: - Или ты не...

Отец пытался защитить ее от того, что на самом деле происходило в его мастерской. И когда он говорил о бизнес-партнерах, то никогда не упоминал слова «мафия» или «банда» - ему не нужно было. Она была молода, но не глупа. Она достаточно насмотрелась гангстерских фильмов, чтобы понять, что к чему. Если ее отец не вернет долг до рассвета, у него будут проблемы. Серьезные проблемы.

- Чего ты хочешь от меня? - спросила она.

- Нам нужны быстрые деньги. Манхэттен. У меня есть команда и работа. Но нам нужно больше.

- Пап, я не могу.

- Можешь. Ты быстрее всех парней в моей команде.

- Это было только в гараже. Никогда не делала этого на улице.

- Это будет легко. Никто и не подумает на девочку твоего возраста в школьной форме. Они будут думать, что ты какая-то выскочка из частной школы, которая ходит после комендантского часа.

- Что если меня поймают?

- Тебя не поймают. Это займет часа два, не больше. К утру ты будешь в постели.

- Ни за что. Это безумие. Отвези меня домой. - Элеонор покачала головой и подавила приступ тошноты. Да, она знала, как угнать машину. Она знала это ровно столько, сколько себя помнила. Как согнуть вешалку. Этот провод к тому проводу. Но это было лишь игрой, в которую она играла в папином гараже в Квинсе, иногда чтобы впечатлить папу и парней, с которыми он работал. Посмотрите, я могу быстрее вас. Они гладили ее по голове, аплодировали, говорили, что ей нужно работать на них, а не просиживать штаны в школе. Это были шутки, насмешки, развлечение.

- Милая. Мне нужна твоя помощь. Я бы не просил, если бы это не был вопрос жизни и смерти.

Жизни и смерти. Она закрыла глаза и попыталась проигнорировать картинки лежащего в гробу отца, которые кружились в ее голове. В гробу? Вероятно, нет. Если он не расплатится с мафией, для гроба мало чего останется.

- Не называй меня милой.

Остальную часть дороги до города они ехали в тишине. Ночь пятницы на Манхэттене, время для развлечений толстосумов. Впереди слева Элеонор заметила черный «Ягуар», пытающийся параллельно припарковаться у бара.

- Элли... - начал ее отец, но она не дала ему закончить.

- Сколько?

Он пожал плечами. - Пять?

- Пять. Ладно. Увидимся в гараже. - Она открыла дверь и захлопнула ее за собой.

Пять машин. Дома к рассвету. Никто не заподозрит ее.

Элеонор шла по тротуару, не открывая взгляда от «Яга». Наконец, водителю удалось загнать машину на место. Он открыл дверь со стороны водителя, а Элеонор встала у пассажирской.

- Сэр, думаю, вы ударили машину позади вас, - сказала она поверх крыши.

- Что? - Он едва посмотрел на нее. - Не может быть.

- По-моему, да. Проверьте бампер.

Водитель, который уже выглядел пьяным, поплелся к задку машины и наклонился.

- Неа, все нормально. Ты меня напугала. - Он указал на багажник и улыбнулся.

- Без проблем. Я ошиблась.

Он вошел в бар, едва взглянув на Элли. Казалось, он не заметил, что пока проверял бампер, она открыла пассажирскую дверь. Удостоверившись, что никто на улице не обращает на нее внимания, она села в машину и закрыла за собой дверь.

Секундой позже она уже направлялась в Квинс.

Элеонор так быстро угнала «Яг», что обогнала своего отца.

Сидя на капоте машины, она наблюдала за работой гаража. Они знали ее с самого детства - Джимми, Джейк, Левон и Кев развлекали ее карточными фокусами и шутками и позволяли ей наблюдать за их работой под капотом машин в любое время, когда бы она ни пришла. Теперь они едва на нее смотрели. На самом деле, за последний год, как бы часто она не заходила к ним, они относились к ней как к чужой.

- Отличный «Яг», - сказал Оз, старший из парней в команде отца, проходя мимо. На его комбинезоне было столько жира и масла, что она не могла сказать, какого цвета тот был раньше. - Твоя?

- Моя. Я оставлю себе.

- У тебя хороший вкус, детка.

- Только в машинах. И отстой в выборе родителей.

Оз поднял руки.

- Ты знаешь, он бы не просил, если бы не находился в отчаянном положении.

- Насколько отчаянном?

Оз осмотрелся. Он посмотрел на нее и понизил голос до шепота.

- Говорил о пяти сотнях.

Элеонора не могла уложить в голове эту сумму.

- Пять сотен... тысяч?

Оз кивнул.

- Пришлось одолжить, чтобы расплатиться по старым долгам. Променил старый долг на новый.

- Господи Иисусе, - выдохнула Элеонор. Кто-то одолжил отцу пятьсот тысяч долларов? Интересно, на что он их потратил. На Рождество она ничего не получила.

Оз похлопал ее по коленке и начал уходить.

- Эй, Оз?

- Да, детка?

- Кев и Джейк почему-то ненавидят меня? - Даже сейчас Кев и Джейк наблюдали за ней со своих мест. Обоим было за двадцать, два лучших парня в команде папы.

Оз разразился бурным смехом.

- Ненавидят тебя, детка? Черта с два.

- Тогда в чем проблема?

- Они не хотят злить твоего папочку, если их поймают за тем, как они пялятся на его дочурку. Ты становишься слишком красивой. Прекрати, сейчас же. И избавься от этих косичек. Они только усугубляют ситуацию. - Он по-отцовски похлопал ее по ноге и вернулся к работе. Элеонор не могла поверить, что эти парни, которых она знала с семилетнего возраста, были прыщавыми подростками, теперь даже не могли поговорить с ней из-за ее сисек. Она сдернула резинки с волос.

Элеонор осмотрела гараж. Плохая ночь. Все работали, как черти. Она никогда не видела гараж таким полным гнета и ярости. В одном углу находилась большая печь, которая давала только тепло, но не освещала. Все пространство пропахло дымом и серой. Элли не могла дождаться, когда выберется отсюда.

Наконец, ее отец остановился у черного входа и вышел из «Камри».

- Одна есть, - сказала Элеонор, когда он сначала посмотрел на машину, а затем на нее. - Еще четыре.

Снаружи черного входа припарковался кабриолет, за рулем которого был друг отца Тони. Элеонор сорвалась с места.

- Куда? - спросил Тони, выходя на улицу.

- Найди мне пару богатых сучек. Они содержат свои машины в чистоте.

- Тогда, мэм, Грамерси Парк.

На 23-й улице она угнала «Мерседес». Слишком просто. Они даже не заперли чертову машину.

Канал-стрит наградил их одним BMW, серебристого цвета. Не было ничего проще и приятнее, чем управлять им. Когда она царапала стекло такой красивой машине вешалкой, у Элеонор разбивалось сердце. Она не хотела думать о тысяче других кусков, на которые ее разрежут к завтрашнему утру.

На Юнион-Стрит она заметила дорогую «Акуру», ярко-красную, припаркованную у ресторана. Хозяин, скорее всего, оставил администратору ключи от нее. Администратор, вероятно, напивалась на кухне.

- Четыре есть, осталась одна, - сказала она отцу, бросая ему запасные ключи от «Акуры». Гениальный владелец оставил комплект под козырьком. В этой ей даже не пришлось резать провода.

- Будь осторожна, - крикнул он, когда она направилась на улицу.

Она послала его, перешагивая через порог.

Еще одна машина, и все закончится. Еще одна, и она отправится домой в постель. С потоком адреналина, бурлящим в теле, она знала, что отрубится, как только попадет домой и не проснется до обеда.

Пока Тони вез ее в Сохо, Элеонор положила глаз на отличную американскую машину. Американские производители были высокомерными, что делало их дерьмовыми в вопросах безопасности. Ни «Форд» или «Додж» не оказывали такого сопротивления.

- Отлично... - пробормотал Тони, когда заметил машину на крошечной платной парковке на десять мест.

Секунду спустя она увидела то, что заметил он. «Шелби Мустанг». Похоже, 1966 года, не то, чтобы она готова была поклясться своей жизнью. Она знала, как выглядит модель, но не была таким уж задротом все эти годы. Это она оставила отцу.

- Моя, - сказала она. Тони засвистел в знак одобрения.

- Иди. Увидимся в гараже.

Элеонор выскочила из машины и подошла к парковке. Она видела, как несколько людей бродили вокруг, но, казалось, никто не заметил ее присутствия. Она, вероятно, была похожа на пьяную школьницу, ожидающую друзей из бара.

Пусть так и думают. Пусть думают, что хотят, пока они не заметили ее стоящей у окна с водительской стороны с изогнутой вешалкой за спиной. Она покопошилась под защелкой и подняла ее, с легкостью открывая замок.

Секундой позже она и ее новая подруга «Шелби» уже были на улице.

Готово. Она угнала пять роскошных машин за одну ночь. Одну ночь? Она сделала это за четыре часа. На нее нахлынуло чувство облегчения. В мгновение ока она окажется дома в постели и будет мечтать о Сорене. Хорошо, что она пораньше закончила свою работу. Небо разверзлось, и из туч хлынул ливень. Температура, необычно теплая для прошедшей недели, за минуты понизилась до пронизывающе холодной. Дождь смазывал огни города и превращал все в зеркале заднего вида подсвеченное голубым огнем.

Голубым?

- Черт. - В панике Элеонор обернулась. За ней следовала полицейская машина с включенными синими огнями. Она не включила сирену, но молчание машины значило для нее гораздо больше, чем звук.

Она понимала, что у нее есть две секунды на принятие решения. Она могла вдавить педаль в пол. Как только полицейская машина потеряет ее, она могла бросить «Мустанг» и исчезнуть. Но она была не на шоссе или межштатной дороге. Это был полуночный Манхэттен. Узкие улицы. Пешеходы. Ее ноги парили над педалями. Акселератор справа, тормоз - слева. Элеонор оглянулась в поисках съезда. Она не увидела никакой аллеи. Никакого выхода. Впереди, по правую сторону, показалась церковь, ее древний шпиль бросал тень от креста на яркие улицы.

Элеонор нажала на тормоз и помолилась о чуде.

Глава 8

Элеанор

В течение двух часов копы держали ее в патрульной машине, пока допрашивали и переговаривались по рации. Она изо всех сил старалась придерживаться своей легенды. «Простите. Я хотела прокатиться по кварталу. Понимаете - ради удовольствия». Но по какой-то причине, копы не купились на это. Очевидно, получатели удовольствия обычно владели ключами от машины, и им не приходилось взламывать замки и заводить машины замыканием проводов.

Два копа - один белый, второй - чернокожий, оба молодые, казались слишком рады тому, что остановили ее. По всему городу сновала мафия, насильники и убийцы, а офицер Феррелл и офицер Хэмптон не могли перестать гладить себя по головке за то, что поймали пятнадцатилетнего угонщика.

- Мы позвонили твоей маме, - сказал офицер Хэмптон, подмигивая ей.

- О, нет, только не маме.

- Она встретит нас в участке, - добавил офицер Феррелл.

- Участке? Нам нужно ехать в участок?

- Безусловно. - Офицер Хэмптон махнул рукой, приказывая ей встать. Она вышла с заднего сидения патрульной машины под проливной дождь. - Туда мы и отвозим всех, кого арестовали.

- Арестовали?

Феррелл и Хэмптон усмехнулись, когда завели ее руки за спину и надели на запястья наручники. Холодный металл врезался в кожу. Она никогда не носила наручники. Их вес удивил ее. Она никогда не думала, что они будут такими тяжелыми и холодными.

Белый коп, Феррелл, положил руку на ее макушку и направил на заднее сиденье патрульной машины.

- Ты, девочка, - начал офицер Хэмптон, - имеешь право хранить молчание.

- Воспользуйся этим советом, девочка, - добавил офицер Феррелл, когда она поставила ноги в машину.

Элеонор посмотрела на его широкое, гладкое и высокомерное лицо.

- Не называйте меня девочкой.

Ее бравада закончилась, когда захлопнулась дверь. В одиночестве на заднем сидении патрульной машины ее начало трясти. Температура упала. Дождь промочил насквозь ее одежду и волосы. Ее кожа была липкой и холодной. Но не поэтому она не могла унять дрожь.

Как только они подъехали к участку, офицер Феррелл открыл дверцу и приказал ей выходить. Направившись к двери, в десяти ярдах от входа она заметила две фигуры, под зонтами. Одна принадлежала ее матери. Она где угодно узнает этот потрепанный розовый зонт. Мать стояла и наблюдала за ней, ее лицо было таким же мокрым от слез, как и лицо Элеонор от дождя. За ней, под черным зонтом, выглядывал кто-то еще. Высокий, суровый и наблюдательный, его взгляд следил за каждым ее шагом. Она подняла голову, не желая показывать ему свой страх и стыд. Что-то в ее виде должно быть забавляло его, потому что его взгляд метнулся к ее запястьям в наручниках, прежде чем посмотреть на нее с намеком на улыбку на губах. Офицер Хэмптон повел ее внутрь и усадил на пластиковый стул.

- Я могу увидеть маму? - спросила она, пока офицер за столом делал ее фото, а второй начал печатать за компьютером.

- Скоро. Мы переведем тебя в комнату. Кто-нибудь придет поговорить с тобой.

- Мне нужен адвокат? - спросила она, давным-давно узнав от отца, что в их мире слово на А имело волшебную силу.

- Ты можешь об этом поговорить с мамой, но позже, - ответил офицер Хэмптон, записывая что-то небрежно на планшете. Она задумалась, рисовал ли он динозавриков, пока его рука парила над листком. Все файлы и формы были тактикой запугивания. Они пятнадцать раз допросили ее в машине по дороге сюда, где она планировала угон. Девушка понимала, что они хотели добраться до ее отца и его гаража, но они не вытянут из нее никакой информации.

- Как долго мне придется носить эти наручники? - Металл оков стучал по пластику стула и создавал такой звук, словно ногти скрипели по школьной доске.

- Через минуту мы их снимем, - ответил офицер Феррелл. - Как только вспомню, куда положил ключи.

- Пойдем, Гонщица. - Офицер Хэмптон щелкнул пальцами перед ее лицом. - У нас есть для тебя комната.

Он аккуратно взял ее под локоть и провел по грязному бежевому коридору в комнату, где стояли только стол в центре и два стула.

- Вы собираетесь меня допрашивать? - спросила Элеонор, садясь на стул.

- Простая дружеская беседа. Кто-нибудь скоро придет.

Он закрыл дверь и оставил ее наедине со страхами. «Успокойся», - приказала она себе. «Все будет хорошо. Папа узнает и приедет прямо сюда и скажет, что это он во всем виноват, это он попросил меня помочь ему, потому что он задолжал мафии много денег». Он никогда не позволит ей взять всю вину на себя. Она же его родная дочь, его единственный ребенок. Верно?

Но в глубине души она знала, что он не придет за ней.

Время текло так медленно, как замороженный мед из бутылки. Адреналин покинул ее тело, как только Элеонор почувствовала под страхом усталость. Ее голова пульсировала, запястья ныли. Она бы все отдала за то, чтобы выбраться из этих наручников и вытянуть руки.

В конце концов, ее подбородок упал на грудь. Она даже заснула на несколько минут.

Звук открывающейся двери предупредил, что в комнату кто-то входит. Она держала голову опущенной, а глаза закрытыми.

Что-то прикоснулось к ее рукам, закованным в наручники. Пальцы скользнули по ее ладони, приласкали запястья. Она услышала щелчок, и наручники слетели. В любой другой комнате, при любых других обстоятельствах, она бы наслаждалась прикосновением больших рук к ее холодной коже. Какой-то коп прикасался к ней так интимно, что ее начало тошнить.

Она услышала скрежет стула по полу и лязг наручников на столе.

Если она откроет глаза и поднимет голову, все начнется. Начнется все дерьмо. Допрос, расследование, обвинения... Ее глаза были стеной, и пока она не откроет их, мир будет за этой стеной. Но она не могла вечно прятаться.

Она открыла глаза, ожидая увидеть копа или адвоката, или даже маму.

Но нет, это был ее священник. Он молчал, не проронив ни слова. Она вытянула руки перед собой и начала растирать запястья. Это он прикасался к ее пальцам и растирал ее кожу, когда снял наручники, а не какой-то мерзкий коп.

Элеонор ненавидела тот факт, что втащила его в это дерьмо. Должно быть, мать позвонила ему в панике, после звонка копов ей. В любое время, когда случалось что-либо плохое, первому кому звонила мать - был отец Грег. Если бы она позвонила отцу Грегу, старый священник помолился бы с ней по телефону, посоветовал что-то и успокоил. Он никогда бы не вытащил себя из постели среди ночи, чтобы отправиться в полицейский участок. Но это сделал Сорен. Почему?

Он продолжал молча смотреть на нее, и Элеонор поняла, что невольно начала играть в гляделки. Что же. Тогда гляделки. Она знала, как заставить его моргнуть.

- Итак, - начала она, - после нашей последней беседы о правилах и священниках, сексе и прочем, я хотела задать вопрос. Вы один из тех священников, которые любят трахать детей из прихода?

Она ждала.

Он не моргнул.

- Нет.

Ладно, он хорош в этой игре. Но она еще лучше.

Она подняла подбородок и улыбнулась так, как мечтала улыбнуться привлекательному мужчине постарше, но не выпадало ни шанса, ни смелости попробовать.

- Как жаль.

- Элеонор, нам нужно обсудить ситуацию, в которой ты оказалась.

Она кивнула соглашаясь.

- Я в трудном положении.

Улыбка? Смех? Испепеляющий взгляд? Ничего.

- Тебя арестовали за подозрение в угоне авто. Сегодня были угнаны несколько роскошных машин общей стоимостью в четверть миллиона долларов. Ты ведь ничего об этом не знаешь, верно?

- Я отказываюсь давать показания, - ответила она, гордясь своими знаниями в юриспруденции. - Это я должна ответить?

А теперь она получила испепеляющий взгляд, на который надеялась.

- В суде - да. Мне - никогда. Мне ты всегда будешь говорить правду.

- Не думаю, что вы хотите знать всю правду обо мне, Сорен. - Она понизила голос до шепота в тот момент, когда произнесла его имя. Его имя казалось ей магическим словом. Будто то, что она знала его имя, означало что-то особенное, как в сказках.

- Элеонор, нет ничего, что бы я не хотел знать о тебе. Ничего из того, что ты мне расскажешь, не повергнет меня в шок и не вызовет отвращение. Ничто не заставит меня изменить мое мнение о тебе.

- Изменить мнение? Вы уже сложили обо мне мнение? И каков вердикт? - Она подобралась, не желая знать ответа. У них не было ничего общего, у нее и ее священника. Он выглядел как богачей, говорил как богачей. У него были самые белые ногти, которые она когда-либо видела у мужчины. Белые ногти, идеальные руки, как у мраморной скульптуры греческого Бога. А она? Она была ходячей катастрофой.

Сколотый черный лак на ногтях, мокрая одежда, мокрые волосы, и вся ее жизнь закончилась всего за одну ночь.

- Вердикт таков - я готов и могу помочь тебе выбраться из этого кошмара, в который ты сама себя затащила.

- Мы можем назвать это «трудным положением»? «Положение» звучит не так страшно, как «кошмар».

- Это катастрофа, юная леди. Машина, которую ты угнала, принадлежит очень влиятельному человеку. Он уже потребовал от полиции, чтобы тебя судили как взрослого, и дали максимальное наказание. Ты можешь провести годы в тюрьме для несовершеннолетних, или хуже того - в учреждении для взрослых. По крайней мере, этот человек хочет, чтобы ты не видела солнечного света, пока тебе не исполнится двадцать один. К счастью, в этой области у меня есть связи. Или, если быть точнее, у меня есть кое-кто, у кого есть связи в этой области.

Впервые с начала их разговора он отвел взгляд. Он посмотрел в угол комнаты. На его лице было самое странное выражение. Кем бы ни был этот влиятельный человек, Сорен, казалось, не был рад просить его об этом. На самом деле, если бы ей пришлось угадывать, она бы сказала, что он боялся этого.

- Вы собираетесь ввязаться в эту проблему из-за меня. Почему?

Сорен снова посмотрел на нее и улыбнулся так, что эта улыбка обнажила ее душу и поставила на колени.

- Потому что я бы сделал все, что в моих силах, чтобы защитить тебя, Элеонор. Все, чтобы помочь тебе и все, чтобы спасти тебя. Всё.

От того, как он произнес последнее «всё», по ее телу пробежал холодок. Это напугало ее, вместо того чтобы успокоить. Он был серьезен. Вот почему это пугало ее.

- Это не ответ. Вы говорите, что помогаете мне, потому что помогаете.

- Так и есть.

- И нет никакой другой причины?

- Есть, но пока я не могу тебе ее назвать.

- Но скажете?

- В свое время. Но сначала, Элеонор, есть кое-что, что ты должна знать.

Элеонор выпрямилась на стуле, и все ее внимание было обращено к нему.

- Что?

- Есть цена, которую придется заплатить.

- О, ладненько, - ответила она и широко улыбнулась ему. - А теперь мы вернулись к моему первому вопросу о трахе с детьми в церкви. Если вы так настаиваете.

- Ты так низко оцениваешь свою ценность дитя Божьего, что предполагаешь, что я помогаю только в обмен на секс?

Он задал этот вопрос спокойно с одним лишь любопытством в голосе, но, тем не менее, слова били так сильно, словно кулаком в живот.

- Значит, все не так?

Сорен изогнул бровь, и Элеонор разразилась смехом. Ей начинал нравиться этот парень. Она влюбилась в тот момент, когда впервые увидела, и будет любить его отныне до конца света. Но она и подумать не могла, что он будет ей так сильно нравиться.

- Нет, не так, - ответил он. - Так или иначе, я потребую кое-что от тебя.

- Вы всегда так говорите?

- Ты имеешь в виду артикуляцию?

- Да.

- Да.

- Странно. И чем же я заплачу за вашу помощь? Надеюсь, не моим первенцем или чем-то таким. Я не хочу детей. - Она не была уверена насчет последней части, но прозвучало довольно грубо.

- Моя цена проста - в обмен на мое содействие, я прошу тебя делать отныне то, что я говорю.

- Делать то, что вы мне говорите?

- Да. Я хочу, чтобы ты подчинялась мне.

- Отныне? - она не могла поверить, что верно его расслышала. - И как долго?

Сорен снова посмотрел на нее, посмотрел, не улыбаясь, не моргая, не шутя, не веселясь. Он смотрел на нее так, словно следующее сказанное им слово будет самым важным словом, которое он когда-либо произносил, и самым важным словом, которое она когда-либо слышала.

- Навсегда.

Слово повисло в воздухе между ними, прежде чем опуститься на нее и проникнуть сквозь кожу.

- Навсегда, - повторила она. - Вы хотите, чтобы я всегда подчинялась каждому вашему приказу?

- Да.

- И что вы прикажете мне делать?

- Как только ты согласишься с моими условиями, ты узнаешь свое первое поручение.

- Вы же понимаете, навсегда - это очень большой период. На самом деле, самый большой. Не бывает больше, чем навсегда.

- Я в курсе.

- До двадцати одного я могу быть в колонии для несовершеннолетних. Навсегда - это дольше, чем шесть лет.

- Верно.

- Тогда я выбираю колонию. - Нелепое решение, но она была серьезна.

- Ты предпочтешь отправиться в колонию, а не подчиняться мне? - с ужасом спросил Сорен. Может, даже испугался. Его страх заставил ее бояться. Но не настолько, как поражения, пока нет.

- Если я отдам тебе вечность, - начала она, выше поднимая подбородок, - кое-что я хочу взамен.

- Я уже предложил тебе помощь выбраться из этого кошмара. Чего еще ты хочешь?

Элеонора обдумывала свои требования. Он казался открытым к предложениям, что было хорошо, потому что у нее было предложение.

- Всё.

- Всё? - повторил он. - Как...?

- В.С.Ё. - Она уставилась на него, и на этот раз была ее очередь не моргать. - Я даю вам вечность, а вы, по крайней мере, можете дать всё.

- Полагаю, ты понимаешь, о чем просишь, и должна понимать, что это проблематично, раз это касается меня.

- Потому что вы католический священник, и вы старше меня?

- Это две из трех причин.

- И какая третья?

- Я назову тебе третью причину тогда же, когда назову вторую причину, почему я предлагаю тебе помощь.

- Господи Иисусе, столько вопросов. Мне нужно записать все это дерьмо?

Сорен запустил руку в карман пальто и вытащил его потрепанную Библию в кожаном переплете, ту, в которой было его настоящее имя.

Он перелистнул страницы и взглянул на обрывки листов внутри нее. Оказалось, все они были исписаны, но не на английском языке. Наконец, он перелистнул в самый конец, вырвал последнюю страницу и положил ее перед ней на стол. Из внутреннего кармана пальто он достал ручку, черную и тяжелую.

- Пиши.

Элеонор уставилась на ручку и листок. Затем посмотрела на Сорена.

- Я отвечу на твои вопросы, - сказал он. - Со временем. Но сейчас я бы не хотел, чтобы кто-то из нас забыл о них.

На последней странице она записала «Какая третья причина вызывает проблемы?» и «Какая вторая причина, из-за которой вы помогаете мне?». Она нахмурилась, изучая листок бумаги.

- Что-то не так? - спросил Сорен.

- Думаю, ошиблась в слове «проблема». - Она передала ему записку, и Сорен прищурился.

- Одна м.

- Могу я ответить на два ваших возражения? - спросила она, исправляя слово «проблемы», на этот раз с одной м. - Мне плевать католический вы священник или нет. Заставлять священников хранить целибат - тупейшее правило. Зачем Богу изобретать секс, а потом говорить людям, что им нельзя заниматься? И второе - и что? Вы старше меня. Через пару дней мне будет шестнадцать.

- Не могу поверить, что обсуждаю это с тобой, Элеонор, - ответил Сорен.

Она улыбнулась ему.

- А я могу.

Сорен отвернулся, на мгновение уставившись в никуда. Он ухмыльнулся и снова посмотрел на нее.

- Что же, очень хорошо.

- Очень хорошо, что?

Он протянул свою руку, ожидая, когда она пожмет ее.

Она уставилась на его ладонь, его идеальную ладонь.

- Вы шутите, да?

- Я хочу, чтобы ты вечность подчинялась мне. Это высокая цена, и я понимаю это. Если нам нужно обсудить условия, тогда мы их и обсудим. Я принимаю твои условия. Ты принимаешь мои?

Элеонор медленно подняла руку над столом и вложила в его ладонь свою.

- Хорошо, - ответила она. - Вы получили меня. Я ваша.

Он обернул свою мощную ладонь вокруг ее. По какой-то причине она ожидала, что его рука будет холодной. У него были такие холодные глаза, такое холодное поведение, но нет, его кожа была теплой, и Элли не могла не представить, как он прикасается к ней в более интимных местах, чем ее рука.

- Навсегда, - сказала она.

- Всё, - добавил он.

Сделка была заключена. Они отпустили руки друг друга, и Сорен встал.

- А сейчас я тебя оставляю. Не отвечай ни на какие вопросы, пока не поговоришь с адвокатом. Церковь оплатит судебные издержки. Будь уверена, в свое время ты вернешь эти деньги.

- Хорошо. - И страх вернулся. Она не хотела, чтобы он уходил. Не сейчас. Никогда.

- Когда придет твой адвокат, расскажи ему всю правду и ничего не скрывай. Несомненно, сюда был вовлечен твой отец. Ты должна рассказать адвокату, насколько серьезно он замешан.

- Сдать отца? Ни за что.

- Элеонор, меньше минуты назад ты пообещала подчиняться мне. Это приказы. Твой отец - причина, по которой ты здесь, в этом полицейском участке, среди ночи, и все твоё будущее висит на волоске. Ты здесь. Не он. Ты скажешь адвокату и суду все, что знаешь об отце и его нелегальных промыслах. У тебя должна быть возможность заключить сделку о признании вины или о минимальном наказании. Тем временем, я встречу с другом, у которого есть полезные связи. Во всем, что касается тебя, я не буду полагаться на удачу.

Он сделал два шага к двери.

- Элеонор?

- Да?

Он улыбнулся ей, на этот раз с добротой и заботой.

- Я буду заботиться о тебе. Всегда.

Она улыбнулась ему в ответ.

- Этот ваш друг он, правда, поможет мне?

- Да.

- Как?

- Добавь этот вопрос в свой список.

Элеонор закатила глаза и тяжело выдохнула, когда писала: «Почему ваш друг поможет мне?»

- Для этого списка мне понадобится лист побольше. Что-нибудь еще?

- Да. Ты пропустила один вопрос в своем списке.

- Я все записала. Что я пропустила?

Сорен вернулся к столу, взял ручку и листок и записал девять слов. Больше не произнося ничего, он застегнул на ее запястьях наручники и оставил одну в комнате.

Элеонор посмотрела на листок и прочитала вопрос, который он написал элегантным мужским почерком.

«Зачем священнику носить с собой собственный ключ от наручников?»

Глава 9

Нора

Нико опустил голову и рассмеялся, от пробирающего мурашками веселья растирая шею. Нора положила палец под его подбородок и подняла его.

Нора надела свое лучшее доминирующее выражение лица.

- Молодой человек, вас забавляет тот факт, что я угоняла машины для отца и меня арестовали? Готова поспорить, тебе было бы не до смеха.

- Не это забавно. Тебе было пятнадцать, и ты заставляла молодого священника переспать с тобой - вот что смешно.

- Признаюсь, я была чертовски горда своими навыками ведения переговоров.

- Больше похоже на захват заложников. Если бы ты не подчинилась ему...

- Пока-пока, католическая школа. Привет, колония.

- Он не напугал тебя? Ведь тебе было пятнадцать. А ему двадцать девять.

- Если бы это был другой мужчина, вероятно, напугал бы. Но с Сореном все казалось предначертанным. Когда мы познакомились, он сказал: «Рад, наконец,

встретиться с тобой». Мы оба ждали друг друга, словно наша встреча и любовь была уготована нам. Мы принадлежим друг другу - я, Сорен, Кингсли. Мой арест свел всех нас.

- Значит, о Кингсли говорит твой священник? - Нико протянул ей руку и помог встать с кресла. Она могла бы это сделать и сама. Но она не собиралась отказываться от возможности позволить Нико прикоснуться к ней так, как он захочет.

- Да. Друг Сорена, у которого были связи и который мог вытащить мою задницу из затруднительного положения? Это был твой отец.

Нико взял их бокалы и бутылку вина, и повел ее наверх. Несмотря на камин, с приближением полуночи внизу становилось прохладнее, но еще ей было трудно думать и говорить перед серебряной шкатулкой на каминной полке, содержимое той было одновременно и драгоценным, и ужасающим.

- У Кингсли интересные друзья, - сказал Нико, когда они вошли в комнату. Он поставил бокалы и вино на прикроватный столик и подошел к камину.

- И еще более интересные враги. У нас с Кингсли есть кое-что общее - мы оба очаровываемся другими людьми, - ответила Нора, стягивая покрывала. - Мы отличаемся в одном - когда я кем-то восхищена, я трахаю его. Когда Кингсли кем-то восхищен, он трахается с ним.

Нико усмехнулся и вернулся в постель. Он поцеловал ее в шею и прикусил кожу на плече.

- Поэтому ты позволила мне войти в тебя? - прошептал он ей на ухо. - Ты восхищена мною?

- Да, частично. Ты мой первый фермер. - Она отстранилась и улыбнулась ему.

- Ты моя первая Домина.

- Но не твоя первая бесстыдно взрослая женщина? - спросила она, опустившись на постель и упав на подушки. Нико снял с себя рубашку. Какая совершенная мужская фигура. Где же фотоаппарат, когда он так нужен?

- Моей последней девушке было сорок три, - ответил он.

- Сорок три? Боже, у тебя же нет комплекса миссис Робинсон?

- Это выбор, а не комплекс, - ответил он. - Жизнь коротка. Я не хочу тратить ее с кем-то моего возраста, кто знает о жизни не больше меня. У меня есть подруга, она моя ровесница. Она забавная, красивая, умная. Все считают, что мы должны быть вместе. Но у нее постоянно проблемы с деньгами, всегда на мели. Всегда просит своего отца о помощи. Она не знает, что делать со своей жизнью. Я люблю ее, но с кем-то подобным быть не могу. Я владею успешным виноградником. У меня есть работники, люди, которые зависят от меня. Моя последняя девушка была владелицей замка, и у нее в подчинении было десять человек. Даже несмотря на разницу в возрасте, у нас было больше общего, чем с девушкой моего возраста, которая меняла работы и парней каждые шесть месяцев.

- У меня нет замка, только дом. Огромный чертов дом, но на меня никто не работает. Хотя, однажды у меня был стажер. Без зарплаты. - На поверхность всплыло небольшое воспоминание, и Нора держала его на ладони. Она улыбнулась, мгновение любила его, а затем отпустила.

- Женщины и вино с годами становятся лучше, - сказал Нико.

- Хотелось бы верить в это. Так или иначе, с годами я становлюсь богаче. Я в той точке, где у меня столько денег, что не знаю, как ими распорядиться.

- Тогда купи больше времени со мной?

Нора прищурилась.

- Это взрослая женщина научила тебя так разговаривать? Если да, то мне нужно ее имя и адрес, чтобы отправить благодарственную записку.

Нико улыбнулся.

- Каждая женщина, с которой я был, рассказывала мне что-то о женщинах. Как целоваться, как трахать, как одеваться. Моя первая любовница сказала, что женщины всегда наблюдают. Если ты груб с официантом, она видит это и запоминает. - Нико постучал по виску.

- У тебя хорошее образование.

- Я и от тебя хочу все узнать. И о тебе.

- Все?

- Все. - Он оседлал ее бедра и обхватил ладонью затылок. - Какие тебе нравятся прикосновения. Какой тебе нравится секс. Какую яичницу ты любишь по утрам. Какой любишь чай по вечерам. Какие тебе нравятся поцелуи.

Она подняла голову, желая еще его опьяняющих поцелуев. Когда он целовал и ласкал ее, она почти могла убедить себя, что он и был причиной, по которой она сбежала в Европу и спряталась среди Черного Леса, где никто, кроме Нико, не мог ее найти.

- Мне нравится, как ты прикасаешься ко мне, - ответила она. - Мне нравится, как ты трахаешь меня. Я люблю омлет с сыром. Я люблю чай такой же, как и мужчину - горячий, крепкий и в моей руке. И люблю, как ты меня целуешь, потому что это помогает мне забыть, почему я здесь. - Ее голос дрогнул на последнем слове, и Нико обнял ее за плечи.

- Можешь забыть?

- Нет, - ответила она и задрожала. - Я хочу. Я так зла на произошедшее, что даже не могу... не могу дышать, когда думаю об этом.

- Я тоже был зол. Зол на всех. Особенно на мать. Она переехала в Париж через пять дней после похорон папы. Потом я понял, что она тоже скорбит. Находясь рядом с виноградниками, работой всей его жизни - все это напоминало ей о нем. Я никогда не думал, что она настолько любила его. Но потом я понял. Она тоже не могла дышать.

- Помоги мне дышать, - сказала она, ощущая, как гнев, словно тиски, сжимал ее легкие.

Он притянул ее ближе и прижал голову к своему плечу.

- Дыши со мной, - сказал он. - Повторяй за мной.

Он глубоко вдохнул и надавил на ее спину обеими руками. Она заставила себя втянуть воздух через нос и задержала дыхание.

- А теперь выдыхай, - сказал Нико. Нора заставила себя выдохнуть. - Хорошо. И опять.

Поддерживая ее за спину, он контролировал ее дыхание. Вдох и выдох. Глубокий и долгий. Давление на спину означало «вдыхай». Ласковое скольжение пальцев вниз по спине – «выдыхай». Спустя несколько минут она ощутила, как ярость и паника отступили.

Нора чувствовала головокружение от благодарности Нико за его присутствие. Она впилась в его руки, пока он держал ее и целовал шею.

- Хочешь, я заставлю тебя снова кончить? - тихо спросил он.

- Да, - без стыда ответила она. - Это отвлечет меня, это меньше о чем я могу просить сейчас.

Нико снова опустил бретельки ее сорочки, склонил голову и обхватил губами ее сосок. Нора ахнула и расслабилась на подушке. Его язык кружил по ареоле, а ладони обхватывали и согревали обе груди. Она опустила руку и погладила его, но он схватил ее за запястье и прижал его над ее головой.

- Моя игра, - подразнила она, и он вдавил ее в кровать.

- Никаких игр. Сегодня я забочусь о тебе. - Нико целовал ее по краю ключицы. -
Всю ночь, если ты позволишь.

- Я позволю тебе, - выдохнула она и подчинилась ему. Отпускать было приятно, немного расслабиться, позволить ему удовлетворить ее без необходимости дать ему что-то взамен. Он продолжил целовать ее груди, а она просто лежала под ним. Он щипал ее соски и нежно покусывал их, пока они не набухли и не болели - именно так, как ей нравилось.

Нико проскользнул рукой между ее ног и нашел колечко, продетое в капюшон клитора.

- Украшение? - спросил Нико.

- По большей части, - призналась она. - Но оно может быть полезным, если знаешь, что делаешь.

- Я не знаю, что делаю, но ты можешь научить меня. - Нико шаловливо улыбнулся.

Учитывая все, что с ней произошло, через что ей пришлось пройти, и что она потеряла, ее даже не должно было быть в постели с Нико, а тем более не следовало наслаждаться каждой секундой его компании. Неужели то, что она потеряла, создало такой вакуум, что ей нужно было заполнить его сыном Кингсли? Очевидно, да.

- В ванной есть сумка, - сказала она. - Черная шелковая.

Нико вопросительно изогнул бровь.

- Доверься, - ответила она.

Нора расправила сорочку и поправила подушки, пока Нико ходил в ванную, чтобы взять ее сумку. Она подмигнула ему, прежде чем развязать шнур и открыть ее. В ней были только несколько украшений, с которыми она всегда путешествовала: две пары сережек, браслет и кольца, которые Сорен подарил ей на Рождество. Две недели назад она сняла кольца, но не оставила их. Она никогда не сможет оставить их.

Из сумки она выбрала восемнадцатидюймовую серебряную цепочку с бусинами. Она сняла кулон из камарного стекла в форме королевской лилии, подарок на день рождения от Кингсли, и отложила сумку в сторону.

- У тебя есть идея? - спросила она, держа цепочку и позволяя ей скользить между пальцами.

Нико взял цепочку из ее рук.

- Ложись на спину, - сказал он. - Раздвинь ноги.

- Пять самых лучших слов в английском языке.

- *Couche-toi. Écarte les cuisses*, - сказал Нико.

- Пять самых лучших слов во французском языке.

Нора легла на спину, как он приказал, и широко развела ноги. Он попытался, но у него не получилось расстегнуть замок на цепочке. Она забрала ее из его руки и открыла.

- Пальцы поменьше, - ответила она. Он взял цепочку и продел ее в кольцо. На этот раз ему удалось закрыть замочек. Он натянул цепочку, и Нора вздрогнула от удовольствия.

- А теперь потяни за цепочку.

Нико сделал, как было велено. Бусины серебряной цепочки стучали по кольцу. Нора задрожала от создаваемого ощущения - словно вибратор, но более интимный и сосредоточенный. Она впиалась пальцами в кровать, а Нико снова и снова прокручивал цепочку сквозь кольцо, сначала медленно, затем быстрее в такт ее учатившемуся дыханию.

С цепью в левой руке он тянул и дразнил ее пирсинг. Он проник в нее тремя, а затем четырьмя пальцами правой руки. Нора широко раскрылась для Нико, его ладонь

исследовала ее влагиалище. Он массировал ее точку G, проникал глубже и давил на стенку возле матки. Ее внутренние мышцы сократились и напряглись вокруг его пальцев. Она ахнула, когда он надавил на мягкую точку, и удовольствие усилилось настолько, что она вздрогнула.

Нико усмехнулся, двигая цепочкой. Ее клитор пульсировал, а живот напрягся. Ее бедра двигались в собственном ритме, а внутренние мышцы сжимались и разжимались вокруг пальцев Нико.

Она кончила с внезапной дрожью, которая охватила ее от плеч до колен, прежде чем рухнула на спину и усмехнулась.

- Вот это, - сказал Нико и вытащил ладонь и отстегнул цепочку, - хороший трюк.

- Один из козырей в моем рукаве, - ответила Нора, взяла цепочку из его рук и вернула в мешочек с украшениями. Нико провел ладонью по ее бедрам и животу.

- Где ты научилась всем этим трюкам? - спросил он, целуя ее.

- Ты не захочешь знать.

- Кингсли?

- И Сорен. И мое собственное извращенное воображение.

Она отстранилась от его губ и подмигнула ему.

- Ты удивляешь меня.

- Это говорит твой стояк.

- И сердце, - добавил он.

Она прижала ладонь к его щеке. Такое юное, такое красивое лицо. Но в нем не было и толики невинности. Он слишком усердно работал, жил слишком тяжело, видел многое в этом мире, чтобы в его глазах появился этот блеск. Хорошо. Ей нравились, какими были его глаза сейчас - теплые и голодные. В нем не было отцовского цинизма и всех его секретов. Но секреты Нико не пугали ее так, как секреты Кингсли. Она знала один, который он скрывал от нее ради ее же блага.

- Я знаю, ты влюблен в меня, - сказала она, лаская изгиб его ключицы кончиками пальцев.

- Это не важно, - ответил он. - Мои чувства принадлежат мне. Они не должны беспокоить тебя.

- Боже, ты такой француз.

Нико усмехнулся и прижал голову к ее груди.

- Ничего не могу поделать, - ответил он. - Это у меня от отца.

- Какого именно? - спросила она.

- Того, кто вырастил меня. Моего настоящего отца. А не Кингсли.

- Если бы Кингсли знал о тебе, он бы тоже тебя вырастил и любил.

- Позволь мне любить тебя, раз я не могу любить его, - сказал Нико.

Она провела пальцами по его темным вьющимся волосам. В молодости она никогда бы не оценила такого мужчину как Нико, тихого, трудолюбивого, сдержанного. Он обладал внутренним стержнем и интеллектом, но не показывал себя. Ему не нужно было овладевать каждой комнатой, в которую он входил. Он настолько владел собой, что не испытывал нужды овладевать чем-то еще или кем-то еще.

- Нико, посмотри на меня. - Он поднял голову и посмотрел ей в глаза, он больше не улыбался. - Я знаю твоего отца двадцать лет. Двадцать. Подумай об этом.

- Если я это принимаю, почему ты не можешь?

- Дело не в том, сколько я его знаю. А в том, как я его знаю, кто мы друг другу, через что мы вместе прошли.

- Тогда расскажи мне. Пожалуйста.

- Уверен, что хочешь услышать эту историю? - спросила Нора и уселась на подушках. Нико лег рядом с ней и обнял за талию.

- Да, я хочу услышать историю. Кингсли может быть моим биологическим отцом, но не настоящим. Мой отец научил меня, как выращивать виноград и обрезать его, как отжимать вино и сбраживать его. Это он отправил меня в Австралию узнавать секреты Шираза. Кингсли соблазнил мою мать, пока отец был в Париже, просил банк о кредите, чтобы сохранить семейный виноградник после плохого урожая.

- Если бы ты знал Кинга, как знаю его я, ты бы нашел способ любить его.

- Помоги мне найти этот способ.

Нора глубоко вдохнула.

- Возможно, это поможет немного полюбить его, - сказала она и отнесла мешочек с украшениями в ванную. Она взяла расческу и вернулась в спальню. - Итак, меня арестовали за угон машин для отца, верно? И Сорен пообещал помочь мне выбраться из моей небольшой проблемы с законом. Он знал, что ему понадобится позвонить Кингсли и попросить об одолжении. Уже тогда под влиянием Кингсли находились пару прокуроров и судей. Когда Сорен пошел к нему и попросил о помощи, это был их первый разговор за десять лет. Тем не менее, Кингсли помог ему и мне тоже. Он ничего не просил взамен, кроме того, чтобы они с Сореном оставались друзьями.

- Хорошо, что он помог тебе. Ты сейчас здесь, со мной, а не в тюрьме.

- Я бы справилась в тюрьме. Любовь к сексу с женщинами помогла бы.

- Это не ослабляет мою эрекцию, - ответил Нико.

- Я бы извинилась, но ты слишком красив для лжи.

Нора села на край кровати и вытащила шпильку из теперь взъерошенных волос. Нико перехватил ее руку и, махнув пальцем, дал ей понять, чтобы она развернулась. Нора изогнула бровь и повернулась к нему спиной. Одну за одной Нико вытащил шпильки и распустил низкий пучок у основания ее шеи. Затем он провел пальцами по прядям, расправляя их.

- Ты говорила, твой арест свел тебя, Кингсли и твоего священника вместе? - спросил Нико и забрал расческу из ее рук. Нора замерла. Единственный мужчина, который когда-либо расчесывал ее волосы, был Сорен. Позволить Нико сделать это казалось предательством. И все же она не могла остановить его. Она нуждалась в успокоении и контакте слишком сильно. Не было ничего более изысканного, чем нежное прикосновение щетки к ее волосам. Если бы узлы в животе можно было так же легко распутать.

- Да, именно Кингсли и помог спасти меня от колонии для несовершеннолетних. Меня приговорили к двенадцати сотням исправительных часов, которые я должна была полностью отработать до восемнадцати лет. И вот что забавно - Кингсли убедился, чтобы судья назначил Сорена моим наблюдателем. И вскоре я кормила голодных, зависала с бездомными, оттирала туалеты и учила в летнем лагере бедных детей, как плести книжные закладки.

- Лучше, чем тюрьма?

- Да. До тех пор, пока я не облажалась. Но это было по вине Кингсли. Он втянул меня в передрагу еще до нашего знакомства.

- Он талантлив.

- Расскажи мне.

- Что произошло?

Нора повернула голову к Нико, чтобы он мог достать до всех узлов.

- Был июнь. Мне было шестнадцать. И мой адвокат отправила меня под домашний арест. Она сказала, что я не могу никуда ходить кроме школы, даже в церковь. И в тот день, когда начались мои общественные работы, впервые за несколько месяцев я увидела Сорена. Все становилось странным. Быстро.

Нико низко рассмеялся и поцеловал чувствительную точку на ее спине, между лопатками.

- Насколько странно?
- История началась с палочки в земле и закончилась оргией.
- Так должна разворачиваться каждая история.

Глава 10

Элеонора

В 9:00 утра в первый же день летних каникул Элеонор, впервые с марта, вошла в церковь Пресвятого сердца. Она знала, что будет работать, поэтому надела старую белую футболку и джинсовые шорты и стянула волосы в конский хвост.

Она направилась к кабинету Сорена. Не Сорена, поправила она себя. Отца Стернса. Несколько раз она повторила про себя. Отец. Стернс. Другие прихожане гуляли вокруг церкви, и последнее, чего она хотела, это ошибиться и назвать его настоящим именем. Люди и так с подозрением поглядывали на девушку-подростка на побегушках у привлекательного молодого священника. Не стоило все усложнять. Отец. Стернс. Не. Сорен. Она сможет.

Элеонор постучала в дверь его офиса и сделала шаг назад. Он открыл дверь.

- Привет, Сорен, - сказала она.

Он удивленно изогнул бровь.

- То есть, Отец Стернс.

- Это же не будет для нас проблемой, верно?

- Возможно.

На мгновение он замолчал, прежде чем снова заговорить.

- Пойдем со мной. Нам нужно поговорить.

Она последовала за ним к черному входу в церковь на затененную лужайку. Ей пришлось поразмять ноги, чтобы поспевать за его длинными шагами. Он вывел ее на тропинку, которая граничила с небольшим общественным парком.

- Во-первых, как ты, Элеонор? Несколько месяцев тебя не видел.

- Мне жаль. Домашний арест. Но я в порядке. Пожизненно дома.

- Не могу винить твою маму за это решение. Но ты снова начнешь посещать церковь.

- Слушаюсь и повинуюсь, - ответила она, засунув руки в задние карманы шорт.

- Хорошее отношение к опекунству. Слышал, твоего отца арестовали.

Она пожала плечами. - Ага, такое потрясение. Он был в восьми штатах отсюда, когда они поймали этого ублюдка. Простите.

- Ты была арестована, а он сбежал. Я разрешаю тебе назвать его как тебе угодно.

- Спасибо. Уверена, он был напуган, правда ведь? Поэтому и сбежал.

- Ты заслуживаешь лучшего, чем кто-то, кто может бросить тебя в трудную минуту.

- Он вышел под залог. Несколько раз пытался звонить.

- Ты не будешь разговаривать с ним.

Она остановилась, и Сорен остановился и посмотрел на нее.

- Он мой отец.

- В тот момент, когда он решил защищать себя, вместо защиты своей дочери, в тот момент его право говорить с тобой или даже находиться в одной комнате исчезло.

Мы заключили сделку, Элеонор. Ты подчиняешься моим приказам. Это один из них. Ты поняла?

Она молчала, прежде чем ответить. Она надеялась, что «подчинение» с Сореном будет включать такие приказы, как «снимай одежду» и «забирайся в мою постель». Так или иначе, сделка была сделкой.

- Поняла.

- Хорошо. Твое благополучие - мой главный приоритет. Я надзиратель твоих общественных работ, из-за чего ты попадаешь в мои руки. Я очень серьезно отношусь к этой обязанности. Если я хочу помочь тебе найти правильный путь, то не будет ни одного аспекта твоей жизни, которую ты от меня скроешь.

- Мой адвокат сказала, что я должна проводить здесь около двадцати часов в неделю. Теперь у меня такая жизнь.

- Я хочу от тебя больше, чем двадцать часов в неделю. Это часы общественных работ. Еще я хочу поднять твои оценки. Когда осенью начнется школа, я хочу, чтобы здесь, в церкви, ты делала домашнюю работу, и я мог помочь тебе при необходимости.

- Я хорошо учусь, все в порядке. Я умнее, чем кажусь.

- В твоём облике нет ничего, что указывало бы на глупость, - ответил он и снова пошел. Мимо них прошли мамы, толкающие коляски. Они едва заметили ее, но все до единой улыбнулись Сорену. - Один заваленный тест, одно пропущенное задание, и твои оценки упадут. Если ты не будешь выполнять домашнюю работу и поддерживать средний балл, судья отправит тебя в колонию.

- Знаю. Обещаю выполнять домашку. Эти парковые дамочки вас заценили.

- Элеонор.

- Простите.

- В дополнении к твоим общественным работам, ты получишь духовную консультацию.

- Духовную консультацию? Мне вообще нужно знать, что это такое?

- Как иезуит, я много лет получал духовную консультацию от наставников. Все они были поучительными и наставляющими. Священники и миряне могут извлекать пользу из учений святого Игнатия. Уверен, и ты тоже.

Живот Элеонор напрягся от перспективы проводить столько времени с Сореном.

- Святого Игнатия? Ладно. Это я могу вынести. Что еще?

- Что касается твоих общественных работ, большую часть ты проведешь здесь, в Пресвятом сердце. Несмотря на мое уважение к Отцу Грегори, его служба, казалось, была больше сконцентрирована на духовных потребностях прихожан, нежели на материальных. У церкви нет продовольственного запаса, не было программы помощи малоимущим.

- Это плохо? - Они прошли мимо маленького дерева, Элеонор схватила веточку и потрясла ее, словно пожала руку.

- Молитва - это хорошо и полезно, но Иисус ясно дал понять, что нас будут судить по поступкам нашим, а не по молитвам.

- Вы собираетесь цитировать мне отрывки из Библии, верно?

- Да. От Матфея 25: 31-46

- Овцы и козлы. - Она почти прокричала эти слова. Сорен посмотрел на нее и изогнул правую бровь. - Простите. Вспомнила. Я просто рада.

- Чудесно слышать такую заинтересованность в Библии. Ты помнишь стихи? - Они прошли мимо куста с цветущими розами, и Сорен провел пальцами по бледно-розовым лепесткам.

- Ага. Иисус сказал, когда он вернется, разделит людей на две группы - овец и козлов.

- Правильно. Овцы, сказал Иисус, унаследуют Царство Небесное, потому что они одели его, когда он был гол, накормили его, когда он был голоден, дали ему воды, когда хотел пить и навели его в тюрьму. Овцы скажут, что не помнили, как делали это для Иисуса. И Иисус ответит «истинно говорю вам: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Козлы были теми, кто никогда никого не кормил, никогда не давал воду нуждающимся.

- Мне всегда нравились эти отрывки. Мы разыгрывали их в воскресной школе. У нас были маленькие овечьи ушки и козлиные рога. - Она приложила руки к голове и изобразила пальцами рога. Казалось, Сорен подавил улыбку.

- Я хочу, чтобы ты оказалась среди овец. Как часть твоих общественных работ, ты организуешь банк еды в церкви. У нас огромная кухня, которую, кажется, использовали только для свадебных приемов и крещений. Еще ты будешь работать в церковном лагере и посещать бездомных в приюте на Шестой улице.

- Посещать приют для бездомных? - Ей не удалось скрыть страх в голосе. Она слышала плохие истории об этом приюте. Большинство из них – наркоманы или алкоголики. Начнутся драки. Люди попадут в больницы.

- Не бойся. Я удостоверюсь, что ты будешь в безопасности. Ты присматриваешь за детьми?

- Иногда. Дети меня любят.

- Не могу представить кого-нибудь, кому бы ты не понравилась.

Она старалась не улыбаться. И не получилось.

- Несколько раз я говорил с твоей матерью. Она будет присматривать за твоим расписанием и следить за оценками.

- Вы говорили с мамой?

- Она любит тебя. Мы будем вместе работать над тем, чтобы огородить тебя от проблем.

Элеонор скорчила рожицу.

- И что это за выражение? - спросил Сорен.

- Простите, - выдохнула она. - Я люблю проблемы.

Они сделали полный круг по парку, судя по виду, около четверти мили. Сорен увел ее с дорожки к заднему входу в церковь. Он остановился на поляне в пятнадцати ярдах от входа и поднял с земли палочку. Палочка была длиной около двух футов и двух дюймов толщиной. Сорен воткнул ее глубоко в мягкую влажную землю.

- Твое первое задание это... - сказал Сорен и выпрямился, – каждый день в течение следующих шести месяцев в дождь, солнечную погоду, в снег, в дождь со снегом, град или ураган ты будешь поливать эту палку.

Элеонор уставилась на мертвую ветку, торчащую из земли.

- Это палка.

- Я знаю.

- Она мертвая.

- Понимаю.

- Поливание не вернет ее к жизни.

- И это я тоже понимаю

- Но я должна ее поливать?

- Это приказ.

- Я приму это как да.

- Именно.

- Вы не скажете, зачем ее поливать?

- Я сказал тебе, почему. Это приказ.

- И больше нет причин?

Сорен провел по нижней губе большим пальцем. Никогда прежде она так не хотела стать большим пальцем.

- Тот список вопросов, которые ты хочешь задать мне, но на которые я пока не могу ответить...

- Да, что с ними?

- Если будешь поливать эту палочку полгода без пропусков, я отвечу на твои вопросы.

- Да? На все?

- На любой твой вопрос ко мне, неважно насколько личный или неприличный, я отвечу через шесть месяцев, если ты будешь поливать эту палку каждый день.

Любой вопрос? Она не могла верить. Если бы он предложил ей миллион долларов или ответы на все ее вопросы, она, не раздумывая, выбрала бы второе.

- Значит, шесть месяцев это...

- Сразу после Дня благодарения, - ответил Сорен. - Скорее всего. Уверен, ты будешь благодарна, за окончание своего задания.

- К черту палку, я хочу ответы.

- Ты их получишь, если заработаешь, - ответил он.

- Как вы поймете, поливала я ее или нет?

- Пойму.

- А когда вы, ну, хотите выполнить свою часть сделки? - Элеонор пыталась скрыть нервозность в голосе. В обмен на полное подчинение, Сорен пообещал ей «все». С момента их последнего разговора, той ночью в полицейском участке, прошло два месяца. Он помнил, что обещал ей?

- Эту часть нашего соглашения мы обсудим, когда ты закончишь поливать палку.

- Класс. Тогда начну поливать ее прямо сейчас.

- Когда ты закончишь поливать ее через... шесть месяцев.

Сорен направился к церкви и оставил ее там смотреть на палку.

- Эй! - крикнула она ему в след. - Шесть месяцев?

- Делай что велено, и мы обсудим это через полгода.

Элеонор устала на палку, а после перевела взгляд на удаляющуюся фигуру Сорена.

- Я ненавижу тебя! - крикнула она.

- Палка не полетит сама, - крикнул он в ответ.

Она посмотрела на палку в земле.

- И тебя я тоже ненавижу, - сказала она палке и пнула ее.

После пересадки и полива теперь чуть более короткой палки, она вернулась в церковь, где Сорен поручил ей работу в общинном зале, где она оттирала и вымывала кухню и кладовки. Он сказал ей, что проверит ее работу, когда она закончит. Она хотела, чтобы он ею гордился.

К пяти часам она стерла почти весь лак с ногтей. Ее руки болели и потрескались от чистящих средств. Ее спина ныла от сидения на полу и сгибаний. Тем не менее, кладовка выглядела довольно потрясающе, когда она закончила в ней. Она стояла посреди комнаты, восхищаясь своей работой, когда услышала позади себя шаги.

- Хорошая работа, - сказал Сорен, стоя в дверном проеме.

- Я могу жить в этой кладовке. А вы можете есть с пола. Или могли бы, если бы тут была еда.

- Это будет твоим следующим шагом. В это воскресенье, в конце мессы, ты объявишь о благотворительном сборе продуктов.

- Я?

- Да, ты.

- Перед всей церковью?
- У тебя страх публичных выступлений?
- Нет, я так не думаю. Но мне шестнадцать, и я делаю это только потому, что заставил суд. Не думаю, что кто-то меня послушает.
- Они будут слушать тебя. Ты будешь говорить с моей кафедры, с моего разрешения и под моим руководством.
- Я буду изо всех сил стараться вызвать жалость и залезть в их кладовые.
- Хорошо. На сегодня ты закончила с работой. Пойдем в святилище, начнем наши духовные упражнения.
- Духовные упражнения? Моя душа будет отжиматься? - спросила она, когда они вошли в святилище.
- А может?
- Не знаю. Уверена, что она никогда не пыталась.
- Духовные упражнения Святого Игнатия что-то вроде отжиманий. Они были созданы, чтобы побудить людей упражняющихся, придать им силы и привести ближе к Богу.
- Так кем был Святой Игнатий? Я знаю, он основал орден иезуитов, и на этом все.
- Сорен засунул палец под свой воротник и вытащил серебряную цепочку. На ней висел медальон. Элеонор подошла ближе к Сорену и присмотрелась к лику на медальоне.
- Он лысый, - сказала она.
- Он брил макушку, потому что думал, что его волосы были барьером между ним и Богом.
- Вау. Правда?
- Нет.
- Я могу ударить вас по руке?
- Да.
- Элеонор стукнула его по плечу. Она стукнула сильно, но, казалось, он не ощутил удар.
- Спасибо. - Она встряхнула рукой. У него под рубашкой стальные руки? Ей не терпелось узнать. - А теперь вы расскажете мне что-нибудь о святом Игнатии?
- Я расскажу тебе два самых важных факта, которые тебе нужно знать о Святом Игнатии. Первый - он был святым.
- Никогда бы не подумала.
- Сорен проигнорировал ее.
- И второй - из всех святых, у него единственного есть достоверные судимости.
- Правда?
- Правда. Еще юношей Святой Игнатий, тогда еще Иньиго Лопес де Оньяс-Лойола, был арестован за драку. Очевидно, за уличную драку. У него был взрывной характер и меч, который он не боялся использовать.
- Так панково.
- Можно и так назвать. Его арестовали и осудили. Поэтому у тебя и основателя моего ордена есть две общие черты. У вас обоих есть записи в полиции. И вы оба получили второй шанс по Божьей воле.
- Элеонор ничего не сказала, пока Сорен заправлял медальон под воротник.
- Знаете, без обид только, но не уверена, что верю в Бога.
- Сорен пожал плечами. - Это нас заботит в последнюю очередь. Его существование не зависит от твоей веры.
- Тогда для Него это хорошие новости.

- Тихо. А теперь давай поговорим об окнах. - Он поднял руку, чтобы указать на витражи, которые выстроились по обеим сторонам святилища.

- Окна - часть Духовных упражнений?

- И да, и нет. Сейчас мне интересно узнать, какая часть Библии тебя интересует. Святой Игнатий верил, что изображения - мощный инструмент, который ведет нас к тому, что Бог приготовил для нас.

- Думаете, Бога заботит то, что мы хотим делать?

- Конечно. Желание - самая непреодолимая человеческая эмоция. Желание внушает людям высоты славы и тащит их в глубины Ада. Из-за желания обладать Еленой Менелай отправил тысячи кораблей на войну, чтобы вернуть ее. Из-за желания спасти свой народ Иисус дал распять себя. Желание - подарок Бога. И как любой другой подарок, мы должны использовать его, чтобы почтить Его.

- Желание от Бога?

- Да. Как и любой другой инструмент его можно использовать во благо или на зло. Мы пытаемся использовать наши желания во благо. Что возвращает меня к вопросу - из всех изображений на витражах, какой-нибудь привлекает тебя? И говоря об этом, я имею в виду, трогает ли твое сердце какой-нибудь, пробуждает ли эмоции или желания? Подумай. Изучи окна. Не торопись и...

- Этот. - Элеонор даже не нужно было смотреть на окно. Она указала на окно, даже не отрывая глаз от Сорена.

Сорен посмотрел на окно, которое она указала, и затем на нее.

- Ты уверена?

Она кивнула. - Ага, оно всегда было моим любимым. Я садилась на скамью под ним каждый раз, когда приходила в церковь.

Сорен подошел к окну и посмотрел на него. Элеонор последовала за ним.

- Это история из Евангелия от Луки, верно? - спросила Элеонор. Она нашла эту историю после того, как влюбилась в этот витраж.

- Да, от Луки, глава седьмая. Иисус был приглашен на ужин в дом Фарисея. Женщина, которую в городе все знали как грешницу, пришла к Иисусу и преклонила колени перед ним. Она помазала его дорогими маслами. Она омыла его стопы своими слезами, отерла его своими волосами. Это был акт полной покорности. Покорности и подчинения.

- Это так мило, - прошептала Элеонор, не совсем понимая, почему она захотела понизить голос. Что-то в этом витраже всегда вызывало у нее чувство благоговения. Женщина была завернута в фиолетовое одеяние, Христос в красное. Грешная женщина, на коленях перед Христом, сосредоточенная лишь на его обнаженных стопах, пока омывала их. Двое мужчин сидят позади Иисуса и смотрят, но Иисус смотрит только на женщину. - Она выглядит такой умиротворенной. Вы не думаете, что она была умиротворенной? То есть она публично плачет и сидит у ног мужчины, пока другие люди говорят о ней. Я читала, что фарисей сказал Иисусу, что она была грешницей. И Иисус отчитал его. Не думаю, что ее волновали, что говорят о ней фарисеи. С чего бы ей волноваться? Иисус позволил ей омыть его ноги. Думаю, она поэтому и плакала. Она была счастлива находиться рядом с ним.

- В церкви есть предание, - начал Сорен, его голос тоже был низким и почтительным, - что это Мария Магдалена омыла его ноги своими слезами и высушила стопы своими волосами.

- Проститутка?

- Она могла и не быть ею. В Библии не сказано, но церковное предание осталось таким навсегда.

- Надеюсь, она была проституткой.

- Правда? - Сорен казался заинтригован ее комментарием.

- В этом больше смысла, если бы она была проституткой. То есть, это Иисус, парень который ни разу не грешил. Он же ни разу не занимался сексом, верно?

- Нет доказательств, что он был женат, так что нет, по Моисеевскому закону, он хранил бы целомудрие, скорее всего девственник, хотя он мог рано жениться и овдоветь. Об этом мало свидетельств, но это объяснило бы, почему никто не упомянул, что он не состоял в браке, что в те дни и в его возрасте считалось бы очень странным для еврея.

- Иисус вдовец? - Элеонор никогда не рассматривала эту возможность.

- Это одна теория. Скорее всего, чудесные обстоятельства его рождения заставили его верить, что он призван выполнять особую миссию во имя Бога. Он оставался холостым по той же причине, что и солдат, посланный на войну. Он знал, что однажды не вернется домой.

- Значит, Иисус был девственником.

- Я так считаю.

- Бедный парень.

- В жизни есть вещи и похуже, чем жить без секса.

- Знаете, я не могу придумать никого более крутого посылающего всех этих осуждающих мудаков, кроме как идеального, девственного Иисуса Христа с проституткой у его ног. Словно он говорит «вы не можете судить ее, не осудив меня. Так осудите меня, рискните».

- Безопаснее сказать, что наш Господь был первым радикальным феминистом. Он постоянно ругал мужчин, которые осуждали женщин. Женщина с алебастровым сосудом. Женщина с кровотечением. Первый человек, с которым он заговорил после его воскресения, был не Петр, а Мария Магдалина.

- Иисус любил дамочек. Мне это нравится.

- Чем больше другие мужчины унижали женщину, тем добрее Иисус был к ней.

- Так что же значит, что это мое любимое изображение? Бог хочет, чтобы я сидела у ног Иисуса?

- Думаю, Он хочет тебя у ног другого.

Сорен повернулся спиной к витражу, словно больше не мог на него смотреть. На его лице было странное выражение, почти болезненное. Он глубоко вдохнул, будто пытался успокоить себя, и вскоре выглядел таким же умиротворенным, как и женщина на витраже. Элеонор вытащила листочек из заднего кармана.

- Есть ручка? - спросила она.

Он взял ручку из держателя для молитвенников на спинке скамьи и протянул ей.

- Зачем тебе ручка? - спросил он, пока она разворачивала листок.

- Новый вопрос для вас после Дня благодарения.

- Какой вопрос?

Она записала три слова на листке и протянула ему.

Сорен прочитал слова вслух.

- У чьих ног?

Элеонор засунул листок в карман.

- Одна проблема с вопросом, Элеонор.

- Какая?

- Ответить на него можешь только ты.

Глава 11

Элеонор

Ответить на него можешь только ты.

Несколько дней спустя после обсуждения с Сореном витража, Элеонор обдумывала его слова. Они засели в ее сердце как пуля, и она не могла вытащить их ни одним скальпелем в мире.

Была поздняя ночь четверга. Ничего не происходило. Она пошла в церковь, надеясь, что сможет застать Сорена в кабинете. Девушка хотела поговорить с ним о том, что он сказал, почему только она сможет ответить на этот вопрос - у чьих ног она должна сидеть? Было ощущение, словно ответ на этот вопрос определит ее оставшуюся жизнь. Но она не понимала почему.

Как только она переступила порог парадной двери «Пресвятого сердца», по пустому эху ее шагов она могла сказать, что была здесь одна. Дверь кабинета Сорена оказалась закрыта. Она постучала, но ничего не услышала. Трясущимися руками она повернула дверную ручку и обнаружила, что свет выключен, а кабинет пуст.

На дрожащих ногах она зашла в его офис. Она не должна быть здесь, но любопытство взяло верх. В темноте Элеонор протянула руку и провела пальцами по книгам на полках Сорена. Ткань. Кожа. Бумага. Ткань. Она прижала ладони к спинке его кресла - старый кожаный номер, вероятно, оно появилось здесь с момента возведения церкви, двести лет назад. В темноте Элеонор скользила по витому орнаменту из завитков на подлокотнике кресла и провела руками по гладкой коже сидения.

Девушка вернулась к двери, закрыла ее и заперла. Свет от уличного фонаря проникал сквозь витраж в виде розы, и ее тело отбрасывало тень на стол Сорена. Она опустилась в его кресло и вздрогнула от соприкосновения. Стол перед ней участвовал в стольких фантазиях с тех пор, как она познакомилась с Сореном.

Элеонор выпрямилась в кресле и стянула топ через голову. Она встала и сняла шорты. И когда снова закрыла глаза, услышала, как открывается дверь. Ей не нужен был свет, чтобы понять, что это Сорен. Она узнает его шаги где угодно, его дыхание, его запах. И теперь знала его прикосновения, когда его руки обняли ее и расположились на поясице. Она повернула голову к нему, и его губы обрушились на ее, его язык искал ее. Он не просто пах как зима, он и на вкус был как зима, словно свежее выпавший снег таял на ее губах.

Его ладони скользили вверх по ее спине и расстегнули лифчик. Он опустил шлейки по рукам и позволил тому упасть на пол. Правильно ли это? Хорошо ли это? Ей стоило остановить его? Могла ли она, если бы хотела? Хотела ли она?

Нет.

Он сел на стул перед ней и стянул ее трусики. Без слов она шагнула из них и осталась стоять полностью обнаженной. Она не покраснела, но бледный свет из окна отбрасывал бледно-розовое мерцание на ее тело.

- Моя, - сказал он и схватил ее за бедра.

- Ваша, - ответила она, наклоняясь для поцелуя.

Он целовал ее рот и шею. Она дрожала, когда его губы легко танцевали по чувствительному месту на ее груди. Он втянул сосок в рот, и она обвила руками его шею, притягивая голову к своей груди. Она и не представляла, что что-то может ощущаться лучше, чем его руки и рот на ее теле.

Сорен встал, поднял ее, словно она ничего не весила, и уложил на стол. Под ее обнаженной спиной поверхность была холодной и гладкой. Холод проник в нее, в то

время как каждое его прикосновение заставляло кровь кипеть. Без слов она раскрыла для него ноги. Он обхватил ее бедра и еще шире развел их. Большими пальцами он раскрыл ее половые губы. Он раскрыл ее широко и проник пальцем во влажность. А затем и вторым. Он открыл ее и двигал рукой внутри, прикасаясь к самым глубоким частям.

Его пальцы покинули ее, и она услышала звук расстегивающейся ширинки. Она крепко зажмурилась, когда он пододвинул ее бедра к краю стола. Затем он проник в нее. Она ожидала боль, но той не было, ее тело открылось ему, словно она была создана для него и только для него. Он заполнял ее до тех пор, пока она не могла принять больше. Теперь он двигался, проникал, отстранялся и затем снова пронзал ее. Ее тело окутывало его твердость, обволакивало своей влажностью, уговаривало дать еще, когда она приподняла бедра, желая получить больше. Он сжимал ее груди, пока двигался. Он удерживал ее на столе своими бедрами и руками, а она лежала беспомощная, обнаженная и беззащитная под ним. Именно этого она и хотела, как только увидела его, и теперь она примет все, что он сможет ей дать.

Он сжал ее горло, но не сдавил его. Инстинктивно она поняла, почему он занимается любовью с ней, удерживая за шею. Она принадлежала ему, он владел ею. Каждым биением жизни под его ладонью. Она ощущала, как пульс барабанил на шее, бился под его пальцами. «Я владею тобой», - говорила эта рука на ее шее. «Каждой частичкой тебя. Частью, которую трахаю. Частью, к которой прикасаюсь. Даже воздух, вдыхаемый и выдыхаемый из твоих легких – мой».

Ее дыхание участилось, когда он увеличил темп толчков. Ее спина оторвалась от стола в оргазме, пронизывающим тело. Клитор пульсировал, а сокровенные мышцы сжимались, словно кулак. Их пульсация отдавалась диким содроганием в животе, спине и бедрах...

Элеонор села на стол в полном одиночестве, ее голова болела от ослепляющей интенсивности фантазии и оргазма, который она сама себе подарила. Она подняла одежду с пола и быстро оделась. Она провела ладонью по столу. И ощутила несколько капель жидкости, ее собственной, которые упали сюда. Краем рубашки она стерла их и помолилась, чтобы Сорен не заметил ничего странного, когда в следующий раз будет садиться за стол. Она не могла поверить в то, что сделала на его столе. Что если бы ему что-то понадобилось в кабинете, и он обнаружил, что дверь заперта? Услышал бы он ее дыхание через дверь, услышал, как она кончает, представляя, как он забирает ее девственность на столе, в то время как за ними наблюдают Бог и Папа Иоанн Павел II с портрета на стене?

Элеонор обулась и выскользнула в коридор, осторожно закрывая за собой дверь.

И тогда услышала это.

Игру на рояле.

Оказалось, она была не одна в церкви.

Элеонор знала, что ей следовало уходить, направиться напрямик домой и притвориться, что ничего не произошло. Но музыка звала ее, словно песнь сирены и неумолимо притягивала к себе. Она исходила из святилища. Ноты проскальзывали под дверь и распространялись по холлу, обвивая вокруг нее пальцы и затягивая. Она прошла через двери в святилище и последовала к источнику музыки.

Сорен сидел у пианино, справа, где он и дьяконы переодевались в свои облачения.

Она остановилась в футе от него и наблюдала за его игрой. Нет, не так. Он не играл на пианино. Он поработил его. Его пальцы двигались с поразительной скоростью и ловкостью по клавишам. Сейчас он казался чистой концентрацией. Знал ли он, что она стояла там, слушала, наблюдала, и хотела его? Она не узнала

произведение, но хотела бы. Она хотела знать, что он играл, и почему играл так интенсивно, будто умрет, если остановится.

Прошли минуты. Может быть, час. Она так и не устала наблюдать за ним. Музыка пригвоздила ее к полу, так же как и его рука прижимала ее к столу в фантазии. Она не сможет пошевелиться, даже если попытается. Но она и не пыталась.

Наконец, отрывок закончился, и Сорен убрал руки с клавиш. Он держал голову опущенной, словно молился. Он не смотрел на нее.

- Элеонор, сейчас я не могу разговаривать с тобой, - сказал он.

- Вы можете посмотреть на меня? - спросила она, и, несмотря на эхо в нефе⁴, ее голос казался тихим и робким.

- Нет.

Она засунула руки в карманы.

- Вы злитесь на меня? - спросила она.

- Нет.

Элеонор оставила висеть это «нет» между ними. Она хотела поверить ему, но ощутила его напряжение. Его челюсти были сжаты, а поза – жесткой.

- Пожалуйста, поговорите со мной, - умоляла Элеонор.

- Что ты хочешь от меня услышать? - Его голос звучал таким же натянутым.

- Что угодно. Я не знаю. - Она хваталась за слова. Что-то ей подсказывало, что он точно знал, что произошло только что в его офисе, но, безусловно, если мужчина знал, то сказал бы что-нибудь, накричал на нее или наказал.

Он посмотрел на потолок.

- Для лошадей делают нечто похожее на очки. «Шоры» называются, - ответил Сорен. Он поднял руки и приложил их к вискам. - Они могут смотреть только вперед. Никакого периферийного зрения. Хотел бы, чтобы у меня такие были.

- Вы уверены, что не злитесь на меня?

- Напротив, уверяю.

Она размышляла, как правильно ответить, но не смогла. Поэтому задала самый глупый вопрос, который могла придумать.

- Значит... вы играете на пианино?

- Да, - ответил он.

- Что вы играли?

- Бетховен, четвертый фортепианный концерт.

- Где вы научились так играть?

- Моя мама преподавала фортепиано.

- Странно, - ответила она.

- Странно, что моя мама учитель фортепиано? - Сейчас он казался почти удивленным. Хорошо. Она боялась, что ее проделка в его кабинете бесповоротно изменила ситуацию между ними.

- Странно, что у вас есть мама. Я думала, вы упали с неба. Знаете, как метеор. Или пришелец.

Или Бог.

Он слабо улыбнулся, но так и не посмотрел на нее.

- У меня есть мать и отец. Я люблю свою маму. И ненавижу отца.

- Вы меня обошли. Я ненавижу обоих родителей.

- Ты не ненавидишь свою мать.

- Нет. Но я и не очень люблю ее. Думаю, эти чувства взаимны.

---

⁴ корабль - в церковном здании базиликального типа - отделённое столбами или колоннами продольное помещение

- Она любит тебя.

- Вы уверены?

- А как она может не любить? - спросил он, словно это была самая глупая идея в мире: даже на секунду подумать, что кто-то мог ее не любить.

Элеонор снова замолчала. У нее никогда не было более болезненной беседы. Даже ее обращение перед судьей, когда она признала вину за угон машины, было менее неловким, чем эта кошмарная беседа.

- Почему ты пришла сюда сегодня? - спросил Сорен, он по-прежнему смотрел на стену перед собой.

- Я хотела поговорить с вами, - ответила она. - У меня есть вопрос.

- Какой?

- Сейчас уже и не вспомню. Тогда казался очень важным.

Сорен сложил ладони вместе и расположил их на коленях. Сейчас он не молился. По крайней мере, было не похоже. Скорее всего, он пытался контролировать себя, пытался занять руки, чтобы не сделать что-то. Что именно?

- Это будет сложно, - сказал Сорен. - Наша совместная работа. Ты это понимаешь?

- Я... - Она замолчала и обдумала вопрос. - Думаю да.

- Я священник. Это ты тоже понимаешь?

- Нет.

- Нет?

- Конечно, я не понимаю, почему вы священник. - Слова, которые она сдерживала с момента их знакомства, наконец, вылетели. - Вам двадцать девять, и вы самый красивый мужчина на земле. Вы можете получить любую девушку в мире, которую захотите. Вы потрясающий и можете заниматься, чем захотите. Вы можете жениться и завести детей. Или заниматься безумным сексом с кем угодно и где угодно. А это чертов Уэйкфилд, Коннектикут. Пройдете две мили от этого места и попадете на край света. Здесь нет ничего для вас. Вы бесполезны для этого места. Вы можете править миром, если захотите, и мир, вероятно, не будет против. Я ненавижу следовать правилам, но я бы последовала за вами в ад и вынесла бы вас на спине, если бы пришлось. Понимаю ли я, почему вы священник? Нет, и сомневаюсь, что когда-либо пойму. Потому как если бы вы не были священником...

- Если бы я не был священником, - повторил он. - Знаешь ли ты, что бы произошло, не будь я священником?

- Ага, - ответила она. - Мы с вами могли...

- Мы с тобой ничего бы не могли, - ответил он. - Если бы я не был священником, Элеонор, мы с тобой никогда бы не встретились. Если бы я не был священником, ты сейчас была бы в колонии для несовершеннолетних, потому что Отец Грегори не помог тебе так, как это сделал я. Если бы я не был священником, на твоем счету была бы уголовная судимость. Ты бы окончила школу в колонии, и вероятность поступления в колледж была бы равна нулю.

Элеонор ощутила, как под ее ногами дрожит пол. Глаза наполнились слезами.

- Сорен?

- Когда мне было четырнадцать, я решил стать священником, - ответил он. - Как только принял решение, впервые в жизни я ощутил умиротворение в сердце. И не знаю, почему или откуда шло это спокойствие. Оно должно было меня пугать - жизнь в бедности, безбрачная и целомудренная жизнь, жизнь в послушании общине, которая могла отправить меня в любую точку мира. Но я знал, что была причина, по которой мне нужно стать священником. Я был в этом уверен. И эта уверенность поддерживала всю учебу в семинарии и путь сюда. И теперь я знаю, почему мне нужно было стать

священником. Потому что Бог знал задолго до того, что мне нужно будет найти тебя и помочь тебе и помогать идти правильным путем. И я буду оберегать тебя, даже если это убьет меня.

Одинокая слеза скатилась по ее щеке и упала на пол. Теперь она была благодарна за то, что он не смотрел на нее и не видел ее слез.

- И если бы я не был священником, - продолжил Сорен, - я, скорее всего, был бы мертв. Было несколько моментов, когда я был твоего возраста и младше, глупые моменты, когда я думал, что не достоин жизни. То, что я делал, то, что хотел делать, постоянно терзало меня. Я считал, что Бог совершил ужасную ошибку, когда сотворил меня, и, возможно, мир был бы лучше, если бы меня в нем не было.

- Нет... - Она едва выдавила слово. Мысль о смерти Сорена оскорбляла все, во что она верила, особенно его, потому что она верила в него больше всего.

- Когда я впервые ощутил призыв стать иезуитом, на место этих чувств пришли другие. Бог создал меня по какой-то причине, сотворил меня, словно у меня было предназначение.

- Например? Вы...

- Мое предназначение стать священником спасло меня, Элеонор. Как спасло и тебя. Если бы я не был священником, тебя бы не было в этом святилище, и меня тоже. Поэтому, пожалуйста... - Он замолчал и поднял руку, держа ее почти в позе капитуляции. - Пожалуйста, не усложняй все еще больше, чем уже есть.

Он снова опустил руку.

- Простите, - прошептала она.

- Здесь не за что извиняться.

- Вы уверены?

- Да. Несколько месяцев назад я сказал, что новые правила, которые я установил, были ради моего же блага, потому что мне нужны границы. И прошу уважать их.

- Я могу, - пообещала она. - И буду.

- Спасибо, - ответил он.

Она хотела сказать больше, сказать, что больше никогда не зайдет в его кабинет, во всяком случае, без его разрешения. Он ничего не сказал о том, что она сделала на его столе, но была уверена, что он знал, и именно поэтому он не мог смотреть на нее сейчас. Она представляла, что он не смотрел на нее ради своего блага - защитить ее от унижения. Но что странно, она его совсем не испытывала. Только печаль из-за его правоты. Неважно как сильно она хотела, чтобы он не был священником, чтобы они могли быть вместе, она знала, что не будь он священником, они так бы никогда и не встретились. То, что свело их, было и тем, что удерживает их порознь. Все это она хотела сказать ему, но прежде чем успела открыть рот, услышала осторожный автомобильный гудок, пронзающий их напряженное молчание.

- Это за мной, - ответил Сорен. - Я должен идти.

- Куда вы идете?

- Я не могу ответить, - сказал он.

- Не можете или не хотите?

Сорен поднялся со скамьи и прошел мимо, по-прежнему не глядя на нее. Она последовала за ним.

У двери святилища он остановился.

- Мы больше не станем это обсуждать, - сказал Сорен. Предложение было произнесено как утверждение, но она услышала приказ, скрывающийся под его словами. Она знала, что он серьезен. Они больше никогда не будут говорить об этом, потому что она больше никогда не проникнет в его офис и не будет снова мастурбировать на его столе. - И мы притворимся, что этого разговора не было. Завтра

мы оба будем чувствовать себя лучше. Через неделю все превратится в давнее воспоминание. Да?

- Хорошо, - ответила она.

Сорен кивнул. Он положил руку на дверную ручку и толкнул ее.

- Ты уверена, что не помнишь, о чем хотела меня спросить?

- Уверена.

- А если подумать...

- Не важно, - ответила она, вспоминая вопросы, которые хотела задать, и решила не задавать. - Уверены, что не можете сказать куда едете?

- Более чем. Скажу вот что: я бы хотел взять тебя с собой.

Она улыбнулась. Наконец, напряжение начало покидать ее тело.

- Я тоже. Я готова пойти с вами куда угодно.

Впервые за этот вечер Сорен посмотрел ей в глаза и подарил легчайшую улыбку.

- Не переживай. Однажды так и будет.

И с этим он открыл дверь и ушел в ночь. Перед церковью, в тенистой части улицы, стояла машина, но не просто старая машина. Сорен занял заднее пассажирское место и машина уехала.

Элеонор не могла поверить в то, что увидела. Но она это видела. Она разбиралась в машинах. Она знала все машины, все марки, все модели. Но то, что она увидела, не имело смысла. Чья она? Откуда? Куда направлялась?

Может, однажды она получит ответы на все эти вопросы. Но сегодня она должна сосредоточиться на себе и ответить на один вопрос. *Только ты знаешь ответ*, - сказал Сорен, когда она спросила, у чьих ног она должна сидеть.

Теперь она понимала, что он имел в виду. У чьих ног сидеть решала она. Только она знала ответ на этот вопрос, потому что только она делала выбор. Сорен не мог ответить, ее мама не могла ответить, Бог не мог ответить. Это был только ее выбор. У чьих ног? Она уже знала ответ.

И ответ уехал сейчас в блестящем, великолепном, первозданном, стоящим-целое-состояние 1953 года выпуска Серебряном духе....

Роллс. Чертовом. Ройсе.

Глава 12

Элеонор

После той ночи с Роллс-Ройсом, как окрестила ее Элеонор, ситуация между ней и Сореном нормализовалась. Ну, или все более-менее пришло в норму. Лето прошло так быстро, что дни слились в одну картинку, как пейзаж за окном движущейся машины. Она почти затосковала, когда настало время идти в школу, ведь последние три месяца она практически жила в церкви и видела Сорена чуть ли не каждый день. Каждую неделю она отработывала почти по сорок часов общественных работ. Сорен задавал ей отрывки для чтения из Библии и заставлял размышлять над ними. Даже работая эти пару недель в лагере для малоимущих детей, она по-прежнему видела его по вечерам. Она даже вышила ему закладку.

Но время не будет ждать. Наступил сентябрь, и она пережила первый день в школе без происшествий. Без драк. Без ссор с учителями. Без обвинений любимых святых в непристойных отношениях с серафимами. Черт, в эти дни она была святой. Она больше не сбегала в город, чтобы тусоваться в мастерской папы. Она больше не сбегала к подруге Джордан. Она не сидела до 3 часов утра, читая пошлые книжки с

рукой в трусиках. Что ж, она все же делала это, но только по выходным. До Сорена Элеонор ждала окончания школьного дня, чтобы попасть домой, поспать и почитать. Сейчас же она считала часы до окончания дня, чтобы пойти в церковь.

Когда она приехала в «Пресвятое Сердце» после первого дня в школе, то переделалась и полила свою палочку. Дверь в кабинет Сорена была заперта, но она слышала голоса внутри. Из любопытства она прижала ухо к двери и попыталась разобрать слова. Сорен говорил четко и громко, и она слышала его, но ни одно из слов не имело смысла. На самом деле, было похоже, будто он говорит на другом языке. Определенно не немецкий. Нет, этот был сексуальным и романтичным. От его речи, ее внутренности затрепетали. Должно быть, французский.

Французский? С кем это, черт возьми, он разговаривал на французском?

В следующий раз, когда он захочет поговорить по телефону, пока она будет стоять снаружи офиса и подслушивать, пусть сделает это хотя бы на английском.

Разочарованная Элеонор направилась к холлу и услышала, как открывается дверь. Она развернулась и увидела руку Сорена, протянутую в коридор, как какой-то перископ. Он поманил ее пальцем, и Элеонор подошла к нему.

- Вы оказались в ловушке внутри своего офиса? - прошептала она и прижалась спиной к стене у двери. - Какое-то силовое поле, и вы только руку можете вытянуть?

- Да, - ответил он, и его рука исчезла в кабинете. Она посмотрела на него через порог. - Это называется диссертация.

- Как как?

- Диссертация. - Он сел за стол. Две стопки книг располагались по бокам от него.

- Я заканчиваю докторскую по философии. Я приказал себе не покидать кабинет, пока не добьюсь существенного прогресса.

- О чем диссертация?

- Если Сатана даст тебе задание написать анализ книги из Ада, это будет очень похоже на написание этой докторской диссертации по философии.

Она сочувствующе поморщилась.

- В прошлом году я писала анализ книги по Джейн Эйр и жены с чердака. Я назвала его «Джейн против одной бешеной суки».

- Интересная тема.

- Какая у вас тема?

- «Теология боли и страдания в письмах Святого Игнатия».

- Это так же скучно, как и звучит?

- Более чем.

- Нужно название получше.

- Лучше чем «Теология боли и страдания в письмах Святого Игнатия»?

- Как насчет «Больно - это Бог». На мотив песни John Cougar 'Hurts So Good'⁵.

Сорен оперся подбородком о ближайшую стопку книг и прищурился на нее.

- Твой разум, должно быть, самая чудесная игровая площадка.

- Думаю, мои качели разума заржавели.

- Нам стоит их починить. - Он встал из-за стола, взял свою Библию и покинул офис.

- Эй, погодите-ка, большой папочка. - Она последовала за ним, пока он шел к святылищу. - Вы не должны покидать кабинет.

- Я установил правило. И я могу его нарушить.

- А я могу нарушить ваши правила? - спросила она.

- Нет. - Он уставился на нее. - Пойдем со мной. Возьми Библию.

---

⁵ Больно это хорошо

Она вытащила Библию из рюкзака и отправилась в хоры в святилище.

- Чем вы занимались сегодня? - спросила она, как только оказалась в хорах. - Вы снова заставите меня размышлять об Иисусе?

- А ты не хочешь? Размышления о жизни Христа жизненно важная часть духовных упражнений.

- Знаю, - ответила она, плюхнулась на скамью и вытянула ноги. - Но в моих размышлениях Иисус всегда выглядит как Эдди Веддер, а мне не нравится считать Иисуса сексуальным. Это так же неуместно, как смотреть на фотографию своей бабушки, когда ей было восемнадцать и считать ее красоткой.

- Уверен, Иисус был бы польщен тем, что ты представляешь его привлекательным. Нет ничего греховного в том, чтобы считать кого-то привлекательным.

- Вы уже говорили это, но не думаю, что это правило применимо к Иисусу.

- Что ж, у тебя есть вопросы, на которые тебе нужны ответы? - спросил Сорен и шлепнул ее Библией по бедру, чтобы она села ровно. - Значение первородного греха? Пророчества Исайи относительно Христа? Что угодно?

- Да, у меня есть вопрос. - Она посмотрела на него.

- Задавай.

- Почему вы такой высокий? Сколько у вас? Шесть с чем-то?

- Шесть футов и четыре дюйма.

- Это нелепо. Обязательно быть таким высоким, или вы делаете это, чтобы привлечь внимание?

- Это твой теологический вопрос?

- Бог создал вас. Он создал вас высоким. Это мой теологический вопрос.

- Тогда хорошо. Высокие люди ближе к Богу. Раз я высокий, я могу слышать Его лучше, и поэтому ты всегда должна слушать, когда я что-то тебе говорю.

Она уставилась на него.

- Это самая крутая куча чуши собачьей, которую на меня когда-либо вываливали.

- Тогда докажи обратное. Используй Библию.

- Это мое задание? Я должна доказать, что вы под завязку набиты дерьмом?

- Да.

- Вы не могли бы дать мне хорошее задание по Библии? Например, прочитать все сексуальные части?

- И это тоже могу, если пожелаешь.

- Тогда Песни песней Соломона. Мне нравится, как он описывает ее сиськи как у антилопы.

- Я предпочитаю Книгу Есфирь. Больше сюжета. Меньше причудливых метафор, связанных со жвачными млекопитающими.

- Есфирь - сексуальная книга?

- Да, если используешь воображение. Уверен, ты справишься.

Элеонор покраснела. У нее было предчувствие, что он говорил о небольшом инциденте на его столе.

- Что я получу, если докажу, что вы неправы? - спросила она, отчаянно желая сменить тему разговора.

- Просветление.

Сорен оставил ее в хорах наедине с Библией и заданием доказать его неправоту. Это не должно было быть слишком сложным. Она сомневалась, что найдет хоть один стих, в котором говорилось, что Бог предпочитает высоких людей. Конечно же, ей придется прочитать всю Библию, чтобы убедиться в обратном. На это уйдет достаточно времени. Проще доказать, что Бог любит низких. Было ли что-то, что

говорил Иисус о страдании маленьких детей? Она перелистнула Библию в конец и нашла алфавитный указатель.

Маленькие... маленькие... маленькие дети... младенцы.

Младенцы? Она перелистнула на Псалом и нашла стих.

Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне⁶.

Бам. Идеально. Довольно просто.

Бог любит маленьких людей. Она победила. Сорен проиграл. И что теперь?

Она перелистнула еще несколько страниц Книги Есфирь. Элеонор слышала об Есфирь, но не припоминала проповедей об этой книге. Они еще не затрагивали ее на уроках богословия. Все, что она помнила об Есфирь, это то, что та была королевой и что-то о конкурсе красоты? Для нее не сексуально. Но Сорен сказал, что предпочитает Есфирь Песне песней, поэтому...

И было во дни Артаксеркса, — этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии и до Ефиопии...

И это должно быть сексуальной книгой?

Элеонор продолжила читать. Она прочитала все, от начала до конца. В истории было что-то странное, что-то не совсем правильное. Есфирь... и король... они, правда...? Не может быть. Или может?

Она закрыла Библию и нашла Сорена в его кабинете.

- Я прочитала именно то, что я прочитала? - поинтересовалась Элеонор без вступления.

- Как ты считаешь, что именно ты прочитала? - спросил Сорен, закрывая книгу и обращая на нее все свое внимание.

- Царь Артаксеркс избавился от своей царицы, и ему понадобилась новая.

- Да.

- И он устроил кастинг на ее место.

- Именно это он и сделал.

- Я прочитала неверно, или Царь Артаксеркс рассматривал кандидатов на место девственной королевы, трахая их?

- Это довольно красочное, хотя и довольно точное описание.

- Значит, он сделал это?

- Да.

- Значит, Царю Артаксерксу привезли девственниц со всей Империи. Он дал им год, чтобы они прихорошились для него, и затем у них была целая ночь прослушиваний в его спальне на место царицы.

- Где же тут вопрос, Элеонор?

- Да. Что сделала Есфирь?

- Не понимаю.

- Царю, чтобы он выбрал ее, - объяснила Элеонор. - Что она сделала, что другие девушки не сделали, и она стала царицей?

- Предполагаю, она была лучше в постели, чем остальные.

Элеонор уставилась на Сорена.

- Что? - спросил он.

- Причина, из-за которой ее выбрали спасти еврейский народ, скрывалась в ее таланте хорошо сосать?

- Пути Господни неисповедимы.

---

⁶ т. е. тех, кто просто и глубоко, как дети, веруют в Него, или беспомощных, как дети, а потому нуждающихся в защите со стороны

- Господь работает через секс?
- Постоянно. Святые когда-то были детьми. Их нужно было зачать через половые сношения. В этом нет ничего анти-библейского.
- Но Есфирь не была замужем за царем. Она была наложницей в гареме. У нее был добрачный секс. Католикам запрещено заниматься сексом до брака.
- Есфирь не была католичкой. Католицизма тогда еще не было.
- Она устала на него.
- Вы понимаете, о чем я. Это в Библии.
- Шокирует, верно? - Он не казался шокированным, скорее довольным.
- У меня нет слов.
- Тогда почему ты все еще говоришь?
- Потому что я нашла библейскую героиню, которая стала библейской героиней из-за того, что раздвинула ноги перед царем. Это действительно сексуально, но кажется неподходящим способом выбора мирового лидера. Или нет. Может, именно так мы и избрали президента Клинтона.
- Справедливости ради, Есфирь была заложницей, и на самом деле у нее не было богатого выбора: или секс, или стать царицей.
- Она была великолепна в постели, и это помогло ей спасти свой народ.
- Я знал, что она тебе понравится.
- Я хочу стать, как она. Интересно, Артаксеркс был горячим?
- Думаю, он выглядел как Эдди Веддер.
- Вы вообще знаете, кто это?
- Нет.
- Так и знала. Мне любопытно, что сделала Есфирь, чтобы так впечатлить царя за одну ночь.
- Сорен поднял ручку и постучал ею по столу.
- Если верить автору книги, она была красива, - ответил Сорен. - И, очевидно, умна. Женщинам в гареме разрешалось брать с собой на ночь к царю все, что они захотят. Но Есфирь взяла лишь то, что охранник гарема Гегай сказал ей взять. С ее стороны было мудро спросить кого-то осведомленного.
- Может, она спросила у него, не потому, что он знал царя. А потому, что он был мужчиной.
- Один из возможных вариантов, - Сорен полистал Библию.
- Что бы вы сказали Есфирь сделать?
- Pardon? - Сорен изогнул бровь.
- Если бы девственница пришла к вам и сказала, что собирается провести ночь с царем, какой бы совет вы ей дали?
- Интересный вопрос. У священников не часто просят совета в сексе. Но опять же, Гегай был евнухом. Сомневаюсь, что и у них часто спрашивали советов относительно секса.
- Кто такой евнух?
- Кастрированный мужчина.
- Оу.
- Именно.
- Ну, тогда лучше просить совета у священника, чем у евнуха. Думаю, при вас все еще есть оригинальные детали.
- И гарантия на них, - добавил он.
- Элеонор скрестила руки и прислонилась к дверной раме.
- Так что бы вы сказали Есфирь сделать?
- Я надеялся, ты забыла вопрос.

Она услышала нотки напряжение в его голосе.

- Ох, простите, - ответила она. - Мы не должны разговаривать о С-Е-К-С-Е, верно?

- Мы можем говорить о сексе в контексте Библии.

- Это смущает вас, разговоры о сексе?

- Смущение не подходящее слово, - ответил он. - Я, скорее, в замешательстве.

- В замешательстве? - повторила она. - Разговоры о сексе приводят вас в замешательство?

- Нет, разговор с тобой о сексе приводит меня в замешательство.

- Значит, вам не нравится?

- Слишком сильно нравится. И думаю, ты об том знаешь.

Руки Элеонор немного дрожали. Мир вокруг них затих, словно сами стены слышали и беседу.

- Какой бы вы дали совет Есфирь? - снова спросила Элеонор, отказываясь сдаваться. Он никогда не отвечал на ее важные вопросы. Она не сдастся, пока он не ответит на этот.

Сорен откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком. Пока он думал над вопросом, ее мысли закрутились. Она с легкостью представила себя Есфирь. В те времена девушки рано выходили замуж, как сказал Сорен. Она с Есфирь, возможно, были одного возраста. Если бы она жила тогда, была ли она одной из тех девственников, приведенных на кастинг на роль царицы? Что бы она сделала в такой ситуации? Есфирь попросила охранника о совете, и по тексту Библии, Есфирь взяла только то, что Гегай сказал ей взять. Она взяла меньше, чем другие женщины. Но что же это было? Что он сказал ей взять? И что она сделала, когда оказалась наедине с царем?

- Думаю, если бы мне пришлось давать совет Есфирь, как мужчина, а не священник, - Сорен наклонился вперед и оперся локтями на стол, - я бы сказал ей идти к нему без страха и полностью довериться. Она бы предложила ему себя в духовном подчинении. В конце концов, царя разозлил отказ царицы Астинь подчиниться. Видимо, он высоко ценил подчинение. Она должна была сказать царю, что будет делать все ради его удовлетворения, что повинится каждой его прихоти и подчинится любому его желанию. Я бы сказал ей позволить ему обнажить все свои самые потаенные секреты и без вопросов принять их, и открыть свои секреты ему. Она должна подчиниться ему с любовью и без страха, отдать свое тело, как святое подношение и превратить их постель в алтарь.

Колени Элеонор дрожали от слов Сорена. Она не могла не представить себя в шелковом облачении, сопровождаемой в спальню царя, царя, который был очень похож на священника перед ней.

- Элеонор? - спросил Сорен.

- Что?

- Ты стонала.

- Да? - Да. Она знала это. - Простите.

Он снова откинулся на спинку кресла и посмотрел на нее с улыбкой на лице, но с темным и довольным блеском в глазах. Именно здесь - она увидела его. Этот взгляд. Эти глаза. Он знал, что возбудил ее своими словами, и поздравил себя с этим. Выражение на его лице было высокомерным, покровительственным и властным. Она так сильно хотела его, что было больно.

- И кто теперь в замешательстве? - спросил он.

Она прищурилась на него. Без сомнения, он был единственным мужчиной, когда-либо жившим на земле, который произносил слово «замешательство» так сексуально.

- Какая бы ни была игра, которую мы ведем, - наконец сказала она, - я собираюсь выиграть.

Она ждала, что это заявление смутит его или собьет с толку, но была глубоко разочарована.

- Если ты доверишься и подчинишься мне, - ответил он, - мы оба можем выиграть.

Довериться ему. Подчиниться ему... Это она могла. И из неоткуда пришел ответ. Элеонор точно поняла, что Есфирь взяла с собой.

- Я знаю, что Есфирь взяла с собой к царю, - сказала она и посмотрела на него с улыбкой.

- Правда?

- Когда я знаю, что на отлично сдам тест, то иду в класс с одним карандашом, - ответила Элеонора. - Если Есфирь знала, что с отличием пройдет просмотр, она бы ничего с собой не взяла.

- Возможно, ты права.

- Возможно? Я уверена в этом. Но хотелось бы, чтобы те, кто писал Библию, были внимательнее к деталям.

- Я говорил, в ней будет секс, если ты используешь воображение.

- О, я использовала его. По полной использовала.

- Иди и используй его для своего домашнего задания.

- Первый день в школе. У меня нет никакого задания.

- Ты сделала то задание, что я давал тебе?

- О да. Вы под завязку набиты дерьмом. Псалом 114. И я цитирую: «Хранит младенцев Господь: я смирился, и Он спас меня». Бог любит маленьких, Он хранит их и спасает их. Я низкая, значит, Бог будет хранить и спасать меня, потому что я младенец. Учítывая, что Он послал вам спасти меня от тюрьмы, думаю, у меня на руках все необходимые доказательства.

- Очень хорошо, Малышка. - Он широко улыбнулся, и на мгновение она едва не ослепла.

- Не называйте меня Малышкой.

- Не нравится?

- Совершенно не нравится.

- Хорошо. А теперь иди и найди себе работу, Малышка. Я работаю над диссертацией, а ты вредишь моей концентрации.

- И что мне делать?

- Можешь использовать невероятную силу своего воображения и новоприобретенное мастерство библейского ученого, чтобы сформулировать теорию, чем же именно Есфирь заслужила царскую милость.

- Значит, я должна узнать, что же выделяло ее в постели среди других?

- Точно.

- Такое задание по мне.

Элеонор покинула Сорена в его кабинете с восемью миллионами книг и диссертацией. Она спряталась в кладовке с продуктами и переставила банки с зелеными бобами на пол в колонны, которые видела на фотографиях экзотических дворцов.

Она смотрела на бобовый дворец и взяла ручку. Сверху чистого листка своего блокнота она написала:

Одна ночь с Королем.

Ради забавы она подписала внизу «Элеонор Шрайбер». И затем она четыре часа непрерывно писала.

Глава 13

Элеонор

Одна ночь с Царем

Элеонор Шрайбер

Сегодня моя ночь.

В течение года я проходила обучение - как делать реверанс, как притворно улыбаться, как танцевать и как стонать. Они одевали меня и вычесывали, делая красивой. Двенадцать месяцев я слушала разговоры девушек, решающих какой подарок они сделают царю, что они сделают, чтобы произвести на него впечатление.

- Я сочинила для него песню, - сказала одна девушка.

- Я написала ему стихи, - заявила другая.

- Я связала для него кардиган, - произнесла другая.

Все посмотрели на эту девушку как на идиотку. Она и была идиоткой. Это Древняя Персия. Цари не носили кардиганы. Кардиганы еще не изобрели.

Я проводила большую часть дня в ванной, приводя себя в порядок. К вечеру я пахла как орхидея, выглядела, как принцесса, и на моем теле не было ни единого нежелательного волоска.

За мной пришел Гегай.

- Вы готовы? - спросил он.

- Думаю, да.

- Ты возьмешь что-нибудь с собой к королю?

- У меня есть похвала.

- Собираешься петь?

- Нет. Простите. У меня есть девственная плева. Я перепутала.

Гегай оставил меня у двери в царскую палату.

Я открыла дверь.

Сначала я никого не увидела. Вокруг можно было заметить лишь обстановку покоев - большие сексуальные диваны, высокие сексуальные цветущие растения, длинное сексуальное зеркало в золотой раме, чтобы проверять, насколько ты сексуален. И стояла огромнейшая, сексуальнейшая кровать, которую я когда-либо видела. Красные шелковые простыни, красные и золотые подушки, и эти причудливые занавески над кроватью, которые были в прошлом, до изобретения центрального отопления. Хорошо жить в прошлом. Здесь сексуальнее.

Большая дверь на балкон была открыта, я высунула голову из двери и увидела стоящего у перил мужчину, смотрящего на царство.

До того, как я увидела мужчину, считала дворец красивым, считала царство красивым, считала драгоценности красивыми. Но они не шли ни в какое сравнение с царем.

У него были золотистые волосы, и он был таким высоким, я знала, он наверняка делал это ради внимания. На нем были джинсы и белая футболка. Я думала, что джинсы еще не изобрели, но тогда я поняла, их изобрели, потому что они так хорошо сидели на нем.

И если кто-нибудь приставит дуло к моему виску и прикажет назвать самого красивого мужчину в царстве, я бы напомнила этому человеку, что пистолеты еще не изобрели.

И указала бы на царя.

- Он.

- Он, кто? - спросил царь и повернулся ко мне.

- Ой. Простите. Я сказала это вслух? У меня было странное видение, будто к моей голове приставили пистолет.

- Пистолеты еще не изобрели.

- Так я ему и сказала. - Я шагнула вперед и протянула руку. Царь пожал ее. - Я Есфирь. Буду сегодня вас развлекать.

- О Боже, ты принесла стихи?

- Я не пишу такое дерьмо.

- Похвалу?

- Нет.

- Пожалуйста, скажи, что ты ничего не связала. Мне не нужны свитера. Это Персия. Здесь даже не бывает холодно. Кроме зимы.

- Я не вяжу.

- Ты знаешь хорошие шутки?

- Заходит девственная плева в бар. Ну, кто меня обслужит?

Царь не рассмеялся. Но думаю, он хотел.

- Что ты еще делаешь?

Я подошла ближе к царю и поднялась на носочках.

- Все, что скажете.

И затем мы поцеловались.

И какой это был поцелуй. От этого поцелуя у меня перехватило дыхание. Я забыла свое имя и возраст, и номер телефона. Я не забывала номер, потому что тогда телефоны еще не изобрели. Он целовал мои губы своими губами так, будто целовал мою душу, и все, что я хотела, это никогда не переставать целовать царя, который на вкус был словно растаявший снег на губах, и пах зимой в волшебном мире, где никто не старел, никто не умирал, и, как только люди влюблялись, это чувство потом не угасало.

- Ты ничего не принесла с собой? - спросил царь, прерывая их идеальный поцелуй.

- Я взяла только себя.

- Хорошо. Это все, что мне сейчас нужно.

- Как мне называть вас? Ваше высочество?

- Зови меня Артаксеркс. Это мое имя.

- Никто не обращается к вам по имени.

- Ты обращаешься.

- Почему я?

- Потому что, - прошептал он в мои губы, - когда я буду внутри тебя, хочу, чтобы ты произносила его, и хочу знать, что ты говоришь обо мне, а не о каком-либо другом царе. Поняла?

- Да, Ваше выс... Артаксеркс.

Он поднял меня на руки.

Царь отнес меня в спальню и уложил на кровать. Я чувствовала, будто плыву по морю красного шелка. Артаксеркс сел рядом со мной и снова поцеловал меня.

- Ты, правда, очень хорош в этом, - сказала я. Он долго целовал мой рот и шею.

- Я много практиковался.

- На всех нас?

- Что угодно, лишь бы не слышать плохую поэзию. - Он улыбнулся мне и снова поцеловал. Его язык в моем рту определенно удержит меня от чтения стихов.

- Вам понравилось быть со всеми этими девушками? - спросила я, пока он целовал мою грудь. Мне было не комфортно носить платье с таким низким вырезом, но сейчас я думала, что оно было неплохим выбором. Его губы щекотали мою кожу, и от его легких прикосновений она покрылась мурашками. Я представляла, как он целует другие части моего тела. Затем он стянул платье вниз, обнажая мое плечо и усыпая поцелуями шею и ключицы. Например, эти части.

- Мне не понравилось, - ответил он. - Мне наскучило заниматься одним и тем же каждую ночь. Разные девушки. Но все одинаково. Без обид.

- Все хорошо. Я, возможно, тоже наскучу. Знаете, Артаксеркс, - сказала я, смакуя его имя. Оно прекрасно сидело на моем языке. - Если захотите, мы можем делать что-то отличное от того, что вы делали с другими девушками.

- Например?

- Не знаю. Вы царь, вам решать.

- Ты не боишься?

- Раньше боялась, но теперь нет.

- Ты уверена, что хочешь попробовать что-то отличное от того, что я делал с другими девушками?

- Я встречалась с другими девушками. Да.

Мое платье завязывалось спереди одной ленточкой. Я снова начала нервничать, когда он развязал бант, и ткань ослабла. Но я знала, что это произойдет, и не боялась. Я отказывалась бояться.

Он стянул с меня платье. Теперь я лежала обнаженной на постели. Он смотрел на меня, словно я была призом, который он выиграл. Я не хотела, чтобы он переставал так смотреть на меня.

Он не прикасался ко мне, отчего я еще больше нервничала. Вместо этого он оставил меня лежать\лажать на кровати и подошел к большой латунной шкатулке. На ней был замок, и царь вытащил ключ. Он открыл крышку, взял что-то, запер ее и вернулся к кровати.

Пока он был у коробки, я стянула простыни и забралась под них.

- Ты замерзла? - спросил Царь. Он держал что-то за спиной.

- Я обнажена.

- Ты стыдишься быть обнаженной?

- Я не стыжусь. Я... смущена.

- Хочешь, чтобы я разделся?

- Надеюсь, Да - правильный ответ.

- Это правильный ответ. Я разделусь, если ты уберешь простыни.

Я сбросила простыни, и царь снова сел рядом со мной.

- А теперь я собираюсь привязать тебя к кровати, - сказал царь.

- Как это?

- Ты сказала, я могу делать все, что захочу.

С этим я не могла спорить, поэтому вытянула руки, и он протянул золотую веревку.

Ему не понадобилось много времени, чтобы привязать мои запястья к большому сексуальному изголовью его кровати. Веревки, казалось, удерживали крепко, но не слишком. Я могла двигать пальцами и шевелить руками. Но не могла прикоснуться к нему, из-за чего еще больше хотела прикоснуться к нему.

Он взял еще одну веревку и привязал мои лодыжки к постели. Как только он закончил, я поняла, что не могу сдвинуть ноги. Этот царь знал, что делал.

Артаксеркс снял джинсы, и я пыталась не смотреть. Ну, не слишком сильно пыталась.

- О, вау, - сказала я, как только он разделся. Я посмотрела на потолок.
- Просто вау?
- Чертовски вау?
- Намного лучше.

Я застонала, когда царь растянулся на мне. Его кожа была такой теплой. Его тело было сильным и мускулистым, и под ним я ощущала себя в безопасности. Кто мог навредить мне, когда царь, словно щит, защищал меня? Кто теперь мог украсть меня, когда я была привязана к его постели? Никто.

Он снова целовал мои губы и мою шею. Он массировал мою грудь, что ощущалось намного лучше, чем я себе представляла. Он целовал их, что сначала смущало, пока я не поняла, что это было лучшее, что делали со мной. Он положил ладонь между моих ног и протолкнул в меня палец. Я хотела свести ноги, но веревки остановили. Он погружался и выходил из меня, и я напряглась и расслабилась одновременно. Он долго ласкал меня, пока я не поняла, что умру от такого сильного желания. Я не могла прикасаться к нему, потому что он связал мои руки. Я не могла свести бедра, потому что он связал мои лодыжки. Я не могла целовать его, потому что не могла встать. Все, что я могла, это лежать там и хотеть его, хотеть его и хотеть его.

Затем он оказался внутри меня.

- Артаксеркс, - сказала я, когда он полностью проник.

- Хорошая девочка, - ответил он. Он приказал мне произносить его имя, пока он будет во мне. Я хотела подчиниться ему. Подчинение ему было самым важным.

Он пошевелился во мне, и было больно. Хотя, мне было плевать на эту боль, я не хотела, чтобы это заканчивалась, даже несмотря на боль. Боль притупилась, но удовольствие осталось. Я ощущала бурю в животе, как гром и молния гремели во мне. Все тело потрескивало от электричества. Не уверена, что тогда уже изобрели электричество, но мне было все равно. Меня волновал только Артаксеркс, только мой царь.

Артаксеркс наклонился и прикусил место над моим сердцем. Я вздрогнула от боли.

- Зачем вы это сделали?

- Ты прекрасна, и если другой мужчина увидит этот синяк, он будет знать, что ты принадлежишь мне.

- Я принадлежу вам, - ответила я. Мне понравились эти слова. Мне нравилось принадлежать царю. Мне так нравилось, что я снова их произнесла. - Я принадлежу вам.

- Ты моя.

Потолок лгал мне. Все не скоро закончилось. Мы поспали немного, но затем он проснулся и снова сделал меня своей.

На рассвете я проснулась в его руках. Даже во сне он оставил одну мою лодыжку привязанной к постели. Мне нравилось то, что он хотел удерживать меня в своей постели, в своих руках.

Затем наступило утро, и я злилась на то, что оно так быстро пришло.

Артаксеркс отвязал мою лодыжку и помог надеть платье.

- Артаксеркс, я буду скучать по вам.

- Я тоже, Есфирь. Прошлая ночь была лучше любой песни или стиха.

- Или кардигана, - добавила она.

- На самом деле, она была так хороша, что я думаю, мы должны провести еще тысячу таких ночей.

- Я буду в вашем гареме, если хотите.

- Или...
- Или что?
- Или ты можешь стать моей царицей.

Элеонор ждала в коридоре у кабинета Сорена. Он сказал ей, если она узнает, что произошло между Артаксерксом и Есфирь в ее ночь, она должна ему рассказать. Поэтому она переписала историю своими руками как могла, положила ее в красивую папку и отдала ему. Это казалось такой замечательной идеей ровно до того момента, как он открыл папку, начал читать и захлопнул дверь кабинета перед ее носом.

Зачем она отдала ее ему? Вся история была нелепой. Ее Есфирь разговаривала так, будто жила в 1993 году, а не в Древней Персии, и она одела царя в джинсы, сделала его добрым и глупым, а не царственным. Величественным. Цари должны быть величественными. А история... О, Боже, в рассказе было полное описание секса Есфири, привязанной к кровати, и как ее трахал царь.

И теперь это читал ее священник.

Элеонор вернулась в общинный зал и принялась сортировать пожертвования. Почему никто не жертвовал Орео? Все, что она хотела, это съесть целую упаковку Орео и плакать несколько часов подряд, под сопровождение песни Whitney Houston «I Will Always Love You». Но она отправилась в туалет и обнаружила, что у нее начались месячные. Это объясняло слезы и одержимость Орео. Может, это объясняло и ее внезапный момент временного помешательства, когда девушка решила позволить Сорену прочитать глупую историю Есфири.

Она взяла свой рюкзак и села на лавочку перед кабинетом Сорена. Если бы он позвал туда мужчин в белых халатах, чтобы забрать ее, она хотела быть готовой выбить трубку из его рук и умолять о защите.

Чтобы убить время, она достала учебник по математике и начала перелистывать страницу за страницей.

- Это что еще за дерьмо? - закричала она, пытаясь расшифровать расчеты перед ней.

Дверь в кабинет Сорена распахнулась.

- Элеонор. Про себя.
- Простите, - ответила она. - Математика.
- Прощена.

Она посмотрела на него. Он держал в руках историю.

- Вы изгоняете меня, верно?
- Почему ты написала этот рассказ? - спросил он.

- Не знаю. Мы говорили о Есфирь и о произошедшем той ночью, и я... я посчитала, что будет забавно это записать. И когда я начала писать, не смогла остановиться.

- Не смогла остановиться?

- Да. Словно в мою руку вселился какой-то демон и плясал по странице. - Она обхватила правое запястье, словно шею, и попыталась ее задушить, пока то не обмякло. - Все равно, простите. Больше не заставляю вас читать мои странные истории.

- Я прочту все, что ты напишешь. Из тебя писатель лучше, чем из меня.
- Правда? Я думала, это какая-то тупость.
- Тупость?
- Да, глупость. Ребячество. Я придумала шутку о девственной плеве.
- Это сатира, - ответил Сорен.

- Сатира? Я не собиралась писать сатиру. Просто хотела сделать рассказ забавным, чтобы показать, насколько нелепо выбирать лидера страны по тому, как она хороша в постели.

- Использование юмора для возведения человеческих слабостей в ранг насмешек, что так любят политики, и есть сатира, Элеонор. Это сложная и утонченная форма юмора, которую освоили лишь несколько авторов.

- Оу, - ответила она. - Клево.

- Если ты не будешь осторожна, я привлеку тебя к работе над моей диссертацией. Элеонор покраснела. Казалось, Сорен не шутил.

- А вы не думаете, что у всех тех старых священников, которые прочтут вашу диссертацию, случится сердечный приступ?

- У меня едва не случился, - ответил он. Он посмотрел на ее работу и покачал головой. Она чувствовала себя невероятно гордой. Один короткий рассказ, и она добралась до Сорена. Она ощущала что-то, что прежде не испытывала. Силу. Она могла излить слова на бумагу и вызывать у взрослого мужчины извращенные мысли о том, как забавно было бы привязать девственницу к кровати и трахать до рассвета. Она могла привыкнуть к этому ощущению.

- Могу я оставить это себе? - спросил Сорен.

- Вы хотите оставить себе мой рассказ?

- Думаю, я должен изъять его. Ты слишком юна, чтобы читать такое.

- Кажется, вы кое-что забыли - я написала его.

- Я оставлю себе, - ответил он.

- Хорошо. Но вы должны дать что-то взамен.

- И что бы ты хотела? И, пожалуйста, держи свои желания в узде.

Элеонор вздохнула, молча уступая ему. Тогда она не будет просить его нагнуться над скамейкой. Ладно. Если она была умной, то могла кое-что получить от этой сделки. Она отдала ему собственноручно написанную сексуальную историю - что-то личное, конфиденциальное, секрет. Секрет?

- Расскажите мне секрет, - сказала она. - Любой секрет. И затем вы можете оставить себе рассказ.

Сорен тяжело выдохнул.

- Что-то мне подсказывает, что я пожалею об этом, но, возможно, это и к лучшему, если ты будешь знать.

- Знать что?

- У меня есть друг, - наконец ответил Сорен.

- Друг? Это и есть самый большой секрет?

- Ты не просила о большом секрете. Только о секрете.

- Почему ваш друг секрет?

- Это секрет.

Элеонор открыла рот, но потом просто захлопнула его.

- Вот, - ответил Сорен. - Я намеревался сделать это однажды. - Он запустил руку в карман и вытащил серебряный футляр. Он открыл его и извлек визитку. Черная бумага. Серебряные чернила. Он протянул карточку, и она взяла ее. Сорен отдернул визитку в двух дюймах от ее ладони.

- Прежде, чем я дам тебе эту карточку, ты должна пообещать, - сказал он. - Ты никому ее не покажешь. Будешь хранить ее для себя. Ты не будешь звонить по номеру на визитке. Ты никогда не пойдешь по адресу, кроме тяжелых чрезвычайных ситуаций. И под тяжелыми, я подразумеваю события, которые можно охарактеризовать, как Апокалипсис. Ты можешь пообещать мне это?

- Обещаю, - ответила она.

Сорен еще мгновение смотрел на нее и затем отдал визитку.

- Я меняю твоего царя на Кинга, - сказал Сорен, сжимая ее рассказ.

Элеонор прочитала визитку.

Кингсли Эдж, «Эдж Интерпрайзис». 152 Риверсайд Драйв.

На визитке больше ничего не было, кроме номера телефона.

- Кингсли Эдж. Он живет на Риверсайд Драйв? Там, где живут богатеи, верно?

Сорен склонил голову.

- Кингсли не лишен средств.

- Значит, он богат?

- Непристойно, - ответил Сорен.

- У него есть Роллс-Ройс?

- Два.

Элеонор обдумывала это. Теперь она знала, кому принадлежал Роллс, в котором той ночью уехал Сорен.

- И еще он опасен, Малышка, и я не преувеличиваю.

Она подавила улыбку. Когда он называл ее Малышкой, ее пальчики дрожали, стопы чесались, а бедра напрягались.

- Он уже мне нравится. Он ваш друг?

- Да. А теперь спрячь визитку. Храни ее. Используй только в чрезвычайных случаях. Поняла?

- Поняла.

Она засунула визитку в задний карман.

- Хорошо, теперь вы можете оставить себе мой рассказ.

- Спасибо. - Сорен зажал папку под рукой. - Прежде чем я полностью погружусь в этот изящный образец эротической сатиры, могу я задать один вопрос?

- Я бы хотела, чтобы вы этого не делали.

- Почему царь привязал Есфирь к постели?

Элеонор склонила голову набок. Не этого вопроса она ждала от него.

- Не знаю. Я читала книги Энн Райс, и в них было много подобного.

- Думаю, ты знаешь, почему он это сделал, и не потому что прочитала об этом в книге. Расскажи правду.

Она мгновение обдумывала вопрос.

- Думаю, он привязал ее к постели, по той же причине, по которой умный мужчина, не будучи идиотом, повесит замок на свой Дукати.

- Потому что не хочет, чтобы его угнали?

- Нет, - ответила она и поняла, что ее ответ верный. Если бы это был экзамен, она бы пришла на него лишь с одним карандашом.

- Тогда почему?

- Потому что ему это нравится.

Глава 14

Элеонор

Наступили каникулы в честь Дня Благодарения, и Элеонор едва не заплакала от облегчения. Наконец, она получит несколько ответов от Сорена. Она поливала эту проклятую палку в земле шесть месяцев подряд, не пропустив ни единого дня. И даже когда ей нездоровилось, она все равно ходила ее поливать. На улице бушевал ураган, и она поливала ее. На прошлой неделе даже снег пошел, а она пробиралась сквозь

шестидюймовый слой белой пудры в своих истоптанных военных ботинках и поливала ее. В тот день было так неестественно холодно, что вода превратилась в лед, как только соприкоснулась с землей. На следующий день после Дня Благодарения прошло ровно полгода с тех пор, как она начала. У нее было заготовлены двенадцать вопросов к Сорену. И ему лучше быть готовым ответить на них.

1. Какая вторая причина, по которой вы мне помогаете?
2. Какая третья причина, почему нахождение со мной вызывает проблемы?
3. Почему ваш друг поможет мне?
4. Откуда у священника собственный ключ от наручников?
5. У чьих ног я должна сидеть?
6. Почему все в церкви думают, что вас зовут Маркус Стернс, а в вашей Библии написано Сорен Магнуссен?
7. Почему вы хотите, чтобы я подчинялась вам вечно?
8. Вы девственник?
9. Я девственница. Вы ничего не имеет против?
10. Когда вы выполните свою часть сделки?
11. Кто вы?
12. Вы влюблены в меня?

Если у нее будут ответы на все вопросы, она была уверена, что будет знать все необходимое о Сорене.

Она провела День Благодарения с мамой. Они приготовили индейку и картофельное пюре, и шоколадный пирог, о котором умоляла Элеонор маму. Девушка проспала четыре часа подряд после ужина. Она винила индейку в своей коме, но понимала, что это было просто истощение. Ходить в школу пять дней в неделю и проводить семь дней в неделю в церкви выматывало. Однако она не могла жаловаться. Лучше, чем колония.

Следующий день после Дня Благодарения выдался солнечным и холодным, и мучительно красивым. Ей приходилось щуриться, чтобы увидеть небо в ярком свете лучей и их отражений от снега. В тот день ее маме пришлось работать, поэтому Элеонор осталась дома одна. Блаженство. Чистое блаженство. Она ела остатки вчерашней еды, писала, читала и пыталась не заикливаться на ответах, которые Сорен ей даст. Сегодня вечером она поедет в Пресвятое сердце под предлогом работы над чем-нибудь. Она полетит эту чертову палку в последний раз, пойдет в кабинет Сорена и протянет ему листок со списком вопросов. И тогда у нее будет за что благодарить.

Она прилегла вздремнуть. Что, если их беседа затянется до поздней ночи? Ей нужно подготовиться. Но как только она легла на постель, зазвонил телефон.

С проклятиями и стоном она потащилась к нему.

- Алло? - сказала она, пытаясь скрыть раздражение.

- Счастливого Дня Благодарения, Малышка.

- Пап? - Сердце Элеонор рухнуло.

- Конечно, это твой папа. - Он рассмеялся, но Элеонор не смогла.

- Зачем ты мне звонишь?

- Ох, я не знаю. Может, потому, что я люблю свою дочку и соскучился по ней? Может, потому, что я не слышал ее голоса несколько месяцев и знал, что ее мама будет работать сегодня.

- Пап, нам запрещено разговаривать друг с другом.

- Кто сказал?

- Мама. Мой адвокат. Мой... все. - Ее отцу определенно не нужно было знать о Сорене.

- Мы не нарушаем никаких законов. Мужчина имеет право видеть собственную дочь.

- Что значит видеть?

- Я хочу, чтобы ты пришла ко мне, Элли. Пожалуйста? Мне скоро вынесут приговор, - сказал он, его голос был лишен всякого легкомыслия. - Я бы с удовольствием увидел тебя еще раз, прежде чем уйду.

- Куда? - спросила она.

- У меня есть небольшое местечко в Вашингтон Хайтс. Ты можешь приехать туда, скажем, через полтора часа? Мы поужинаем и немного поговорим. Ты вернешься задолго до возвращения мамы. Как насчет этого?

- Это не очень хорошая идея, - ответила она, даже ее сердце сжималось от мысли о том, что отец попадет в тюрьму. Она так и не простила его за то, что он бросил ее в ночь, когда ее арестовали. Но правда в том, что она и не ждала, что он придет и спасет ее, словно рыцарь на белом коне. Это было не в его стиле. Он все еще был ее отцом, и она знала, насколько жестокой может быть настоящая тюрьма.

- Малышка, это, может быть, наш последний шанс увидеть друг друга. Ты же знаешь это, верно? Несколько лет. Твоя мама никогда не разрешит тебе навестить меня в тюрьме. Она всегда работает по ночам в пятницу, верно?

Верно. Элеонор была одна. И ее отец был прав - ее собственный адвокат сказал, что отца, скорее всего, посадят в тюрьму в другом штате.

- Я не знаю...

- Все хорошо. Я понимаю. - По его тону она могла сказать, насколько он был обижен и разочарован. - Но все-таки запиши мой адрес? На случай, если передумаешь?

- Хорошо. Диктуй. - Она подумала, что он ей не навредит. Она записала адрес на клочке бумаги.

- Надеюсь, ты передумаешь. Я так сильно по тебе соскучился. Ты как?

- Хорошо, - ответила она. - Со мной, правда, все хорошо.

- Это здорово, Малышка, - мягко ответил он, с такой нежностью в голосе, что ее глаза наполнились слезами, а к горлу подступил ком. - Я хочу, чтобы ты была счастлива.

- Я счастлива. Клянусь.

- Хорошо. И ты знаешь, как мне жаль за то, что втянул тебя в мои проблемы.

- Знаю. Знаю, тебе жаль.

- Скучаю по тебе. Я дома весь день, если передумаешь.

- Договорились. Счастливого Дня Благодарения. - Она не знала, что еще сказать.

- Я люблю тебя, Элли. Всегда любил и всегда буду.

Элеонор едва могла глотать из-за боли в горле.

- И я тебя люблю, - прошептала она.

И он повесил трубку.

В этом же нет ничего страшного? Встретиться с ним на час? Вот только Сорен запретил ей говорить или видаться с отцом. Может, он разрешит ей, если она попросит? Может, он поймет, что она не увидит отца в следующие несколько лет, и что это, возможно, ее последний шанс.

Она взяла трубку снова и позвонила в Пресвятое сердце. У нее был номер телефона, который стоял непосредственно в кабинете Сорена. Но не Сорен поднял трубку.

- Католическая церковь Пресвятого сердца, - на другом конце линии ответил женский голос.

- Привет, Диана, это Элли, - поздоровалась она с секретарем Сорена. - Отец С там? У меня вопрос к нему по поводу моих часов.

- Нет, милая. Он уехал за город к семье на праздники. Отец Джим О'Нил из Непорочного ведет мессы, пока он не вернется. Я могу тебе помочь?

Сначала Элеонор не нашлась, что ответить. Сорена не было в городе на праздники? Но у них были планы. Он пообещал ей ответить на вопросы, как только она закончит поливать палку. Это должно было быть сегодня. Он даже не сказал ей, что уезжает.

- Элли?

- Нет, все супер. Пустяки.

Ее охватило чувство предательства. Как Сорен мог забыть о ней? Забыл даже предупредить, что уезжает на четыре дня? Он был бы в ярости, если бы она исчезла, не сказав ему, куда направляется. А он сделал это, словно ее чувства и их планы для него ничего не значили.

Она посмотрела на клочок бумаги с адресом.

Если Сорен не считает нужным выполнять свою часть сделки, почему она должна?

Она быстро приняла душ и выбрала лучшую одежду - новую пару джинсов и черный свитер с глубоким вырезом и лейблом на груди, который нашла в Гудвилле, с оригинальным ярлыком на нем. Вашингтон-Хайтс был не самым благополучным районом, но она хотела выглядеть хорошо. Она засунула ноги в ботинки и схватила пальто. Она накопила около ста долларов одной купюрой и еще пять были обмотанны вокруг визитки «Эдж Интерпрайзис» и перевязанные резинкой, которые хранились в ее шкафу. Этого было более чем достаточно, чтобы добраться до города и обратно.

Элли доехала на автобусе до Вестпорта, где села на поезд до Манхэттена, и затем на метро до Вашингтон-Хайтс. Последние три часа она бежала от гнева, но теперь, когда она приехала к зданию ее отца, новое чувство страха угрожало занять его место. Здание выглядело, как будто было в одном шаге от приговоренного к сносу. Мимо нее проходили люди, бросая на нее подозрительные взгляды. Но она не поддастся страху. Она позвонила в квартиру отца. Когда она услышала его голос, тот был почти самодовольным.

Он с деловым видом впустил ее, и она поднялась на четыре ступени вверх в его квартиру. Он открыл дверь, и прежде чем она успела поздороваться, схватил ее и крепко обнял.

- Рада видеть тебя, пап, - сказала она, едва не задыхаясь.

- Черт, не могу поверить, что ты здесь. - Он отстранился и посмотрел на нее. - Кто ты? И что сделала с моей дочкой?

- Я - твоя дочь.

- Не похоже. Ты выглядишь на двадцать лет старше. Когда это произошло?

- Это все одежда и макияж.

- Супермодель.

- Прекрати. - Она закатила глаза. - Я слишком низкая.

- И слишком красивая. От меня не дождешься. - Он, наконец, отпустил ее, и она взглянула на обстановку внутри. Маленькая студия, она могла быть милой, если бы кто-нибудь прибрался в ней и поставил приличную мебель. У отца явно отсутствовал ген декоратора.

- Знаю, здесь не на что смотреть, - ответил он и ушел на крошечную кухню. - Понимал, что надолго здесь не задержусь. Но раз ты здесь, снимай пальто. Располагайся.

Она сомневалась, что ей здесь вообще будет уютно. Грязная посуда беспорядочными стопками стояла по всей квартире, на полу валялась одежда. Все помещение пропахло сигаретным дымом и гниющей едой. Она сняла пальто и положила его на спинку стула, вокруг которого было меньше всего мусора.

- Значит... ты знаешь, что произойдет? - спросила она.

- Я отправляюсь в тюрьму, - ответил он и взял пиво из холодильника. - Хочешь?

- Ты помнишь, что мне шестнадцать, верно?

- Ты же не за рулем?

- Нет, - ответила она и взяла бутылку. Она уже пила алкоголь, но не перед одним из родителей. Церковное вино не считается. Она сделала глоток и посчитала его отвратительным и одновременно чудесным.

- Как тебе на общественных работах? - спросил папа, и она услышала нотку горечи в его голосе.

- Неплохо. Выполняю много офисной работы для благотворительности. Зависаю в приюте для бездомных и помогаю им. Этим летом была в дневном лагере. Было забавно.

- Хорошо, что так сложилось. Звучит лучше, чем тюрьма.

Она поморщилась. - Прости, пап. Хотела бы...

- Что? Что бы ты хотела?

- Хотела бы, чтобы тебе не пришлось уходить.

- Ага, мы оба этого хотим.

Он быстро и жадно выпил свое пиво. У мужчины была неестественная устойчивость к алкоголю, она называла ее «эффект католика».

- До сих пор пытаюсь понять, как тебе удалось так легко отделаться. То есть рад, что тебе удалось. Не хотел, чтобы моя Малышка попала в колонию или типа того, но все же. Общественные работы за пять уговоров?

- У меня был милый судья. И хороший адвокат.

- Откуда адвокат?

- Церковь оплатила его. Я работаю в церкви, чтобы вернуть долг.

- Это хорошо. Очень хорошо.

- Итак... ты говорил, что хочешь поужинать? - Она отчаянно хотела сменить тему. Девушка была уверена, что этим предложением не впечатлила папу.

- Да, конечно. Но сначала позволь спросить тебя кое о чем.

- Конечно. Что?

- У меня тоже новый адвокат. Умный парень. Жесткий парень. Акула, с которой тебе не захочется встретиться в океане. Тем не менее, он считает, что может выбить мне новое слушание.

- Новое слушание? Зачем?

- Какая-то херня с уликами. Какой-то тупой коп напутал ярлыки на файлах, или что-то вроде того, не уверен. Но если он сумеет проверить все, и мне назначат новое слушание, будет шанс избежать тюрьмы.

- Ты думаешь, против тебя недостаточно улик?

- Если бы у меня был свидетель, который мог бы отказаться от своих показаний, тогда у меня появился бы шанс.

Элеонор могла только смотреть на отца в тишине. Он открыл еще одну бутылку пива. А она едва пригубила свое.

- Ты хочешь, чтобы я лжесвидетельствовала? Я полностью призналась. Я сразу же отправлюсь в колонию, если начну говорить, что солгала полиции. Я на испытательном сроке и думаю, достаточно смотрела телевизор, чтобы знать, что лжесвидетельство - преступление. Серьезное.

- Детка, тебе шестнадцать. Даже если ты и окажешься в колонии, то выйдешь до того, как тебе исполнится восемнадцать. Год или полтора. Элли, мне светит десять лет, если не больше.

- Я не собираюсь лгать ради тебя.

- Десять лет. Пятнадцать лет. Тебе все равно? Тебе плевать на собственного отца?

- Для меня это не просто полтора года. Это может испортить мне всю жизнь. Я должна отправлять заявки в колледж с обратным адресом колонии? Не думаю, что Нью-Йоркский университет принимает преступников.

- Нью-Йоркский? - Он рассмеялся. - Ты, правда, думаешь, что поступишь в такое учреждение?

- Я умная, пап, если ты не заметил. Я хожу на подготовительные занятия. У меня хорошие оценки. Я набираю высокие баллы в этих тупых IQ-тестах, которые они заставляют нас проходить.

- И как ты планируешь платить за него? Проституцией?

- Слышал когда-нибудь о стипендиях?

- Не обманывай себя. Ты ходишь в школу в захолустье, и никакие подготовительные занятия тебе не помогут.

- Я в это не верю. Мой священник говорит, что я умная, а он самый умный человек, которого я когда-либо встречала.

- Если он такой умный, почему тогда священник?

- Ты мудака.

- Не я сдал своего отца ради спасения собственной задницы.

- Ты сам виноват, - отрезала она. - Никто не просил тебя быть преступником. Мама работает на двух работах. Почему ты не можешь найти настоящую работу?

- Хочешь, чтобы я работал на двух работах, как твоя мама, и был фригидной жалкой сукой, как она?

- Лучше так, чем быть куском дерьма, который позволил собственной дочери принять удар на себя, так?

Рука ее отца взметнулась и ударила так быстро, что она вздрогнула скорее от шока, чем от боли.

Она ошеломлено уставилась на него с широко распахнутыми глазами.

- Надеюсь, ты сгниешь в тюрьме, - сказала она. Отец поднял руку, чтобы ударить ее снова. Она увернулась и попыталась проскользнуть мимо него. Он схватил ее и толкнул спиной к холодильнику. Она оттолкнула его со всей силы и сумела обойти, хотя он пытался ее схватить.

Она побежала к двери и спустилась по четырем ступенькам так быстро, как только могла, слыша догоняющие шаги отца. Она вырвалась на улицу и снова побежала. Она завернула за угол и нашла вход в метро. Когда она потянулась за деньгами, то осознала ужасающий факт - она оставила пальто в квартире отца. И вместе с ним все деньги.

- Черт... - прошептала она. У нее ничего не было. Ничего, кроме тупого списка вопросов к Сорену. Ни денег. Ни ключей. Ни билета на поезд. Все, что было важно, осталось в пальто.

В отчаянии девушка изучала карту метро, надеясь вспомнить кого-то, хоть кого-нибудь, кого она знала в городе, и кто мог бы ей помочь. Название одной улицы заманило ее. С первого взгляда Риверсайд Драйв была не так далеко. Может быть, три мили? Она доберется до нее за сорок пять минут, если поторопится. Сорен дал ей ту визитку, эту чертову визитку, которая осталась в пальто, его друга, который жил на Риверсайд Драйв. Он сказал идти туда в экстренной ситуации. Застрять в городе без денег для нее было похоже на экстренную ситуацию.

Она сориентировалась и поспешила на улицу, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что отец не наблюдает за ней или не преследует ее. Казалось, она в безопасности, поэтому Элеонор вышла, идя так быстро, как только могла в своих ботинках. Она засунула руки в карманы джинсов, чтобы согреться, и старалась не расплакаться. В глубине души она всегда знала, что ее отец был именно тем, кем она назвала его – куском дерьма, жалким преступником. Но она так отчаянно хотела верить, что он заботился о ней, что скучал по ней, что любил ее. Она ругала себя квартал за кварталом за веру во все то дерьмо, что он ей подсовывал. Все, чего он хотел, это подлизаться к ней, вернуть расположение, заставить думать, что ему не наплевать на нее, и затем заставить лгать.

Температура понизилась, и воздух обжигал ее легкие и нос. Слезы катились из глаз, пока она шла. Она усердно молилась, чтобы друг Сорена сжалился над ней и помог вернуться домой. А если нет, она украдет бумажный стаканчик из магазина и будет просить милостыню, как прижимающиеся к грязным одеялам бездомные люди, мимо которых она проходила.

Наконец, она нашла адрес, который запомнила с визитки. Дом из белого камня с черной металлической отделкой сиял как солнце в свете уличных фонарей.

- Вот черт... - прошептала она. Дом? Это не дом. Это Нью-Йоркский дворец. Она добрых пять минут изучала его, пытаясь запомнить детали. Высотой в три этажа, если не больше. С того места, где она стояла, девушка разглядела смотровое окно в крыше, может, это один из тех причудливых домов с обсерваторией или теплицей или чем-то еще на крыше. Лицевая часть дома была белой, но вся отделка на арочных окнах была черной. На втором этаже был черный балкон, и люди в вечерних нарядах, платьях и костюмах, сновали туда-сюда. Она подошла ближе, набираясь храбрости, и постучала в дверь. Затем она увидела его. В тени дома она заметила черный мотоцикл Дукати.

Сорен? Она не могла поверить, что он был здесь. Диана сказала, что он отправился отмечать День Благодарения с семьей и не вернется до воскресенья. Что он делал на этой вечеринки на Риверсайд Драйв? Она не знала, но, конечно же, выяснит. Подъехал лимузин, и группа девушек в коротких стильных пальто и на шпильках вышли из него и направились прямо к парадной двери. Элеонор последовала за ними, и когда человек у двери впустил их толпу, она проскользнула с ними.

Целых пять минут Элеонор просто стояла в роскошном мраморном фойе и смотрела. Слева от нее в передней комнате дома она увидела женщину в серебряном платье, стоящей перед мужчиной в костюме. Он бросил пачку наличных на низкий кофейный столик. Дюжина людей вокруг них тоже побросали деньги. Женщина стянула платье с плеч, и оно заскользило на пол. Под ним ничего не было. Мужчина в костюме притянул ее на свои колени и проник пальцами между ее ног, покусывая ее шею и плечи. Элеонор старалась не смотреть, но она не могла оторваться от сцены. Он толкнул ее на колени и руки, расстегнул брюки и начал поглаживать себя. Что-то начало напрягаться в ее животе, когда он проник в женщину сзади.

Никто не заметил, как она смотрит из коридора. Да и с чего бы? Трахающиеся люди были слегка заняты трахом. И дюжина людей в комнате с ними лишь подбадривали их и подбрасывали еще больше налички. Люди проверяли свои часы, но не от скуки. Трое, казалось, делали ставки на то, как долго продержится парень. Элеонор наблюдала за девушкой. Ее лицо было пассивным, будто ей было наплевать на то, что она была обнаженной в центре комнаты полной людей, и ее трахали. Элеонор никогда раньше не видела, как кто-то занимается сексом. Она читала об этом в книгах, видела на фотографиях в журналах. Но никогда не видела такого - вживую в реальных цветах и так близко, что смогла рассмотреть голубые глаза женщины.

Мужчина зарычал и вышел из нее. Женщина засмеялась и смела все деньги со стола. Все еще обнаженная в одних черных туфлях она встала и взяла бокал чего-то, вероятно, вина, и выпила его, небрежно вытирая влагу между бедер льняной салфеткой. Казалось, она не спешила надевать платье.

Другая женщина в красном платье закричала, что теперь ее очередь. Она легла на кофейный столик, задрала юбку на талию и прижала колени к груди. Другой мужчина расстегнул брюки и проник в нее прямо на столе. И опять ставки были сделаны.

Элеонор услышала позади себя шаги и обернулась. Пара, на этот раз двое мужчин, вошли в фойе, целуясь и смеясь, вертя что-то в руках. Они не обратили на нее никакого внимания, проходя в коридор мимо главной лестницы. Она последовала за ними, держась на расстоянии, когда они вошли в кухню. Пока она шла за мужчинами, то заглянула в огромную столовую. Обнаженный мужчина лежал животом на огромном резном столе. Женщина, одетая с головы до пят в кожу, ходила вокруг стола и периодически шлепала мужчину по спине какой-то тонкой длинной тростью. Он вздрагивал, и она смеялась. Он кричал от боли, и она смеялась еще сильнее. Она приказала ему перевернуться на спину, и, когда он подчинился, кончил на себя. Женщина в коже забралась на стол между его бедер и начала слизывать сперму с его живота и бедер с наигранной тщательностью, словно кошка лакающая молоко из блюдца.

- Вот черт, - прошептала она себе. - Тотошка, мы больше не в Канзасе...

Глава 15

Элеонор

Элеонор пробралась по коридору к главной лестнице. В другой комнате, в которой был рояль, стояла женщина, закинув ногу на спинку кожаного кресла. Перед ней на коленях находился мужчина и прижимался лицом к ее промежности, пока другой мужчина позади нее играл с ее грудью и сосками. И все это происходило, пока она разговаривала с другой хорошо одетой женщиной, сидящей на изящной черно-белой софе. В каждой комнате этого дома кто-то занимался сексом с кем-то. Элеонор едва могла дышать. Жар наполнял ее живот и стекал по ногам. И даже несмотря на то, что Элеонор была возбуждена увиденным, звуками и ароматами, она не забыла о своей миссии. Она пришла сюда найти Сорена. Она видела его мотоцикл, но здесь ли он? И какого черта католический священник делает на такой вечеринке? И почему ее не пригласили?

Она поднималась по лестнице, пытаясь вести себя так, будто знала куда направляется. Никто не обращал внимания на ее присутствие в доме. Никто не остановил и не попросил показать паспорт или приглашение. Наверху первого пролета Элеонор обнаружила еще больше людей в различных стадиях обнажения, участвующих в различных актах разврата. В кожаном кресле сидела женщина, прижимая рукой ногу к груди и позволяя мужчине, как минимум на двадцать лет старше ее, медленно проникать рукой в ее тело. Женщина хихикала и ерзала, но приподнимала бедра, помогая ему. Двое мужчин в спущенных трусах участвовали в каком-то взаимном минете, оба лежали на полу на боку. Они перегородили дорогу, и Элеонор пришлось перешагнуть через них. Казалось, они ничего не заметили.

Наконец, Элеонор нашла пустую комнату. Нырнув внутрь, она прижала руку к животу, закрыла глаза и вдохнула через нос. Она находилась в доме почти двадцать минут, судя по ее часам, и так и не нашла Сорена. Ее сердце колотилось так сильно, что едва не выпрыгивало из груди. Она никогда не была настолько возбужденной, и

это пугало. Она даже не могла определить разницу. Билось ли ее сердце так сильно от страха или желания? Ей захотелось закрыть дверь, запереть ее, лечь на постель и подарить себе оргазм, который так требовало тело.

Дверь в спальню открылась. Из ванной комнаты появился мужчина в одном белом полотенце на талии и каплях воды на коже.

- Привет, - поприветствовал он ее, и на его лице появилась широкая улыбка. Он говорил с акцентом, возможно, австралиец, и, похоже, он не был удивлен, обнаружив странную, задыхающуюся девушку в своей комнате.

- Простите. Я не хотела...

- Все хорошо, дорогая. Как тебя зовут? - Он закрыл дверь и запер ее.

- Эмм. Элли.

- Элли. Красивое имя. Красивая девушка. Я Лаклан. Все называют меня Локи. Все, кроме тебя. Ты будешь обращаться ко мне «сэр». - Он подмигнул, и Элеонор едва не рухнула на колени от эротической силы этого подмигивания.

- Конечно. То есть, да, сэр.

- Тебя прислал Кинг?

Она не знала правильного ответа, поэтому солгала, ответив: - Да.

- Боже, обожаю его. Что предпочитаешь, красавица?

Элеонор понятия не имела о чем вопрос.

- Всё? - спросила она. Так казалось безопасно.

Он рассмеялся, и глубокий теплый звук вызвал волны некого голода в ее животе. Он был порочно привлекателен, и его обнаженное тело состояло почти из одних мышц. На вид ему было около двадцати восьми. У нее пересохло во рту, пока она говорила с ним, и ей пришлось облизнуть губы.

- Очень хороший ответ.

Он положил руки на стену по обеим сторонам от нее и прижался к ее губам. Элеонор замерла на месте, пока он ее целовал. Напор поцелуя вскоре одолел ее страх, и она поняла, что отвечает ему. В восьмом классе у нее был парень, почти две недели. Они ничего не делали, кроме как сбегали из школы при каждой возможности. Ничего подобного. Сейчас ее целовал взрослый мужчина. Достаточно взрослый, чтобы он мог встречаться с ее мамой без недоумевающих взглядов. Он проскользнул руками под ее свитер и обхватил груди. Он потер сосок большим пальцем, и Элеонор едва не кончила от одного прикосновения. Она таяла под его твердым, теплым телом и проникающим поцелуем.

Одной рукой он сжал ее попку, а вторая рука расстегнула бюстгальтер. Он резко ущипнул ее за правый сосок, и она ахнула. Рефлекторно она потерлась о него бедрами, словно что-то искала у него.

- Я буду пороть тебя до полуночи и трахать до рассвета, - прошептал он ей в губы.

- Пороть? - спросила она, и его единственным ответом был смех.

Он обхватил обе груди и сжал их почти до боли. Она крепко зажмурилась, наслаждаясь болью так же сильно, как и удовольствием. Его большие пальцы щелкали по соскам, и его эрекция дергалась у ее живота. Мысленно она представила, как он обнаженный прижимает ее к стене этой штуковины. Боже, откуда взялись эти мысли?

- У тебя идеальные сиськи, - сообщил он, щипая и перекатывая ее соски. - Идеальный размер.

- Правда?

- Безусловно, - прорычал он ей на ухо. - И идеальная задница, идеальные изгибы. Мне нравятся такие малышки. Крошки.

Он вставлял слова между сильными укусами за шею, достаточно резкими, чтобы она поняла, что завтра будут синяки. Когда он расстегнул пуговицу и молнию на ее джинсах, она вдохнула и забыла выдохнуть.

Стоп. Все, что ей нужно было сказать. Стоп. Она могла. Одно короткое слово. Стоп.

Она не сказала.

Он засунул руку ей в трусики и прижал подушечку пальца к клитору.

- Хорошая девочка, - Локи шептал ей на ухо. Хорошая девочка? Они встретились минуту назад, и теперь она позволила ему засунуть руку себе в трусики, и он называл ее хорошей девочкой? Это определение «хорошего» ей нравилось гораздо больше словарного. - Хочешь кончить для меня? Будешь паинькой и расслабишься, когда я буду пороть тебя флоггером. Можешь, крошка?

- Стоя?

- Я тебя держу. - Он отвечал низким голосом, его слова были мягкими и обжигающими. И он был таким приятным. Она так долго этого хотела, ощущать прикосновения мужчины постарше. Конечно, не этого мужчину она хотела, но получит то, что имеет.

Палец Локи порхал по ее клитору, дразнил, массировал, ласкал, пока она не обмякла в его руках. Но она не упала. Он крепко и надежно удерживал ее между стеной и своим мускулистым телом.

- Вот оно, крошка. Почти...

Он осыпал ее поцелуями и шептал ободрения. Сейчас она чувствовала, что скажет ему остановиться, скажет отпустить ее. В любую секунду...

Она задышалась от удовольствия, дрожала от потребности. Все от кончиков пальцев на ногах до зубов, казалось, напряглось и сжалось. Все, что ей нужно было сказать это «стоп», и этот невероятно красивый австралиец отпустит ее. И она хотела, чтобы он остановился.

- Не останавливайся, - прошептала она, когда ощутила, как мышцы сократились внутри.

- Никогда-никогда. - Он снова усмехнулся.

Его палец выписывал маленькие круги по ее плоти. Меньше... меньше... пока, наконец, Элеонор не замерла в его руках, и сильнейший оргазм, который она когда-либо испытывала, сотряс ее до самого основания.

- Вот это моя девочка, - сказал он и снова ее поцеловал.

Локи вытащил руку из ее трусиков.

- Раздевайся. Ложись на постель. Я хочу видеть тебя целиком. - Эти слова прозвучали как приказ, приказ, которому она отчаянно хотела подчиниться.

Он отошел от нее и сорвал полотенце. Она уставилась на него полностью обнаженного и возбужденного. Никогда прежде она не видела голого мужчину так близко. Она почти подчинилась его приказу, когда вспомнила, что пришла сюда из-за Сорена, а не для секса с незнакомцем. Она была девственницей. Она не принимала таблетки. И она была влюблена в другого.

- Эм... Коки. Локи, не важно. Мне нужно в ванную.

- Диафрагма? - Он задумчиво кивнул. - Ванная там, крошка. Не задерживайся.

- Мои, эм, вещи внизу. - Она подтянула джинсы и застегнула их. - Я сейчас вернусь. Держи эту эрекцию. То есть, концепцию.

Она отперла дверь и выскользнула в коридор. Она дала себе три секунды на то, чтобы застегнуть бюстгальтер и тихо офигеть, прежде чем двинуться к лестнице. И за эти три секунды она почти решила развернуться и вернуться в комнату. Если Сорен не собирался трахать ее, может, ей стоит найти того, кто сможет.

Рядом с ней открылась дверь, и в коридор вышла женщина. Она с легкостью могла быть самой красивой женщиной в доме - роскошные темно-красные волосы, искристо-голубые глаза. На ней было элегантно черное коктейльное платье, и все в ней кричало о деньгах и привилегиях. И при всем этом ее вид был подавленный, почти покорный, хотя ее раскрасневшееся лицо светилось каким-то тайным видом удовольствия.

Женщина едва не столкнулась с Элеонор. Она поспешно извинилась и аккуратно спустилась по лестнице. Элеонор заметила движение и повернула голову. В той же комнате, из которой вышла женщина, стоял Сорен.

Он заметил ее в ту же секунду, как и она заметила его. Они молча смотрели друг на друга. В руках Сорена было что-то, черная ткань, которая походила на обычный шелковый платок. Но каким-то образом она поняла, что это было нечто большее.

Из комнаты, из которой она сбежала, появился Лаклан в одних джинсах, на половину застегнутых.

- Крошка? - спросил Лаклан.

Лаклан посмотрел на Сорена. Сорен посмотрел на Лаклана и затем на нее.

- Элеонор? - спросил Сорен.

- Пошел к черту... - выдохнула она. И прежде чем Сорен или Лаклан успели что-нибудь сказать, она убежала. Она сбежала по лестнице и резко остановилась, когда перед ней остановился мужчина. Он перегородил ей путь, и мгновение она просто смотрела на него. У него были темные глаза, оливковая кожа и небрежно вьющиеся волосы длиной до плеч. В другом месте, в другое время, она бы несколько часов пялилась на него, настолько он был красив.

Он улыбнулся ей, но не дружелюбно. Медленная, холодная и опасная улыбка была на его губах.

Он поднял палец и покачал им в классическом «ц-ц-ц» жесте.

- Детям вход запрещен. - Он практически промурлыкал слова, но она четко услышала угрозу. На мгновение она представила, как царапает его лицо. Но она просто прошла мимо него, ощущая, будто дом позади нее сгорает дотла. Она была раздавлена горем и стыдом, смущением и яростью - внутренней боли, едкой злости. За всю свою жизнь она не чувствовала себя такой душой. Все это время она целовала землю, по которой ходил Сорен. Она предложила ему свое тело, а он отказал ей из-за этого колоратки на шее. И все это было ложью. Он не был святым. Он был еще одним грешником, как и все остальные. И он трахал эту прекрасную женщину, а почему бы и нет? Кто бы не стал? Элеонор чувствовала себя такой глупой, что почти поверила, что ее отец был прав.

Хотя она и не знала, что делать и куда идти, Элеонор не останавливалась. Она могла замерзнуть по пути в Уэйкфилд, но имело ли это значение? Ей было почти наплевать замерзнет ли она. Отец ударил ее, ударил прямо по лицу. А затем она увидела единственного мужчину на земле, которому доверяла, в спальне с красивой женщиной, в доме, где устроили оргию.

Она хотела плакать, ей нужно было плакать, но она слишком замерзла. Ее тело дрожало так сильно, что она думала, что могла раздробить зубы, так сильно они стучали. Может, она найдет полицейский участок, и какой-нибудь коп сжалится над ней и поможет добраться домой. Она почти рассмеялась при этой мысли. Девять месяцев назад она ненавидела сам вид копов. А теперь обняла бы одного из них, если он остановит ее и спросит в порядке ли она. За последний час температура упала, и все спешили в убежища. А у нее была только улица.

- Элеонор? - Услышала она свое имя, но проигнорировала его. Затем услышала снова и снова проигнорировала. Она остановилась и развернулась. Серебристый «Роллс-Ройс» остановился у тротуара, и рядом с ним стоял Сорен.

- Чего ты хочешь? - спросила она, стоя в пятнадцати футах от него. Она отказывалась подходить ближе, было слишком холодно и слишком страшно возвращаться.

- Садись в машину. Мы все обсудим.

- Уходи.

- Я отвезу тебя домой. У тебя даже нет пальто, и на улице холодно.

- Я в порядке.

- Ты не в порядке, Элеонор. Ты рискуешь получить гипотермию, и что бы ты сейчас не думала обо мне, из-за меня не стоит причинять себе боль.

Он открыл заднюю дверь машины и ждал. Она сделала шаг вперед и остановилась. Ее гордость и злость не позволяли ей сделать еще один шаг вперед.

Сорен шел к ней, снимая свое пальто. Когда он закутал ее в него, она даже не признала его. Обняв теплыми руками за плечи, он провел ее к машине.

- Гипотермия? - спросила она. - Ты и загара не стоишь.

Она села в машину и не смотрела на него, хотя он сел напротив.

Он наклонился вперед и порывлся в складках пальто, пока не нашел ее руки. Он взял их в свои и начал растирать, согревая ее кожу своей.

- Хватит, - сказала она. - Я не хочу, чтобы ты меня трогал.

- Я остановлюсь, когда ты согреешься. Ты до сих пор стучишь зубами.

Он укутал ее крепче. Все, что она хотела, это закрыть глаза, заснуть и никогда не просыпаться.

- Можешь сказать, что ты делала сегодня у Кингсли дома? - спросил Сорен.

- Я поехала увидеться с папой, - призналась она. - Он позвонил мне и сказал, что ему вынесли приговор, и он окажется в тюрьме на много лет. Это был мой последний шанс увидеть его.

- Понятно, - ответил Сорен.

Она рвано вдохнула. Все ее тело болело.

- Но он солгал, - продолжила она. - Он не любит меня и не скучает. Он пытался заставить меня отозвать показания. Сказал, что может добиться нового слушания, и если я совру для него...

- Что ты ему ответила?

- Сказала, что он был ослом. Мы поругались, и я убежала, - ответила она, опуская, по какой-то причине часть с пощечиной. Это было слишком унижительно, признаваться в том, что ее ударил собственный отец, будто они были какой-то семейкой на Шоу Джерри Спрингера. - Но я оставила пальто в его квартире, и в нем были деньги.

- Мне жаль, что твой отец так с тобой поступил. Я приказал тебе не видеться с ним и не говорить.

- Я пыталась вам позвонить. - Элеонор ощущала, как тело начало согреваться и расслабляться. Она убрала руки из рук Сорена и прижала их к животу. - Я звонила в церковь. Сегодня вы должны были ответить на мои вопросы. Но Диана сказала, что вас не будет до воскресенья. Вы забыли обо мне.

- Я не забыл и никогда не забуду о тебе. Я собирался сегодня вернуться в Уэйкфилд и навестить сестру завтра утром. Я знал, что твоя мама работает допоздна по пятницам. Я думал, у нас более чем достаточно времени для разговоров.

- Я больше не хочу с вами разговаривать.

Сорен вздохнул и сел прямо. Он повернул голову и смотрел на замерзший город, окружающий их.

- То, что ты видела сегодня... - начал он.

- Стоп, - прервала она. - Я же предупредила, что буду злиться, когда вы еще раз заговорите со мной, как с ребенком. Если собираетесь натянуть эту «не обращайтесь внимания на человека за шторкой» дерьмо, то выпустите меня из машины прямо сейчас.

- Я никогда не говорил с тобой, как с ребенком. Даже когда ты ведешь себя именно так.

Элеонор не могла смотреть ему в глаза, когда задавала вопрос, который не хотела задавать.

- У вас был с ней секс?

- У тебя был секс с Лакланом?

- Это вас не касается. Я не ваша дочь, и я не ваша девушка.

- Но тебя беспокоит то, что я сегодня делал?

- Вы священник. Вы дали обеты...

- Обеты, которые ты несколько месяцев заставляла меня нарушить с тобой.

- Это другое.

- Почему же?

- Потому что это я, - с болью ответила она. - Потому что вы обещали.

По ее лицу покатались слезы, слезы ревности, стыда и злости.

Она хотела ему возразить, но не смогла. Вместо этого она сняла его пальто, швырнула ему и свернулась на сидении, обхватив колени руками, чтобы согреться. Сорен вздохнул, сложил пальто и положил его рядом с собой.

Они выехали из города, и она поняла, что они возвращались в Уэйкфилд. Она хотела спросить его, почему они были в «Роллс-Ройсе», кто за рулем, что будет с «Дукати» в том доме, и миллион других вопросов. Но она решила наказать его молчанием. Прошло полчаса, и они все еще ни слова не сказали друг другу. Она знала, что он ждал, когда она заговорит. Ладно. Он может ждать всю чертову ночь, если хочет. Она ни слова ему не скажет.

Сорен протянул руку и снова взял ее ладонь в свою. Она ощутила, как тает ее ненависть к нему.

- Малышка, у меня не было с ней секса, - мягко ответил он на ее ранее заданный вопрос. - А у тебя на шее огромный след от укуса. Если он сделал тебе больно, и тебе это не понравилось, скажи мне.

- Нет, - прошептала она, и на секунду посмотрела ему в глаза. - Мне понравилось.

- Понятно, - ответил он, и ей показалось, что она услышала что-то странное в его голосе. Что-то похожее на боль.

- Ревнуете? - спросила она.

- Да.

Она не ожидала этого ответа, и видимо, ее удивление стало явным.

- Не удивляйся так, - сказал Сорен. - Хотел бы я дать тебе все, что ты хочешь. Но даже хороший подарок может быть плохим, если его вручают в неподходящее время.

- И что это значит?

- Значит, что никто не покупает новую машину в восемьдесят.

- Мило, - пробормотала она и кивнула. - Теперь я восьмидесятилетняя старуха. А машина? Секс с вами? Хотите сказать, что я слишком маленькая, чтобы водить вашу машину?

- Возраст - это всего лишь цифра. Зрелость, или ее поразительная нехватка, вот твоя проблема, - продолжил Сорен, казалось, не обращая внимания на то, как сильно

ее задели эти слова. - Ты не готова к взрослым отношениям. Неважно, как сильно ты их хочешь, этого недостаточно. И я слишком дорожу тобой, чтобы вести туда, куда ты еще не готова идти.

- Вы хоть представляете, насколько снисходительно это звучит? Я вас хочу. Вы обещали...

- Я не буду трахать подростка в своем приходе, Элеонор.

Элеонор уставилась на него.

- Вы сказали трахать? Вы никогда не материтесь.

- Мне нужно было твое внимание. И я рад ему сейчас.

- Сегодня вы должны были отвечать на мои вопросы, - наконец сказала она.

- Список с собой?

- Никогда не выхожу без него из дома, - ответила она и вытянула сложенный лист бумаги из заднего кармана.

Сорен повернул лист в сторону света. Пока он читал, она слышала только звук своего дыхания.

- Нам нужно поработать над твоими навыками постановки вопроса, - наконец сказал Сорен.

- Вы о чем?

- Ты подрезаешь себе крылья некоторыми формулировками. Никогда не задавай вопрос, ответом на который будет да или нет, когда можно задать открытый. Твой вопрос «почему ваш друг поможет мне?» - хороший вопрос, он ведет к долгому ответу. На твой вопрос «вы девственник?» можно просто ответить да или нет. Думаю, ты хочешь получить более развернутый ответ.

- И как я по-вашему должна спросить?

- Можешь спросить: «Когда у вас был секс в последний раз?», из которого следует, не только был ли он у меня или нет, но и когда он случился. А еще лучше спросить «какова ваша сексуальная история?». Немного по-медицински, но это работает.

- Я могу переписать список.

- Слишком поздно. Он уже у меня в руках. Ты сегодня поливала палку?

- Нет. Я собиралась это сделать по возвращению домой.

- Посмотри на часы.

Она закатала рукав. Было 00:07 ночи. Она пропустила последний день полива.

- Черт, - выдохнула она и обхватила голову руками.

- Я не хотел этого, Элеонор. Я никогда этого не хотел. Не так. Но, возможно, Библия была права в этом случае: розги пожалеешь - ребенка испортишь.

Она посмотрела на него глазами полными слез.

- Будете меня бить?

- Не сегодня, - односложно ответил он. - В ночь, когда мы заключили с тобой небольшую сделку, я сказал тебе, что нет ничего, чего бы я не сделал ради твоей защиты. И я говорил серьезно. Поэтому ты должна простить меня за то, что я делаю это сейчас.

- Делаете что?

- *Raro solus, nunquam duo, semper tres.* - Сорен говорил так, словно цитировал что-то.

- И что это значит?

- Это старое иезуитское правило, которое в нас вбивали. Фигурально, конечно же. Оно значит «редко один, никогда двое, всегда трое». У иезуитов есть правила против того, что они называют особой дружбой. В семинарии мы общались группами

по трое или больше. Считалось опасным находиться наедине с другим человеком, даже с другим священником.

- Почему? Они думали, вы начнете заниматься безумный гейским сексом, как только останетесь наедине?

- Да.

- И вы занимались?

- Нет. Хотя мне не раз предлагали.

- Вот так удивили.

- Но все же я считал это правило бессмысленным. Теперь я его понимаю. У нас с тобой особенная дружба. И она должна закончиться.

- Закончиться? - Ее голос дрогнул на этом слове.

- Я сказал, если ты будешь поливать эту палку каждый день в течение шести месяцев, то отвечу на твои вопросы. И ты не справилась с этой задачей. И не получишь свое вознаграждение. Я сказал, что ты должна навсегда подчиниться мне, и я дам тебе все. Ты послушалась меня и отправилась к отцу, а сейчас страдаешь из-за последствий. В обозримом будущем Диана будет руководить твоими общественными работами. Эта наша особенная дружба будет прекращена до того дня, который я надеюсь, наступит, когда ты будешь готова к взрослым отношениям. И говоря взрослые, я не подразумеваю секс. Я говорю об отношениях между равными партнерами.

- Вы о чем? Мы больше не можем быть друзьями?

- К сожалению, да, именно об этом я и говорю. Безусловно, я все еще буду твоим священником. И если и когда тебе понадобится священник, я буду рядом, но только в этой роли. Иди, Элеонор. Будь нормальным подростком еще год или два. Иди и повзрослей.

- Год или два? - Это прозвучало, как наихудший тюремный приговор. Больше никаких длинных разговоров в хорах? Больше никакой помощи с домашними заданиями? Больше никакого какао, когда она сражалась с заданиями по математике?

- Я священник, а не твоя нянька.

Элеонор просто смотрела на него. Даже в тусклом свете мелькавших фонарей она видела, каким жестким стал его взгляд. Его лицо было холодным и непроницаемым, как гранит. Вся любовь, вся забота и сострадание испарилось.

- Вы бездушный ублюдок, - выпалила она, заставляя себя не плакать. - Вы знаете это, верно?

- Да. И лучше если ты узнаешь об этом сейчас.

«Роллс-Ройс» остановился в конце ее улицы, достаточно далеко, чтобы мать не увидела откуда она пришла, достаточно близко, чтобы она находилась на морозе одну или две минуты.

Она хотела еще что-нибудь сказать ему, хотела просить изменить его решение, хотела сказать, как сильно его ненавидит. Но она просто открыла дверь.

- Элеонор, - позвал Сорен, прежде чем она покинула машину.

Она посмотрела на него и увидела тень тоски в его глазах.

- Что?

- Мне будет больнее, чем тебе.

- Хорошо.

Она оставила его одного в «Роллсе».

Как можно тише она достала запасной ключ из-под коврика и открыла заднюю дверь. Элли закрыла ее за собой и замерла, когда услышала голос в темноте.

- Хочу ли я знать, где ты была? - спросила мать.

Элеонор медленно повернулась лицом к маме, которая включила свет на кухне. И снова Элеонор ослепили флуоресцентные лампы допроса.

- Прости, мам. Я не думала, что так задержусь.

Ее мать стояла в дверях в своем грязном белом халате и тапочках. Разочарование сжало ее губы в тонкую линию.

- Это не ответ.

Элеонор подбирала слова и решила рассказать правду, по крайней мере, половину правды.

- Папа звонил. Сказал, что ему вынесли приговор. И это мог быть последний шанс его увидеть.

- Ты поехала увидеться с отцом? Ох, Элли.

- Да, мам. Прости. Я скучала по нему. Но это было глупо. Он не хотел меня видеть. Он хотел, чтобы я солгала ради него. Я сбежала и оставила у него пальто.

- В это я могу поверить. Но тебе это не поможет.

Она указала на шею Элеонор, где остался след от укуса Лаклана. Должно быть, у нее засос размером с Делавэр, судя по тому как сильно он кусал и целовал ее.

Черт.

- Мам, ничего не было. Клянусь, я не...

- Мне все равно, - прервала мама и подняла руку. - Мне теперь все равно. Я сказала тебе в ту ночь, когда тебя арестовали, если ты снова вытворишь что-то подобное, с меня хватит. Я прихожу домой с работы, а тебя нет. Ни записки. Ничего. Я позвонила Джордану, тебя и там нет. В школу. В церковь. Ничего.

- Я заблудилась в городе. Ушло много времени, чтобы добраться домой.

- Я не знаю, зачем ты вернулась домой. Очевидно, ты здесь не можешь находиться. Не можешь, если сбегаешь к отцу, с которым я запретила тебе иметь какие-либо контакты.

- Он сказал, что я могу не увидеть его несколько лет.

- И это так плохо?

- Я думала, да. Теперь понимаю... Я больше не хочу его видеть. Прости. Ничего не произошло...

- Оставь это. Независимо от того, как сильно я забочусь, ты все равно уходишь и делаешь все, что хочешь, с кем хочешь. Значит, я перестану переживать. Я даже не буду тебя наказывать. Вот как сильно я сейчас переживаю.

- Нет, мам, не будь такой. Пожалуйста, не надо... - Слезы хлынули из ее глаз. - Не отказывайся и ты от меня.

- И я? Кто еще от тебя отказался?

- Я сделала кое-что глупое, и теперь Отец Стернс не будет контролировать мои общественные работы.

- Тогда он умен. Ты пробежалась по нему и его чувствам так же, как делаешь это с остальными, кто заботится о тебя и помогает.

- Мам... - Элеонор шагнула вперед, но мама отступила назад.

Мать смотрела ей прямо в глаза.

- Когда ты была маленькой, ты всегда называла меня «мамочка». И ты улыбалась, когда говорила. Теперь «мам». И никогда не улыбаешься.

- Пожалуйста... - Элеонор даже не знала, о чем она просила.

- Иди в постель, - устало ответила мать. - Или нет. Делай все, что хочешь. Как и всегда.

Мать повернулась к ней спиной и выключила свет, будто Элеонор не стояла посреди кухни.

Она едва держалась на ногах от шока и горя, не зная, что делать. Она потеряла священника, отца и мать за одну ночь. Кто у нее остался? Кто-нибудь? Что-нибудь?

В темноте она нашла дорогу в спальню и, не раздеваясь, легла под одеяло. Она подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза.

- Ты там? - прошептала она Богу и ждала, надеялась, молилась, чтобы был кто-то, кто от нее не отказывался.

Но Бог не отвечал.

Глава 16

Нора

- Какого года эти слезы? - спросил Нико, прикасаясь к ее лицу. - 1993 года? Или недавние?

Нора скромно улыбнулась.

- Ты винодел. Как считаешь?

Нико поднес влажные пальцы ко рту и слизал их.

- Каким бы ни был год, с уверенностью могу сказать, что он был тяжелым.

- Тот год был трудным, - согласилась она. - Как и эта неделя. Я много раз задавалась вопросом, смогла бы я предотвратить это. Много обращений к Богу, чтобы он отменил произошедшее. Даже сейчас я ощущаю то ужасное отчаяние: «Боже, я отдам все, променяю все, чтобы испытывать что-то, кроме этой боли».

Она закрыла глаза и снова глубоко вдохнула. Боже, помоги ей, завтра она сделает все, чтобы не развеивать этот прах.

- Но, - продолжила она, возвращаясь в настоящее, - даже в ту ночь, когда я лежала в своей постели одна, я знала, что соберусь. И, может, понимание этого было признаком надежды.

- Как долго он наказывал тебя за встречу с отцом? - спросил Нико.

- Долго. - Нора села, а Нико перекатился на спину. Она все еще была в сорочке, но Нико лежал обнаженным, простыни собрались на его бедрах, а грудь была голой и манящей. - Когда ты подросток, каждый день без желаемого кажется вечностью. Твое сердце находится под увеличительным стеклом в этом возрасте, все раздувается в размерах.

- Как долго вы не разговаривали друг с другом после той ночи?

Нора окунулась в то ужасное время. Она помнила его чрезвычайно темным, холодным и по-зимнему снежным. Улицы стали серыми от слякоти и опасными из-за льда. Но там, в ее коробке с темными воспоминаниями, лежала одна сияющая звезда.

- До Рождества, - ответила она. - Несколько недель спустя мы отправились на полуночную мессу, и мы с Сореном объявили часовое перемирие. Думаю, мама сказала ему, что папе вынесли приговор - пятнадцать лет строго режима. Он знал, что я нуждалась в помощи, чтобы справиться с этой новостью. Мы поговорили. Он вручил мне Рождественский подарок.

- Что он тебе подарил?

- Медальон Святой Луизы, - ответила Нора, улыбаясь при воспоминании. - Мое второе имя - Луиза. И день ее почитания 15 марта, мой день рождения.

- Хороший подарок.

- Он позволил немного поплакать на его плече. Этот подарок был еще лучше. И после этого раза в марте мы снова начали общаться.

- Что произошло в марте?

- Ничего, - ответила Нора. - И все. Я прогуляла школу и пошла на прогулку. По какой-то причине мои блуждающие ноги завели меня в «Пресвятое сердце». Я не думала, что увижу в тот день Сорена, но он был там, у дома священника... во дворе... сажал деревья... в джинсах и белой футболке.

- Ты помнишь, во что он был одет в тот день?

- Я помню все. Я никогда не видела Сорена в чем-то другом, помимо его сутаны и воротничка. Я думала, он даже спит в облачении священнослужителя. Но черт... - Она улыбнулась Нико. - Под его ногтями была грязь. Как и у тебя, когда мы познакомились.

- Я работал в тот день. Я работаю каждый день.

- И мне это нравится. Мне нравятся мужчины, которые не боятся запачкать руки.

- Он разозлился из-за того, что ты пришла к его дому?

Нора покачала головой:

- Я могу посчитать на пальцах одной руки случаи, когда Сорен действительно был на меня зол. И то, когда я делала что-то опасно глупое или глупо опасное. Нет, в тот день он... Скажем так, он не был зол. В марте исполнилось четыре месяца с тех пор, как он сказал мне уйти и повзрослеть. Все, что произошло в прошлом году, уже казалось сном, будто я не могла поверить в то, что все было на самом деле.

Она вспомнила, как стояла за забором, а Сорен по другую сторону. Они разговаривали несколько минут, и по тому, как он говорил, как смотрел на нее, она поняла, что не она одна помнила все, как сон.

- После того дня, не важно... - Грудь Норы слегка приподнялась. - Ничего. Ничего еще несколько месяцев, месяцев и месяцев. Ни разговоров, ни прикосновений, ничего. Мы с Сореном снова стали незнакомцами. И это не было ужасно. Я не сидела в комнате годами и не смотрела в окно. Я ходила в школу, получала хорошие отметки, рвала жилы, чтобы закончить общественные работы. Мне не разрешили получить водительские права до восемнадцатилетия, но секретарь Сорена, Диана, давала мне уроки вождения. Я справилась. Весело не было, но я пережила.

Нико перевернулся и пододвинулся к ней поближе. Он подхватил ее под колени и заставил ее ноги обнять его за талию, так, чтобы они сидели лицом к лицу. Она расслабилась в кольце его сильных рук и положила подбородок ему на плечо.

- Я рад, что ты пережила это, - сказал он. - Иначе тебя бы здесь не было.

- О, я пережила. И забавно то, что когда я стала писателем, я поняла, что сделал Сорен и почему.

- И почему же?

- Это писательский прием, - объяснила она. - Ты узнаешь, чего больше всего боится твой герой, и заставляешь его столкнуться со страхом лицом к лицу.

- Это то, что он сделал с тобой?

- Потерять его, потерять его любовь - были моими самыми большими страхами. И он заставил взглянуть им в лицо. Я столкнулась с ними и пережила их. И в конечном итоге...

Нора замолчала, чтобы поцеловать Нико в шею, только потому, что хотела этого.

- В конечном итоге, это время превратило меня в ту, как сказал Сорен, какой я и была.

- И в какую?

Нора отклонилась назад и подарила Нико самую опасную улыбку. Она подняла палец вверх, указывая ждать. Нико изогнул бровь. Она выскользнула из его рук, из постели, и достала что-то из своего чемодана.

Красный стек.

Она держала его перед собой, кончик указывал на центр груди Нико.

- Опасную, - ответила она.

Нико улыбнулся, его губы приоткрылись, дыхание участилось.

- Видишь ли, - начала она, скользя концом стека от груди до выемки на его горле, - когда ты сталкиваешься со своим самым большим страхом и преодолеваешь его, чего еще бояться?

Нико облизнул губы. Его грудь вздымалась и опадала.

- Отвечай. - Нора поддела стеком его подбородок и заставила поднять голову на дюйм.

- Ничего, - ответил Нико.

- Моим самым большим страхом была жизнь без Сорена, и я жила. И я больше этого не боюсь, теперь мне больше никто не нужен. Я хотела его, но не нуждалась в нем. А он нуждался.

- В это я поверю, - сказал он.

Нора посмотрела на него.

- А теперь, Николя Делакура, раскрой мне свой страх.

- Я боюсь, что это будет наша единственная ночь вместе, и до конца своей жизни я больше не встречу такую женщину, как ты.

- Еще одну ночь не обещаю, но гарантирую, ты больше никогда не встретишь такой женщины, как я.

Она не добавила, что встреча с такой же женщиной, как она, не была к лучшему.

Хотя, он так не считал. Улыбка, сексуальная и приглашающая, украсила его губы.

- Докажи.

- Доказать?

Ну что же, если он настаивает...

Нора обхватила Нико за затылок и повернула лицом к себе.

- Ты сделаешь мне больно? - спросил он, в его голосе в равных частях смешался страх и предвкушение.

- Не сегодня, - ответила она, вспоминая ту ночь, когда спросила у Сорена почти то же самое, и он ответил ей точно так же. - Сегодня только удовольствие.

Она поцеловала Нико со всей страстью, которую может испытывать только раненый, отчаянно жаждущий излечиться. Она целовала его так, будто в его губах был смысл жизни, и, если она поцелует его достаточно крепко, достаточно сладко и достаточно долго, он прикоснется к ее губам, и она сможет схватить его зубами и проглотить.

Нора толкнула Нико на спину, не разрывая поцелуя. Он хотел обнять ее, но она перехватила его запястья и прижала к постели над его головой.

- Держи их здесь, - приказала она. - Не двигайся. Я хочу, чтобы ты кончил.

- Я весь твой, Нора.

Ей нравилось, как он произносил ее имя.

- Я должна заставить тебя называть меня Госпожой.

- А ты хочешь быть моей Госпожой?

- А тебе бы понравилось?

- Принадлежать тебе, быть твоей собственностью было бы моей ожившей мечтой. Но, раз я не принадлежу тебе, тогда будешь просто Норой.

Ей стало неловко от того, как сильно на нее повлияли слова Нико.

- Тогда просто Нора, - повторила она. - А теперь будь паинькой и не кончай, пока я тебе не разрешу.

Он кивнул и устался в потолок, пока Нора раздвигала его колени в стороны и садилась между ними. Она облизнула кончики пальцев и медленно проникла в него. Она погрузилась глубоко, но не слишком. Она остановилась, когда Нико ахнул от удовольствия.

- Хорошо?

- Parfait. - Он продолжал смотреть в потолок, будто ему было стыдно смотреть на нее, пока она так интимно прикасалась к нему.

- Хорошо. - Она вытащила пальцы из его узкого прохода и схватила стек. Повертев им, она сжала его пальцами четко по середине. Осторожно она ввела узкую ручку на несколько дюймов в него.

- Видишь? - сказала она, и помассировала местечко внутри. - Стеки созданы не только для боли.

Нико ничего не ответил. Очевидно, он потерял дар речи. Нора взяла его член в ладонь и погладила его невероятную твердость. Затем она опустила голову и провела языком от основания до головки, и затем вниз по всей длине ствола.

Нико зарычал и впился в простыни. Больше всего она любила заставлять прекрасного мужчину извиваться.

- Ты когда-нибудь был с женщиной, которая трахала тебя в зад и в то же время сосала член? - Она остановилась, чтобы спросить.

- Да, если пальцы считаются.

- Считаются. Но не переживай. Я еще не закончила.

Она глубоко вобрала его в рот. Жестко, сильнее, так сильно, что он застонал.

- Ты готов кончить? - спросила она на французском. Это было одно из первых предложений, которому ее научил Кингли.

- Oui.

- Пока нет, - мурлыкая, ответила она. - Пока... еще... нет...

Она лизнула его еще несколько раз ради собственного удовольствия, смакуя бархатистую кожу, землистый вкус, его толщину на своем языке. Аккуратно она вытащила стек из его тела.

Оторвавшись от него, она сжала его в руке и скользила по длине долгими неторопливыми движениями.

- Задержись там, - приказала она. - Держись на самом краю оргазма и оставайся там. Ты там?

Нико кивнул и крепко зажмурился.

- Будь там, на краю, почувствуй насколько этот край острый, Нико.

- Больно, - прошипел он сквозь стиснутые зубы.

- Знаю. Иногда удовольствие может быть больнее, чем боль. Через три секунды я позволю тебе кончить.

Она протянула руку и взяла пустой бокал вина с прикроватной тумбочки.

- Un... deux... trois, - посчитала она и поднесла бокал к головке. Он излился в него, покрывая стенки семенем и содрогаюсь от интенсивности освобождения.

После того, как она собрала каждую его капельку, Нора поднесла бокал на свет от камина.

Нико открыл глаза и оперся на локти, наблюдая за ней.

Она взяла откупоренную бутылку «Розанеллы» и налила немного вина в бокал. Нора поболтала вино, позволяя ему омыть стенки бокала.

- Два плода твоих трудов в одном бокале, - сказала она. - Santé.

Она поднесла бокал к губам.

- Нора... - Нико выдохнул ее имя.

В три больших глотка она выпила вино.

- Мой любимый урожай, - ответила она.

Нико сел и смотрел на нее, его грудь быстро вздымалась и опадала.

- Ты победила, - сказал он.

- Я знаю, - ответила она и поставила бокал. - А еще у меня есть забавный трюк с виски, но я больше не пью крепкий алкоголь. Зак мне запрещает.

Не говоря ни слова, Нико опрокинул ее на спину и поцеловал с шокирующей, поразительно страстью. Его язык погружался в ее рот, словно пытался распознать собственной вкус на ее языке.

- Ты опасная, - прошептал ей в губы Нико. - Ты можешь заставить мужчину хотеть того, чего он не сможет получить.

Нико рвано вздохнул, будто пытался успокоиться. Он оторвался от нее и вытянулся на кровати рядом.

- Поговори со мной, прежде чем я привяжу тебе к кровати и никогда больше не выпущу отсюда, - сказал Нико.

Нора рассмеялась и повернулась на бок лицом к нему.

- Я должна рассказать тебе, как познакомилась с твоим отцом, - ответила она. - По-настоящему познакомилась с ним.

- Каким он был?

- Совсем не похож на тебя, - ответила она.

- Это плохо?

- Нисколько. Дом, в который я вошла, где была дикая оргия, был домом твоего отца.

- Откровенно признаюсь, я никогда не был на оргии. Хотя приближаются дни урожая и топтания винограда.

Нора улыбнулась. Ей бы понравилось быть с Нико во время сбора урожая. Может, она убежит с ним. Если ей позволит совесть.

- Ты будешь рад услышать, что с нами была пара-тройка бутылок «Розанеллы», когда я, наконец, познакомилась с твоим отцом.

- У него хороший вкус в вине и женщинах. - Улыбнулся ей Нико. - Где вы были?

- Ни за что не угадаешь, учитывая, что твой отец был здесь. Но наш с Кингли первый разговор из всех возможных мест состоялся в церкви.

Глава 17

Элеонор

Элеонор разгладила платье в последний раз, поправила гипсофилу, которую парикмахер вплет ей в волосы, и взяла букет из красных роз. Заиграл менуэт Баха в соль мажоре, и после успокаивающего вдоха она шагнула на красную дорожку и направилась по проходу к Сорену.

Вчера она тренировала на репетиции походку. Правая нога вперед, приставить левую, остановиться. Левая нога вперед, приставить правую, остановиться. Она повторяла эти инструкции про себя снова и снова. Слова вынуждали ее шагать медленно, хотя она хотела побежать по проходу и упасть в объятия Сорена.

У алтаря она мельком посмотрела Сорену в глаза и заняла свое место слева перед прихожанами. Четыре остальные подружки невесты присоединились к ней.

Вся церковь встала, когда в дверном проеме появилась Диана, в великолепном белом платье и фате. Элеонор смотрела поверх плеча Дианы на заднюю стену «Пресвятого Сердца». Она не хотела смотреть на нее, на невесту, и не хотела смотреть на Джеймса - жениха. Она хотела смотреть на Сорена, священника, но, если девушка переживет церемонию, не превратившись в пенька с глазами, ей придется смотреть куда угодно, кроме него. Поскольку просто исчезнуть ей было нельзя, она полностью игнорировала свадебное торжество.

Сегодня она ощущала себя посмешищем. Почти год назад Сорен выгнал ее из своей жизни, возвел стену вокруг себя и приказал оставаться за ней. «Иди и будь нормальным подростком», - сказал он. И она ушла от него. За несколько месяцев они не сказали друг другу ни слова. А теперь она стояла у алтаря, и он проводил брачную церемонию для кого-то другого.

Ей некого было винить кроме самой себя за эту боль, которую она испытывала, пока наблюдала, как Сорен проводит обряд венчания его секретарши. Диане потребовалось пятая подружка невесты, чтобы соответствовать количеству друзьям жениха. Сначала Элеонор ей отказала, понимая, насколько болезненно это будет, но Диана умоляла и уговаривала ее, так как та давала ей уроки вождения в прошлом году, и Элеонор чувствовала себя обязанной. Она не могла отдать ей деньги за бензин, поэтому надела чертовое платье, натянула фальшивую улыбку и пошла по проходу церкви к мужчине, которого любила больше самой жизни, с каждым шагом осознавая, что никогда не сыграет свадьбу с ним.

Хождение по разбитому стеклу было бы менее болезненным, чем путь к алтарю.

Сорен начал церемонию с цитат из Библии о любви и преданности, которые заставляли всех в церкви вздыхать и плакать, но Элеонор игнорировала его. За последний год она стала в этом профи.

Во время свадебного приема Элеонор сидела с двумя самыми молодыми свидетелями жениха, пила шампанское и делала вид, что флиртует. Сорен задержался на час и разговаривал с людьми. Естественно он игнорировал ее. Игнорировал ее так же, как и она его. Она знала, он ее игнорирует, потому что девушка наблюдала, как мужчина игнорировал ее весь этот час.

- Мне нужен еще один бокал, - сказала Элеонор, и младший брат жениха, который, очевидно, влюбился в ее декольте, поспешил принести ей еще один бокал шампанского.

Сорен покинул прием, и Элеонор танцевала со свидетелем. Она хотела пойти домой и лечь спать, но пообещала остаться до самого конца.

К утру вечеринка, наконец, закончилась. Диана и Джеймс пробежали под градом из риса к ожидающему их лимузину. Десять минут спустя зал приемов опустел. Не прошло и года.

Элеонор вошла в кладовку, которую она заполняла весь прошлый год, и вырыла сумку с одеждой, которую спрятала здесь. Девушка выдернула цветы из волос и бросила их в мусор, затем выскользнула из юбки ее наряда подружки невесты, состоящих из двух вещей. Она натянула джинсы и втиснула ноги в теннисные туфли, вздыхая от радости избавиться от них. С лифом платья без рукавов оказалось сложнее. Она не могла расстегнуть молнию. Чертова Диана и ее «платье А-образного силуэта из двух частей, с ампирной талией - боже мой, Элли, оно так тебе идет» дерьма. Они все должны были быть в джинсах и футболках.

Она громко зарычала и грубо выругалась. И в наступившей после этого тишине услышала мужской смех.

- Элеонор, тебе нужна помощь?

Сорен? Какого черта? Она закатила глаза и повторила очередную провальную попытку расстегнуть молнию.

- Я застряла в платье. У вас есть ножницы или нож, или пистолет, что-нибудь?

- Тебе нужен пистолет, чтобы снять платье?

- Как только я его сниму, я избавлю его от страданий.

- Все так серьезно? - Сорен вошел в кладовку. Она посмотрела на него через плечо. Он уже сносил ей крышу своим видом в джинсах и футболке. За все время, что он служил в «Пресвятом Сердце», она только два раза видела его без пасторского облачения. Если бы Папа увидел Сорена в джинсах, Его Высокопреосвященство, скорее всего, приказал бы всему духовенству перейти на эту униформу. Посещаемость церковью резко бы увеличилась.

- Я в ловушке.

Сорен изогнул бровь.

- Повернись.

- Вы собираетесь его разрезать? В скорую надо звонить?

- Подними волосы и стой смирно.

Она запустила пальцы в волосы и держала их, пока Сорен взял ткань платья и оттянул от ее кожи. Спустя несколько секунд дерганий, молния, наконец, поддалась.

Элеонор попыталась закончить все сама, но, казалось, он намеревался до конца расстегнуть молнию. Как она могла спорить с ним, особенно когда его пальцы касались обнаженной кожи на ее пояснице?

- Лучше? - спросил он.

- Слава Богу. Думала, что умру в этом дурацком платье. - Сорен повернулся к ней спиной, пока она снимала остатки платья, надела лифчик и натянула белую футболку.

- Платье не дурацкое. Ты прекрасно в нем выглядела.

- Прекрасно? Этот корсет на платье поднял мне сиськи под самую шею.

- Но сделал это прекрасно.

Элеонор запихнула платье в сумку и собрала волосы в хвост, не отрывая от него глаз. Она хотела быть счастливой из-за того, что он здесь и говорит с ней, но не могла преодолеть злость. Год равнодушия нельзя простить за один комплимент ее сиськам.

- Что вы здесь делаете? Разве вы не должны быть прикованы к постели с Иисусом?

Сорен наблюдал за тем, как она доставала мусорные пакеты из-под раковины.

- У меня есть компания. Я заметил, что горит свет. Что ты здесь делаешь?

- Убираюсь.

- Убираешься?

Элеонор отнесла пакеты в приемный зал и начала собирать в них пластиковые тарелки и бумажные стаканчики.

- Диана была добра ко мне, - начала Элеонор. - Она правда милая. Давала мне уроки вождения, раз я не могу получить права до конца испытательного срока. Я не могла себе позволить настоящий свадебный подарок, поэтому сказала, что уберусь в зале, и ее семье не придется этим заниматься.

Она свернула в шар бумажную скатерть.

- Что? - спросила она.

- Я ничего не говорил, - ответил он.

- Вы пялитесь на меня, Отец Стернс, - заметила она, выделив саркастическим тоном его титул.

- Да.

- Почему?

- Я пялюсь на тебя потому, что ты без всяких усилий стала очень добрым и щедрым человеком.

- Можете засунуть доброту и щедрость себе в задницу.

- И еще я пялюсь на тебя потому, что ты невероятно красивая.

Элеонор уронила пакет на пол.

- Сорен. Серьезно. - Ее живот скрутило. Она хотела плакать и кричать, и целовать его, и убить его, и все одновременно.

- Когда ты не пытаешься быть красивой, ты выглядишь красивой. Когда ты стараешься быть красивой, ты выглядишь сногшибательно.

- Я вас ненавижу.

- Нет, не правда.

- Может, и нет, но я пытаюсь.

- Я не виню тебя, Малышка. - Он подошел ближе, и Элеонор подавила желание отступить.

- Итак, мы вернулись к этому сейчас? - поинтересовалась она, присев на край стола и скрестив руки на животе.

- Вернулись к чему?

- Вернулись к честности друг с другом? Щелкнете пальцами, и прошлый год просто исчезнет?

Сорен протянул руку и щелкнул пальцами у ее уха. Она вздрогнула от звука.

- Вот так, - сказал он.

- Несколько месяцев вы вели себя так, будто меня не существовало. Почему сегодня?

- По двум причинам, - признался он. - Во-первых, тебе кое-что нужно знать. Во-вторых, во мне целая бутылка вина.

Элеонор уставилась на него.

- Вы пьяны?

Сорен поднял руку. Его большой и указательные пальцы разделял дюйм.

- Так много?

Сорен слегка увеличил расстояние.

- Вот так будет чуточку точнее, - ответил он.

- Здорово. Тогда мне будет легче вас соблазнить, - сказала Элеонор, наблюдая за тем, как сильно она могла на него надавить.

- Позже. Сначала нам надо поговорить.

- Говорите, пока я буду убираться. - Ну и что, что он пьян, стоит здесь такой роскошный, и она скучала по нему так сильно, что ее руки дрожат от одной беседы с ним? У нее была работа.

- Тебе помочь?

Она подняла пакет.

- Это мой подарок Диане, а не ваш. Я должна сделать все сама, иначе это будет жульничество.

- Я чувствую себя бесполезным, стоя просто так.

- Вы и так бесполезны.

- Я могу что-нибудь сделать, чтобы стать менее бесполезным?

- Трахните меня на столе для подарков?

Сорен так уставился на нее, что она рассмеялась.

- Ладно. - Она указала на угол комнаты. - Можете включить какую-нибудь музыку.

- С этой работой я справлюсь. - Диджей, так же известный, как кузен невесты Томми, оставил все музыкальное оборудование. Он приедет утром, чтобы его забрать.
- Или нет.

Элеонор смотрела, как он перелистывает стопку CD-дисков.

- Что такое?

- Кошмарный музыкальный выбор. Что это? - Сорен протянул диск со знакомой обложкой.

- Dr. Dre.

- Он слушает медицинского специалиста?

- Он рэпер.

- А это? - спросил он.

- 4 Non Blondes. Очевидно, вас бы не взяли в эту группу.

- Не особо то и хотелось, - ответил он таким сухим тоном, что ее щеки заняли от смеха.

Сорен пересмотрел еще несколько дисков.

- Как люди танцуют под эту музыку? - сказал он шокировано.

- Это для танцев по пьяни, а не для вальса. - Она знала, что оправдание было слабым, но не намеревалась сегодня защищать современную музыку. Не тогда, когда слушала радиостанцию с классической музыкой каждый вечер перед сном, чтобы узнать кое-что о музыке, которую Сорен так самоотверженно играл на пианино. Последний купленный ею диск был собранием музыки эпохи барокко.

Он поднял диск.

- Наконец-то, - сказал он. - Приличная музыка.

- Что вы нашли? Баха? Бетховена? Вивальди?

- Стинга.

Элеонор прыснула со смеху.

- Вам нравится Стинг?

- А кому он не нравится? Он музыкант всех времен и народов.

- Не верится, что вы о нем вообще слышали.

- Элеонор, я провел десять лет в семинарии, а не в пещере.

Заиграла музыка, и зал заполнился прохладными грустными звуками голоса Стинга, которому всегда удавалось ускорить ее пульс и понизить давление одновременно.

- У музыки, - начал Сорен, идя к ней, - есть мелодии и темы. Это не просто сборник шума и ругательств, выстроенных на басовую партию.

- Боже, да вы сноб.

- Виновен. А теперь перестань убираться.

- Почему?

- Потому что я так сказал, и я не говорил о том, что ты свободна от клятвы подчинения мне. Подчинись мне.

- Пожалуйста, прикажите мне ударить вас? Этому приказу я подчинюсь.

- Возможно, позже. У меня нет ничего, кроме уважения к твоим садистским наклонностям.

Со стоном Элеонор бросила пакет на пол и уперла руки в бока. Она ненавидела то, как сильно любила его приказы, как сильно сучала по ним.

Он нежно взял ее за запястье и положил ладонь на свое плечо.

- Что вы делаете?

- Танцую с тобой. Не по пьяни, а нормально.

Он взял другую ее руку и сделал первый шаг похожий на вальс. Он сделал один круг по танцполу и остановился в середине. Он изучал ее лицо, его взгляд был проникновенным и интимным.

- Она ушла, - сказал Сорен, его голос был мягким от удивления.

- Кто? - спросила Элеонор.

- Девочка. Она ушла. Куда она ушла?

Элеонор устало улыбнулась.

- Я убила ее, - ответила она, словно извинялась. - Вы сказали повзрослеть. Я повзрослела. Она ушла. Я здесь.

Она протянула руку, чтобы пожать руку Сорена. Но он поднял ее ладонь к губам и поцеловал тыльную сторону, затем перевернул ее и поцеловал в центр. Она ощутила влияние этого поцелуя до самых пальцев ног.

- Тебе нравится, - сказал он, заметно удивившись ее реакции.

Элеонор отдернула руку. Не потому что хотела, а потому что не хотела, чтобы он знал, как он на нее влияет.

- Значит... вы умеете танцевать? - спросила Элеонор, и Сорен повел ее в еще одном медленном круге.

- Да.

- Этому учат в семинарии?

- Нет.

Он едва улыбнулся, вытянул руку и изящно покрутил Элли.

- Вы знаете, что эта песня о прелюбодеянии, верно? Вы не должны под нее танцевать, - подразнила она, пытаясь спрятать то, как наслаждалась прикосновениями его рук.

- Элеонор, я совершал прелюбодеяние. Можно сказать, что я выдержу песню об этом.

Элеонор остановилась как вкопанная.

- Погодите. Вы изменили? Когда?

Несколько мгновений Сорен молчал. Он опустил руки, и Элеонор отошла от него.

- Когда мне было восемнадцать, Элеонор. Когда я был женат.

Элеонор утратила способность говорить. Она отступила от него, и Сорен выключил музыку.

- Вы были женаты?

- Да. Недолго и несчастливо.

Колени Элеонор едва не предали ее. Она пододвинула стул и села.

- Расскажите мне все, - приказала она.

Сорен пододвинул еще один стул и сел в футе напротив нее.

- Первое, что я скажу тебе, что мой брак, каким бы он ни был, не должен беспокоить или волновать тебя. Это просто факт из прошлого. У меня нет причин скрывать его и несколько веских причин, чтобы рассказать о нем. Вот о чем я хотел с тобой поговорить.

Элеонор не нужно было говорить, какие причины он имел в виду. Сорен, рассказывающий всему приходу о браке со взрослой женщиной, было бы сродни большой вывеске, говорящей, что он гетеросексуальный мужчина в полном расцвете сил. В наши дни люди с подозрением относились к католическим священнослужителям, она не могла винить его за то, что он не хотел пролить свет на эти тайны своей жизни.

- Новость о моем браке вскоре станет общеизвестной, и я хотел, чтобы ты услышала о нем от меня, а не от кого-то другого.

- Продолжайте.

- Это долгая и довольно грязная история, поэтому прости за то, что расскажу более цензурную версию. Мой лучший друг в школе был наполовину французом. Его родители погибли в автокатастрофе под Парижем, когда ему было пятнадцать. Он приехал в Мэн жить с бабушкой и дедушкой. Они отправили его в школу, в которой учился я - иезуитскую школу-интернат. Его старшая сестра, Мари-Лаура, была балериной в Париже. Сестра и Брат ужасно скучали друг по другу. У них не было денег. Она не могла приехать в Америку. Он не мог жить в Париже. Тебя это может шокировать, но у моего отца было целое состояние.

- Шокирована. Потрясена. Ошарашена.

- У меня был приличный трастовый фонд, и я унаследовал бы его после свадьбы. Я хотел, чтобы друг мог снова увидеться с сестрой. Она хотела жить в Америке. Женитьба на ней давала мне доступ к фонду, который я планировал отдать им. Деньги и гражданство - я думал, для нее этого будет достаточно. Все бы выиграли.

- Что произошло?

Губы Сорена сжались в тонкую линию. Под глазами залегли тени.

- Никто не выиграл. Денег и американского гражданства ей было недостаточно. Я предупредил Мари-Лауру, что наш брак будет только на бумаге. У меня не было к ней никакого романтического интереса.

- Почему?

Сорен вздохнул и низко безрадостно усмехнулся.

- Давай оставим этот вопрос на другой раз. Достаточно будет сказать, что она не в моем вкусе. И я не буду говорить плохо о мертвых.

- Она мертва?

- Да. Она говорила, что влюблена в меня. Я так не думаю. Считаю, что она рассматривала мою незаинтересованность как вызов. Она словно одержимая преследовала меня и не справилась со слезкой. Она увидела, как я целуюсь с кое-кем еще, и в гневе убежала. Она споткнулась, упала и умерла. Ее брат думал, что она покончила жизнь самоубийством. Я не верю, что она могла себя убить. Она слишком сильно себя любила. Так или иначе, она ушла, и я стал вдовцом через несколько недель после свадьбы. Ее брат отвез тело в Париж, чтобы похоронить рядом с родителями, и в школу не вернулся. В восемнадцать я путешествовал по Европе все лето, и осенью пошел в семинарию. Вот и вся история - это все, что я могу рассказать сегодня.

Элеонор оперлась на руки и дышала. Она не знала, как отреагировать на эти новости.

- Значит, вы знаете, как вальсировать из-за нее?

- Я пытался отвлечь ее от болезненных попыток соблазнить меня, спрашивая о балете, о танцах, обо всем, что ее интересовало.

- У вас был с ней секс?

- Брак не был консумирован.

- Ваша жена.

- Я едва знал ее, когда мы поженились. И она была сестрой моего ближайшего друга.

- Тем не менее, это был законный католический трах. И вы говорите, она была красивой, верно?

- Когда я понял, какими сильными были ее чувства ко мне, то думал об этом. Но не хотел, к лучшему или худшему она была моей женой. Я чувствовал, что обязан сделать ее счастливой. И не справился. Это к лучшему. Я не из тех людей, которые могут заняться сексом, чтобы скоротать время. Единственный человек, с которым я

был близок в подростковом возрасте, любил меня и жертвовал всем, что у него было, чтобы быть со мной. Я требую определенных потерь от человека.

- Сорен, мне почти восемнадцать. Вы женились в восемнадцать. Хватит вести себя так, будто я слишком маленькая для вас.

- Моя сдержанность едва ли связана с твоим возрастом и всем что связано с моим статусом, у которого нет ни малейшего желания впутывать тебя в отношения, которые опасно усложнят твою жизнь.

- Я так сильно вас хочу.

- Элеонор, я почти не дышал, наблюдая, как ты идешь к алтарю сегодня. Знаешь, как больно осознавать, что ты никогда не пройдешь по проходу ко мне?

Слезы наполнили ее глаза.

- Мне тоже больно, - призналась она и смахнула слезы.

Он обхватил ее подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. Когда она взглянула в них, не увидела ни милосердия, ни сострадания, ни любви, ни доброты - только холодную, горькую правду.

- Малышка, быть со мной больно.

- Быть без вас еще больнее. Мне больнее было. Вы не испугаете меня. Я вас не боюсь.

Он отпустил ее подбородок, и Элеонор сделала глубокий вдох. Узнавать правду о Сорене походило на сражение с Гидрой. Каждый вопрос, на который он отвечал, порождал еще три вопроса. Чем больше она узнавала, тем меньше понимала, тем сильнее ей приходилось сражаться.

- Можешь вернуться к уборке. - Он встал, и Элеонор, все еще сидя, потянулась к его руке.

- Не уходите, - попросила она. - Пожалуйста. Мы не обязаны говорить. Оставайтесь ненадолго. Столько времени прошло, я так скучала по вам...

Он запустил руку в ее волосы, и она прижалась лбом к его животу.

- Я тоже скучал по тебе. Каждый день. Но я не могу остаться, Малышка. - Он гладил ее по затылку. - У меня есть компания.

Она подняла голову и попыталась улыбнуться.

- Вас ждет горячее свидание?

- Пусть мечтает.

- Разве не все мы мечтаем об этом?

- Скоро мы снова поговорим. Как только я протрезвею и восстановлю самоконтроль, чтобы находиться с тобой в одной комнате и не думать о том, о чем думаю.

- Там присутствует сцена, как мы ломаем стол для подарков?

- У него нет ни единого шанса.

Элеонор театрально вздохнула и встала на стул.

- Элеонор, что ты делаешь?

- Хочу посмотреть на вас сверху. Получается. - Она провела ладонями по его широким плечам и обняла его. Она оперлась подбородком о его плечо и закрыла глаза.

- Вы мне должны это, - сказала она. - Вы бросили меня. И теперь должны мне.

- В свое время я все наверстаю, - пообещал он. Его руки крепче сжали ее, достаточно сильно, чтобы она поняла, что он серьезно.

Она начала отпускать его, но он не пустил. Улыбнувшись, она сжала его сильнее, наслаждаясь ощущением его больших, сильных рук на спине, и тем, как он близко прижимал ее к себе, что сам Бог не смог бы проскользнуть между ними. Ее тело опалило жаром от теплоты его тела. Тысячи темных и прекрасный картинок вспыхивали в ее голове - как он прижимает ее к стене, набрасывается на ее рот, одежда

слетает сама по себе, и он накрывает ее тело, проникает в нее, клеймит собой ночь напролет.

- Почему вы священник? - Она запуталась пальцами в его волосах на затылке. Такие мягкие волосы и светлые, как золотая нить.

- Мне нравится быть священником. Это то, кто я есть. Это то, кто я есть, потому что Бог хочет, чтобы я был священником.

- Вы уверены?

- Думаешь, ты была бы до сих пор девственницей, будь у меня хоть малейшие сомнения?

- А кто сказал, что я девственница?

Сорен отстранился достаточно, чтобы неодобрительно посмотреть на нее.

- Ох, хватит на меня пялиться, лучше обними меня, Блонди.

Смеясь, он снова крепко ее обнял.

- Вы обещали мне все, - прошептала она.

- И я сдержу свое обещание. Но не сейчас.

- Не переживайте об этом. Я же говорила, что могу подождать, и подожду. Знаю, это многое значит.

- То, что ты хочешь от меня, чего мы хотим друг от друга... это запретное, Малышка. Если меня поймают, если нас поймают...

Предупреждающие нотки в его голосе вызвали мурашки в ее теле.

- Насколько все будет плохо? - спросила она.

- В лучшем случае? Перевод, терапия, публичные насмешки, частные насмешки. В худшем случае? Отречение от сана. Большинство людей будут считать меня извращенцем, если обнаружат нашу связь.

- Это нелепо. Это я пытаюсь затащить вас в постель. И мне семнадцать. Я могу быть донором крови, или получить пожизненный приговор, если убью кого-нибудь, но мне нельзя заниматься сексом в семнадцать? Иисусе, это мое тело, - сказала она. - Мое, а не их. И это ваше тело. Почему они имеют право говорить нам, что мы можем делать с нашими телами?

- Элеонор, ты пытаешься применять логику на католиках?

Она попыталась усмехнуться, но звук получился не совсем тот.

- Думаю, кто-то умный однажды сказал, что эта стратегия бессмысленна. - Улыбнулась она.

- Весь мир - зал суда. И все любят играть в судью, присяжных и палача. Католический священник, уличенный в сексуальной связи с подростком из своего прихода? Будет распят. Я наблюдал за этим. Несколько раз. И единственные люди, которые не будут ненавидеть меня, будут ненавидеть тебя.

- Я виновата? - спросила она, боясь ответа. Она преследовала его, не так ли?

- Нет. Это судьба. Или рок, возможно. Иногда трудно найти различия.

- Может, это одно и то же.

- Может. - Он посмотрел ей в глаза, и в них она увидела свою погибель и судьбу. Один поцелуй. Безусловно, один поцелуй не убьет их. Она наклонилась вперед. Она знала, что Сорен позволит себя поцеловать. Она знала, что он ответит ей.

Но затем она что-то услышала. Свист. Где-то в здании кто-то свистнул. Она уже слышала эту мелодию, но не могла вспомнить ее название и место. Быстро она разомкнула объятия и сделала два шага назад от Сорена.

- Я меняю свой ответ, - сказал Сорен. - Это его вина.

- Кто это? - прошептала она в панике. Сорен сделал то, о чем она и мечтать не могла, то, что она думала, никогда не увидит. Он закатил глаза.

- La Marseillaise - государственный гимн Франции.

- Кто в здании?
- Сорен тяжело вздохнул и потер лоб.
- Полагаю, сегодняшняя ночь подойдет как никогда, - ответил Сорен.
- Для чего?
- Чтобы познакомиться с моим шурином.

Глава 18

Элеонор

Свист приближался. Сорен взял ее за руку.

- Элеонор, позволь заранее извиниться.

- Извиниться? За что?

- За него.

- За кого? За меня? - спросил мужчина, который вошел в ближайшую дверь и направился к ним. - Надеюсь, я что-то прервал.

Глаза Элеонор расширились при виде мужчины.

- Люблю эту реакцию. - Он указал на лицо Элеонор. - Это «вы не сказали, как он красив» взгляд, oui?

- Не вас ли я чуть не ударила на лестнице? - поинтересовалась она.

- Ты вломила в мой дом. Что скажешь в свое оправдание?

- У вас волосы, как у Эдди Веддера, - заметила Элеонор, и это единственное, что она могла сказать в свое оправдание. Она все еще пыталась оправиться от шока при виде этого мужчины. Он носил самый потрясающий костюм, который она когда-либо видела. Черные брюки, сапоги для верховой езды, удлиненный черный жакет, черно-серебристый вышитый жилет. У него были темные, длиной до плеч, волосы, и лицо модели. И что еще хуже, он был французом. Значит, это шурин? Лучший друг? Кингсли?

Он взял ее за руку, будто хотел поцеловать тыльную сторону ладони, но в последний момент поднес кончики ее пальцев к носу и понюхал их. Она отдернула руку.

- Значит, это elle?

- Это она. Элеонор, это Кингсли. Кингсли, Элеонор. А теперь, Кингсли, вернись, пожалуйста, в мой дом, пока ты не начал нравиться Элеонор.

- Хочешь сказать, нравиться больше, чем ты. Слишком поздно. Не так ли?

- Вы серьезно француз, - ответила она.

- Хотела бы узнать, насколько я француз? - Он встал между ней и Сореном и смотрел на нее самым соблазняющим взглядом, который она когда-либо видела на лице полностью одетого мужчины.

- Кингсли, пожалуйста, - вмешался Сорен.

- Я не к тебе обращаюсь. Я говорю с ней.

Кингсли шагнул еще ближе.

- Сколько тебе? - спросил он ее.

- Семнадцать. А вам?

- Тридцать. Твою девственную плеву ещё не повредили?

Элеонор выпрямила спину.

- А ваш мозг часто повреждали?

- Я спрашиваю не просто так. - Он пригрозил ей пальцем, чтобы осадить. - На прошлой неделе я трахнул девственницу. Хотя и не думал этого делать.

- Что же случилось? Вы споткнулись и упали на ее плевую?

- Тебе смешно, а ты знаешь, как сложно избавиться от крови на обивке из чистого шелка? - спросил Кингсли, выдавая явное возмущение. - Она могла бы предупредить до того, как я трахну ее. Я бы подложил полотенце. Но c'est la guerre. Что такое этикет для внезапного секса с девственницей? Мне отправить ей букет цветов? Если бы я трахнул тебя и порвал плевую, чего бы ты хотела от меня после?

- Чем-нибудь опохмелиться? - сказала Элеонор любимое средство отца для лечения похмелья. - Трахните меня еще раз?

Кингсли осмотрел ее с головы до ног. Казалось, ему нравилось то, что он видел.

- Не хотела бы поиграть со мной в Жюстину и развратного монаха?

- Никогда не слышала об этой игре.

- Клянусь, я тебя под арест посажу, - сказал Сорен Кингсли. Он казался суровым, но Элеонор заметила веселье в его глазах.

- Ты читала «Жюстину» Маркиза Де Сада? Удивительная книга. Юная двенадцатилетняя Жюстина убегает в монастырь, и монахи насилуют ее, заставляют участвовать в оргиях и избивают ее снова и снова. Так мы и будем играть. Не против?

- Как мы узнаем, кто выиграл?

- Кто отделается меньшими потерями в конце, тот и побеждает.

- Звучит весело, - ответила Элеонор. - Я буду монахом. А вы Жюстиной.

- Кингсли, - вмешался Сорен, дразня его, - похоже, она уже тебя знает.

Кингсли лишь мгновение смотрел на нее, и она ощутила, как он ее оценивает. Улыбка покинула его лицо, веселье исчезло из глаз. Предупреждающим тоном мужчина обратился к Сорену:

- Ты напрашиваешься на грандиозные проблемы с ней, mon ami.

- Он не просил о проблемах, - вмешалась Элеонор. - Это моя инициатива.

Кингсли одобительно кивнул.

- Ты не преувеличивал, - обратился он к Сорену.

Сорен что-то прошептал на ухо Кингсли.

- Я же говорил, - театрально прошептал Сорен.

- Могу я ее взять? - спросил Кингсли. Сорен ответил что-то на французском, что-то, что заставило Кингсли улыбнуться еще шире.

- Что он сказал? - спросила она Кингсли.

- Он сказал: «Дождись своей очереди».

Она посмотрела на Сорена, который лишь пожал плечами, будто Кингсли солгал ей. Она знала, что это не так.

- Ей не понравился мой перевод.

- Ей стоит выучить французский, - предложил Сорен. Кингсли согласно кивнул.

- Аллэ! - Элеонор замахала руками. - Я все еще здесь. Я слышу, как вы оба говорите обо мне. И вижу, как вы хихикаете. - Она ткнула пальцем в центр груди Сорена.

Он с вызовом посмотрел на нее.

- Священники не хихикают.

- А вы на что уставились? - спросила она у Кингсли, который, казалось, раздевал ее глазами.

- А она смелая, - обратился Кингсли к Сорену.

- Безбожно смелая, - согласился Сорен.

Кингсли обратил на нее свое внимание.

- Почему ты одета?

- А я должна быть раздетой?

- Глупее вопроса я не слышал, - сообщил он очень по-французски, изображая отвращение. - Для начала ты вообще должна быть без нее.

- Поняла, - ответила Элеонор Кингсли. - Правда. Вы Прекрасный Принц, самый прекрасный из прекрасных.

- И не принц, а король. - Кингсли пожирал ее тело глазами. Она могла бы смутиться от такого неприкрытого голодного взгляда, но у него был французский акцент, волосы Эдди Веддера и возможность раздражать Сорена. Этому мужчине все двери открыты.

- Я бы мог провести в тебе несколько часов, - наконец сказал ей Кингсли.

- И спокойной ночи. - Сорен схватил Кингсли за загривок. Кингсли вздрогнул, словно жест Сорена произвел на него противоположный эффект, на который рассчитывал Сорен. - Я не могу с тобой никуда выйти. Возвращайся в дом. Я скоро вернусь.

- Я должен уйти?

- На самом деле, нет, - ответила Элеонор.

- На самом деле, да. - Сорен отпустил Кингсли, который с извинением улыбнулся ей.

- Je suis désolé, ma belle. Должен оставить вас. Я буду в доме священника, если понадобится вам, или вы захотите меня или моего присутствия. Вы знаете, где меня найти.

- В его доме.

- Прочно обосновался. Если меня там не будет, я буду внутри бутылки Шираза. Сегодня я напою священника.

- Думаю, он уже, - заметила Элеонор. Она никогда прежде не видела Сорена таким игривым. Им стоит почаще его спаивать.

- Он едва разогрелся. - Кингсли взял ее руку, и в этот раз он поцеловал тыльную сторону ладони, а не понюхал пальцы. - Заверяю тебя, я покидаю тебя не по собственной воле и твердо уверен, что мы снова должны встретиться.

- Было приятно познакомиться, - ответила она, более чем уверенная, что слово «приятно» было наименее подходящим определением, которое девушка могла использовать.

- И я получил удовольствие, наконец, с тобой познакомиться, - ответил он. - Я с нетерпением буду ждать, когда ты познакомишься с моим потолком.

Он развернулся на каблуках и, насвистывая французский гимн, направился к двери.

- Хочу с ним подружиться. - Она широко улыбнулась удаляющейся спине Кингсли.

- Не опускай пока защиту. Он не закончил, - сказал Сорен.

Сорен был прав. У двери Кингсли развернулся на пятках и подошел к ней. Он посмотрел ей в глаза. Мгновение назад он был в образе лихого Казановы, словно из женского романа. Но не сейчас. Сейчас, казалось, он опасно опьянен ею.

- Предупреждение. - Кинсли смотрел на нее и только на нее. - Твоя овечка – самый настоящий волк. В свое время ты узнаешь об этом, и узнаешь его так, как узнал я.

- Как?

- Тяжелым путем.

- Кингсли, достаточно. - Сорен больше не шутил. Как и Кингсли.

- Расскажи ей, кто ты, mon ami, - обратился Кингсли к Сорену, но его взгляд не отрывался от ее лица.

- Видимо, ты тоже перепил сегодня или недостаточно выпил.

Кингсли широко улыбнулся, но Элеонор не увидела в его глазах веселья.

- Никогда не бывает достаточно. - Он склонил голову перед ней, снова развернулся на пятках и покинул комнату, в этот раз без свиста. Пока он уходил, она слышала, как раздается эхо от его военных сапог.

Сорен выдохнул, словно задерживал дыхание всю беседу.

- Элеонор, позволь извиниться в последний раз...

- Что он имел в виду, говоря, что овечка – самый настоящий волк? - Она посмотрела на Сорена. Он не моргнул, не покраснел, не усмехнулся или смутился. Но и на вопрос не ответил.

- Волк ест овец, - сказала она. - Стоит ли нам, овцам «Пресвятого Сердца», бояться вас?

- Нет.

- Нет?

- Я ем только волков.

- Думаю, это утешает.

- Не должно, - ответил он.

- Почему?

Сорен одарил ее опасно голодным взглядом, который можно было бы описать, как волчий.

- Потому что ты, моя Малышка, не овечка.

И после этого Сорен очень поспешно попрощался. Она не винила его за такой поспешный уход. Если бы такой человек как Кингсли ждал ее дома, она тоже не хотела бы оставлять его без присмотра. Не зная куда или в кого он бы влез. Значит, это и был брат покойной жены Сорена? Ей пришлось снова сесть, когда реальность откровенности Сорена достигла ее. Это же на самом деле не важно, верно? Не важно, что он был однажды женат двадцать лет назад? Нет, не важно. Мертвая жена была мертвой проблемой. Похоронена. Ушла. Элеонор вытащила ее из своей головы и решила больше никогда о ней не думать.

Но Кингсли - теперь он ее интересовал. Сорен признался в ревности к ней, и этот парень Лаклан добрался до третьей базы. А Кингсли всеми своими шестью футами стоял перед ней и шутил о порке, об изнасиловании, трахе и как потеряется в ней на несколько часов, чего она не понимала... Вот черт. Всё она понимала.

Ох.

Кингсли трахал ее глазами, трахал ее словами, дразнил и подзадоривал ее, и все это время Сорен стоял рядом и ничего не делал, кроме как пытался сдержать смех.

И что имел в виду Кингсли, когда назвал Сорена волком? Что имел в виду Сорен, когда признался, что был таковым? Слишком много вопросов. И недостаточно ответов.

Элеонор закончила уборку. Это не заняло много времени, у Дианы и Джеймса была маленькая свадьба, с менее чем сотней гостей. Они не могли позволить себе что-то большее, но ни один из них, казалось, не возражал. Они оба сегодня так много улыбались, что щеки Элеонор сочувствовали их щекам. Когда Сорен нанял двадцатипятилетнюю Диану возникло некоторое недовольство. Для начала она была чернокожей, а Уэйкфилд был белым, как лилия городом. Черная и очень красивая, что также вызывало недоумение. И что еще больше шокировало - она была разведена. Разведенная женщина работает на католического священника. Сорен помог ей аннулировать первый брак, и она с Джеймсом смогли обвенчаться в церкви.

Если бы все священники были такими рациональными и открытыми, как Сорен. Ни разу за эти полтора года в «Пресвятом Сердце» она не слышала, как он читал

проповеди, осуждающие гомосексуализм, добрачный секс или аборты. Вместо этого он сосредоточил внимание на вопросах социальной справедливости – еда для голодающих, помощь нуждающимся, посещение больных и умирающих людей в тюрьме. Он был хорошим священником, лучшим. Неважно, какие у него были секреты, важно, что он хотел ее так же сильно, как и она его, он по-прежнему был самым лучшим священником на земле.

В начале четвертого утра Элеонор наконец добралась до дома. Несомненно, мама уже в постели. В своей комнате Элеонор сняла обувь и джинсы. В футболке и трусиках она села на постель, включила радио, настроенное на классическую станцию. Она хотела спать, нуждалась во сне, но разум не отпускал ее. Она хотела с кем-нибудь поговорить, но разговаривать было не с кем. Не с кем, кроме Бога. А может попробовать.

Когда Сорен учил ее духовным упражнениям, он учил ее особенному иезуитскому способу молиться. Сорен говорил, большинство людей не могут сконцентрироваться в тихой молитве. Разум блуждает то тут, то там. Произнесение молитвы вслух помогает сосредоточиться. Но иезуиты на этом не остановились. Одна техника, говорил Сорен, заключается в себе стояние перед Богом или Христом и проговаривание молитвы вслух. Некоторые иезуиты даже ставят перед собой стул и обращаются к стулу, будто там сидит Бог.

- И это действительно помогает им добраться до Бога? - спросила Элеонор, с большим скепсисом, чем обычно.

- Нет. Это помогает Богу достучаться до нас. Цитируя тезку моего деда, Сорена Кьеркегора, «Молитва не изменит Бога, но она изменяет его для молящегося». Все эти трюки и техники - для нашей пользы, а не Бога. Господь - родитель. Позови его, отправь Ему письмо, сходи в Его дом, важно, как ты обратишься к Нему, Он хочет слышать своих Детей.

Сегодня Элеонор хотела слышать Бога. Она не ждала, что он ответит, но эти несколько минут в руках Сорена, были подарком. Объятия, слова утешения, они пришли из ниоткуда. Она не просила о них и не ждала их. Когда вручают подарок, ее учили благодарить. Она не знала, как благодарить за утешение, полученное сегодня, поэтому решила попробовать поблагодарить Бога. Она поставила стул в центр комнаты и села на край постели лицом к нему.

- Чувствую себя идиоткой, - сообщила она пустой комнате.

Пустая комната не ответила.

- В этом что-то неправильное. Сегодня Сорен напился со вторым на планете по сексуальности парнем, а я дома одна и молюсь. Думаю, мы случайно поменялись обязанностями.

По-прежнему тишина.

- Жестокие люди, - ответила она и положила на колени подушку, сжимая ее для успокоения.

Она считала, что сдалась и разбилась, но ее сердце не переставало колотиться с того момента, как она шагнула на красную ковровую дорожку, усыпанную розами. И сегодня, после года игнорирования друг друга почти до боли, у нее с Сореном, наконец, состоялась нормальная беседа. Год она жила с вопросом, что будет, если с Сореном что-то случится. И сегодня объятиями и несколькими словами он доказал, что достоин ее преданности. Она больше не могла тратить время в пустую. Она должна принять решение.

- Послушай, - начала она, снова обращаясь к пустоте, - я знаю, он хороший священник. А к черту, он потрясающий священник. Ты видел, сколько сейчас людей приходит в церковь? Почти в два раза больше, чем при Отце Греге. И мы с тобой оба

знаем, что это не из-за его красоты. Хотя он и, правда, красивый. Боже, храни его красоту. То есть... ты храни.

Она посмотрела на потолок.

- Прости, - проговорила она губами. - В любом случае, спасибо за сегодня.

Она сделала глубокий вдох.

- Итак, он говорит, ты хочешь, чтобы он был священником. По его словам, он не понимал себя, пока не стал священником. Я не могу просить его бросить это. Не ради меня или кого-то еще. Я не могу. И не стану. - Ей сразу стало гораздо лучше, как только она приняла это решение. Она любила его, а он был священником. Она не станет его просить измениться ради нее. Что если это священник в нем заботился о ней? Если он бросит священничество из-за нее, может, он больше не станет заботиться о ней?

- И насчет священничества... здесь будь со мной честным. Целибат? Мы оба знаем, что это выдуманная хрень, верно? Мы католики хотим быть особенными, хотим быть другими. Не дай Боже, чтобы мы были похожи на протестантов с их женатыми пастырями. Вся церковь постоянно поет о том, как важна католическая семья, католический брак, католические дети, а потом мы запрещаем нашим священникам жениться и заводить католические семьи? Мы все исправим. В Библии об этом ничего нет, правильно? Я читала. Ты видел меня. - Она взяла Библию в красной кожаной обложке. За прошедший год она погружалась в Библию, читая ее каждый вечер. Она прошла через непонятные ей дебри, но более-менее разобралась в большом куске Ветхого Завета и изучила Евангелие.

- Иисус ничего не говорил о том, как люди должны жениться, или почему лучше должны блюсти целибат. Да, там много всего о блуде, но так же много всего о запрете поедания моллюсков или приобретении поливолоконных тканей. Серьезно? Что у тебя за проблемы со спандексом?

Она подняла руки вверх, сдаваясь.

- Знаю, знаю. Это не ты. Это багаж прошлого, и мы положили на него Твое имя и Тебя же обвиняем. Наш промах. Сорен сказал рассматривать Библию не как учебник по истории или науке, а как причастие. Причастие - это духовная, а не физическая пища. Значит, Библия кормит наши души. Это не инструкция.

Элеонор поняла, что ушла от темы. Она никогда не разговаривала со стулом и не любила выступать перед аудиторией. Ей следует делать это почаще. Может, в следующий раз она посадит реального человека на стул. Она могла бы заткнуть ему рот и получить такое же пристальное внимание.

- Бог, вернемся к сути. У меня она есть. Я люблю Сорена. Я люблю его, и я влюблена в него. Я все в нем люблю, даже то, что не знаю о нем. Он доказал мне, что он хороший человек, несмотря на то, что боится рассказать мне. Мне плевать, что он волк. Он говорит, я не овца, что можно воспринимать и как комплимент, и как угрозу. Вероятно, оба варианта.

Как только она сказала «оба», она знала правильный вариант.

- В Послании к Евреям... наверное. Думаю, в послании к Евреям говорится: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Что-то такое. Значит, я могу сказать, что у меня есть вера в Сорена. А у него вера в Тебя. Это все, что я могу сейчас дать Тебе, и надеюсь этого достаточно. Знаю, у него есть секреты, вещи о которых он пока не готов говорить или не хочет. Все хорошо. Я все еще верю в него. Он верил в меня, и, по крайней мере, я могу вернуть ему долг, верно?

Элеонор сделала еще один глубокий вдох, когда подошла к заключению своей бессвязной, непоследовательной речи.

- И так, вот предложение. Я обещаю, если Ты позволишь мне быть с ним, даже в малой степени, если Ты позволишь нам быть вместе так, как мы того хотим... - Она решила не вдаваться в мучительные подробности того, как хотела быть с ним. Безусловно, Бог, если Он существовал, был прекрасно осведомлен о ее сексуальных фантазиях с участием Сорена, которыми она развлекала себя по ночам. - Если Ты сделаешь это, позволишь быть вместе, тогда я обещаю Тебе, что никогда не позволю ему бросить священство ради меня. Мне не нужно выходить замуж. Мне не нужны дети. Мне даже он не нужен. Но пожалуйста, Боже, позволь нам быть вместе.

Болезненные слова были сказаны. И потому, что их было больно произносить, она знала, что говорила серьезно.

В своей голове она была в свадебном платье - белом и шелковом - и держала на ладони пару детских пинеток. Она поцеловала крошечные носочки и осторожно положила их внутрь деревянного сундука. Затем она сняла свадебное платье и осторожно сложила его поверх пинеток. Она закрыла сундук и заперла на ключ. Со всей силой она выбросила ключ в небо, запуская на тысячу миль вверх, чтобы он приземлился в середине океана и утонул в черных водах ночи. И, если случайно кто-то найдет ключ и вернет ей, она облила сундук бензином, достала спички, подожгла его и наблюдала, как он сгорает.

Слезы текли тихими волнами в тайной части ее разума, она сожгла свои мечты дотла. Она не знала, что восстанет из этого пепла, но она знала, что-то родится из этого пепла, что-то, что Элеонор никогда не видела.

Новая мечта. Лучшая мечта.

Ветер принес пепел к ее ногам. Она открыла глаза и снова посмотрела на пустой стул.

- Договорились? - спросила она у Бога. - Давай пожмем руки.

Она протянула руку, воздух засвистел, когда поезд пролетел мимо ее дома, сотрясая стены, пол, потолок, все до самого фундамента.

Элеонор посмотрела на часы - 3:26 утра. Она в замешательстве посмотрела на часы. Семнадцать лет подряд поезд проезжал мимо ее дома в одно и то же время - 00:59, 6:16, 15:38, и 19:02. Ни разу все эти годы, которые она прожила здесь, поезд не проходил так поздно ночью.

Никогда. Ни разу.

Повернувшись к стулу, она опустила руку.

- Тогда, хорошо, - ответила она. - Договорились.

Глава 19

Элеонор

В третий раз за два часа Элеонор наполнила ведро холодной водой и добавила в нее чашку мыла для дерева. Она потащила тяжелое ведро в святилище и поставила на пол рядом с центральной секцией скамеек. Последние три недели она мыла деревянные сооружения в церкви, пытаясь отплатить Пресвятому сердцу за юридическую помощь ей. Может, отец был прав. Мошенничеством гораздо проще заработать деньги.

Пока она мыла дерево под коленями и руками, девушка позволила себе помечтать о будущем. Сорен приказал ей подать заявление в пять колледжей, и она подала. И теперь не могла перестать думать о жизни в Нью-Йоркский университет.

Она влюбилась в Гринвич Виллидж и здания Нью-Йоркского университета с того момента, как впервые увидела их еще будучи маленькой девочкой, гуляющей по городу с бабушкой и бабушкой. И все же она знала, что это было несбыточной мечтой. У нее хорошие оценки, но недостаточно хорошие, чтобы получить стипендию. Студенческий заем покроет только часть того, что ей нужно будет заплатить за университет. Может, она сможет найти себе сексуального декана или кого-нибудь еще и обменяет свое тело на деньги на обучение.

Элеонор не могла поверить, как жарко было в святилище. Пот бисером проступил на ее лбу и капал на пол. Майка уже промокла.

Еще один час она мыла скамьи, пока не перестала видеть четко. Тушь щипала глаза. Какого черта происходит?

Элеонор поднялась с пола и выпрямила спину. Ей не должно быть так жарко. Она переоделась в футболку, короткие джинсовые шорты и пару наколенников, на ней не было ничего кроме кроссовок. Она подошла к стене и присела возле вентиляционной решетки. Из нее шел обжигающий воздух.

Это не очень хорошо. Вентиляция сломана? Она вышла в холл и подошла к панели управления. Кто-то врубил температуру до тридцати двух градусов. Тридцати двух. Гребаных. Градусов.

Ее священник был покойником.

Она прошла по коридору к кабинету Сорена. К счастью, в этот чудесный вечер четверга они были одни в церкви, значит, она может его убить, и никто ей не помешает.

Она обнаружила его в кабинете, потягивающим чай из изящной чашки.

- Вы садист? - спросила она.

Он сделал пометку на листке бумаги.

- Да.

- Это вы увеличили температуру в святилище?

- Я не хотел, чтобы ты замерзла.

- Вы подняли ее до тридцати двух.

Сорен оторвался от заметок.

- Правда? Прими мои извинения.

- Это были самые неискренние извинения за всю историю вселенной.

- Не исключая.

- Я надрываю зад в святилище, оттирая двухсотлетний слой жира со скамеек, а вы тут сидите в своем кабинете и при двадцати одном градусе попиваете чаек, и пишете проповеди. Там жарко, как в штанах Сатаны, и я вспотела, как шлюха в церкви. У вас есть что сказать на это?

Элеонор скрестила руки на груди и метала искры в кабинет.

Сорен посмотрел на нее сверху вниз и вернулся к Библии.

- Мне нравятся наколенники.

- Я вас ненавижу.

- Сорок два, - сказал он и вытащил папку из ящика стола.

- Сорок два чего?

- Я фиксирую, сколько раз ты сказала, что ненавидишь меня. Это сорок второй. -

Он открыл папку и что-то изучил внутри. - Нет, сорок третий.

Он сделал жирную пометку на странице.

- Сорок четвертый. Я вас ненавижу. Какого черта вы врубили обогреватель на тридцать два?

- Ты угнала пять машин. Вместо того, чтобы отправиться в тюрьму или колонию для несовершеннолетних, тебя приговорили к волонтерской работе. А теперь ты

расплачиваешься за значительные юридические услуги, возможно, тебе нужно пострадать. Полезно для души.

- Страдания полезны для души? Вы сидите в миленьком кабинетике, пьете мерзкий чай, пахнущий беконом...

- Это лапсанг сушонг.

- Он отвратительный. Вы пьете отвратительный чай и пишете проповеди в кабинете с комнатной температурой, пока я там умираю. Не вижу, чтобы вы страдали.

- Я страдал. И мои страдания закончились.

- Вы нашли Иисуса?

- Нет, я нашел тебя. - Сорен закрыл папку и вернул ее в ящик. Он снова отпил чая, поставил чашку и вернулся к работе.

Элеонор прижала ладонь к трепещущему животу.

- Как бы вы себя чувствовали, если бы я стояла на вашем столе и кричала что есть сил? - спросила она.

- Откровенно говоря, я удивлен, что ты до сих пор этого не сделала.

Откровенно говоря, она тоже была удивлена.

- А теперь, когда я настрадалась, можно вернуть температуру в обычный режим? Похоже на первый круг ада, а не на восьмой?

- Если ты так настаиваешь. Но, пока ты моешь скамейки, я хочу, чтобы ты подумала о своих грехах.

- Подумаю. Особенно о тех, которые планирую совершить с вами однажды.

- Умница.

Элеонор начала разворачиваться, но Сорен позвал ее.

- Да, Ваше Блондинистость. Что?

- Ты отправила заявки?

- Я сделала, как вы приказали, Ваше Величество.

- Ты расскажешь мне, куда подала заявки?

- Университет имени Никого. Университет Не Ваше Дело. Университет Не Скажу. Колледж Большого Секрета. И технический колледж Святого Отвали.

- Интересный выбор.

- Университет Не Скажу - мой запасной вариант.

- Есть веская причина быть такой скрытной?

- Вы спасли меня от тюрьмы. У вас повсюду тайные ниндзя, которые делают за вас все. Я не хочу, чтобы вы звонили от моего имени, пытаясь подергать за нужные ниточки ради меня.

- Я бы никогда такого не сделал.

- Врете.

Элеонор топталась в дверном проеме с одной единственной целью - остыть. А также попятиться на Сорена, который переступил порог Пресвятого Сердца без колоратки. Тогда с двумя целями.

- Элеонор?

- Что?

- Ты пялишься на меня.

- Вы восхитительны. Конечно, я пялюсь. Как диссертация?

- А мы не можем обсудить более приятные темы? Например, как я провел лето в поселении для прокаженных?

- Большой ребенок.

- Возвращайся к работе.

- Да, Отец Стернс.

- Предпочитаю, чтобы ты меня так не называла, - ответил он.

- Как насчет Мать Стернс?

- Как насчет сэр?

Он вопросительно изогнул бровь. Живот Элеонор скрутило на удивление в приятном смысле.

- Да, сэр, - прошептала она.

Сорен посмотрел на нее так, что она ощутила покалывание в пальцах.

- Умница. А теперь кыш. Сегодня у меня нет времени на отвлечения, даже на приятные.

Она оставила его в кабинете и направилась в святилище. Тень промелькнула в конце коридора, тень человека. Все время, пока она говорила с Сореном, здесь кто-то был и подслушивал? В панике Элеонор проиграла в голове всю беседу. Они не сказали ничего, что могло навлечь беду? Сорен сделал игривый комплимент ее наколенникам. Это было нехорошо, но это можно было выдать за сарказм. Она сказала, что его лапсангский сушонг отвратительный, что было правдой. Никто не мог с этим поспорить. Вот черт. Она спросила, почему он больше не страдает. Потому что я нашел тебя...

Черт.

Элеонор полубегом, полушагом направилась к тени. Но когда достигла конца, никого и ничего не увидела. Влюбленность в священника сделала из нее параноика. Кому вообще до нее дело, чтобы следить за ней? Никому.

Только ради предлога поговорить с Сореном снова Элеонор подумывала рассказать о тени. Через дверь его кабинета она слышала звон телефона, и как он ответил на него. Так или иначе, он говорил слишком тихо, чтобы разобрать слова, и пришлось вернуться в святилище.

Элеонор открыла двери и поставила стопперы, в надежде охладить воздух.

Она нашла ведро и опустилась на колени, окунув тряпку в воду с ароматом сосны. Она вымыла два квадратных фута, когда услышала эхо шагов. Очевидно, Сорен недостаточно пытал ее сегодня. Хорошо. Раунд второй.

- Если вы пришли сюда, то я вас вымою, - предупредила она и посмотрела на него. Девушка ждала улыбки или усмешки, но нет. На лице Сорена было самое странное выражение.

Он сел на скамью позади нее и посмотрел на распятие над алтарем.

- Сорен? - Элеонор опустилась на колени на скамью перед ним. - Что случилось?

- Ничего. Умер мой отец.

Руки Элеонор онемели.

- Боже мой. Что произошло?

Сорен покачал головой.

- Не знаю. Моя сестра, Элизабет, приедет сегодня и расскажет.

- Вы в порядке? - Она хотела взять его за руку, но, хотя он и сидел в нескольких дюймах от нее, казался слишком далеко, чтобы дотянуться.

- Я... - Воцарилась долгая пауза. - Мне стыдно за то, как я радуюсь тому, что этот человек мертв.

Элеонор не знала, что ответить, поэтому сказала единственное, что никогда ему не говорила.

- Я люблю вас.

Сорен перевел взгляд от распятия на нее.

- Спасибо, - ответил он. - Мне нужно было это услышать.

Спасибо? Лучше, чем «нет, не любишь», но не так же приятно как «я тоже тебя люблю». Тем не менее, она была рада тому, что хоть раз сказала что-то правильное.

- Поминальная служба в субботу, похороны в воскресенье. Ты поедешь со мной, правда?

- Я поеду с вами? - повторила она, не уверенная, что правильно его расслышала.

- Можешь? Пожалуйста?

Сорен говорил так робко свое тихое «пожалуйста», что она отдала бы собственное сердце, если бы он пожелал.

- Поеду. Да. Точно.

- Хорошо. Мы уезжаем завтра вечером, как только ты вернешься из школы. Кингсли может отправить машину. Соберись на две ночи.

- Куда мы едем?

- В Нью-Гемпшир, в дом моего отца.

- А это не вызовет подозрений? Священник приводит пару на похороны?

- Моя младшая сестра твоего возраста. Уверен, она придет. Можешь остаться с ней.

- Да. Конечно. - Голова Элеонор кружилась. Она и Сорен поедут в Нью-Гемпшир на все выходные. Он хотел, чтобы она познакомилась с его младшей сестрой и посетила похороны его отца с ним. Когда она проснулась утром, то не ожидала, что вся ее жизнь изменится к концу дня. Очевидно, Бог не любил предупреждать о подобного рода вещах.

- Можешь идти домой. Тебе нужно собираться. А мне нужно сделать несколько телефонных звонков.

- Я могу что-нибудь для вас сделать? Помочь?

- Твое существование уже помощь. Уверяю тебя, я в порядке. В некотором шоке, но поверь, это хорошие новости.

Если бы кто-то еще слышал, что звонок о смерти его отца он назовет «хорошей новостью», он бы опешил. Но Элеонор не возражала, если бы ее собственный отец исчез с лица земли. Она едва ли могла осуждать Сорена.

- И что нам делать?

- Приходи завтра в дом священника. Оттуда мы уедем.

- Вы говорите, что мне можно прийти в ваш дом?

- Элеонор, причина, по которой я так долго держал тебя от себя подальше в том, чтобы ты повзрослела и была готова к тому, что я должен тебе сказать. Сейчас ты готова?

- Я была готова с нашей первой встречи.

Сорен взял ее за руку и прижал сначала к сердцу, а потом к обнаженной шее и затем поцеловал костяшки пальцев.

Умер человек.

Она улыбалась всю дорогу домой.

Элеонор собрала вещи в тот же вечер, как и было приказано. Она уже была на нескольких похоронах. Дедушки и бабушки одного двоюродного дедушки, которого она не помнила. Она также присутствовала на похоронах тети своей подруги Джордан. Но этот раз был другим. У нее не было права идти на похороны отца Сорена. Она не могла придумать ни одного рационального объяснения ее присутствия в доме отца священника. Ей придется проявить творческий подход.

Во-первых, ей придется придумать причину своего отсутствия для матери. Довольно просто. Один телефонный звонок подруге Джордан обеспечит ей это. Она скажет маме, что будет сопровождать Джордан, пока та подает заявление в колледж в эти выходные. С этим вопрос решен.

А что касается остальных? Придется импровизировать.

Учеба начиналась на следующий день. Она не могла ни о чем думать, кроме перспективы находиться в машине с Сореном целых четыре часа. В машине целых четыре часа? После обеда Элеонор перестала пить воду. Последнее, что она хотела, это прерывать Сорена просьбой остановиться в туалет.

Она заскочила домой после школы и забрала дорожную сумку. Она оставила маме записку, напоминая ей, что ее не будет все выходные. Она надеялась, что сможет воспользоваться телефоном в Нью-Гемпшире и позвонит маме вечером в субботу. Пока она сообщала о себе раз в выходные, у мамы не должно возникнуть подозрений. Хотя, не похоже, что мама беспокоилась о том, чем она занимается.

Подойдя к церкви, Элеонор поняла, что вызовет недоуменные взгляды, если кто-то увидит, как она идет к дому священника, поздно вечером, с перекинутой через плечо сумкой. Она обошла квартал и нашла дорогу к дому через заднюю подъездную дорогу. Ей стоит запомнить этот путь. Если жизнь сложится так, как она того хочет, то это будет не последний раз, когда она проникает в дом Сорена.

У дома она остановилась. Стучать или не стучать... Взвешивая варианты, она изучала дом. Ей всегда нравился дом священника в Пресвятом сердце. Прекрасный готический коттедж, дом священника был старше, чем сама церковь. Она слышала, что церковь практически на руках сражалась с владельцами за дом и земли. Она не осуждала их. Будучи маленькой девочкой, она думала, что дом волшебный, заколдованный. Он был похож на дом из сказок - крутая скатная крыша, мансардные окна, каменная дымовая труба, мощеная дорожка, деревья, окружающие его и скрывающие от посторонних глаз.

Он до сих пор завораживал ее, хотя и по другим причинам. Она больше не видела в двухэтажном коттедже нечто сказочное. Появилось более убедительное значение. В этом доме жил Сорен. Он в нем ел, пил, одевался, принимал ванную и спал там. Однажды она поймет, каково просыпаться там.

Она постучала в дверь.

Сорен открыл ее, не проронив ни слова. Он не говорил с ней, потому что к его уху был прижат телефон.

- Уезжаем сейчас, - ответил он в трубку. - Это все бряцание саблей. Они пытаются запугать тебя. Я знаю этот трюк. Не ведись на него.

Затем последовала пауза, и в эту паузу Сорен снял с ее плеча сумку и поставил ту на кухонный стол. Она успокоилась от того, как привычно он поприветствовал ее в своем доме, словно она была тут уже тысячу раз. Она осмотрела кухню, пока ждала, когда он закончит говорить по телефону. Милая кухня, чистая, необычная и уютная, словно из фильмов о конце века с Новой Англии. Однажды они будут трахаться на этой кухне. На этом самом столе.

- Ты говорила с Клэр? - спросил он человека на другом конце. Другой человек замешкался, и затем... - Ты знаешь о девочках-подростках гораздо больше меня, - сказал он и подмигнул Элеонор, которая прикрыла ладонью улыбку. - Все хорошо. Я поговорю с ней. У тебя голова и так полна заботами.

Намек на улыбку сполз с его лица.

- Мужайся, - сказал Сорен. - Завтра поговорим

Сорен повесил трубку.

- Девушка? - спросила она.

- Это моя сестра Элизабет. Сводная. На выходных ты в некотором роде познакомишься с ней.

- Сколько у вас братьев и сестер? И почему вы так одеты?

- У меня три сестры, - ответил он, присаживаясь на кухонный стол. - И это костюм. Ты не одобряешь?

- Вы потрясающе выглядите. Я не ожидала увидеть вас в деловом костюме. - Она обхватила лацканы его пиджака и притворилась, будто проверяет его шею. - Без колоратки. Странно. Без галстука. Еще страннее.

- У меня есть галстук. Еще не надел его.

- Оставьте так. Вы хорошо смотрите в обычной одежде.

- Спасибо. Пытаюсь оставаться инкогнито на этих выходных. Священник на похоронах, и все захотят поговорить о Боге и загробной жизни.

- Не понимаю, почему они думают, что священник захочет говорить о Боге.

- Нелепо, согласишься? - Он улыбнулся ей. - Машина уже едет. Хочешь осмотреть дом?

- Нет.

- Нет?

- Ну, да. Хочу. Но не буду.

- Почему?

- Не готова осознать, что мои фантазии о вашей спальне расходятся с реальностью. Думаю, там нет джакузи.

Она ждала, что Сорен рассмеется, но вместо этого он схватил ее за запястье и притянул ближе к себе. Он прижал обе ладони к ее шее и скользил большими пальцами вдоль линии ее челюсти.

- Малышка, ты должна понять одно. Твои фантазии о нас и реальность не совпадают.

Она подняла подбородок.

- Вы не знаете, о чем я фантазирую. Откуда вам знать?

Он поцеловал ее в лоб, и она закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением его губ к коже.

- Справедливое замечание, - ответил он, смахивая ее волосы с плеча. Она услышала звук двигателя снаружи дома. - Колесница ждет нас.

Элеонор услышала, как открылась и закрылась дверь машины. Сорен ушел в соседнюю комнату и вернулся с маленьким чемоданом и черным чехлом для костюмов, перекинутым через плечо. В то время как у нее был вещмешок цвета хаки с большой желтой нашивкой «Иисус любит тебя. Все остальные – придурки».

Сорен потянулся забрать ее сумку, но она забрала ее первой. На этих выходных ему предстоит много перенести. И свой чертов багаж она могла понести сама.

Снаружи за домом стоял черный BMW M3.

- Мило, - заметила она, проведя пальцами по все еще теплomu капоту. С водительской стороны вышла женщина и закрыла за собой дверь.

- Сэм? - спросил Сорен, вопросительно поднимая бровь на водителя - потрясающе красивую женщину с рваной пикси-стрижкой, в черном кожаном жакете и черных джинсах.

- Здесь такое же преуменьшение, как и в случае с Кинглси, и вы знаете об этом.

- Элеонор, это Сэм - правая рука Кинглси.

- Ой, простите, - сказала Элеонор.

- Ты и я - мы обе красивые, - произнесла Сэм и подмигнула. Она протянула ключи Сорену.

- Она поведет, - сообщил Сорен.

Сэм посмотрела на Элеонор.

- Там механическая коробка.

- Люблю механику.

- Тогда держи, - ответила Сэм и бросила Элеонор ключи.

Элеонор поймала их в воздухе.

- Вы не шутите? Я поведу?

- Конечно. - Сорен открыл багажник и положил сумки. - Моей первой машиной был мотоцикл.

- Вы не знаете, как управлять машиной? - Она удивилась бы больше, только если бы он признался, что не умеет читать.

- Так и не выпал случай научиться, - объяснил он, не извиняясь. - Ты безопасно водишь?

- Безусловно. Моим первым байком была машина.

- Хорошо, - сказал он и открыл пассажирскую дверь.

- Не хорошо. А общественные работы? Испытательный срок? Без водительских прав, пока не исполнится восемнадцать? Помните это?

- Об этом уже позаботились. - Сэм достала из кармана жакета конверт из оберточной бумаги и протянула ей.

Элеонор открыла конверт и нашла водительские права со своей фотографией, студенческий какого-то колледжа на Лонг-Айленде и страховку на BMW.

- Какого черта? - поинтересовалась Элеонор.

- На случай, если тебя остановят, - объяснила Сэм. - Но постарайся этого не допустить.

- Кто такая Клэр Хейвуд? - Элеонор посмотрела на водительские права и заметила имя и год рождения. - И почему Кингсли сделал меня на год моложе?

- Потому что он сделал тебя моей сестрой, - ответил Сорен с тонким намеком на отвращение.

- Что? - Она посмотрела на Сорена, затем снова на Сэм.

- Кинг говорил, что вы придете в бешенство, - обратилась Сэм к Сорену с широкой улыбкой на лице. - Он попросил напомнить вам, что Клэр единственная девушка-подросток, с которой вы можете находиться в машине без любопытных взглядов.

- Возможно, он прав. Но это не значит, что мне это по душе, - ответил Сорен, почти улыбаясь, но не совсем. - Передай ему, что я понял шутку. И передай, что я не нахожу ее забавной.

- Передам слово в слово, Падре, - пообещала Сэм.

- Мне все равно, кто она такая, черт возьми. У меня есть фальшивые водительские права. Если вы оба не уйдете с дороги, я поеду одна.

- Уже ухожу. - Сэм по-арабски поклонилась перед ними. - Повеселитесь, детишки, на похоронах.

- Ключи в замке, - сказал он, и Сэм подошла к его Дукати.

Элеонор забросила свою сумку в багажник и села за руль.

- Значит, мы это сделаем? - спросила она, и Сорен сел на пассажирское место.

- Да.

- Мы едем в дом вашего отца в Нью-Гемпшире. Это серьезно. Это не шутка. И я веду.

- Все правильно. Ты нервничаешь?

Элеонор не ответила. Она смотрела, как Сэм завела Дукати и выехала на улицу. Женщина управляла байком, как профи. Как так вышло, что у Сорена были такие потрясающие друзья, и она ничего об этом не знала?

Она завела машину и закрыла глаза, когда заурчал двигатель.

- Элеонор? Тебе нужна минутка, чтобы побыть с машиной наедине?

- Я уже кончила. Поехали.

Она съехала с подъездной дороги, обсаженной деревьями. С новыми деревьями, которые он посадил ранней весной, теперь дом был практически скрыт от церкви. Люди могли входить и выходить незамеченными. Разве это не удобно?

- Я понятия не имею, куда мы едем, - сказала Элеонор и повернула на Оук-Стрит.
- Я знаю, куда мы едем.
- И еще я не знаю, о чем мы будем говорить следующие четыре часа.
- Можем поговорить, о чем захочешь.
- Можем поговорить о вашем отце?
- Не советовал бы.
- Мы можем поговорить о Кингсли и его делах?
- Это более объемный вопрос, и четырех часов будет недостаточно.
- Значит, это «Можем поговорить, о чем захочешь» было...
- Не точным утверждением.
- Я сдаюсь.
- Не сдавайся, Малышка.
- Ладно. Значит... хобби?
- Играю на фортепиано.
- Фобии?
- Все мои страхи рациональны.
- Вредная привычка?
- Кальвинизм.

Элеонор посмотрела на него.

- Что?
- Кальвинизм? Ваша вредная привычка - Кальвинизм?
- Да.

Элеонор вздохнула и повернула на шоссе.

- Это будет долгая поездка.

К счастью, Сорен спас ее. Точнее, его младшая сестра.

- Нам стоит поговорить о Клэр, раз ты выдаешь себя за нее.
- Думаю, Клэр ваша младшая сестра.
- Одна из двух. Фрейя живет в Дании. У нас одна мать.
- А Клэр?

- Клэр - дочка от второго брака моего отца. Она родилась, когда мне было пятнадцать, хотя я и не знал о ее существовании до тех пор, пока моя старшая сестра, Элизабет, не узнала и не рассказала мне. Я познакомился с ней, когда ей было три.

- Значит, Клэр на год младше меня?
- Да. Это тебя беспокоит?
- Нет. Это вас беспокоит?
- Признаюсь, стараюсь об этом не думать.
- Потому что, понимаете ли, словно Кингсли и Клэр вместе.
- Элеонор, ты хочешь, чтобы меня стошнило в машине?

Она открыто и легко рассмеялась. Так хорошо находиться с ним наедине, дразнить его, быть рядом.

- Простите. Обещаю, мы с Клэр подружимся.
- Хорошо. В последнее время я волнуюсь за нее.
- Что случилось?

- Я не знаю. - Сорен поправил сидение, чтобы ногам было больше места. Этой проблемы у нее никогда не было. - Клэр была замечательным собеседником. У меня почти тысяча писем от нее. Она писала мне с тех пор, как впервые взяла ручку в руки. Я получал, по крайней мере, по одному в неделю. Так было до тех пор, пока два

месяца назад она не перестала мне писать. Несколько раз я говорил с ней по телефону и планировал поговорить на День Благодарения. Она была скрытной, так необычно. Надеюсь, она поговорит с тобой, раз не хочет говорить со мной.

- Я не собираюсь шпионить за вашей сестрой и потом вам докладывать. Это нарушение Девичьего Устава.

- Девичий устав? Это то, что ты изобрела, или он действительно где-то прописан?

- Он реален. И записывать правила нельзя, потому что это нарушение Девичьего Устава. Мальчики могут найти копию и узнают все секреты.

- А ты не нарушаешь устав, говоря о нем мне?

- Нарушаю, но Девичий Устав действительно очень глупый, я следую ему только тогда, когда сама хочу.

- Предполагаю, ты следуешь ему сейчас?

- Именно.

Всю дорогу до Нью-Гемпшира она разговаривала с Сореном. Они начали с музыки. Она призналась, что весь прошедший год пыталась изучить классическую музыку. Он признался, что одолжил у Сэм копию альбома Ten Pearl Jam, чтобы понять какую загадочную группу она обожала.

- Значит, Сэм тоже фанатка Pearl Jam? - спросила Элеонор.

- Да.

- Могу я задать теологический вопрос?

- Не представляю, с чего ты решила, что мне интересна теология, но задавай.

- Если бы я занималась петтингом с женщиной, это считалось бы сексом?

- Если слухи о Сэм хоть наполовину правдивы, уверяю тебя, она бы засчитала.

- У вас крутые друзья.

Четыре часа пролетели как одна минута. Она переживала, что поездка будет неловкой или странной, но вместо этого она открыла Сорена, несмотря на его напыщенность, претенциозность, высокомерность, чрезвычайно эрудированную снобизм, он был самым простым человеком, с которым ей доводилось разговаривать. По мере приближения к дому, Элеонор почти начала сожалеть, что поездка заканчивается. Она могла беседовать с ним вечно.

- Это он? - спросила она, останавливая машину у длинной подъездной дороги.

Солнце село два часа назад, но впереди перед домом горел фонарь. Сорен назвал его особняком в «федеральном» стиле, что бы то это ни значило. Он сказал, что его отец женился ради денег и получил дом от первой жены, в последствии перестроив его по своим предпочтениям. В нем было два этажа, два крыла, двенадцать спален, четырнадцать ванных комнат, и площадь в шесть тысяч квадратных футов. Сорен также добавил, что предпочел бы находиться в колонии для прокаженных, чем вернуться в дом его детства.

- Это он.

Она заметил, как сжались его челюсти, а глаза прищурились.

- Что-то не так?

- Ничего, Малышка. Только плохие воспоминания.

Она потянулась и накрыла его руку своей.

- Я здесь. Не знаю, поможет ли это.

Сорен поднял руку и поцеловал ее ладони.

- Помогает больше, чем ты только можешь себе представить.

Она повела машину по дороге и, следуя указаниям Сорена, поехала по извилистой дорожке к задней стороне дома, где они припарковались. Она заглушила двигатель, вышла из машины и несколькими секундами спустя достала свою сумку из багажника.

- Ох, и еще кое-что, Элеонор, перед тем как мы войдем в дом.
  - Тело? В доме находится тело? - Она попыталась не морщиться. - Без обид, но трупы меня пугают.
  - Обещаю, в доме нет тела.
  - Тогда что?
  - Ты здесь с Клэр, а не со мной.
- Она знала, что была здесь с ним, ради него. Тем не менее, она кивнула.
Над крыльцом задней двери зажегся свет.
- Началось, - выдохнул Сорен. - Соберись.
  - Что-то не так?
  - Ураган Клэр вот-вот налетит.

Глава 20

Элеонор

Хлопнула дверь, затем последовал громкий звук и еще один более громкий звук - визг и смех, а затем к машине двинулась размытая масса из рук и ног.

В руки Сорена бросилась девушка и обвилась вокруг его тела.

- Я так рада, что ты здесь, - произнесла она, прижимая голову к его плечу.

- Никогда бы не догадался, - едва дыша, ответил Сорен. Девушка, должно быть, выбила весь дух из него, налетев с такой силой.

Он опустил ее и прислонился к машине.

- Я скучала по тебе, Отец, - призналась девушка, широко улыбаясь.

- Я тоже скучал по тебе, Sorog⁷.

- Я не скучала ни по одному из вас, - сказала Элеонор, решив вмешаться, только чтобы избежать неловкого знакомства.

- Клэр, это Элеонор. - Он поманил ее пальцем, и Элеонор вышла из тени. По одному взгляду Элеонор поняла, что Клэр и Сорен были родственниками. У нее были его рот и нос, его светлая кожа и длинные темные ресницы. Но ей не достался его рост или светлые волосы. Хотя она была очень красивой, ее красота не была такой ошеломляющей как у Сорена. – Элеонор - мой друг из церкви. Я не хотел, чтобы ты была одна в этом доме.

Клэр посмотрела на Сорена.

- Конечно, - ответила Клэр, посмотрев на Элеонор, а затем на брата. - Она здесь ради меня. Поняла. - Клэр театрально подмигнула ему. Элеонор уже нравилась эта девушка.

- Привет. Зови меня Элли. Только он зовет меня Элеонор, потому что у него в жопе шило.

- Ты тоже это заметила? - поинтересовалась Клэр.

Элеонор повернулась к Сорену.

- О, да, мы с ней подружимся.

- Если бы у меня был белый флаг, - сказал Сорен, - я бы взмахнул им, признавая поражение, а потом повесился бы на нем.

Все трое вошли в дом. С таким благоприятным началом Элеонор ожидала приятного вечера с посиделками. Но как только они вошли, Сорен утратил улыбку и чувство юмора.

---

⁷ прим.: на латыни - сестра

- Элизабет здесь? - спросил он Клэр. Сорен держал сестру за руку и, казалось, не мог ее отпустить.

- Она сказала, что скоро вернется.

- Кто-нибудь уже выделил тебе комнату?

- Я наверху в красной комнате. Выбрала ту, что с большой кроватью.

- Хорошо. Хочу, чтобы ты пошла в свою комнату. Ты и Элеонор.

- Сейчас только десять тридцать, - запротестовала Клэр. Если бы она не возразила, это сделала бы Элеонор.

- Мне все равно. Мне нужно поговорить с Элизабет, и я не смогу приглядывать за вами обеими. Уже поздно, завтра у нас всех будет большой день, я не позволю кому-то из вас бродить по дому ночью. Если вы выходите из комнаты, то делаете это вдвоем. И вы запираете дверь и не впускаете никого в комнату кроме меня. Поняли?

- Ладно. Ладно. Если ты так настаиваешь. Он такой командир. – Последнее предложение Клэр сказала себе, и Элеонор начала соглашаться, но Сорен одарил ее «не смей» взглядом. Клэр стояла на ступеньке, поэтому не видела лица Сорена. - Спокойной ночи, Отец. Завтра ты будешь со мной играть.

- Ты упражнялась?

- Да, и я офигенна.

- Тогда поиграем. А сегодня спать.

Клэр поцеловала Сорена в щеку и схватила Элеонор за руку.

- Пойдем, - сказала Клэр, таща Элеонор вверх по ступенькам. - Мы поговорим о нем за его спиной, и тогда он будет сожалеть о том, что познакомил нас.

- Я уже жалею, - сказал Сорен им вслед.

Элеонор последовала за Клэр в красную комнату и поняла, что у девушки чертовски хороший вкус. Огромная кровать с четырьмя столбиками, большая кушетка, на стенах портреты - комната была словно из английского поместья, а не американского особняка.

- Мило. - Одобряюще кивнула Элеонор.

- Она хорошая. Старомодная. Ты влюблена в моего брата?

Элеонор уронила сумку на пол.

- Можешь сказать правильный ответ на вопрос, пока я не ответила на него?

Клэр улыбнулась во все тридцать два зуба. Эта широкая улыбка приблизила ее к красоте ее старшего брата.

- Если бы я не была его сестрой, то влюбилась бы в него. Я и так влюблена в него, но не в таком смысле.

- Он волнуется за тебя. - Элеонор надеялась, что осторожная смена темы сработает. - Он хочет знать, почему ты перестала ему писать.

Клэр застонала и упала на кровать. Она зарылась лицом в подушку и рассмеялась.

Это поведение казалось совершенно неуместным для девушки, чей отец умер на этой неделе. Элеонор решила плыть по течению.

Клэр перевернулась на спину и улыбнулась в потолок. Элеонор порылась в своей сумке и выудила шорты и футболку с Pearl Jam, которую упаковала как пижаму.

- Очень странно иметь брата священника.

- То есть, священника-брата?

- Именно. - Кивнула Клэр.

- У меня нет ни братьев, ни сестер, поэтому само наличие брата было бы странным. Но священник, мда, это странно.

- Это более чем странно. К тому же, ему тридцать, а мне шестнадцать, так что это он должен все делать, жениться, встречаться и прочее, а я должна быть девственницей, верно? Но только он не встречался ни с кем с подросткового возраста, а я...

- У тебя есть парень. - Элеонор сняла рубашку и расстегнула лифчик.

- Да.

- А вы двое...

- Ага. - Поморщилась Клэр.

Элеонор уставилась на нее.

- Вот везучая сучка.

Клэр рассмеялась и стянула покрывала с кровати. Следующие два часа они провели, обсуждая парня Клэр, Айку, и их сексуальную жизнь, которая состояла не более чем из дюжины встреч в его спальне или подвале после школы, пока его родители были на работе. Клэр решила, что секс был самой потрясающей вещью, и Аик согласился с ней. Они бы занимались им чаще, но он был из консервативной еврейской семьи, которая не одобряла его свиданий с иноверцем и была бы в ярости, узнай, что они уже занимались сексом.

- Я бы продала свою душу за трах, - выдохнула Элеонор.

- Ты восхитительная, Элли. Ты можешь трахаться с кем захочешь. Ты до сих пор девственница?

- Задай этот вопрос своему брату.

- Ох, просто сделай то, что я сделала с Айком.

- И что же?

Клэр дьявольски улыбнулась.

- Набросилась на него.

К полуночи Элеонор вытащила из Клэр обещание, что та расскажет Сорену о парне и что она была слишком занята, чтобы писать письма. Миссия была выполнена, Элеонор заснула, не подумав о том, что она на самом деле спала в постели в доме, где вырос Сорен, и что с ней в постели была его младшая сестра. Она была влюблена в католического священника, который вел себя так, словно владел ею. Странно, но ей это казалось нормальным.

Элеонор проснулась следующим утром и позавтракала с Клэр, не переодевая пижаму. Она не могла поверить, что Сорен так ненавидел это место. Она никогда не была в таких старых больших особняках. Этот тип деревенской жизни прекрасно ей подходил.

После завтрака она осталась в комнате, пока Клэр спустилась вниз к Сорену. Она будет на ногах весь день, похороны и поминки займут все завтрашнее утро. Она упаковала книги и домашнюю работу, чтобы занять себя, пока семья будет разбираться.

- Никого не впускайте, - приказал Сорен, - кроме...

- Кроме вас и Клэр. Знаю, знаю. Меня изнасилуют ночью, если я оставлю дверь незапертой?

Сорен одарил ее самым пронзительным взглядом, пока Клэр располагалась под его рукой и прижимала голову к его груди.

- Ты будешь не первым человеком, с которым это произойдет в этом доме.

Элеонор заперла дверь.

Около двух часов дня Клэр вернулась в спальню с тарелкой еды для нее. В шесть вечера она принесла еще одну тарелку.

- Ты пытаешься меня раскормить или ищешь предлог выйти отсюда? - спросила Элеонор поглощая еду.

- По большей части, второе. Ненавижу такое. Предполагалось, что я буду грустной и поглощена горем. Но я плохая актриса.

- Без обид, но почему ты не грустишь? Умер твой отец. - Элеонор надеялась, что говорила без осуждения. Она бы точно не грустила, если бы умер ее собственный отец.

Клэр плюхнулась на диван рядом с Элеонор.

- Я едва его знала. Чему очень рада.

- Он был настолько плохим?

Клэр вздохнула и стащила клубнику с тарелки Элеонор. Элеонор притворилась, что пытается проткнуть ее руку вилкой.

- Хочешь знать, насколько он был плох? - спросила Клэр.

- Вероятно, нет, но все равно Расскажи.

- Frater⁸ рассказал мне не так много, узнала я все это от мамы.

- погоди, остановись тут. Объясни мне, что такое Frater.

- Это на латыни Брат. Soror - сестра. Мы так называем друг друга - Фратер и Сорор. Он говорит, что ненавидит имя Маркус.

- Это было именем его отца?

- Именно. Поэтому он ненавидит это имя, и поэтому я не скорблю из-за смерти отца.

Клэр сделала глубокий вдох, сбросила черные балетки и прижалась к спинке дивана.

- Мой отец... был очень плохим человеком. Мама говорит, он причинял боль Элизабет, когда та была еще маленькой.

- Он бил ее?

- Хуже.

Сердце Элеонор перестало биться на несколько секунд.

- Вот черт.

- Мама Элизабет и мой отец развелись из-за этого. Они поженились в шестидесятых и развелись в семидесятых. Все держат подобное в секрете. Затем он встретил мою маму и женился на ней. У них появилась я. Элизабет узнала от ее мамы о повторной женитьбе и обо мне. Она не знала, что делать, и написала письмо Фратеру.

- Что он сделал? - Элеонор пыталась быть осторожной и не называть Сорена Сореном. Очевидно, она не знала его настоящего имени. Интересно, Сорен считал, что она больше достойна знать его настоящее имя, чем его младшая сестра.

- Мне мама так рассказала. Она говорила, что это произошло в ноябре. Мне было три. Папа отправился в одну из деловых поездок. Мама рассказывала, как услышала звонок в дверь после обеда и подошла к двери. И на пороге стоял, цитирую ее слова: «белокурый ангел».

- Белокурый ангел?

- Она так сказала. Он представился ей сыном ее мужа, что было большим потрясением, поскольку она не знала, что у отца был еще и сын. Он сказал, что она не обязана впускать его в дом. Он займет только пять минут ее времени.

- Что произошло дальше?

- Десять минут спустя мама собирала вещи, позвонила родителям и уехала из дома - из этого дома. Мой «белокурый ангел» брат сказал, что мама вышла замуж за монстра-педофила, и если она любит свою дочку, она ни за что не позволит ей провести ни секунды в компании отца. Мама сказала, что с ним был друг.

---

⁸ прим.: брат на латыни

- Друг? Кто?

- Какой-то француз, приблизительно его возраста. Они оба помогли ей отнести вещи в машину мамы. Она говорила, что предлагала ему поддержать свою сестру. То есть меня. Он сказал, что ничего не знает о детях и боится, что навредит мне. Очевидно, его друг держал меня, пока она загружала машину. Тот сказал, что любит детей. Теперь я заставляю Фратера обнимать меня постоянно, чтобы наверстать тот день, когда он не смог это сделать.

- Это безумие. - Значит, будучи подростком, Кингсли поехал с Сореном в дом его отца. Она не могла представить Кингсли с ребенком на руках. - Значит, твой брат уехал из школы, чтобы предупредить твою маму о том, за кого она вышла замуж?

- Да. И знаешь, что, Элли?

- Что?

- Из-за него, появившегося на пороге в тот день, я потеряла девственность в шестнадцать с парнем. А не в восемь с отцом, как Элизабет. Вот почему я люблю своего брата. Хотя и не в этом смысле. - Клэр улыбнулась, и легкий румянец окрасил ее щеки.

- Да, не в этом смысле. Поняла. - Элеонор смотрела на пустой камин. - Знаешь, это меня не удивляет? То есть, это все ужасно, и от одной мысли о твоём отце и что он делал с твоей сестрой меня тошнит. У меня в школе есть подруга - Джордан. Ее мама запрещает нам видаться, потому что я однажды увязла в кое-каких проблемах. Но точно могу сказать, что за прошедший год с ней стало что-то не так. Я заставила ее рассказать мне. Её домогался учитель.

- Больной ублюдок.

- Знаю, - ответила Элеонор. - Я рассказала об этом твоему брату. Он направил всю кару небесную на учителя. Этот парень собрал пожитки и уехал из города. У твоего брата очень сильные защитные инстинкты по отношению к девушкам.

- Причина в Элизабет, - объяснила Клэр. - Он такой оберегающий, что мне даже не хочется ему говорить об этом.

- Меня он тоже оберегает, - сказала Элеонор. - Но со мной он защищает меня от себя, а я хочу, чтобы он перестал это делать.

- Ты влюблена в него. - Клэр изучала ее стальными глазами как у Сорена. Должно быть, они унаследовали этот стальной взгляд от отца.

- Ага, - призналась она, не смотря Клэр в глаза.

- Он знает?

- Знает. Это пугает тебя?

- Безусловно, я не хочу, чтобы у него возникли проблемы. И не хочу, чтобы он был священником. Когда он был в семинарии, я вырезала из журналов фотографии сексуальных женщин и отправляла их вместе с моими письмами ему. Я подписывала фотографии «видишь, что ты упускаешь?»

- И ты говоришь, я злая?

- Знаю. Он считал это уморительным. Говорил, мои письма были самыми популярными в семинарии. Сначала это была шутка. Но несколько лет спустя, когда все произошло в Сальвадоре, я позвонила ему, умоляя бросить семинарию и вернуться домой.

- А что в Сальвадоре?

- Там была война, - начала Клэр, на ее лице было нечитаемое выражение. - Там была иезуитская школа. Они не были частью войны. Но это не помешало военным убить их.

- Убить кого?

Клэр посмотрел Элеонор прямо в глаза.

- Иезуитских священников. Шестерых. - Клэр смахнула слезу со щеки. - Элли, они убили всех. Священников, экономок, дочерей экономок... Мама купила «Ньюсвик», где была эта история. У меня до сих пор есть статья – «Кровавая бойня в Сальвадоре» Ноябрь 16, 1989.

Элеонор не могла говорить, не могла думать. Все, что она могла, это представлять Сорена на коленях и позади него мужчину с ружьем в руках, приставленному к его затылку.

- Иезуитов называют «Божьей армией», «Божьими пехотинцами», «Божьими солдатами». И иезуиты относятся к этому серьезно. Они работают в самых опасных частях света и иногда там погибают. Я умоляла Фратера уйти. Он ответил, что Бог хочет, чтобы он был священником. И на этом точка.

- Теперь он в Коннектикуте. Здесь он должен быть в безопасности.

- Да, если они позволяют ему остаться здесь. Они могут отправить его куда им угодно и когда им угодно. Я не могу заставить его бросить. Может, ты сможешь.

Элеонор не хватило смелости рассказать Клэр, что она не только не могла заставить Сорена оставить священство, но и пообещала Богу, что никогда не попросит его об этом.

К восьми часам вечера гости уехали, и большинство других родственников разошлись по спальням. Элеонор, наконец, почувствовала себя в безопасности, чтобы покинуть комнату. Клэр и Сорен обосновались в музыкальной комнате, и Элеонор ела мороженое, пока Фратер и Сорор работали над сонатой на рояле.

- Здесь До. - Сорен учил Клэр и сыграл несколько нот за нее.

- Мне не нравится До. Все в До.

- Не имеет значения, нравится это тебе или нет, эта часть в гамме До.

- А мы можем в Ля?

- А тебя зовут Людвиг? И фамилия Бетховен?

- Меня зовут Клэр, и фамилия Дивно-играющая-на-рояле.

- Тогда До.

Элеонор наблюдала, как Сорен и Клэр шутливо ссорились, сидя на скамейке у рояля. Каким нормальным это все казалось. Каким уютным. Она хотела, чтобы у нее тоже был брат, с которым можно было бы шутить, проводить время, раздражать и дразнить. Ее родители развелись, когда она была маленьким ребенком. Никаких родственников. Мама получила полную опеку и две работы. Было бы приятно не расти в одиночестве. Хорошо, что у нее были книги, которые могли составить ей компанию. Неудивительно, что Клэр влюблена в Сорена. В этом не было ничего странного или мерзкого, только поклонение герою и наслаждение от общения с мужчиной в своей жизни, которому она могла полностью довериться. И Элеонор полностью доверяла Сорену. Она так обязана ему за все, что он сделал для неё. И он ничего не просил от нее. Ничего, кроме вечного послушания. В свете того, что он сделал для нее и как мало за это попросил, возврат долга, вечного послушания, казался ей грабежом.

Они сидели до одиннадцати, пока Сорен не приказал им обеим идти спать. Клэр выскользнула, чтобы позвонить парню с телефона на кухне. Элеонор отправилась в спальню и переделалась в пижаму.

Клэр вернулась, заползла в постель и заснула посреди рассказа о том, как сильно скучает по Айку.

Элеонор перевернулась на бок, думая о том, что Клэр ей сегодня рассказала. Отец Сорена был чудовищем, насиловал собственную дочку. Она знала, что между Элизабет и Сореном был год разницы. Знал ли он о происходящем, будучи ребенком? Он пытался защитить Элизабет, как защитил Клэр? Или с ним это тоже происходило? Боже, одна мысль о том, что кто-то причинял маленькому Сорену вред, вызывала

мысли о возмездии и ярости, которые даже ее пугали. Хорошо, что его отец умер. Если бы он криво посмотрел на Сорена, Элеонор собственными руками убила бы этого мужчину.

Не в состоянии заснуть, Элеонор выбралась из постели и вышла в коридор. Она не знала, что делать или куда идти. Она знала, что хотела поговорить с Сореном, только чтобы убедиться, что он в порядке.

Пройдя несколько дверей, она услышала голоса, но ни один не принадлежал Сорену. Она бы узнала его голос в темноте с завязанными глазами среди тысячи голосов, зовущих ее по имени. Все, кто остались на ночевку в доме, заняли западное крыло, как его назвала Клэр. Сорен как-то сказал ей, что превыше всего ценит уединение, и, возможно, он нашел комнату в восточном крыле дома. Следуя за ногами и интуицией, Элеонор прошла в старую часть дома, которая располагалась за двойными дверями на втором этаже. Как только она вошла в коридор, по ее босым ногам прошелся сквозняк. Воздух пах покрытыми пылью воспоминаниями. Она заглянула в несколько комнат и увидела мебель, покрытыми пожелтевшими от времени белыми простынями.

В конце длинного коридора Элеонор обнаружила комнату с приоткрытой дверью. Она заглянула внутрь и увидела Сорена, сидящего в кресле с закрытыми глазами. Кресло стояло в футе от окна, и лунный свет окружал его словно ореол. Несколько долгих минут она просто смотрела на него, на его руки, лежавшие на подлокотниках, на его лицо, такое умиротворенное в покое, на его ресницы - необычайно длинные и темные для таких светлых волос, которые покоились на его щеках. Смотря на Сорена, можно было с легкостью поверить, что Бог его создал по своему подобию. Если Бог выглядел как Сорен, на земле не осталось бы атеистов.

- Элеонор, я приказал не покидать комнату в одиночку.

Она поморщилась.

- Простите. Я вернусь.

- Нет, можешь входить. Закрой за собой дверь.

Она вошла в комнату, закрыла за собой дверь и заперла ее.

Сорен начал говорить, пока она на дрожащих ногах шла от двери к его креслу. Она не нашла куда сесть кроме пола, поэтому села у его ног и ощутила себя словно дома. Он положил руку на заднюю часть ее шеи и запустил пальцы в волосы. Они выписывали круги на основании ее шеи. Долгое время ее голова просто лежала на его колене. Она могла жить у его ног. Она могла умереть у его ног. Если бы ей хватило смелости, она бы ему об этом сказала.

Элеонор посмотрела на него. Он поднял руку и поманил ее пальцем. Она поднялась с пола и села к нему на колени, в его объятия. Его губы нашли ее, и в темноте, при лунном свете, они впервые поцеловались.

Поцелуй, словно воздух, окружал ее, уносил словно вода, поддерживал словно земля и обжигал словно пламя. Она читала о такой страсти, о голоде, о желании и испытывала их сама. Но никогда не ощущала их вкус на своем языке.

Рука Сорена скользнула под ее футболку и ласкала поясницу, пока его рот пировал ею. Она расслабилась, отдала себя ему и поцелую. Он был в брюках и белой рубашке с расстегнутым воротом, и Элеонор наконец смогла прикоснуться к его шее, которая будто навечно была скрыта колораткой. Она прижала пальцы к его горлу, почувствовала, как его пульс стучит под рукой, сильный, но ровный.

Он отстранился, и они посмотрели друг на друга.

- Теперь можете говорить, - сказала она, низким и почтительным голосом.

- Я люблю тебя, Малышка.

Она расслабилась в его руках и закрыла глаза. Он прижал ее ближе и крепко обнял. В этот момент она могла умереть и ни о чем не сожалеть.

- И что теперь? - спросила она.

- Есть вещи, которые ты должна знать.

- Вы мне расскажете?

Сорен положил ладонь на ее колено и провел вверх по ноге, остановившись у развилки ее бедер.

- Элеонор, ты должна понимать, что то, что я должен тебе рассказать, изменит все. Это не мелодраматическое преувеличение. Это изменит твой взгляд на меня, возможно, даже то, как ты видишь мир. Как только ты узнаешь правду, ее невозможно будет забыть, невозможно будет расслышать. Пожалуйста, не принимай поспешного решения.

Элеонор подняла руку и прикоснулась к губам Сорена. Поцелуй разрушил те остатки стены, которая оставалась между ними. От его губ она переместила руку на щеку, покрытую легкой щетиной, к его лбу, где провела большим пальцем по кончикам ресниц. Она опустила руку и произнесла два слова - не вопрос, а приказ:

- Расскажите мне.

Глава 21

Элеонор

Элеонор ждала, но Сорен молчал. Не впервые. Он смотрел в окно на лунный свет, будто пытался найти покой в белом свете.

- Ты задавала мне вопросы, - наконец сказал он. - Я отвечу на них сейчас.

- Как чертовски вовремя.

- Элеонор.

- Простите.

- Мы начнем с конца твоего списка. Они проще, - ответил он.

- Вы их все помните?

Он кивнул.

- Все.

Она не могла поверить, что он запомнил все ее вопросы. Даже она их не помнила. Он снова подтвердил свое заявление, подняв руку и пальцем написав в воздухе цифру двенадцать.

- Номер двенадцать. Влюблен ли я в тебя? Я уже ответил на этот вопрос. Если ты хочешь снова это услышать, тогда да, я влюблен в тебя, Малышка, и был влюблен со дня нашего знакомства.

- Со дня нашего знакомства?

- Будет правильное сказать, что я был влюблен в тебя еще до момента нашей встречи. Но это уже другая история для другой ночи.

Элеонор сделала несколько глубоких вдохов.

- Я думала... - Она остановилась и пожала плечами. - Я влюбилась в вас с первой секунды нашей встречи. Приятно знать, что я не одна такая.

- Нет. Ты определенно не одна. Теперь вопрос номер одиннадцать - кто я? К тому времени, как я закончу отвечать на эти вопросы, ты поймешь.

Он вывел в воздухе десятку.

- Когда вы исполните свою часть сделки? - произнес он, повторяя ее вопрос. - Сделку, по которой я даю тебе все, включая секс, но не ограничиваясь им, как я полагаю.

- Особенно секс, но я приму все, что у вас есть.

- Не сегодня, - ответил он. - Понимаю, для тебя это кажется суровым, но я предпочитаю ждать как можно дольше. Тебе еще столько нужно узнать, столько решений нужно принять. Я пытаюсь скрасить ожидание. Но ты даже еще не закончила школу. Ты должна сосредоточиться на обучении, поступить в колледж. Как только ты ступишь на этот путь, мы поговорим об этом снова.

Элеонор тяжело выдохнула. Разочарование соперничало с радостью от долгожданных ответов.

- Справедливо. Не могу сказать, что хочу ждать. Я хотела быть с вами с самого начала. Но я и не удивлена. Знаю, это не просто, вы священник, а я...

- Постоянное искушение.

- Приму это как комплемент.

- Это он и есть. Кроме того, есть еще одна причина для ожидания. Мы вернемся к ней на четвертом вопросе и втором. А сейчас девятый номер, где ты признаешься, что ты девственница и спрашиваешь меня, цитирую, «не против ли этого»?

- Не против? Я имею в виду, я до сих пор девственница.

- Да, Малышка. Твоя девственность не препятствие, и, если бы ты вела сексуальную жизнь до нашего знакомства, это тоже не было бы проблемой. Сейчас, так или иначе, я испытываю собственнические чувства по отношению к тебе.

- Я не хочу быть ни с кем другим, кроме вас.

- Ты уверена?

- Полностью, - подтвердила она. - Может быть, с Сэм. Она действительно...

- Элеонор.

- Простите. Продолжайте.

- Твой восьмой вопрос - девственник ли я?

- Вы говорили, что были с кем-то, когда были подростком, поэтому я предполагаю, что нет, - сказала она, не зная, что думать об этом «нет». Она хотела, чтобы у одного из них был опыт, но опять же, быть первой означало быть особенной.

- Твоя догадка верна. Многие священники не девственники. Но не большинство. В конце концов, мы не рождены священниками.

- Сколько вам было, когда случился первый раз? Или мне не разрешено задавать дополнительные вопросы?

- Обещаю, мы дойдем до этого. А теперь к вопросу номер семь. Почему я хочу, чтобы ты всегда мне подчинялась? - Он остановился, словно подбирал слова. - Позволь ответить просто. В твоей истории об Эсфирь, царь привязал Эсфирь к кровати. Думаешь, тебе бы это понравилось?

Она надеялась, что приглушенный свет скроет ее румянец.

- Думаю, да. Быть привязанной к кровати во время секса кажется очень сексуальным. Это странно?

- Отнюдь. Многие люди, мужчины и женщины, получают удовольствие, отдавая контроль во время сексуальных утех, и отдают свои тела, а иногда и жизни, в руки партнеров. Это называется сексуальное подчинение. Другие, как я, получают удовольствие от противоположного. Брать полный контроль над кем-то и доминировать над ним.

Элеонор поежилась от слов Сорена. Она не ожидала такого личного откровения в своих сексуальных желаниях - он хотел взять контроль над ней? Доминировать?

- Логично, - ответила она, пытаясь говорить нейтрально.

- Я наслаждаюсь твоим подчинением так же, как и ты уверена в том, что тебе понравится быть привязанной к кровати во время секса.

- Это вас возбуждает?

Сорен посмотрел ей в глаза, и в них она увидела, как мир зажегся и сгорел дотла.

- Больше, чем ты можешь себе только представить.

Элеонор прижала ладонь к его груди и ощутила под пальцами, как колотится его сердце.

- И, - начал он после судорожного вдоха, - это отвечает на вопрос номер пять - у чьих ног ты должна сидеть? Я не знаю, у чьих ног ты должна сидеть. Но знаю, у чьих ног я хочу, чтобы ты сидела.

Он не намекал. Она знала это наверняка. Она знала, что он просто ответил на ее вопрос. По собственному желанию она отстранилась от него, опустилась на пол и села у его ног. Ее голова покоилась на его колене, а его рука на ее волосах, и она ощутила то, что, должно быть, ощутил Сорен, когда впервые надел колоратку священника. Она обрела себя у его ног. Тут её место. Вот кем она была. Она больше не будет искать себя в другом месте, кроме у его ног.

- Я хотела бы, чтобы вы ушли и были со мной, - прошептала она в ладонь, скользящую по ее губам. - Тогда бы вам не пришлось переживать о самоконтроле.

- Элеонор, первая ночь, когда мы займемся любовью, станет величайшим испытанием для моего самоконтроля.

Она хотела ответить, возразить, но он сказал, займемся любовью, и красота этих слов лишила ее дара речи.

- А теперь вопрос номер шесть. Почему все думают, что меня зовут Маркус Стернс, а в моей Библии написано Сорен Магнуссен? Это сложный вопрос, и на его ответ уйдет много времени. Устраивайся поудобнее, - сказал он и выдавил улыбку.

- Я сижу в спальне у ваших ног. Мне удобней, чем было когда-либо в своей жизни. Я никогда не захочу уходить отсюда.

- Я никогда не попрошу тебя уйти. Но ты можешь изменить свое решение после того, как я отвечу на оставшиеся вопросы.

- Никогда. Доверьте мне правду. Пожалуйста.

- Как пожелаешь. Ответ на этот вопрос начинается задолго до моего рождения. Моим отцом был Лорд Маркус Стернс, шестой барон Стернс.

- Кем?

- Бароном, мелким. Мой отец был представителем обедневшей английской аристократии. Его отец растратил семейное состояние, оставил отца ни с чем кроме фамилии и титула.

- Ваш отец был бароном?

- Безумие, верно? Где-то в северной Англии стоит разваливающееся поместье под название Эденфелл, и я могу заявить на него права, если захочу. Но я не хочу.

- Ваш отец мертв. Значит вы...

- Опустите тиару, миледи. Я священник. И на этом все.

- Но вы можете быть бароном, если захотите?

- Мой отец признал меня своим ребенком. Полагаю, могу, хотя мне это не интересно.

- Так странно. Ваш отец был бароном и все это оставил?

- Ему пришлось. Понимаешь, мой отец делал то, что делали поколения дворян, когда сталкивались с нищетой. Он пошел в армию и стал офицером. Он быстро рос в званиях. Образованный, хитрый, бескомпромиссный... В Северной Ирландии отца называли Красным Бароном за кровь, что он оставлял на своем пути. Когда он ушел из

армии, то бежал из Англии. У него было столько врагов в ИРА⁹, что он начал опасаться за свою жизнь. Он приехал в Америку, снискал положение в Новом Английском обществе и женился на богатой молодой девушке, унаследовав ее состояние.

- Я думала, ваша мать была датчанкой.

- Да. Жена моего отца не была моей матерью. Моя мать, Жизела, была восемнадцатилетней датской пианисткой, которая приехала в Нью-Гемпшир, чтобы поступить в консерваторию. Но ее стипендия покрывала только обучение. Ей нужно было где-то жить. Ее наняли в качестве няни для моей сестры. Жена отца едва не умерла во время родов Элизабет, и только экстренная гистерэктомия спасла ей жизнь. Она стала бесплодной. А отец хотел сына. У него была дочь и никакого шанса на продолжение рода. Он был жестоким человеком до того инцидента. А после, стал монстром.

- Что он сделал?

- Он изнасиловал мою мать.

Элеонор ахнула. Она подняла голову и посмотрела на Сорена, но его лицо было пустым, а глаза лишены всяких эмоций.

- У нее появились вы.

- Да. Не знаю, было ли это намеренно, изнасилование мамы, чтобы она родила ему сына, которого не смогла родить жена. Намеренно или нет, это произошло. У нее появился я, и она назвала меня Сореном, семейным именем. Отец называл меня Маркусом, в честь себя.

- Вы поэтому ненавидите имя Маркус?

- По многим причинам. Мама хотела сбежать и сбежала бы, но она любила Элизабет как собственного ребенка и не могла оставить ее с отцом, не могла оставить ее незащищенной. Поэтому она осталась в этом доме. Отец притворялся, что ее не существует. Это был единственный способ сохранить мир с женой, ревнующей к красивой датской девушке, которая заботилась о ее ребенке. Думаю, отец ждал чего-то, ждал увидеть во мне что-то. И увидел.

- Что?

- Я заговорил на шесть месяцев раньше, чем сестра. В два я начал играть на фортепиано. Я быстро усваивал новое. Отец решил, что я показал достаточно признаков высокого интеллекта и заслужил быть законно признанным сыном. Я достаточно угодил ему, что он дал необходимые взятки и изменил документы о рождении. Его жена стала моей «матерью», а он - моим отцом.

- А я думала, что у моих родителей был трудный брак. Что случилось с вашей мамой?

- Когда мне было пять, меня отослали в закрытую школу в Англии, а маму без промедления уволили, и она вернулась в Данию. Мы долго не видели друг друга.

- Как долго?

- Тринадцать лет.

Глаза Элеонор наполнились слезами из-за грусти в голосе Сорена.

- Тринадцать лет...

- В школе мне было сложно. Я знал, что во мне что-то изменилось. Мой отец видел это. Я видел это.

- Видел что?

---

⁹ ирландская военизированная группировка, целью которой является достижение полной самостоятельности Северной Ирландии от Соединённого Королевства, в том числе — и главным образом — прекращение военной оккупации Северной Ирландии (части Ольстера)

- Каков отец, такой и сын, Элеонор. Я был... я садист. Я получаю высочайшее наслаждение в причинении самой страшной боли.

Он молчал достаточно долго, чтобы его слова достигли Элеонор. Она ощутила, как они проникли в ее тело, в ее кровь, словно какое-то магическое заклинание, предназначенное превратить ее из девушки в другое существо. Она позволила им ее изменить.

- Продолжайте.

- Мальчики в школе боялись меня. Даже обычная игра в футбол могла превратиться в кровавую, если я терял контроль. Я ушел глубоко в себя. Я научился дистанцироваться. Я хотел сделать им больно, но не хотел навредить. Я был волком на поводке, и этот поводок был в моих руках. Однажды ночью, когда мне было десять, волк сорвался с поводка.

Элеонор задрожала от его слов.

- Что произошло?

Сорен слегка улыбнулся.

- Ты читала «Повелителя Мух»?

- Да, в школе.

- Эта книга - четкое описание того, какими были мальчики в моей школе. Просто перенеси их с острова и засели в школу.

- Вы были Джеком? - поинтересовалась она, вспоминая самого жестокого мальчика.

- Нет. И не Ральфом. Я почти был Саймоном.

- Саймон один из тех, кого убили, верно? Вы не мертвы.

- Потому что я сражался. В десять я пошел в другую школу. Большинство учеников-лидеров в школе, старосты, были хищниками - сексуальными хищниками. Круг насилия начался несколькими годами ранее и навсегда увековечил себя. Когда мальчики были первокладками, их использовали старшеклассники. Когда наступал их черед быть на верхушке иерархии, они вымещали свою месть на младших. В школе ты или хищник, или жертва. Самый скандально известный староста пришел за мной. Он не дождался, чтобы успеть пожалеть об этом решении.

- Дожил? То есть...

- Среди ночи он подошел к моей кровати в комнате общежития, которую я делил с еще тремя мальчиками. Он стянул простыни и закрыл мне рот рукой. Десять минут спустя его кровь окрасила пол.

Элеонор онемела. Она даже не могла просить его остановиться или продолжить.

- Он скончался шестью неделями позже. Он так и не вышел из комы, в которую я его отправил.

- Вы убили его.

- Да.

- У вас были из-за этого проблемы?

- По закону и школьному уставу это было расценено как самозащита. Все знали, что он был самым худшим обидчиком школы. А еще ему было пятнадцать, а мне - десять. В нем было сто шестьдесят фунтов, а во мне - сто десять.

- Вы избили до смерти парня на пять лет старше вас и на пятьдесят фунтов тяжелее?

- Он шесть недель умирал от инфекции. Но да, я стал причиной смерти. Я не сожалею, но мне стыдно.

- Стыдно? Почему?

- Потому что я испытал свой первый оргазм, пока избивал его до смерти.

Элеонор перестала дышать. Сорен отвел от нее взгляд, как будто не мог смотреть ей в глаза.

- Что произошло потом? - выдавила она вопрос.

- Некоторые ученики меня боялись. Некоторые его жертвы хотели меня канонизировать. Но меня отправили в Америку. Мое наказание этого мальчика было таким жестоким, и я был таким безжалостным, что ни одна школа не захотела меня принять.

- Вы вернулись сюда?

- В Англии на Рождественских каникулах мне исполнилось одиннадцать, и я вернулся домой в январе. Отец сказал, что найдет школу в Америке, которая меня примет. А до тех пор доктора сказали, что для меня будет лучше всего держаться подальше от детей.

- Каково это было, наконец, вернуться домой?

- Трудно. Меня тут не было пять лет. С тех пор, как меня отправили в Англию, я видел отца четыре или пять раз. Элизабет не видел вовсе.

- Клэр сказала, что ваш отец насиловал Элизабет.

- Плохо обращался - это преуменьшение. Когда ей было восемь, он первый раз ее изнасиловал. Не прошло и недели, как он вломился в ее комнату ночью. Отец угрожал убить ее мать, если она кому-нибудь расскажет. Поэтому она вообще перестала говорить.

- Почему ее мама не знала, что происходит?

Сорен отвернулся и посмотрел в темный угол комнаты. Казалось, он вспомнил что-то, что-то плохое.

- Сила самообмана - самая мощная во вселенной. Жена отца поклонялась респектабельности и статусу. Мой отец был респектабельным, даже внушающим страх бизнесменом с впечатляющей родословной. Развод не был вариантом, поэтому она убедила себя, что брак был идеальным. Но даже она не смогла отрицать наличие трещин на фасаде.

- Что произошло? Или мне не стоит знать? - Впервые она поняла, насколько Сорен был прав. Почти два года она умоляла узнать всю правду о нем, а он отказывал. Теперь она понимала, почему мужчина хранил эти секреты.

- Ты не захочешь знать. Но ты должна их знать. Понимаешь, я не видел Элизабет пять лет. Друг для друга мы были чужими. Я пытался с ней подружиться, и спустя несколько месяцев после возвращения в этот дом она начала понемногу говорить со мной.

Он остановился и закрыл глаза. Элеонор боялась того, что он скажет дальше, но понимала, что должна это услышать.

- Отец должен был уехать из страны в длительную командировку. Его жена решила поехать с ним - второй медовый месяц. Она потребовала оставить детей дома. Думаю, она почувствовала его нездоровый интерес к их дочке. Какова бы ни была причина, это спровоцировало ход событий, которые привели меня в это место. Что возвращается нас к восьмому вопросу. Нет, я не девственник.

- Когда был ваш первый раз?

- Я расскажу тебе и надеюсь, что ты сможешь переварить ответ. В какой-то момент Элизабет услышала, что отец рассказал ее матери о том, что произошло со мной в школе, о мальчике, который трогал меня во сне, и как я убил его. Элизабет хотела умереть. Ее нельзя винить. Я определенно не винил ее за то, что она сделала. Наши родители оставили нас одних в доме с несколькими слугами, и в первую ночь, когда они все ушли, Элизабет пришла в мою комнату. Я спал, крепко спал. Я не слышал, как открылась дверь. Я не слышал, как она закрыла ее. Я не чувствовал, как

она стянула простыни. Я не просыпался до тех пор, пока не стало слишком поздно. Когда я проснулся, я уже был внутри нее.

Элеонора ахнула и прикрыла рот рукой.

- Понимаешь, так бывает. У мальчиков бывает эрекция во сне. Я не могу ее винить... - снова сказал он. - Она хотела, чтобы я ее убил. Она хотела спровоцировать нападение, как то, что произошло в моей школе. Но она не была мальчиком постарше, которого я уже ненавидел. Она была моей старшей сестрой, и я любил ее.

Он закрыл глаза, словно пытался от чего-то спрятаться.

- Поэтому я ее не убил. Иногда я думаю, что она до сих пор этого хочет. Я не очень хорошо помню ту ночь. Знаю, она оказалась на спине. Знаю, что оставил на ней синяки. И знаю...

- Что? - Элеонор едва выдавила из себя вопрос.

- Знаю, что нам понравилось. Потому что следующей ночью и каждую ночь после, на протяжении двух месяцев, мы делали это снова.

Она не знала, что делать, что говорить, как реагировать. Все, что она могла, это взять его ладонь в свою и переплести пальцы. Его прошлое восстало перед ними как зверь или демон. Она не отвернется, не убежит. Они столкнутся с ним лицом к лицу и сделают это вместе.

- Элеонор, ты не представляешь, что я делал со своей сестрой, что она делала со мной. Это выходит за рамки того, на что способны силы твоего воображения. Я не хочу, чтобы ты представляла себе это. Знай только одно - не осталось ни одного акта разврата, который мы бы не пробовали хотя бы один раз в то долгое лето. Чудо, что мы оба пережили друг друга. Пожалуйста, никогда себе этого не представляй.

- Не буду. Обещаю, - с легкостью пообещала она и знала, что сдержит слово. Она отодвинула картинки, которые пытались проникнуть в ее разум. Она отодвинула их, толкнула их и проткнула в самое сердце.

- В доме нет ни единой комнаты, в которой мы бы не занимались этим. Но нашей любимой комнатой для игр была библиотека.

- Почему библиотека?

- Иногда мы читали друг другу. Думаю, так мы чувствовали себя нормальными. - Затем Сорен улыбнулся, улыбка была такой страдальческой, что на нее было больно смотреть. Она закрыла глаза и прижала голову к его ноге. Каждая мышца в его теле напряглась. - Но всем ужасным вещам приходит конец. В конце лета мы знали, что наш отец снова вернется. Элизабет иногда тряслась в моих руках от ужаса того, что будет, как только вернется отец. Я сказал ей, что мы должны покинуть дом. Мы должны сбежать. Я приказал ей собрать вещи, позвонить дедушке с бабушкой, собрать все возможные деньги, чтобы мы могли убраться из этого дома как можно дальше. Она не подчинилась мне. Она думала, что он найдет нас где бы мы ни были. Она должна была... - На мгновение голос Сорена дрогнул. - Она должна была мне подчиниться.

- Почему?

- Потому что отец вернулся домой раньше. И нашел нас вместе.

- Господи Иисусе... - прошептала Элеонор.

- Уже тогда мы были потерянными детьми, - сказал Сорен. - Мы понимали, что то, что мы делаем, неправильно, но мы были не в силах остановиться. Отчаяние привело нас к разврату, и мы не смогли найти выход.

- Как это остановилось?

- Нас остановил наш отец.

Элеонор отстранилась и подняла руку.

- Мне нужна минутка.

- Я предупреждал.
- Знаю. Но я не подозревала.

Она наклонилась вперед и положила обе руки на его колени. Он погладил ее по спине, пытаясь утешить ее, в то время как она хотела утешить его.

- Если Бог в тот день был в этом мире, то Его не было в той комнате, когда отец приехал домой. Он увидел нас вместе и швырнул меня в стену. Я помню кровь на золотых обоях - красное на желтом. И он начал насиловать Элизабет, помечал свою территорию. Я нашел каминную кочергу и ударил его ею. Он пошевелился. Я не попал по голове. Но он слез с Элизабет. И направился ко мне. Он ударил меня, сломал руку. Я плохо помню тот день, но четко помню, как он привязывал меня к стулу и говорил, что убьет меня. «Ты труп», - произнес он, и я знал, что он не шутил. А затем он упал, без сознания. Элизабет ударила его по голове кочергой, чтобы спасти меня. Я отключился под звук ее смеха. И очнулся в больнице.

Элеонор ощутила привкус меди на языке. Если бы она не была осторожна, ее бы стошнило от ужаса, который пережил Сорен в столь юном возрасте.

- Что случилось с Элизабет?

- Ее мать услышала ее смех и отправилась на поиски. Когда она увидела сцену перед ней, она больше не смогла отрицать правду о том, кем и чем был ее муж. Она отвезла меня в больницу и забрала Элизабет. Они с отцом тихо развелись, разделив поровну имущество. Лучше откупиться от него и сохранить все в тайне, чем пройти через битвы общественного суда.

- Вопрос шестой - Почему все считают, что меня зовут Маркус Стернс, а я сказал тебе, что меня зовут Сорен? Моя мама назвала меня Сореном. Магнуссен - ее фамилия. Я годами как мог пытался отказать отцу, его деньгам и его миру. Поэтому я отказался от его имени, по крайней мере, в личной жизни. Я хотел, чтобы ты знала настоящее имя. Знать историю моего имени - значит знать меня. Есть несколько людей, и я хочу, чтобы они знали меня.

- Я хочу вас узнать.

- Теперь знаешь.

- Вы стали католиком из-за того, что произошло между вами и вашей сестрой?

- Да. Отец пришел в себя через несколько дней после инцидента. Он вспомнил, что я был его единственным сыном, но видеть меня в своем доме не хотел. Думаю, он боялся моего возмездия. Я хотел убить его и не могу винить его за то, что он отправил меня в закрытую иезуитскую школу в глуши штата Мэн. Я чувствовал себя оскверненным тем, что произошло между мной и сестрой. Когда отец Генри учил нас исповеди и примирению, прощению... Я понимал, что нуждался в этом. Я обратился в католичество и начал учиться, чтобы присоединиться к иезуитам.

- Там вы и познакомились с Кингсли, верно?

- Кингсли... Он был подарком от Бога. Я держался от всех подальше, кроме священников в Святом Игнатии. Я не хотел больше никому причинять боли. Хотел... но не хотел. Я хотел, но не хотел хотеть. Когда я теряю контроль, зрелище не самое приятное.

- Я доверяю вам.

- Ты влюблена в меня. Конечно, ты доверяешь мне. Надеюсь, я никогда не предам твоего доверия. Но не могу обещать, что этого не произойдет. И теперь, после этого всего, я могу быстро ответить на оставшиеся вопросы. Вопрос пятый - ты спрашиваешь, у чьих ног ты должна сидеть. Надеюсь, ответ - у моих. Вопрос четвертый - ты спросила, откуда у священника собственные ключи от наручников. Элеонор, я садист и ради сохранения рассудка должен периодически причинять кому-то боль. Это мощная потребность, и она становится безумной, если я отказываю себе

слишком долго. В доме Кингсли ты видела, какие у него вечеринки, какие гости у него бывают. С восемнадцати лет у меня не было полового акта. По крайней мере, раз в месяц я порю кого-нибудь, иногда раз в неделю.

Глаза Элеонор округлились от шока.

- В ту ночь у Кингсли...?

Сорен кивнул.

- Женщина, которую ты видела со мной, она подруга Кингсли. Она натренированная мазохистка, которая получает удовольствие от принятия боли так же сильно, как и я, причиняя ее. Бондаж - часть сессий. Связанный человек беззащитен. Со связанным человеком я с меньшей вероятностью переступлю свои границы. Вопрос третий - ты спрашиваешь, почему мой друг поможет тебе. На этот вопрос может ответить только Кингсли, это все, что я могу сказать. Ответ на твой второй вопрос - какая третья причина, почему нахождение с тобой вызывает проблемы - о чем я и рассказал. Я садист и возбуждаюсь, только если сначала причиню тебе боль. Безусловно, я бы хотел, чтобы это было иначе.

- Безусловно, - повторила она, даже не слыша себя. - Значит вы... вы не можете...

- Элеонор, ты шутила о том, как мы ломаем стол во время секса. Я не ломаю мебель во время секса. Я ломаю людей.

- Понимаю.

- Что касается вопроса номер один - какая вторая причина, по которой я помогал тебе в ночь твоего ареста? Ответ на этот вопрос такой же, как и на двенадцатый вопрос. Потому что я влюблен в тебя и всегда буду. Вот и все. Вся моя грязная правда.

Сорен замолчал, и Элеонор впустила его слова в комнату. Она знала, что он ждал, когда она заговорит, чтобы принять какое-то решение, сделать какое-то заявление. Он обнажил перед ней душу, изложил унижения и ужасы прошлого и признался, как они мучили его по сей день. Она не имела ни малейшего понятия, что сказать, чтобы утешить его, и не знала, могла ли она. Но сначала у нее был один вопрос.

- Это все?

Он прищурился на нее.

- Рассказанного тебе недостаточно?

- Нет, про садизм достаточно. Я боялась, что есть нечто действительно серьезное.

- Твое определение серьезного отличается от всего англоязычного мира.

Она пожала плечами.

- Не знаю. Думала серьезное - серьезное. Думала, вы были преступником в бегах или у вас терминальная стадия рака. Или хуже того, вы могли быть импотентом. То есть реальным импотентом. А, похоже, у вас просто другое представление о прелюдии.

- Мое определение прелюдии обычно расценивается как насилие.

- Очевидно, мы с вами читаем разные словари.

- Кажется, ты не понимаешь всей серьезности ситуации. Я садист. Я не могу убежать от этого. Я как мой отец.

- Как сильно вы вредите людям во время игры? Они отправляются в больницу после или что-то вроде того?

- Однажды, будучи подростком, я потерял контроль. Все было по обоюдному согласию, но я пересек линию. С тех пор нет. В Риме у меня был наставник, который меня обучил, как причинять невыносимую боль без причинения вреда. В худшем случае у человека несколько недель будут сходить синяки. Синяки и рубцы. Мазохисты, с которыми я играю, хорошо обучены, как и я. Они доверяют мне и делают то, что я им велю. Они отдают свои жизни в мои руки, и я уважаю это доверие.

- Ваш отец вредил людям против их воли. А вы так не поступаете, верно?
- Никогда. Я причиняю боль только тем, кто ее хочет, кто насладится ею.
- Значит, вы противоположность вашему отцу. Верно?
- Все не так просто.

- Если вы тыкаете членом в женщину, которая его хочет - это секс. Если вы тыкаете членом в женщину, которая того не хочет - это изнасилование. Акт тот же, но это совершенно разные вещи, верно? Если вы только поэтому сдерживаетесь со мной, то можете перестать прямо сейчас.

- Элеонор, во мне давным-давно что-то внутри сломалось. Или, возможно, я уже был сломан. Но да, когда придет время нам заняться любовью, я должен буду причинить тебе боль.

Руки Элеонор задрожали, когда слова «займемся любовью» снова сорвались с губ Сорена. Она перекаtilась на стопы и отстранилась. Она встала перед ним.

- Элеонор?

Она стянула шорты и сняла футболку. Обнаженная и бесстыдная она стояла перед ним в лунном свете.

- Тогда сделайте мне больно.

Глава 22

Элеонор

Сорен с благоговением в глазах смотрел на ее обнаженное тело. Тем не менее, он не сделал ни единой попытки к ней прикоснуться. Она взяла его правую ладонь и прижала к своему голому животу. Его рука переместилась на спину, и он притянул ее к себе на колени.

Она оседлала его бедра, а его пальцы скользили по ее спине. Она откинула назад голову, пока он целовал ее шею, горло. Его зубы нашли сухожилие в месте встречи шеи и плеча. Он укусил резко, достаточно сильно, чтобы она ахнула, и он задрожал в ее руках.

- Еще, - прошептала она.

Мир вокруг нее поблек. Плоть и огонь стали черно-белыми. Музыка брэнчала где-то на задворках разума. Без причины и по всем причинам ей хотелось смеяться.

Сорен с легкостью поднял ее и отнес на кровать, бросив на простыни. Она лежала неподвижно, пока он расстегивал рубашку. Коленями он раздвинул ее бедра. Когда она подняла руки, чтобы прикоснуться к его обнаженной груди, он перехватил их и прижал у нее над головой. Он прижал ее всем своим весом, чтобы удержать на месте. Мышцы на ее предплечьях сокращались в агонии, и она вскрикнула от настоящей боли.

- Вот так и будет, - прошептал Сорен ей на ухо. - Ты все еще хочешь этого?

- Я хочу большего. - Она повернула голову и поцеловала его ключицу, где та встречалась с плечом. - Причините мне боль.

Его пальцы скользили вниз по ее телу, растирая кожу. Прижав большие пальцы к выемкам на тазовых косточках, он резко нажал. Она гортанно закричала, ощущая агонию в ногах. Задышавшись от боли, она посмотрела на Сорена. Сорен... ее Сорен, это он причинил ей эту боль. Чего она должна бояться? Ничего.

Он отпустил ее бедра и впился в губы. Из-за глубокого дыхания ее губы пересохли как пустыня, и его поцелуй был морем, которое могло утолить ее жажду. Он обхватил ее за шею и одной рукой держал ее голову, словно отец держит младенца.

- Я люблю вас. - Она поборола боль, страх, чтобы произнести эти слова. Он отпустил ее и навис сверху. В лунном свете она увидела, как он снял рубашку и позволил той упасть на пол. Никогда она не хотела кого-то так, как его, и знала, что не захочет.

- Твои глаза меняют цвет, - сказал он, смотря на нее. - Я заметил это в день нашего знакомства. Зеленые в один момент, черные в другой. Никогда не видел ничего подобного.

- Вы никогда не видели такую, как я. - Она улыбнулась ему.

- Тебе никогда не снился сон, такой реальный, что даже после пробуждения ты все еще думала, что спишь? - Он взял ее за руки.

- Один или два раза.

- Я почувствовал это, как только увидел тебя, Малышка. Однажды ты мне приснилась. Думаю, ты мне до сих пор снишься.

Элеонор поцеловала его ладонь. Он обхватил ее лицо.

- Зови меня сэр, - приказал он.

- Да, сэр.

- Скажи, что ты принадлежишь мне.

- Я принадлежу вам, сэр.

- Скажи, что я единственный Отец, которому ты всегда будешь подчиняться.

- Я буду подчиняться только вам, сэр.

Они произносили слова, призыв и ответ, словно самые священные литургии.

- Тебе нравится боль? - Сорен схватил ее за бедра.

- Да, сэр.

- Даже сейчас?

Его невероятно сильные руки глубоко вонзились в ее кожу. Она выгнулась над простынями, ее тело затопила боль. Сорен накрыл ее рот рукой, и она закричала в нее. Как голые руки могли причинять столько боли? Как она могла хотеть еще? Потому что он был болью. Сорен и боль становились едиными в ее теле и разуме. Она могла никогда не насытиться ими.

Наконец он отпустил ее, и она упала на простыни. Ладонью он провел по ее шее и опустился к грудям. Ее соски затвердели в ответ на его прикосновение.

- Скажи мне остановиться.

- Это приказ? - спросила она.

- Нет.

- Тогда не останавливайтесь, сэр.

Со следующим вдохом Сорен перевернул ее на живот, схватил за руку, заведя ту за спину.

Она ощутила зубы у основания шеи, зубы в центре спины, зубы на пояснице. Все это время ее плечо горело словно в огне от того как напряглись мышцы, удерживающие ее на месте. Боль угрожала затопить ее.

Боль прекратилась, когда он отпустил ее руку. И в тот момент, когда боль ушла, ее захватило облегчение, гораздо большее, чем удовольствие.

Сорен растянулся на ней. Он накрыл ее руки своими, переплел свои пальцы с ее и уткнулся в ее волосы. Весь вес его тела на ней, ощущение его обнаженной груди на ее обнаженной спине - от всего этого ее внутренности связало в тугий узел, а кровь устремилась к бедрам.

Его ладонь путешествовала между их телами. Она услышала, как расстегивается молния, и ощутила, как прижимается к ее бедру его эрекция.

Она любила его. Он никогда не подведет ее к тому, к чему она не будет готова.

Она доверилась ему. Он подтолкнул ее и прижал к кровати, его рука лежала на задней части ее шеи, а бедра терлись о ее.

Она нуждалась в нем. Он мягко выдохнул, и жидкий жар потек по ее спине.

С его губ сорвался вздох, или это она? Элеонор лежала под ним, теплая и обнаженная, и была рада его семени на своем теле.

Она хотела перевернуться на спину, но ждала, предчувствуя следующий приказ. Это казалось таким простым, подчинение, когда любила мужчину, которому всецело подчинялась. Не было ничего, что бы он не приказал, и она не смогла бы сделать, потому что она знала, что он никогда не прикажет ей сделать что-либо, чего она не хотела.

Она молча ждала и слушала, пока он очищал себя и поправлял одежду.

Рука Сорена скользнула под ее бедро и перевернула на спину. Его рот снова захватил ее. Она вдыхала и выдыхала этот аромат зимы на его коже.

- Так будет всегда? - спросила она, и его правая ладонь обхватила ее грудь.

- Нет. Иногда будет намного хуже.

- Хуже?

- Больше боли.

- С этим я справлюсь. - Она улыбнулась ему в темноте, и он изогнул бровь.

- Но хочешь ли ты ее принять? Всегда будешь принимать?

- От вас? Да, всегда.

Он опустил рот на ее грудь. Она изогнулась навстречу, глубоко в ее животе отозвалось удовольствие. «Больше, больше, больше», - хотела она просить. Его язык дразнил сосок. Его пальцы играли со второй грудью. Оставляя дорожку поцелуев, он вернулся к ее губам.

- Для тебя, боль - прелюдия, - сказал он ей в губы.

- Прелюдия к чему?

- Награде.

- Что для вас боль?

- Сама по себе награда, - ответил он, и она заметила, как на его лице промелькнула тень.

Сорен опустил руку между ее ног и нашел клитор. Ее тело дернулось от неожиданного прикосновения, такого интимного и внезапного. Она раздвинула ноги для него, желая предложить ему всю себя. Она посмотрела ему в глаза в темноте, и он ввел в нее один палец.

Элеонор едва не кончила от одного такого внезапного проникновения. Она ухватилась за простыни, пока он изучал ее изнутри. Он толкнул палец дальше и медленно выскользнул, а затем проник снова.

- Столько времени прошло... - прошептал он с закрытыми глазами.

- С тех пор, как вы были внутри кого-то?

Он кивнул и судорожно вдохнул, когда она приподняла бедра ему навстречу.

- Это... - Она замолчала и задала вопрос, который действительно хотела задать. - Как я ощущаюсь?

- Не изобрели такого слова, чтобы описать, что я чувствую внутри тебя, Малышка. - Он выпрямился и обернул одну ее ногу вокруг своей талии, так чтобы самому сесть между ее бедер. Он прижал палец к местечку глубоко внутри нее и погрузился в ее мягкость. Казалось, он был так глубоко внутри, что она ощущала его в животе. - Кто-нибудь был внутри тебя?

- Никого, кроме меня. - Она вздрогнула от удовольствия, когда он потер переднюю стенку лона. Он нажал на место внутри нее, от чего ее плечи приподнялись над кроватью.

- Я чувствую плеву, - произнес он, развернув руку и надавив на нее. Она поморщилась от резкой обжигающей боли, и он втянул воздух словно внезапно возбудился.

- Не стесняйтесь избавиться от нее.

- Это было бы ужасно.

- Вы не хотите лишиться меня девственности?

- Нет, я слишком этого хочу. Не уверен, что смогу себя контролировать, чтобы не причинить тебе настоящей боли.

- Ваш... То есть, вы...

Рука Сорена покинула ее, и он начал расстегивать брюки.

- Погодите, я не...

Но прежде чем она успела закончить протест, Сорен взял ее руку и обернул ее вокруг эрекции.

- Вот черт, - ответила она.

- Это отвечает на твой вопрос?

Даже после того как мужчина кончил несколькими минутами ранее, он снова был твердым, удивительно. Она погладила его от основания до все еще влажной головки члена. Он был большим - достаточно большим, чтобы она начала волноваться. Когда у них будет первый секс, ей будет больно, очень больно. Но это не погасило ее желание.

- Вы собираетесь меня им убить, верно?

- Весьма вероятно.

- Есть и худшие способы умереть.

Он убрал ее руку с себя, и она захныкала в знак протеста. Усмехнувшись, он снова сел рядом с ней на кровать.

Его рука снова оказалась между ее бедер.

- Я хочу, чтобы ты кончила для меня. Сделаешь? - спросил он.

- Черт, да, сэр.

Даже в темноте она заметила, как Сорен изогнул бровь.

- То есть да, сэр.

- Лучше. А теперь покажи, как мне нужно к тебе прикасаться.

Накрыв его руку своей, она направила его пальцы к клитору. Как только они заключили сделку, она начала изучать свое тело и его отклики. Она проникла во взрослую секцию библиотеки и прочитала каждое учебное пособие по сексу, которое смогла найти, прятала их между книгами об осеннем листопаде и европейской архитектурой. Она считала себя единственным девственным экспертом секса в мире. И она могла бы выиграть какой-нибудь приз за это. Пальцы Сорена на ее клиторе - вот этот приз.

С его пальцами под ее она показала ему как массировать ее так, чтобы она кончила. Она убрала свою руку, и удовольствие быстро возросло и обхватило ее спину. Она висела на грани оргазма, просто впервые лежа с ним в одной постели обнаженной. Все ее чувства обострились. Все ее тело гудело от желания. Влага струилась по бедрам и простыне под ней. Посмотрев вниз, она видела его пальцы на самой интимной части ее тела. Кровь грохотала в ушах. Сердце стучало в груди. Мышцы глубоко внутри начали сокращаться и расслабляться. Она закрыла глаза и ощутила, как ее тело приподнимается над кроватью.

- Кончи для меня, Малышка, - приказал Сорен, и ее тело подчинилось раньше, чем ее разум успел распознать приказ.

Она жестко кончила с громким стоном, и Сорен проник в нее пальцем и надавил на сокращающиеся мышцы. Это утроило ее удовольствие, и она ощущала, как сжимается вокруг него снова и снова.

Сорен оставался в ней, пока она спускалась с высоты оргазма. Они снова целовались, и поцелуй разжег огонь, все еще тлеющий внутри нее. Сорен снова потер клитор, и она кончила во второй раз, почти так же сильно, как и в первый. Она рухнула на простыни, вялая и уставшая.

- Оставайся здесь. - Сорен встал с кровати и на минуту покинул комнату. Когда он вернулся и закрыл за собой дверь, то опять сел на край кровати. Он приказал ей сесть спиной к нему.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил он и начал смывать небольшой остаток спермы с ее спины теплым влажным полотенцем.

- Думаю, мой мозг взорвался.

Он остановился, чтобы поцеловать ее голое плечо.

- Завтра появятся синяки. На бедрах, на спине, - предупредил он, повторяя путь боли, которую причинил ей пальцами. - Поначалу они будут бледными, но вскоре почернеют.

- С синяками я справлюсь. Не буду носить короткие юбки и платья без рукавов.

- Своим мазохистам Кингсли рекомендует принимать цинк. С ним синяки быстрее заживают.

- Кингсли такой же, как вы? - Она повернулась к нему лицом и подтянула колени к груди, чтобы прикрыть наготу.

- Садист, ты имеешь в виду?

- Да.

- Игры с болью ему чрезвычайно нравятся, хотя он и без боли занимается сексом, и весьма часто. Вернее будет сказать, что Кингсли наслаждается... всем.

- Мой тип парней.

- Есть еще кое-что, что тебе нужно узнать о Кингсли.

- Что? - Она обняла колени руками, внезапно ощутив прохладу.

- Есть Бог, есть ты, и есть Кингсли. Три мои твердыни. Понимаешь?

Она с почтением кивнула, гадая, почему Кингсли столько значил для Сорена, но решила не спрашивать. В школе Кингсли был его лучшим другом, и их дружба пережила смерть сестры Кингсли. Сорен назвал Кингсли твердыней. А больше ей не нужно знать.

- Попрошу Кингсли проинструктировать тебя о нашем мире, о правилах.

- Все так сложно?

- Да. Наш мир структурирован, как иерархически, так и ритуально.

- Похоже на церковь.

Сорен широко улыбнулся.

- Возможно, это и привлекает меня. Там серьезно относятся к эротизму, обращаются с ним как со священным, так и должно быть.

- Я воспринимаю это чем-то священным. Не вижу в этом греха. Так ведь?

Сорен повернулся к ней лицом. Она должна была испытывать смущение, будучи обнаженной рядом с ним, особенно учитывая то, что он до сих пор был в брюках, но она чувствовала гордость за свое обнаженное тело, радуясь тому, что наконец может ему его продемонстрировать. Он обхватил ее груди ладонями и держал их, пока целовал ее.

- Это похоже на грех? - спросил Сорен, когда оторвался от ее губ и отпустил груди.

- Нет. Похоже на любовь, - ответила она.

- Твоя подруга святая Тереза Авийская, у которой была эротическая встреча с ангелом, могла бы с тобой согласиться.

- Правда?

- Она говорила: «Любовь должна быть найдена - а не прятаться по углам в разгар греха». Возможно, она права.

- Думаю, да, - согласилась Элеонор. - Мне понравилось то, что мы сделали. Я влюбилась в это.

- Элеонор, не стану тебе врать. С тех пор, как я причинял кому-то боль, прошло несколько недель. Когда ты едва не голодаешь, сгодится любая еда. Когда ты сытый, нужно нечто большее, чтобы соблазнить тебя.

- Это ваш извращенный способ сказать, что я сегодня легко отделалась?

- Это я сегодня легко отделался.

Элеонор рассмеялась. Боже, как хорошо быть так интимно близко с ним. Обнаженной. Разговаривать. Смеяться. Идеально.

Сорен оставил поцелуй на ее обнаженном плече.

- Малышка, сегодня я дал тебе синяки. Однажды это будут рубцы. Будут порезы и ожоги. Я никогда не сделаю с тобой того, чего ты не захочешь. К несчастью, ты можешь не знать, что именно тебе не нравится, пока не попробуешь.

- В конце концов, вы поймете, что я вас не боюсь.

- В конце концов, тебе придется понять, что бояться придется, ради блага нас обоих. Скажи «да, сэр», если поняла.

- Да, сэр.

- А теперь одевайся, пока я не передумал.

- Передумали насчет чего? - Она соскользнула с постели и нашла пижаму. Ее потрясло то, насколько комфортно она чувствовала себя обнаженной рядом с Сореном. Даже в кабинете врача она не любила снимать рубашку.

- Насчет лишения тебя девственности в постели, где я лишился своей, не проронив ни слова.

Сердце Элеонор ушло в пятки от его слов, произнесенных так просто и без малейшего намека на печаль и стыд, которые она была уверена он испытал той ночью. Она подошла к нему и обняла. Он сидел на кровати. Она стояла перед ним. Наконец, они были на одной высоте.

- Я хочу, чтобы наш первый раз был в вашей постели, в доме священника. Можно? - попросила она.

- Да. Но это произойдет нескоро. Ты можешь чувствовать, что готова, но я знаю, что нет. Сегодняшнего не должно было произойти. Я не сожалею и определенно не хочу, чтобы ты расстраивалась или стыдилась того, что мы сделали. Но последствия сделанного могут быть огромными.

- Тогда мы подождем столько, сколько вы считаете нужным, пока вы не почувствуете себя в безопасности.

- Я буду чувствовать себя в безопасности, когда ты начнешь ощущать угрозу.

- Я поработаю над этим, - пообещала она и поцеловала его в шею.

- Поэтому я хочу, чтобы Кингсли показал тебе кое-что. Возможно, так ты лучше поймешь, с чем связан риск.

- Он же не собирается потерять внутри меня свои часы, верно?

- Не совсем уверен, что он носит наручные часы.

- Тогда можно выдохнуть.

Сорен поднял руку и убрал волосы с ее лица.

- Ты слишком молода для того, о чем я тебя попрошу. Боль - это одно, но время, полная преданность мне, о которой я прошу - другое. Я слишком сильно тебя люблю,

чтобы забирать твою юность у тебя, и не важно, как сильно я ее хочу. Ты должна сосредоточиться на своей жизни. Ты должна пойти в колледж. У тебя должна быть жизнь вне школы и вдали от меня. Ты должна знакомиться с людьми...

Затем он остановился, и слова повисли между ними. Знакомиться с людьми? Какими людьми? Прежде чем она успела спросить, он продолжил.

- Чем сильнее и умнее, и более независим человек, тем лучше он или она подчиняются, не теряя собственное я. Давным-давно я был кое с кем, кто мог бы умереть по моей команде. Меня очень испугало то, что меня так сильно любят. Мне нужно, чтобы ты помогала мне держать себя под контролем.

- Я справлюсь. Прикажите мне умереть за вас.

- Элеонор.

- Испытайте меня, - сказала она, запуская пальцы в волосы на его затылке. Она не знала, когда еще ей выпадет шанс побыть с ним вот так же наедине, так же интимно прикоснуться к нему. Она хотела впитать каждую драгоценную секунду.

- Умри для меня, - приказал он, на его лице была маска серьезности.

- Пошел нахер, - ответила она и поцеловала кончик его носа.

Он рассмеялся и притянул ее ближе к себе.

- Ответ был правильным?

- Да.

Элеонор расслабилась в его объятиях, со слезами на глазах.

- Мне так жаль, - начала она. - То есть жаль, что с вами такое произошло, когда вы были ребенком.

- Не нужно. Мне не жаль. Мне жаль Элизабет, но не себя. Потребовались годы, чтобы успокоиться на этот счет, но то, что я здесь с тобой на руках, означает, что мне не о чем сожалеть из моего прошлого, которое привело меня в этот момент.

- Спасибо. Думаю, я должна сказать то же самое. Мы могли бы не быть здесь, если бы я не угнала те машины.

- Не используй это в качестве оправдания, чтобы сделать это снова.

- Обещаю. Отныне я святая.

- Не верю ни единому слову.

Она мягко усмехнулась и еще крепче обняла его.

- Я рада, что вы, наконец, рассказали кто вы, - сказала она. - Мне нравится знать, что я не единственная с упоротой семейкой и постыдными моментами в прошлом.

Сорен заправил прядь волос ей за ухо и поцеловал в лоб.

- Когда мне было восемнадцать, - начал Сорен, - Я ушел из иезуитской школы, которая была мне домом восемь лет. Я собирался в Европу, чтобы осенью поступить в семинарию. Перед отъездом я еще раз приехал сюда.

- Сюда? В этот дом?

- В этот дом. Я знал, что меня не будет десять лет. Я не хотел, чтобы отец заманил еще одну молодую девушку в брак с ним. Я...

- Что? Расскажите мне. Вы можете рассказать все.

- Я приехал сюда ночью. Я вырубил отца и кастрировал его. Я не мог заставить себя убить его, но мог помешать ему вступить во второй брак и завести детей, которых он мог сломать. Он так и не узнал, что это был я. Когда он очнулся, я уже был на пути в Европу.

- Почему вы мне это рассказываете? - спросила она.

- Ты хотела знать, кто я. Что у меня есть предрасположенность причинять такой вред, и она часть меня. К моему вечному стыду, я не жалею об этом.

Она прижала ладони к его щекам и посмотрела ему в глаза.

- Я горжусь вами, - призналась она. - Если бы я была вами, то сделала бы то же самое.

- Спасибо за твою любовь, Малышка. Ты возрождаешь мою веру.

Она прижалась к нему, но ощутила, как он отстраняется, а она пока не была готова его отпускать.

- Иди в постель, Элеонор. Тебе нужно поспать. Как и мне.

- Могу я спать с вами? Просто спать?

- Не сегодня. Не в этом доме.

- Но однажды?

Он сильно шлепнул ее по попке, достаточно сильно, чтобы она вскрикнула. Крик превратился в смех. Он еще ближе притянул ее к себе.

- Если ты выберешь, Малышка, я смогу владеть тобой. Ты будешь моей собственностью, только моей.

- Конечно, вы можете мной владеть. И всегда владели. И всегда будете, - не задумываясь, пообещала она. Ей больше не нужно было думать о словах, так же, как и о дыхании. Да, он мог владеть ею. Вдох. Выдох. Он всегда владел.

- Но не сейчас, - произнесла она.

- Я уйду первым. - Сорен отпустил ее. - Подожди несколько минут, а затем возвращайся напрямик в постель.

Он быстро поцеловал ее в губы и подошел к двери.

Он положил руку на дверную ручку и остановился.

- Малышка, ты должна знать кое-что еще.

Она села на кровать и притянула колени к груди.

- Что?

- То, что ты знаешь обо мне, что видела - это лишь малая часть меня. В моем характере есть гораздо менее приятные черты чем те, что я позволил тебе увидеть. Если ты мне не веришь, можешь спросить у Кингсли.

- О чем я должна его спросить?

- Попроси его рассказать, почему тебе стоит меня бояться.

- Что он мне расскажет?

- Ничего. Но все равно спроси.

Она кивнула, хотя ничего не поняла.

- Попытайся поспать. Я бы хотел, чтобы ты пошла на похороны завтра. Ты познакомишься с Элизабет, так что приготовься.

- Она в порядке? После всего, что с ней случилось.

Сорен скрестил руки на груди.

- Она хочет иметь детей, - ответил он. - Больше всего на свете. Сомневаюсь, что она будет встречаться с кем-то или выйдет замуж, но все же отчаянно хочет стать матерью. До недавнего времени все шло хорошо. Медицинские тесты показали, что она не может иметь детей. Все из-за нашего отца, и вот последствия.

- Она не может иметь детей?

Сорен покачал головой.

- Она не очень спокойно восприняла новости, - признался он, и она услышала в его словах более глубокий смысл. - Но я верю в нее. Постарайся проявить сочувствие.

- Хорошо. Постараюсь.

- Хорошая девочка. Отправляйся спать.

- Да, сэр. Сэр?

- Да, Малышка?

- Скажите еще раз? Пожалуйста?

Он улыбнулся ей.

- На датском или английском?

- На английском вы уже говорили. Давайте на датском.

Сорен подошел туда, где она сидела на кровати. Он обхватил ее лицо ладонями и глубоко и страстно поцеловал.

- Jeg elsker dig, min lille en.

Он снова поцеловал ее, пожелал спокойной ночи и выскользнул в коридор.

Элеонор опустилась на спину. Смотря в потолок, она провела ладонями по бедрам, ощущая в них новую нежность. Прикасаться к синякам, оставленным Сореном, и лежать в постели, где он проник в нее пальцем, было похоже на лежание в огне. Она опустила руку в шорты и снова начала дразнить клитор. Сорен сказал ей подождать несколько минут перед тем, как вернуться в постель. Довести себя до оргазма, представляя, как Сорен ее трахает, - на это точно уйдет минута или две. Она снова быстро кончила, тихо, пытаясь не стонать, пока ее лоно сопротивлялось, а вагинальные мышцы сокращались напротив друг друга.

Она сползла с ложа и ушла из комнаты как можно тише. В дверном проеме она посмотрела на кровать и представила, как та горит. Вот что она испытывала, лежа на ней - пламя. Она закрыла за собой дверь и прокралась по коридору.

В темноте осторожно она направилась к себе. Когда она прошла главный холл, то услышала голоса. Рядом с окном она рассмотрела фигуры двух людей. Спрятавшись в тени, она подошла ближе. Она увидела, как Сорен и женщина тихо говорили, склонив головы словно в молитве.

- Мне не жаль, - прошептала женщина. - Знаю это не исповедь, но мне не жаль. Так или иначе, прости, мне не жаль.

Сорен скрестил руки на груди, словно пытался спрятаться за ними как за щитом. Он посмотрел женщине в глаза.

- Мне тоже не жаль.

Элеонор не знала, что она слышала, только то, что она не должна была это слышать. Она развернулась и поспешила в свою комнату. Она пробралась в постель, где спала Клэр. Все ее тело затрепетало, когда перед глазами вспыхнули воспоминания о времени с Сореном в его спальне.

Он приказал ей идти в кровать, и она пошла. Но она не спала до самого рассвета.

Слабая и чувствительная она нехотя отбросила покрывала, когда ее разбудила Клэр.

- Я встала, встала, - ответила она и начала подниматься.

- Вот черт, что случилось с твоими ногами? - спросила Клэр, уставившись на нее широко распахнутыми глазами. Элеонор посмотрела на ноги и увидела, что синяки, оставленные Сореном, уже стали фиолетовыми.

- Эм... Прошлой ночью я шла по коридору и врезалась во что-то. Какой-то стол или что-то вроде того. Было темно, - солгала она и исчезла в ванной.

Как только она оказалась в ванной, умылась и разделась догола. Прежде чем войти в душ, она посмотрела на себя в зеркале.

- О, мой Бог...

Лишь голыми руками Сорен превратил ее бедра в черные. Она повернулась и подняла волосы. На спине было четыре синяка размером с ладонь. Синяки на правой груди и один на правом плече. Еще два она нашла на плечах, по одному на предплечьях и четыре синяка от пальцев на каждом бедре, и черный отпечаток большого пальца на тазовых костях. Если бы она увидела голую женщину с идентичными синяками, она бы предположила, что ту изнасиловали.

Элеонор прислонилась к стене и поставила ногу на тумбочку. Рассматривая синяки, она довела себя до оргазма. Она не могла сдержаться. Она никогда не видела ничего более эротичного, чем следы Сорена на ее теле.

К счастью, для похорон она упаковала платье с длинными рукавами, которое скроет и спину, и ноги до колен. Они с Клэр быстро позавтракали перед приездом гостей в дом. Около сорока человек собралось в комнате, пили чай и кофе и перешептывались друг с другом. Тем не менее, шепот сорока человек в одной комнате казался оглушающим для гудящей головы Элеонор. Она проспала всего два часа ночью. Никогда она не чувствовала себя так хорошо, будучи в дерьмовом состоянии. «Похороны», - напомнила она себе. Никаких дерьмовых шуточек.

В противоположном углу комнаты она заметила Сорена, в черном костюме, белой рубашке и черном галстуке. Женщина, молодая и симпатичная, стояла рядом с ним. Клэр взяла ее за руку и потащила ее к ним.

- Кто это? - спросила женщина, улыбаясь Сорену.

- Это Элеонор. Подруга Клэр.

- Привет. - Элеонор поставила чашку на стол и пожала женщине руку.

- Элеонор, это моя сестра Элизабет, - ответил Сорен.

Хорошо, что она поставила кофейную чашку на стол, иначе уронила бы ее. Ей потребовалась вся ее сила воли, чтобы не ахнуть или не открыть рот, пока она смотрела на нее. Красивая женщина с темно-рыжими волосами и фиолетовыми глазами, ее с легкостью можно было принять за чью-то старшую сестру. Она и Сорен, не смотря на общего отца, были совсем не похожи. Должно быть, она пошла в мать. Неважно как сильно Элеонор пыталась с сожалением смотреть на Элизабет, она не могла не вспомнить, как эта женщина делала ужасные вещи с Сореном, когда те были детьми. Но он не винил ее, только их отца, и Элеонор пыталась ее не осуждать. Элеонор посмотрела ей в глаза, пытаясь найти человека за маской хорошей дочери в трауре, но Элеонор не увидела ничего - только пустоту, она будто смотрела на тело без души.

- Машины здесь, - Элизабет обратилась к Сорену без каких-либо эмоций в голосе. - Пора ехать.

Сорен обнял Клэр, которая посмотрела на него и улыбнулась.

- Хорошо, - ответил Сорен, быстро чмокнув Клэр в лоб. - Давайте похороним этого ублюдка.

Глава 23

Элеонор

Если бы Элеонор верила всему сказанному ей на занятиях по половому воспитанию в католической школе, она бы подумала, что ее жизнь пойдет по ужасной нисходящей спирали после того, как она раздвинет ноги перед мужчиной до брака. Ее учитель - Урсулинка¹⁰ подчеркивала, что любой сексуальный акт ведет к беременности, бедности, бушующим венерическим заболеваниям и смерти. Бедная Джордан попала на крючок лжи, заглотила его и ушла на дно. Она не только решила не заниматься сексом до свадьбы, но и никогда не поцелует мужчину, пока они не будут обручены. Береженного Бог бережет. Но когда Элеонор вышла на крыльцо перед школой днем позже, после похорон отца Сорена, и увидела ожидающий ее

---

¹⁰ католическая женская монашеская конгрегация, основанная в 1535 году Анджелой Меричи в Италии. Полное название — «Римский союз Ордена Святой Урсулы»

серебристый «Роллс-Ройс», поняла, что обнажиться перед священником было ее лучшей идеей.

- Срань Господня, - сказала Джордан, заметив «Роллс-Ройс» одновременно с Элеонор. - Это что?

Элеонор пыталась не взорваться от смеха при виде «Роллс-Ройса», стоящего рядом с минивенами и бежевыми «Камри».

- Это мой водитель.

- Срань Господня, - повторилась Джордан. «Роллс» приближался до тех пор, пока не оказался у последней ступени крыльца. Из машины вышел мужчина в форме шофера. Он открыл пассажирскую дверь, и из салона появился никто иной, как сам Кингсли Эдж. Он обошел авто, облокотился на дверь, поднял руку и поманил Элли пальцем.

Он был в сапогах для верховой езды, в каком-то длинном сюртуке и блестящих современных солнечных очках. Кингсли выглядел как настоящий панк с длинными темными волосами, струящимися по плечам, и улыбкой на губах.

- Срань... - прошептала Джордан, забыв про «Господня». - Кто это?

- Говорила же. Мой водитель.

- А он может быть моим водителем?

Элеонор обняла Джордан и похлопала ее по спине.

- Джордан, с тобой еще не все потеряно.

Элеонор сбежала по ступенькам к «Роллс-Ройсу», и Кингсли открыл ей дверь.

- Вы забираете меня из школы? - спросила она, прежде чем сесть в машину.

- Теперь ты член клана. У членства есть свои привилегии. Allons-y.

Она понятия не имела что значит Allons-y, но ладонь на пояснице, направлявшая ее на заднее сиденье, дала четко понять, что это обозначает примерно «садись уже в чертову машину». Она с радостью подчинилась.

Кингсли сел после нее на сидение напротив. И машина быстро отъехала от школы.

- Значит, теперь я член клуба? – начала расспрашивать Элеонор, устроившись на роскошных кожаных сидениях темно-серого цвета.

Он улыбнулся, поднял солнечные очки на голову и посмотрел на нее своими мрачными мерцающими глазами.

- Ты принадлежишь ему, верно? Он тебе все рассказал?

- Это ответит на ваш вопрос? - Она оттянула воротник рубашки, демонстрируя ему синяки на шее. Кингсли изогнул бровь. - Как вы это делаете?

- Что? - спросил он.

- Так высоко поднимаете бровь.

- Это французская фишка.

- Вы действительно француз или делаете это ради привлечения внимания?

- И то, и другое.

- Так и думала. Мне нравится ваш акцент.

- А этот тебе еще больше нравится? - спросил он, и французский акцент полностью исчез из голоса. Он говорил как стопроцентный американец. Элеонор уставилась на него.

- Нет, это просто ужасно. Прекратите. Как вы это делаете?

- Моя мама была американкой, - объяснил он, возвращаясь к своему естественному голосу, дополненному сексуальным, как ад, французским говором. - Я могу говорить на английском без акцента. Но нужно сосредоточиться, и потом у меня болит голова.

- К тому же это не так сексуально.

- Exactement.

- Так какие именно у меня есть привилегии? То есть, кроме того, что меня будут забирать из школы на «Роллсе».

- Я расскажу, но сначала позволь взглянуть на ущерб.

Элеонор попыталась поднять бровь так же высоко, как и он. Она сдалась и пальцем подтянула ее, как было у Кингсли.

- Хотите посмотреть на мои синяки?

- Bien sûr.

Она подтянула бровь еще выше.

- Это «конечно» на французском.

- Мне придется раздеться.

- Не слышу возражений.

Она опустила бровь. Ей было интересно, что будет чувствовать Сорен, если она покажет синяки Кингсли. И есть только один способ узнать.

Она бросила рюкзак на пол и сняла пальто.

- На обратном пути после похорон Сорен рассказал, что вы были во французском иностранном легионе.

- Да, я был капитаном.

- Может, вы мне ответите на вопрос.

- Какой?

Она расшнуровала ботинки и сбросила их. Он хотел видеть ее синяки на бедрах, значит, ей придется разуться и снять колготки. К счастью, холодная погода дала ей оправдание скрыть все синяки и даже больше. И если Кингсли хотел видеть синяки, ей придется раздеться. Она стянула колготки и вытянула ступню на колено Кингсли.

- У меня траншейная стопа?

Кингсли обхватил ее ногу за лодыжку и поднял. Он провел пальцем по подъему ее стопы.

- У тебя мозоль, а не траншейная стопа. Прекрати носить армейские ботинки без носков.

- Спасибо. Боялась, что мне ее ампутируют.

Она поставила босые ноги на пол, радуясь тому, что в «Роллсе» Кингсли было тепло и уютно. Должно быть, ему тоже стало тепло в его костюме, потому что он начал снимать жакет.

- Не могу поверить, что делаю это, - призналась она.

- Раздеваешься для меня на заднем сидении моего «Роллс-Ройса»?

- Именно. - Она расстегнула рубашку.

- Привыкай.

Она повернулась к нему спиной и опустила рубашку. Кингсли сел позади нее на сиденье. Его удивительно нежные пальцы скользили по линиям синяков, усыпающих ее кожу. Его прикосновения заставляли ее испытывать предательские ощущения в животе и между бедер.

- Где еще? - спросил он.

Она опустила рубашку и развернулась. Чувствуя себя неудобно, Элеонор закинула ногу ему на бедро и задрала юбку.

- Хорошо, что утром я побрила ноги, - пробормотала она, показывая синяки на бедрах.

- Как и я.

- Вы тоже бреете ноги? - Она опустила юбку и поставила ногу на пол.

Он прищурился на нее, пока она застегивала рубашку.

- Ты сообразительная.

- Вы так говорите, будто это плохо. - Она не стала надевать колготки и обулась. О своей траншейной ноге она подумает позже.

- Интеллект в женщине опасная штука. А потом мы узнаем, что ты считаешь брак ловушкой для женщин, превращающих их в бесплатных кухарок и домохозяек.

- Если бы я даже и была глупой, мне бы хватило мозгов, чтобы понять это.

Она повернулась к нему лицом и скрестила ноги на сидении. У нее было предчувствие, что под таким углом он видел ее нижнее белье, но по какой-то причине ей было все равно. Если Сорен доверял Кингсли, она тоже будет ему доверять.

- Ты интересная юная леди. Я думал, он спятил, когда впервые рассказал мне о тебе.

- Что он рассказывал?

- Этого я тебе не скажу. Важно то, что ты сейчас здесь, и есть вещи, которые ты должна знать.

- Я хочу знать все.

- Как только тебе исполнится восемнадцать, я отведу тебя в клуб.

- Почему восемнадцать?

- Потому что тебе должно быть восемнадцать, чтобы войти в БДСМ-клуб в этом штате.

- М-да, вижу, вы законопослушный гражданин. Я была в вашем доме, помните?

- Ты пришла без приглашения.

- Вы устроили оргию, в которой участвовали люди, делающие денежные ставки на секс.

- Дружеские ставки джентльменов. Хотя я никогда не играл.

- Почему нет?

- Не интересно. Я всегда выигрываю.

- До меня дошли слухи, что вы хороши в постели.

Кингсли смахнул несуществующую нить с брюк и улыбнулся чему-то в окно.

- Если бы я был на твоём месте, то поверил бы им.

От непринужденной уверенности в тоне Кингсли что-то внутри Элеонор сжалось.

- Я хочу им верить.

- Если бы это было возможным, я бы отвез тебя в клуб прямо сейчас. Но в данный момент я выполняю приказы. Je suis désolé.

- Блонди пока не разрешает мне играть?

- Не в клубе.

Она услышала что-то в его голосе, тонкий намек.

- Сорен сказал, что вам запрещено вести меня в клуб для извращенцев.

- Да. Но он не сказал, что я не могу отвести тебя в свой дом.

Кингсли улыбнулся, и на прекрасный, ужасающий момент Элеонор захотела поцеловать Кингсли так сильно, как хотела поцеловать Сорена.

- И что мы будем делать в вашем доме?

- Небольшая демонстрация БДСМ в действии.

- БДСМ?

- Бондаж. Доминирование или дисциплина. Садомазохизм. Или то, что я называю своими любимыми увлечениями.

- А вы можете забирать меня после школы каждый день?

Кингсли рассмеялся и притянул ее к себе на колени. Он быстро поцеловал ее в обе щеки, не приближаясь к губам.

Затем он посадил ее на сиденье, а сам пересел на сидение напротив.

- Достаточно игр, - произнес он с более серьезным выражением на лице. – Уверен, у тебя есть вопросы ко мне?

Элеонор расправила юбку, прижимая ее к бедрам.

- Сорен сказал, спросить вас, почему я должна бояться его. Я хочу знать ответ?

- Только ты мне можешь сказать.

Элеонор посмотрела на свои ботинки, на свои военные ботинки из «Гудвилл».

- Я хочу знать. Но Сорен сказал, вы не станете отвечать.

- Я не стану отвечать. По крайней мере, правду. Но могу рассказать полезную ложь.

- Думаю, она подойдет.

Кингсли пожал плечами, откинулся на спинку и улыбнулся ей.

- Он садист, *chérie*. Самый жестокий садист из всех знакомых мне садистов. В городе только четыре женщины, с которыми он поочередно играет. Один раз в неделю, если у него есть время. Чтобы полностью восстановиться после пары часов с ним, им может потребоваться более двух недель.

- Иисусе. Что он делает?

- Флаггеляция, плетки, трости, порезы, ожоги свечным воском, бастинадо... - Он перечислял термины, загибая пальцы. - Я забыл что-то. Что же?

Он постучал по лбу.

- О, унижение. - Кингсли щелкнул пальцами. - Всегда его забываю. Я не играю в унижение, поэтому всегда его забываю.

- А чем вы занимаетесь?

- Всем остальным. Моя специализация изнасилование.

Элеонор уставилась на него.

- Изнасилование?

- Игровое изнасилование. Это игра. Есть женщины, которые любят быть подавленными, когда с ними обращаются как с сексуальной собственностью. Они фантазируют о том, чтобы быть изнасилованными мужчиной, которого они хотят. Я воплощаю их фантазии в реальность. Все ради удовольствия. Хочешь попробовать?

- Как это происходит?

- Примерно вот так. - Он схватил ее за лодыжку и дернул так сильно, что она оказалась на спине, на полу. Прежде чем она поняла, что происходит, Кингсли навис над ней, его руки сжимали ее запястья, вес его тела удерживал ее неподвижно.

- Слезьте с меня, - сказала она, рыча от шока его веса на себе. - Вы мнете мне юбку.

- Она и так в складку.

- Ой. Точно. Тогда оставайтесь. - Очевидно, он пытался ее напугать. Она выросла с отцом мафиози. Ее не так просто напугать.

- Ты портишь все веселье. - Он продолжал ее удерживать, сжимая предплечья. Болезненно, но она отказывалась демонстрировать ему свою боль.

- Почему? Потому что я не боюсь вас?

- Ты прижата подо мной, и ты не нервничаешь?

- Простите. - Она улыбнулась ему и захлопала ресницами. Откровенно говоря, страх был последним в списке тех эмоций, что она чувствовала в данный момент. Перед страхом были: во-первых, наслаждение, во-вторых, желание, в-третьих, следовало любопытство, и, в-четвертых, смущение. Смущение было четвертым только потому, что она испытывала ощущения с первого по третье.

- У тебя когда-нибудь был секс на заднем сидении «Роллс-Ройса»? - поинтересовался он, широко раздвинув ее бедра. То, что прижималось к ней,

заставило страх перепрыгнуть через весь список эмоций, испытываемых в данный момент. Страх и желание взлетели на первые места.

- У меня не было секса, то есть никогда.
- Бедняжка. Хочешь, я позабочусь о твоей небольшой проблеме?
- Я католичка, поэтому подожду.
- До замужества?
- Нет. Когда мой священник трахнет меня.
- Ты устала ждать?
- Да. Нет причин ждать. Он слишком опекает.
- Он заботится о тебе.
- Хотела бы я, чтобы он меньше заботился и больше трахал.

Кингсли рассмеялся, сел и отпустил ее.

- Он сказал, что мы подружмся. Сначала я ему не поверил. Думаю, он был прав.

Элеонор уселась на сиденье напротив Кингсли и расправила юбку по коленям. Небольшая дистанция между ними не мешает.

- Надеюсь, мы подружмся. Он сказал, что вы и я, мы его столпы. О, и Бог. Нельзя забывать о Нем.

- Мы будем, j'espère. Я хочу, чтобы ты доверяла мне. Есть вещи, которые ты должна услышать, чего ты не услышишь, если он скажет сам.

- Что вы имеете в виду?
- Ты влюбилась в короля трахателей мозгов.
- Трахателей мозгов? Так называется, когда вы тыкаете ей в ухо?
- Не совсем. Когда я тыкаю в ее мозг. Игра с разумом одна из многих игр

доминанта. Я могу связать девушку, завязать ей глаза, затем провести пальцами так нежно по ее животу... - Он поднял руку и повел ею по воздуху. Что-то внутри Элеонор сжалось от такой эротической картинки. Она не могла не представить, как Кингсли делает подобное с ней. - А затем случайно упомянуть слово «змея» или «паук». Наблюдать за тем, как она напрягается. Слышать нервность в ее смехе. Она знает, что это мои пальцы. Не змея. Не паук. Но теперь она сомневается... одна капля сомнения в голове.

- Это так отвратительно. - Элеонор широко улыбнулась. - Но вы же не кладете на самом деле пауков и змей на людей, верно?

- Non. Конечно, нет. Если только...
- Если только что?
- Если только она не попросила сама.

Глаза Элеонор распахнулись. Кингсли только улыбнулся.

- Понимаешь, игра с разумом проста - я беру твой мозг, играю с ним, заставляю тебя думать о вещах, о которых ты бы и не подумала, и затем, внезапно... ты думаешь о них.

- Вы не сделаете такого со мной.
- Non? Le prêtre уже играет с твоим разумом.
- Как?
- Заставляя тебе ждать его. Ты не хочешь его ждать, верно? Ты хочешь стать его любовницей прямо сейчас. Даже сегодня.
- Нет. Не сегодня. Я хотела быть его любовницей вчера. Нет причин ждать.
- Я знаю причину.
- Да?

- О, oui. Он манипулирует тобой. Вот ты. Такая молодая. Такая красивая. Такая спелая, готовая к тому, чтобы тебя сорвали. И все же ты сидишь тут... не сорванная. Он так доказывает, что владеет тобой, как собачкой на поводке. Рядом. Сидеть.

Перевернись. Притворись мертвым. Ты не его любовница. Ты его щенок, и ты следуешь за ним повсюду. Он кормит тебя обедками, и ты ешь их с его руки.

Элеонор выпрямилась.

- Он не манипулирует мной, заставляя нас ждать, понятно? Мне семнадцать, а ему почти тридцать один. Он священник, а я учусь в средней школе. Я даже не принимаю противозачаточные, и, если бы принимала, и мама узнала бы об этом, мне был бы конец. Если его застукают со школьницей, ему будет конец. И в довершение ко всему он садист. Он заботится обо мне так сильно, потому что хочет, чтобы я знала, во что ввязываюсь. Так тому и быть. Мы подождем. Я выучу то, что мне нужно знать. Мы начнем заниматься сексом, когда он будет готов и когда будет знать, что я готова. Это не манипулирование. Это здравый смысл. И вы можете кое-чему научиться у него о здравом смысле.

- Моі? - Кингсли был по-доброму возмущен ее инсинуацией.

- Вы. Вы забрали меня из школы на «Роллс-Ройсе»? Вы знаете, сколько внимания привлекли ко мне? И вы с Сореном родственники, в своем роде. Вы должны быть осторожны. Мы должны быть осторожны. Мы не можем втянуть его в неприятности.

- Я буду более осторожным, - пообещал он.

- Хорошо.

- Мне нравится твоя страстная защита своей затянувшейся девственности.

- Я не хочу, чтобы вы думали, что Сорен манипулирует мной, хотя на самом деле это не так.

- Верно.

- Да, верно.

- Но я манипулирую. - Кингсли оперся ногой на ее сиденье и ухмыльнулся.

- Вы... вы заставили меня перечислять причины, почему Сорену и мне стоит подождать, хотя пять минут назад я сказала, что не хочу, и что на это нет причин.

- Это было слишком просто.

- Вы играли с моими мозгами.

- Твоим мозгам больно? Я старался быть нежным, поскольку это твой первый раз.

Элеонор взяла свой армейский ботинок и бросила его в голову Кингсли. Он поймал его и опустил окно.

- Не смейте. Я люблю эти чертовы ботинки.

- Обещаешь больше не бросать их в меня?

- Обещаю. Клянусь.

- Обещаешь весь вечер быть хорошей девочкой?

- Лучшей.

- Ты позволишь мне сейчас трахнуть тебя, если я отдам тебе ботинок?

Элеонор открыла рот и захлопнула его. Он серьезно? Серьезно или нет...

- Ни за какой армейский ботинок в мире.

Кингсли вытянул ботинок в окно и принялся ждать.

- Выбрасывайте, - сказала она. - Тут становится чертовски холодно.

Кингсли поднял окно и отдал ей ботинок.

- Вы возвращаете его? - Она быстро натянула его, пока Кингсли не передумал. В будущем ей придется быть умнее, оставаться начеку.

- Ты прошла тест.

- Какой тест?

- Я люблю проверять новых людей, приходящих в наш мир. Я сажаю их в мой «Роллс-Ройс» и пытаюсь соблазнить. Победители говорят нет. Проигравшие - да. Но так как я все равно их трахаю, побеждают все.

- Почему согласие - это проигрыш?

- Потому что, соглашаясь на секс с незнакомцем без обсуждения табу, желаний, защиты и безопасности, ты, скорее всего не готова к нашему миру. Сабмиссив чрезмерно стремящийся угодить доминанту, может быстро попасть в передрыгу в моем мире.

- Значит, я прошла?

- Один тест.

- А есть еще?

- Много. Подожди, пока он наденет на тебя собачий ошейник. Не терпится увидеть, как ты отреагируешь на этот тест.

Элеонор уставилась на него.

- Я не буду носить собачий ошейник.

- Он уже выбрал один.

- Сорен?

- А кто же еще?

- Собачий ошейник? Вы издеваетесь?

- Зачем мне это? Ошейники играют важную роль в нашем мире. Знак принадлежности. Так что воспринимай это как комплимент. И после того, как ты примешь его как подарок, можешь помахать для него своим маленьким хвостиком.

- Он говорил, что вы дьявол.

- Он так говорит только потому, что знает, какой я настойчивый.

Он поднял руки к голове и двумя пальцами изобразил рога. Элеонор взорвалась от смеха.

- Кингсли, вы мне нравитесь. Как бы мне этого ни не хотелось.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал центр ладони. В этот раз без обнюхивания пальцев.

- Это чувство, *ma petite*, полностью взаимно.

Они подъехали к особняку Кингсли, и он проводил ее внутрь.

- Кто это, Кинг? - Потрясающая латиноамериканка в облегающем белом платье спустилась по лестнице. Она быстро поцеловала Кингсли в щеку. - Милая униформа, - обратилась она к Элеонор. Это прозвучало как искренний комплимент, а не сарказм.

- У нас сегодня эдж-плей. Учитель и студент. Я позволю тебе смотреть, но это ее первая ролевая игра. - Кингсли провел ладонью по попке Элеонор.

- Может, в следующий раз? - предложила женщина, подмигнув и еще раз поцеловав Кингсли. - Я буду играть ее сестру, и вы можете наказать нас обоих за плохое поведение в классе, мистер Кинг.

Женщина ушла, соблазнительно покачивая бедрами на каждом шаге.

- Эдж-плей? - спросила она. - Это то самое?

- Здесь все то самое, - ответил он. Кингсли еще раз похлопал ее по попке.

Она думала о том, как найти нож и исполосовать эту болтающуюся, хватающую за задницу руку, но слово «сестра» напомнило ей о вопросе, который она хотела задать.

- Могу я задать странный вопрос?

- Я могу на него не ответить, но спрашивать можешь, что угодно.

- Это была Элизабет? - спросила она, и он взял ее под руку и повел вверх по лестнице.

- Элизабет? А что с ней?

- Сорен сказал, когда он был женат на вашей сестре, он изменял ей с кем-то. Ваша сестра увидела, как он целовал кого-то, и убежала, и тогда... - Элеонор

чувствовала себя неловко, поднимая эту тему, но она должна была знать. - Сорен не сказал, с кем изменял, только то, что он любил ее.

- Он сказал, что любил ее?

- Вроде того. Я продолжала думать, почему он не сказал мне, кто она. А потом он рассказал о себе и Элизабет, когда они были детьми... и ваша сестра, приехала к вам в школу. Школа была только для мальчиков, но они позволили ей приехать. Почему?

- Потому что она была родственницей.

- Верно, - произнесла Элеонор и замолчала. Кингсли больше ничего не сказал. - Я спрашиваю, была ли Элизабет той, с кем Сорен изменял вашей сестре? У них было испорченное детство. Они были одинокими. Инцест или нет, мне все равно. Это единственный ответ, к которому я пришла. То есть, что еще могло шокировать вашу сестру так сильно, что она... понимаете.

- Покончила с собой?

- Да. То есть, увидев, как ее муж целует собственную сестру? Это кого угодно шокирует до смерти.

- Oui, может.

- Я хочу знать, кого он так любил, что изменял жене. Мне нужно знать, и я хочу знать.

- Понимаю, - ответил он.

- Но вы не ответите мне?

- Пока нет, - сказал он с улыбкой на губах. - Возможно, со временем. Но я скажу тебе вот что, ты на правильном пути. А теперь, пойдем со мной.

Кингсли сопроводил ее в комнату в конце коридора на втором этаже.

- Сегодня у моей подруги Блез день рождения, и мы устраиваем в честь нее небольшую вечеринку. Я подумал, тебе стоит прийти и посмотреть, в какие игры мы играем.

Он открыл дверь и проводил ее внутрь какой-то гостиной.

- Вот черт.

Везде, куда ни взгляни, Элеонор видела огонь. Высокие конусообразные свечи, все зажженные, покрывали каждую плоскую поверхность - столешницы, подоконники, и несколько дюжин стояло на полу в изящных серебряных подсвечниках. Пораженная представшей сценой Элеонор не заметила еще четырех людей в комнате, пока Кингсли не представил их ей.

Первой была Блез - именинница, на которой не было ничего кроме белой рубашки. Потом Батист, темнокожий и красивый, у которого был сексуальный акцент, не французский, но близко. Затем еще один мужчина - Свен, вроде бы. Она перестала слушать, потому что Блез теперь стояла обнаженная в центре комнаты.

- Начнем? - Кингсли взял свечу, и виновница праздника легла на пол на большую деревянную доску. Все в комнате поступили так же. Вскоре все, включая ее, держали в руках по свече.

Блез подняла руки за голову и улыбнулась Кингсли.

- С днем рождения, ma fille. - Он опустился на колени рядом с ней и поцеловал, и как только поцелуй прервался, он вылил свечной воск на центр ее груди.

Блез вздрогнула от боли. Элеонор вздрогнула от сочувствия. Остальные рассмеялись и заплодировали. Музыка играла. Вино текло. И все один за одним по очереди капали воском на обнаженное тело Блез. Все, кроме Элеонор.

- Давай, chérie, - обратился к ней Кингсли, подбадривая ее.

- Я даже не знаю ее, - шепотом ответила Элеонор.

- Тогда у вас будет интересное знакомство. - Кингсли наклонил голову к Блез. Он бросал ей вызов, чтобы она обожгла Блез, и она понимала это. Кингсли стоял на противоположной стороне от Блез и улыбался ей. - Ты знаешь, что хочешь этого.

- Давление коллектива? Серьезно, Кинг?

- Мы все это делаем, - ответил он, его тон дразнил, но глаза были серьезными. И тогда она поняла, что это был не вызов, это был тест. И раз она хотела пройти тест, она обожгла ее.

Блез ахнула, когда горячий воск приземлился на внутреннюю сторону ее бедра.

Элеонор поднесла свечу к губам и потушила пламя.

Кингсли подмигнул ей, и она села в сторонке, чтобы наблюдать за шоу. Вскоре запястья Блез были прикованы застывшим воском к доске, а затем и ее лодыжки. Как только все ее тело было покрыто воском, Батист задул свечу и ввел ее во влагалище. Элеонор смотрела, не дыша, как он трахал ее свечой. Блез закрыла глаза и стонала от удовольствия. Кингсли навис над ее телом и поцеловал Батиста, долго и страстно.

Элеонор встала и едва не врезалась в балконную дверь. Она распахнула ее, вышла на балкон и закрыла за собой.

Она стояла там, на холодном ветру, наполняя легкие льдом.

- Ты так рано ушла, - заметил Кингсли. Она так тяжело дышала, что даже не услышала, как открылась дверь.

- Мне нужно было выйти на воздух.

- Слишком? - поинтересовался он. - Ты испугалась того, что там происходит?

- Не испугалась.

- Возбудилась?

Она усмехнулась.

- Немного.

- Завидуешь? - Он обнял ее и притянул ближе к себе. Несмотря на холод, она не вырывалась из объятий.

- Это выглядело довольно забавно.

- Я забыл, какая ты юная. Мы поиграем в эту игру снова, когда ты будешь готова.

- Вы поцеловали мужчину.

Кингсли с иронией посмотрел на нее.

- Да. Я люблю целовать и мужчин, и женщин. И трахать их. Удивлена?

- Я не ожидала этого.

- Ради твоего же блага, я дам тебе один совет - начни ожидать неожиданного. В раю и на земле гораздо больше вещей, о которых ты и не мечтала, chérie.

- Постараюсь запомнить.

- Пойдем. Отвезу тебя домой.

Он поцеловал ее в обе щеки, затем обнял за плечи и провел в дом.

Она забрала пальто, и Кингсли сопровождал ее к ожидающему их «Роллс-Ройсу».

- Думаю, домой доберусь обычной дорогой, - сказала она, глядя на машину. - Если вы не против.

Кингсли приподнял подбородок, изучая ее.

- Боишься в этот раз провалить тест в «Роллс-Ройсе»? - спросил он. Она покраснела, будто он озвучил страх, в котором девушка не хотела себе признаваться.

- Мне нравится ходить пешком, - ответила она.

- Тогда уходи. - Кингсли поддел ее подбородок в гневной отцовской манере. - Ради твоего и моего блага.

Он быстро чмокнул ее в губы, и она зарычала. «Уходи», - приказала она себе. «Продолжай идти и не оглядывайся».

Через несколько кварталов ее голова прояснилась, сердцебиение успокоилось. Находиться рядом с Кингсли и его друзьями было опасно для ее здравомыслия и ее девственности.

Элеонор дошла до входа в метро, но остановилась, когда услышала, как кто-то зовет ее по имени.

Она обернулась и увидела мужчину, стоящего на тротуаре в десяти футах позади от нее. Она не могла осознать его реальность, его существование.

Но он был там. И впервые за этот вечер Элеонор испытала настоящий страх.

Глава 24

Элеонор

- Отец?

- Скучала по мне, Малышка? – отец стоял с руками в карманах его длинного пальто, бейсбольная кепка скрывала его глаза.

- Нет, - честно ответила она. - Какого черта ты не в тюрьме?

- Внезапное досрочное освобождение.

- Ага. - Она скрестила руки на груди. Она раздумывала над тем, чтобы убежать. Вход в метро был в двадцати футах позади нее. - Тогда хорошо. Мне нужно идти.

Она повернулась к нему спиной.

- Я думал, ты только перед Кингсли Эджем раздвинула ноги, - прокричал ей отец.

- Но теперь знаю, что и перед священником тоже.

Сердце Элеонор остановилось. Она медленно повернулась.

- О чем ты вообще говоришь? - Она держала тон ровным, пытаясь не выдавать страха.

- Я нашел визитку в твоём пальто. «Эдж Интерпрайзе»с. Есть только одна причина, по которой такой мужчина, как Кингсли Эдж, уделит тебе время, и эта причина у тебя между ног.

- Ты отвратителен.

- И оказался прав, - продолжил он. - Я пытался выяснить, как такому ничтожеству вроде тебя удалось познакомиться с Эджем. У него не так много причин торчать в Нигде, в Коннектикуте, верно? Я поспрашивал и узнал, что у него есть зять, который иногда заходит к нему. Священник. Священник из Уэйкфилда, в гребаном Коннектикуте.

- Отец, послушай, - начала Элеонор, - это не то, о чем ты думаешь. Я не сплю с...

- Не надо. У меня есть все необходимые доказательства. Хочешь посмотреть? Фотографии в моей машине. Одна хорошая, где ты и твой священник в черном «БМВ». Куда вы двое направлялись? Романтический уикенд? - Отец рассмеялся, словно рассказал самую уморительную шутку.

- На похороны. Он хотел, чтобы я была с его сестрой, моей ровесницей. Он переживал за нее и думал, что она сможет поговорить со мной, раз она не разговаривала с ним.

- Думаешь, епископ купится на это оправдание, когда я скажу, что один из его священников трахает мою несовершеннолетнюю дочь? Жду не дождусь, когда расскажу твоей матери, что происходит между вами двумя.

- Чего ты хочешь? - Элеонор знала, что отцу наплевать на то, с кем она трахается, и что она делает.

- Я хочу, чтобы ты прямо сейчас пошла со мной.

- Зачем?

- Мы пойдем ко мне и поговорим. Я уезжаю из города и думаю, ты должна поехать со мной.

- Я никуда с тобой не пойду.

- Нет? Тогда я отправлю все эти фотографии с тобой и Эджем, тобой и священником в полицию, твоей матери, директору школы и епископу. И в газеты тоже. «Священник соблазняет подростка и делится ею с его криминальным шурином» отличный будет заголовок.

- Покажи фотографии, - попросила она.

- Они в машине.

Он подошел к старой потрепанной «Хонде» и открыл пассажирскую дверь. Он ждал.

Последнее, чего она хотела, это садиться в его машину. Нет, последнее чего она хотел, чтобы у Сорена возникли проблемы из-за нее. Она подошла к машине и села на пассажирское сидение. Отец захлопнул дверь так резко, что она вздрогнула. Он сел за руль и завел двигатель.

- Покажи фотографии, - потребовала она.

- Они в моей квартире.

- Ты сказал, они в машине.

Отец повернул руль и выехал на улицу. Он повернул на ближайшем перекрестке, словно пытался увезти ее как можно быстрее от дома Кингсли.

- Ты должна поблагодарить меня, - сказал отец, набирая скорость. - Ты не захочешь связываться с Эджем. Наслышан об этом французском ублюдке. Думаю, ты и так всё знаешь. Ты трахаешься с ним.

- Я не трахаюсь с ним. Мы друзья.

- Друзья? Он тоже твоя нянька? Почему он забрал тебя из школы?

- Ты ненормальный. Шпионишь за собственным ребенком. - Элеонор трясло от потрясения и злости. Она была права. Кто-то был в церкви и подслушивал ее разговор с Сореном.

- Присматриваю за собственным ребенком. А не шпионю. Хорошо, что я это сделал. Меня не было год, а ты раздвинула ноги перед каким-то больным священником-растлителем.

- Мой священник самый лучший мужчина из всех живущих, - ответила она. Перед ее глазами закончилась вся ее жизнь - имя Сорена в газетах, перевод, низложение, изгнание, и все по ее вине. - Он был лучшим отцом для меня, чем ты когда-либо. Из-за тебя у меня были проблемы. И именно он их решил.

- Да, и мы оба знаем, как ты расплываешься с ним.

- Останови. Я выхожу.

- Нет, не выходишь, девочка. Ты уезжаешь со мной из города.

- Я сказала, останови, - закричала она, потянувшись к рулю.

Он ударил локтем ей в живот так сильно, что воздух покинул ее легкие. Она тяжело закашляла и снова потянулась к рулю. Отец оттолкнул ее, и Элеонор свернулась, выворачиваясь из его рук.

- Сядь, сучка, - приказал он. Он дотянулся до ее шеи, и Элеонор сделала глубокий вдох. Она закрыла глаза и ударила отца по лицу ботинками. Из его носа хлынула кровь, машина резко остановилась на дороге.

Элеонор открыла дверь и побежала. Она бежала так быстро, как могла, пока не нашла такси и не села в него. Она назвала адрес Кингсли и умоляла поторопиться. Несколько минут спустя она бросила водителю несколько купюр, вбежала вверх по ступенькам и вломилась в дверь особняка, найдя Кингсли, стоящим в фойе и заряжающим пистолет.

- Элли, какого черта с тобой произошло? - Он посмотрел одновременно и с облегчением и с яростью.

- Мой отец... Он вышел из тюрьмы. Он заставил меня сесть в его машину. Что вы собираетесь делать с пушкой?

- Убью твоего отца. - Он засунул пистолет в кобуру под пальто. Он схватил ее за запястье и притянул к себе. Начав с бедер, он исследовал все ее тело.

- Тебе больно? - спросил он.

- Нет, я цела...

Он поднял руку. Ладонь была покрыта кровью.

- Иисусе, - прошептала она.

- Царапина на шее.

- Отец пытался меня задушить, - объяснила она. Должно быть, это он поцарапал ее.

- Пойдем со мной, сейчас же, - сказал Кингсли и повел ее на третий этаж.

- Почему вы собирались убить моего отца? - задала вопрос она, когда Кингсли открыл дверь в комнату, которую она никогда не видела. Она была похожа на какой-то причудливый кабинет. Он усадил ее в кресло и на несколько секунд оставил, затем вернулся с аптечкой. Кингсли опустил ее на колени перед креслом, открыл аптечку и приказал ей наклонить голову в сторону.

- Вы не ответили на мой вопрос, - заметила она. Ее сердце все еще болезненно колотилось в груди, легкие горели из-за бега и паники. - Почему вы собирались убить моего отца?

- Из-за этого. - Кингсли вытащил что-то из кармана и протянул ей.

Спиртовой салфеткой Кингсли очистил порез на ее шее, и она прочитала записку.

Сто тысяч, или труп твоей подружки будет на дне Гудзона к завтрашнему утру.

К ней прилагались адрес и фотография.

- Боже мой, - прошептала она, ее живот скрутило. - Это моя фотография в десятом классе. Я отправила ее ему вместе с открыткой на день рождения.

Она держала фотографию дрожащими руками.

- Он собирался убить меня? - спросила она. Отец так старался усадить ее в машину. И она была достаточно глупой, чтобы поддаться ему.

- Мог. Он мог проверить, заплачу ли я ему. Мне плевать. Он угрожал тебе.

- Он сказал, что у него есть фотографии меня и Сорена. Он собирался отправить их маме и епископу, и, возможно, даже в газеты.

Кингсли сел.

- Я боялась, что подобное может произойти, - сказала она. - Что мы будем делать?

- Сиди. Будь здесь, - приказал он и встал. - Не покидай эту комнату.

- Ладно. - Она уставилась пустыми глазами на Кингсли. Он ласково погладил ее по щеке. - Спасибо.

Казалось, это его удивило. Все еще прижимаясь к ее щеке, он тяжело выдохнул, будто принял решение.

- Французский король Луи XIII потерял отца, когда ему было девять, - начал Кингсли, на его лице была маска серьезности. - Слишком юный, чтобы править, его мать Мария де Медичи выступала в роли регента. Она должна была править, пока ему не исполнится восемнадцать. Понимаешь, закон гласил, что шестнадцатилетний Луи был недостаточно взрослым, чтобы править. Но его мать испоганила всю страну, поэтому у Луи не было выбора. Луи выслал мать и казнил ее любовника, казнил ее последователей и восстановил порядок. Он сел на трон, и весь Париж возрадовался.

Некоторые дети могут себе позволить роскошь ожидания восемнадцати свечей на праздничном торте, чтобы стать взрослыми. Остальные из нас взрослеют, когда у нас не остается другого выбора.

Элеонор поняла смысл слов Кингли.

- Если отец попытается навредить Сорену, я убью его голыми руками.

Элеонор ждала в одиночестве, пытаясь успокоиться. Она тихо молилась про себя, молилась, чтобы Кингли смог помочь ей, помог ей.

Так прошло несколько минут, затем и полчаса. Элеонор смотрела на странные часы в стиле арт-деко, висящие на стене позади стола, пока глаза не устали. Должно быть, эта комната была личным кабинетом Кингли. Вдоль стены выстроились большие деревянные шкафы с замками. Черный дисковый телефон, будто из какого-то старого детектива, стоял на столе. Она хотела воспользоваться им и позвонить Сорену, но что-то говорило ей, что это будет плохой идеей. Что-то говорило ей, что Сорен не должен быть причастен к тому, что она и Кингли делали сегодня.

Наконец, Кингли вернулся в кабинет и сел за стол.

- Что произошло? - спросила она.

- Во-первых, твой отец тебе лгал. Он не на досрочном освобождении. Он стал свидетелем обвинителя и начал называть имена, чтобы пораньше выбраться из тюрьмы. Некоторые из его старых друзей назначили крупную сумму за его голову.

- Это объясняет, почему он хотел от вас денег.

- Скорее всего, сегодня он сбежит. Вероятно, попытается пересечь границу и попасть в Канаду.

- Думаете, он расскажет обо мне и Сорене?

- Да, - ответил Кингли. - Но только как наказание за то, что ты выбрала нас, а не его.

- Что мы будем делать?

- У меня есть знакомый, который может помочь ему покинуть страну. Он позвонит мне через пять минут. Если хочешь, чтобы он сделал это, тогда ответь на звонок и расскажи все, что знаешь о местонахождении отца - где последний раз видела его, где он жил. Обещаю, этот человек найдет его. Или...

- Или?

- Или, когда телефон зазвонит, ты позволишь ему звонить. И люди, которые хотят найти отца, найдут его. И найдут его до наступления утра.

- Почему вы делаете это для меня? - спросила Элеонор, потрясенная предложением Кингли помощи для ее отца.

- Ты принадлежишь *le prêtre*. Я защищаю его собственность, как свою собственную. Твой отец навредил тебе. Я хочу, чтобы его наказали. Но это твое решение, а не мое. Скоро зазвонит телефон. Делай выбор.

- То есть? - не поняла Элеонор.

- У Сэм сегодня выходной. На мой телефон никто кроме нее не ответит. И я никогда не отвечаю на свой офисный телефон, только мой секретарь делает это. Когда он зазвонит, ты будешь отвечать. Если хочешь поиграть в мою секретаршу, вот и все.

Они смотрели друг на друга через стол и молчали. Она услышала тиканье и посмотрела на часы.

Прошла одна минута.

Отец угрожал убить ее, если Кингли не заплатит ему сто тысяч.

Две минуты.

Отец бросил ее после ареста, сбежал, позволил ей взять всю вину на себя.

Три минуты.

Отец ударил ее по лицу, пытался сбежать, пытался задушить ее, у нее до сих пор шла кровь.

Четыре минуты.

Отец угрожал разрушить жизнь Сорена.

Пять минут.

Зазвонил телефон.

- Я не отвечаю на телефон, - повторил Кингсли. - Или секретарь отвечает, или пусть звонит.

Телефон зазвонил во второй раз.

- Ты можешь попросить человека на другом конце помочь твоему отцу, - напомнил он ей.

Элеонор оторвала взгляд от телефона и встретила с твердым взглядом Кингсли.

- Единственный отец в моей жизни - это священник. И я не ваша секретарша.

Телефон перестал звонить.

Глава 25

Нора

- И на следующее утро я была свободна, - закончила Нора. Она посмотрела на Нико и пожала плечами. - Самоубийство - самый лучший подарок, который мне когда-либо дарил отец.

- Как это? - не понял Нико. Она села и натянула покрывало на грудь. Нико все еще лежал на боку, его ладонь покоилась на ее бедре под сорочкой.

- После моего рождения мама оформила страховку на жизнь отца. Папа оказался мертвым и вуа-ля, у меня есть деньги на колледж.

- Кто его убил?

- Так и не узнали. У него были связи с мафией. Он слишком много раз облажался не перед теми парнями. Я пыталась чувствовать стыд за это, зная, что у меня был шанс ему помочь, а я им не воспользовалась. Но не смогла. Без него мир был лучше.

- Тебе было лучше без него. - Нико сел и взял ее за руку. Он поцеловал тыльную сторону ее ладони. - Мой отец гораздо интереснее, чем я думал.

Нора усмехнулась и переплела пальцы с Нико.

- Интересный - правильное слово. Интересный, сложный, опасный. Когда он приехал на Манхэттен после Франции, ему было всего двадцать восемь. Первое, что он сделал, это нашел самого опасного члена мафии и оказал ему услугу. Умный ход. Кингсли под защитой босса до конца своих дней. Что хорошо, потому что у Кингсли есть плохая привычка бесить очень важных людей.

- Я должен быть благодарен за то, что он все еще жив, - заметил Нико. - Хотя, возможно, я никогда не посмотрю на него иначе. Потерял свои часы в тебе?

- Тот еще дьявол.

- Он такой, - согласился Нико. - Джентльмен всегда первым делом снимает часы.

В животе у Норы затрепетало от слов Нико. Ей понравилось его определение джентльмена гораздо больше, чем просто парень, открывающей перед ней дверь.

- Могло быть и хуже. Однажды ночью с моей клиенткой Шеридан я чуть не потеряла в ней свою подвеску.

Нора рассмеялась при виде его широко распахнутых глаз.

- Миниатюрная девушка, - продолжила Нора. - Должно быть, она полая внутри.

Нико опустил голову на подушку и взорвался смехом - глубоким, теплым, роскошным смехом.

- Если вы с Кингсли похожи, почему любить тебя намного проще, чем его? - спросил Нико, повернувшись к ней.

- Потому что, в отличие от Кингсли, я не соблазняла твою мать.

- Не забывай, что он исчез после того, как обрюхатил мою мать, - добавил Нико. - А ты переживаешь, что он будет нас осуждать за эту ночь?

- Дело не в этом, - ответила Нора. - Возможно, он и не будет злиться. Сомневаюсь, что он даже удивится. Но я многим обязана ему. Он значит для меня больше, чем семья, чем моя настоящая семья. И затем появляешься ты...

- В чем дело, Нора? Расскажи мне правду.

Нора отвела взгляд от Нико и посмотрела на огонь.

- Однажды я написала фантастический роман, - начала она, наблюдая за танцем умирающего пламени. - Когда я была ребенком, они были моими любимыми - единороги, магия, драконы. Несколько лет назад меня застукали за писаниной. Я позволила Заку прочесть. Он считает, нужна доработка.

- Не настолько хорошо?

- Ему понравилось. Но, сказал Закари своим чванливым британским редакторским голосом, я нарушила главное правило написания фэнтези. Видишь ли, если в твоём мире есть магия, каждый раз, когда волшебник использует ее, он должен за нее платить. Никогда не забуду слова Закари - магия не бесплатна. Сегодня я тонула в одиночестве и скорби и думала, что сойду тут с ума. Я загадала тебя, и вот ты - все, в чем я нуждалась. Похоже на магию.

- Почему я?

- Потому что единственный человек, которого ты мог считать отцом, просто умер. Ты на том же пути, что и я, только на несколько шагов впереди. Может, если я последую за тобой, то не потеряюсь. Я так боюсь потеряться.

Нико прикоснулся к ее лицу. Его пальцы скользили по дорожкам слез. Нора построила свою жизнь вокруг определенных убеждений, определенных истин, и теперь она начала сомневаться во всем.

- Какую цену ты заплатила, чтобы я оказался здесь?

Нора проглотила ком в горле.

- Я не могу вернуться, - прошептала она.

- Вернуться куда? - Нико обнял ее обеими руками.

- В постель Кингсли.

Нора пристально посмотрела в глаза Нико. Она хотела, чтобы он увидел правду в ее словах.

- Ты должен знать, что не только у нас с Кингсли есть история, у нас есть свежая история.

- Насколько свежая? - спросил Нико.

- Последний раз был ночью перед отлетом во Францию и поиском тебя.

Если слышать это было больно, то глаза Нико его не предали. Должно быть, она знала, что, однажды встретив Нико, больше никогда не будет интимно близка с Кингсли. Они провели вместе одну темную и прекрасную ночь. А теперь... она больше никогда не повторится.

- И, хотя ты можешь не воспринимать Кингсли как отца, в его глазах и в его сердце ты - его сын. Он больше никогда не прикоснется ко мне.

- Никогда не прикоснется к тебе? Потому что он рассердится?

- Нет. Потому что он любит тебя.

- Поэтому ты не хотела меня впускать?

Нора снова посмотрела на умирающий огонь.

- У Кингсли есть секреты, которыми он делится лишь с несколькими людьми. Ты можешь пересчитать их по пальцам одной руки, и я была одной из них. Теперь - нет. - Она была не просто любовницей Кингсли, она была его Госпожой в те ночи, когда он нуждался в боли. Она также однажды носила его ребенка, хоть и ненадолго, это не то, что она могла рассказать Нико. В свое время расскажет, но не сейчас.

- Ты заплатила высокую цену за то, чтобы впустить меня.

- Очень высокую. У нас с Кингсли двадцать лет была привычка причинять друг другу боль так, как могут только двое людей, которые словно родственники. Но даже если Кингсли снова меня захочет, я не смогу так поступить с тобой, быть с тобой и вернуться к нему. Эта ночь слишком много для меня значит. Ты слишком много для меня значишь.

Нико поднял ее руки и прижал их к своей груди.

- Ты скорбишь, - сказал Нико. - И я не буду просить тебя принимать решение. Я только скажу, что, если бы это было моим решением, ты бы осталась со мной.

- И что? Выйти за тебя? Завести детей? Это не для меня. Я очень эгоистична.

Нико фыркнул.

- Эгоистичность - имя, которое зависть дает свободному. Я тоже свободен.

- Ты, правда?

- Да. И если бы я хотел жениться, детей, зачем мне преследовать женщину, годящуюся мне в матери? Теперь у меня есть сестренка. Зачем нужны другие наследники?

Нора наклонилась вперед и положила голову ему на грудь. Он поцеловал ее волосы.

- Не принимай пока никаких решений, - попросил Нико, лаская ее спину. - Но знай одно - тебе всегда будут рады в моем доме и в моей постели. И я не заставлю тебя платить какую-либо цену.

Положив голову в изгиб его плеча и шеи, она вдохнула его аромат, успокаивающий ее сердце.

- Но не ты отправляешь чек.

Неохотно Нора выбралась из объятий Нико. Она редко, если вообще когда-либо, ощущала себя такой слабой с мужчиной. Горе довело ее до такого состояния. Она редко испытывала такую глубокую печаль. Ее утрата оставила ее потерянной. Утрата? Какое неправильное слово. Ничего не было утрачено. Что-то было отнято. Она чувствовала себя ограбленной, словно кто-то вломился в ее жизнь и украл ее драгоценности. Это не потеря. Это кража. И она знала, что никогда не получит это обратно.

Нико сполз с кровати и подошел к камину. Он бросил полено в угасающее пламя и оживил огонь. Он действовал быстро, не теряя ни времени, ни сил. Он сказал ей, что, когда был ребенком, то работал на виноградниках. Днём в школе. Вечером на работе. Ночью сон. Результат такой жизни - смысленность, сила и чистая совесть.

Он вернулся в постель и лег рядом с ней. Обняв ее, он притянул Нору к себе, прижимая спиной к своей груди и натянув покрывало на них обоих.

- Что случилось после смерти твоего отца? - спросил Нико, вероятно, ощутив, что она не может и не станет говорить об их будущем.

- Как я и сказала, я поступила в Нью-Йоркский университет. У меня было будущее и деньги, чтобы заплатить за него. А потом наступил тот момент, которого я так ждала.

- Какой?

- Мне исполнилось восемнадцать. Я наконец-то получила водительские права. И Сорен с Кингсли начали меня тренировать. Кингсли отвел в первый для меня БДСМ-клуб - маленький, им управлял его друг. Это не было похоже на возвращение домой. Это было намного лучше, как будто ты приезжаешь в новый город и чувствуешь «да, я могу прожить здесь до конца своих дней» и мысленно пакуешь чемоданы.

- Знаю это ощущение, - сказал он, и она заметила, как что-то блеснуло в его глазах. Собирал ли он для нее чемоданы, чтобы она осталась с ним?

- Хорошее ощущение, - подтвердила она, пытаясь не попасть под чары Нико. - Я так стремилась присоединиться к этому миру. Но вот она я, все еще девственница.

- Расскажи. Я хочу знать, какой ты была, когда была девственным подростком.

- Я была подростком, но никогда не была девственницей. Даже когда я была девственницей.

- Когда ты лишилась девственности?

- Мне было двадцать. Почти двадцать. А тебе?

- Пятнадцать. Ей было тридцать шесть.

Нора поджала губы.

- Звучит знакомо.

- Трудно поверить, что кто-то с твоей пылкостью, мог ждать так долго. Ожидание того стоило?

- Да, - ответила она, погружаясь в далекое прошлое. - Но он был прав, заставив меня ждать так долго, несмотря на то, что я хотела его как можно раньше. Теперь я это понимаю.

- Что ты поняла?

- Я была готова к сексу задолго до моего первого раза. Но я не была готова к нему, к тому, что он хотел от меня.

- И что это было?

- Все. Мне пришлось многому научиться, прежде чем мы стали любовниками. И у Сорена были интересные методы обучения.

Нико изогнул бровь, довольно высоко. Она пожалела, что под рукой нет линейки. Интересно, кто выгибает бровь лучше - Кингсли или Нико?

- Дело в том, что мой первый обучающий ужин с Сореном был той же ночью, когда я получила свой ошейник.

- Что произошло?

- Ну, мы были у Кингсли.

- Хорошее начало.

- Подали ужин.

- Продолжай.

- А я была, в чем мать родила.

Глава 26

Элеонор

Свидание.

Настоящее свидание.

Нормальное свидание.

Ужин. Наряд. Секс. Наконец, в восемнадцать лет Элеонор собиралась на первое настоящее свидание в своей жизни.

Со своим священником.

Ладно, может, это свидание и не было обычным. Но у нее было новое платье - белое короткое с большим количеством ремешков, и особняк Кингсли будет предоставлен только им, поскольку короля на этой неделе не было в резиденции. Очень похоже на настоящее свидание. Сорен даже пообещал, что сегодня не наденет свою колоратку, которую она так любила на нем. После того, как он дал обещание, Сорен сказал кое-что загадочное, из-за чего эти слова несколько дней крутились в ее голове. *Только один из нас будет в ошейнике. И это буду не я, обещаю.*

Столовая Кингсли была освещена десятками свечей и мерцающим светом от камина. Сорен был там. Еда была там. Но все, что она могла видеть, это белую коробку, которая стояла рядом с ее тарелкой.

Пока она смотрела на коробку, Сорен подошел к ней сзади, поцеловал ее спину и шею и опустил застежку на платье.

- Ого, что происходит? Мы не будем ужинать?

- Будем.

- И вы снимаете мое платье, потому что...?

- Я хочу видеть тебя обнаженной, - произнес он, словно этот ответ был наиболее очевидным во всем мире, таким очевидным, что ей даже не следовало задавать вопрос.

- Это обнаженный ужин?

- Для тебя, Малышка. Я останусь в одежде.

Сорен начал стягивать бретельки ее платья, и Элеонор замерла. Он остановился.

- Что-то не так?

- Нет. Ничего. Кроме того, что вы заставляете меня ужинать абсолютно голой.

- Это доставляет тебе неудобство?

- Невероятно неудобно.

- Понятно, - сказал он и продолжил опускать бретельки ее платья.

- Но мы все равно это сделаем?

- Элеонор, - начал Сорен, повернув ее к себе лицом. - Сегодня для нас особенная ночь. Ты уже достаточно взрослая, чтобы начать обучение тому, чего я ожидаю от тебя, если мы собираемся быть вместе. Так все и будет, если ты будешь принадлежать мне. Я буду владеть тобой. Это не метафора или романтическая гипербола. Это констатация факта. Я могу снять с тебя одежду в любое время и где захочу. Обнажение должно сопровождаться минимальными объяснениями или предупреждениями, как и снятие моей колоратки. Я делаю это, когда мне хочется и ни по какой другой причине.

- Да, сэр. - Она нервно сжала ладони в кулаки, стоя в центре столовой, освещенной свечами, и позволяя Сорену раздевать ее. Она чувствовала себя нелепо, стоя обнаженной с собранными в замысловатую прическу волосами и в туфлях на высоком каблуке. Сорен не прикасался к ней, только стянул трусики по ее ногам. Он положил платье и нижнее белье на спинку оттоманки, которая стояла рядом с камином.

Он отодвинул для нее стул, и она села, вздрогнув, когда ее обнаженная кожа соприкоснулась с холодным деревом.

Сорен взял белую коробку и вложил ей в руки.

- Что это? - спросила она, рассматривая элегантную черно-белую обертку.

- Открой.

Элеонор осторожно развязала черную ленту и разорвала белую бумагу. Она подняла крышку и уставилась на предмет в коробке. Значит, Кингсли не шутил, не преувеличивал, не пытался разозлить ее в прошлом году, во время их первой совместной поездки в «Роллс-Ройсе».

- Нравится? - спросил Сорен.

Элеонор ответила одним словом:

- Гав.

Сорен усмехнулся, взял белый кожаный ошейник и расстегнул его.

- Собачий ошейник?

- Ошейник рабыни. Ты принадлежишь мне всегда, где бы мы ни были и что бы ни делали. Но когда я надену на тебя ошейник, ты должна понимать, что полностью отдаешь мне свое послушание и безраздельное внимание. Пока ты в ошейнике, ты будешь обращаться ко мне «сэр», и никак иначе.

- Он белый. - Она посмотрела на него.

- Интересно почему.

- Понимаете, носить собачий ошейник... ошейник рабыни, - исправилась она, - немного унизительно.

- И именно поэтому я хочу, чтобы ты его носила.

Она рассматривала ошейник в руках.

- А ваш ошейник унизителен, сэр?

- Да, - односложно ответил он. Не такого ответа она ожидала, но поняла его. Он обернул ошейник вокруг ее шеи и застегнул его маленьким серебряным замочком.

- Не переживай, у меня есть ключ, - заверил он. - Единственный ключ.

- Хорошо.

- Слишком туго?

Она с легкостью сглотнула, с легкостью дышала.

- Нет.

Сорен сел на стул рядом с ней.

- Малышка, ты улыбаешься.

- Я абсолютно голая и на мне собачий ошейник, сэр. Тут нужно или плакать, или смеяться.

- Оба варианта приемлемы. Что ты чувствуешь?

- Я не знаю. - Она посмотрела на него. Да, она улыбалась, но сквозь слезы. - Не могу сказать, счастлива я или несчастна.

- Подходящая реакция, - одобрил он и легонько прикоснулся к ее подбородку.

Вернувшись к еде, она потянулась за вилок, но Сорен щелкнул пальцами. Она остановилась и медленно опустила руки на колени.

- Ты делаешь все только по моему разрешению.

- Да, сэр.

Он взял клубнику, красную и влажную, и поднес к ее губам.

- Ешь, - приказал он.

Она открыла рот и позволила ему положить клубнику на язык. Ее щеки сводило от сладости ягоды. Она проглотила ее, потому что знала, он хотел этого.

- Тебе удобно? - поинтересовался он, поднося ей ложку какого-то чудесного супа в тарелке. Она наслаждалась бы им, даже если бы на ее языке был пепел.

- Неудобно. Странно. Я чувствую себя странно.

- Тебе придется уточнить.

- Я чувствую... - Элеонор замолчала и посмотрела на свое обнаженное тело. Она крепко сжала ноги, втянула живот. Она расположила руки так, чтобы хоть как-нибудь прикрыть грудь. - Очень хорошо ощущаю свое тело.

- Оно выставлено на показ?

- Именно.

- Я уже видел тебя обнаженной, - напомнил он ей.

- То было совсем другое. Мы были в постели в темноте и кое-чем занимались.

- Кое-чем? Ты можешь лучше. Чем мы занимались?

- Мы, - выдохнула она, ощутив странную тяжесть на языке. - Мы целовались и трогали друг друга, и вы использовали пальцы, чтобы довести меня до оргазма дважды, и это было потрясающе.

- Где я трогал тебя? - Сорен поднес ей еще одну ложку супа. Она не могла поверить, что он ее кормил.

Ступни Элеонор онемели, руки дрожали.

- Вы действительно пытаетесь меня смутить... сэр? - Она добавила добавила «сэр» в конце.

- Да. Но еще тебе нужно без стеснения говорить обо всем со мной. Если ты считаешь себя достаточно взрослой для свершения поступков, ты должна быть достаточно взрослой, чтобы говорить о них. Так что ответь, где я тебя трогал?

Она закрыла глаза, вспоминая ту ночь с ним в его детской спальне. Но еще, чтобы не смотреть на него, пока она отвечала на унижительные вопросы.

- Вы целовали меня в губы, шею и плечи. Вы целовали мою грудь и соски. Эм...

- Должен сказать, меня забавляет то, как девушка с таким откровенным пошлым сознанием изо всех сил пытается произнести слово «грудь».

- Вы смеетесь надо мной.

- Да. Ты покраснела, и ты прекрасна, и я целиком и полностью наслаждаюсь шоу. Продолжай.

- Могу ли я использовать нецензурные слова, сэр?

- Не сегодня. Ты должна быть точной и по-медицински конкретной. Ты назвала Кингсли в лицо членососом той ночью, когда он обыграл тебя в блэкджек. Но сегодня мне интересно, можешь ли ты произнести «пенис» и не грохнуться в обморок.

- В следующий раз, когда буду играть с Кингсли в блэкджек, назову его пенисом. Вот. Довольны, сэр?

- Конечно, доволен. Ты здесь, обнажена и подчиняешься каждому моему приказу, несмотря на то, что нервничаешь и сгораешь от стыда. Наблюдать за тем, как тебе неуютно, опьяняет.

- Вы получаете удовольствие от того, что заставляете меня чувствовать себя жалкой, сэр?

- Да.

- Ненавижу это ощущение.

- Какое?

- Неловкости. Страх. Нет, не их...

- Уязвимости.

- Ненавижу, - повторила она.

- Я заметил. Ты редко чувствуешь себя уязвимой. Твоя дерзость и смелость, твоя откровенная честность держит людей в страхе. Но сейчас ты здесь, обнаженная и беззащитная. Тебе очень идет. Так что, пожалуйста, продолжай. Где еще я трогал тебя? И открой глаза.

Элеонор неохотно подчинилась. Она потратила две секунды на то, чтобы мысленно утопить Сорена в тарелке с супом, прежде чем ответить:

- Вы трогали мои плечи, грудь, спину, задницу, то есть попу, ягодицы, или как ее называют правильно. Мои бедра и ноги. И вы ввели в меня палец.

Сорен кашлянул.

- Вы трогали мой клитор и ввели в вагину палец, - исправилась она, четко произнося каждое слово, и от нервов под ее руками проступил пот. - И мне это очень понравилось.

- Мне тоже. Где ты меня целовала?

Элеонор зарычала и опустила голову на стол.

- Элеонор, тебе восемнадцать. Если хочешь, чтобы с тобой обращались как со взрослой, ты должна вести себя как взрослая. Сядь ровно и ответь на вопрос.

Она выпрямилась и вытянула спину, как железный прут.

- Я целовала вас в рот, шею, плечи и грудь. Думаю, на этом все.

- Верно. В будущем я предоставлю тебе больше доступа к своему телу.

- Благодарю, сэр.

- Где ты меня трогала? - Он потянулся к бокалу с водой и вытащил кубик льда.

Он прикоснулся им к основанию ее спины, и она ахнула от внезапного холода.

- Я трогала ваше лицо, вашу шею, ваши плечи и вашу грудь, спину и пенис, вот, я сказала это. Вы закончили с моими пытками?

- Нет.

- Мечтать не вредно.

Он скользил вдоль ее спины кубиком льда от плеч до поясницы. Элеонор ухватила за подлокотники стула и пыталась не ерзать.

- Сегодня я хочу поговорить с тобой о боли, - сообщил он, кубик продолжал таять на ее коже. - Тебе больно?

- Немного. Мышцы сводит.

- Таким способом твое тело пытается защититься от холода. Я делаю это голыми руками. Лед и мне причиняет боль.

- Кингсли говорил, что доминанты и садисты используют флоггеры, трости и прочее, чтобы не навредить себе, пока причиняют боль другим.

- Это одна составляющая. Есть и другая. - Он убрал кубик льда с ее кожи и положил остатки ей в рот. Она проглотила его.

- Какая другая, сэр?

Он скормил ей еще ложку супа. Казалось, ему самому есть не хотелось.

- Люди инстинктивно доверяют авторитетным личностям. Это практически клише. Женщин привлекают мужчины в униформе. Мальчики вырастают и женятся на женщинах, напоминающих их матерей. Мы фантазируем о наших учителях, наших докторам...

- наших священниках? - Она улыбнулась ему.

- Даже священниках. - Он достал еще один кубик льда из стакана. На этот раз он провел им по ее шее и груди. По всему ее телу побежали мурашки

- Ты видишь во мне авторитет?

- Да, сэр. Очевидно.

- Какой?

Она прикусила нижнюю губу из-за обычного волнения. Сорен провел большим пальцем по ее губам, напоминая, чтобы она так не делала. Глупая девочка. Она никогда не забудет этот разговор.

- Мне не будет неловко, если ты скажешь, что видишь во мне отца. Ко мне обращаются «отец» каждый день люди вдвое старше меня.

- Люди скажут, что это странно любить того, кто тебе как отец.

- Почему нас должно заботить то, что думают люди?

Хороший вопрос. И у нее был еще лучше ответ.

- Не должно.

- Тебе нравится подчиняться моему авторитету?

- Да. Прямо сейчас это унижительно. Но я доверяю вам. Я знаю, вы не собираетесь изнасиловать меня или убивать. Просто унижать, заставляя есть ужин обнаженной и принуждая говорить о вашем пенисе. Сэр.

- И это только начало, Малышка. Будут и другие, еще большие унижения. Мы даже не приблизились к тому, чтобы играть с настоящей болью.

- С вами я хочу делать все, все, что вы хотите, сэр.

Сорен наклонился и поцеловал ее. Она любила эти ночи, когда они были вместе у Кингсли, и они могли быть вместе без страха и без осуждения со стороны внешнего мира.

- Иди, встань у камина, - приказал Сорен. - Согрейся.

- Я в порядке, честно.

- Я отдал тебе приказ.

Элеонор встала и, ощущая себя нелепо на шпильках и в ошейнике, подошла к камину. Сорен взял бокал с вином и принес ей.

- Лучше?

- Да, - призналась она без стыда. - Думала, кубик льда убьет меня в ту же секунду, сэр.

- Какие ощущения у тебя вызывает огонь?

- Тепло. Благодарность. Облегчение.

- Облегчение? Благодарность? Если бы тебе не было так холодно в начале, какие бы ощущения у тебя вызвал огонь?

- Жаркие, думаю.

- Значит, была бы только физическая реакция, а не эмоциональная?

- Именно.

- Если бы тебе было больно, и внезапно боль прекратилась, и ты испытала удовольствие, что бы ты почувствовала?

- Удовольствие, конечно же. И облегчение. И благодарность. Счастье.

- Значит, опять эмоциональную реакцию вместо простого физического ответа?

- Ага. Так работает С\М?

- Именно так. Вместо простых удовольствий ванильного секса С\М добавляет эмоциональные и физиологические компоненты. Страх. Унижение. Доверие. Вожделение. Желание. Облегчение. Благодарность. И еще юные девушки, как ты, которые боятся собственного отца и не уважают или любят его, могут исследовать эти чувства с образом отца, которому она доверяет и любит, и испытывает естественный страх.

- Похоже на хороший сеанс психотерапии. С оргазмами.

- Я даже не выставлю тебе счет за час. - Он опустил голову и снова поцеловал ее. Она услышала звон, когда он поставил бокал на каминную полку и обнял ее обеими руками.

Он провел ладонями по ее обнаженной спине и сжал ягодицы.

Взяв за руку, он отвел ее к дивану. Он сел первым и указал на пол. Она опустилась на колени и положила голову ему на бедро. Он ласкал ее плечи кончиками пальцев.

- Теперь, когда я в ошейнике, можем мы... понимаете? - Она взмахнула рукой.

- Элеонор, используй слова.

- Потрахать.

- Нет, - ответил он. - Пока нет. Я знаю, ты не этого ответа ждала, но у меня есть причины для ожидания. Секс был создан Богом, и он сделал его приятным. Но еще Он сделал его сложным. Элеонор, за всю свою жизнь у меня было соитие только с двумя людьми. Двумя. И я буду до конца жизни чувствовать с ними связь. Я не установлю эту связь с тобой, пока не буду уверен, что ты готова к ней.

- Вы считаете, что можете заниматься сексом только с тем, кого любите?

- Сложной вопрос. Секс между женщиной и мужчиной особенно сложный. Всегда есть риск зачатия. Я никогда никому не говорил, с кем он должен или не должен иметь интимные отношения. Со своей стороны, я предпочитаю не делать

этого, кроме как с кем-то, с кем, по моему представлению, у меня будет связь на всю оставшуюся жизнь.

- Я хочу этого с вами, навсегда, - ответила она.

- Мне не нужно заниматься с тобой любовью, чтобы быть связанным с тобой навсегда. Я ощутил эту связь в первый день нашего знакомства.

Она поднялась с пола, и Сорен обнял ее. Она села на его колени, ее голова покоилась на его груди, его руки обнимали ее.

- Я буду вас ждать, - заверила она. - Всегда. Я хочу, чтобы вы были горды тем, что обладаете мной, сэр.

Сорен приподнял ее подбородок и поцеловал ее.

- Я уже горжусь тем, что обладаю тобой, Малышка. И это доказательство. - Он прикоснулся к ошейнику на ее шее.

- Почему я ношу его? Не похоже на вас.

- Это символ, - объяснил он. - Символ, который другие в нашем мире поймут. Ты принадлежишь только мне. Это визуальное напоминание об этом.

- Мне нравится принадлежать вам.

- И ошейник заявляет об этом официально. - Он поцеловал ее нежную кожу под ошейником. - И мы должны это отпраздновать.

- Отпраздновать? Как?

- Вот так... - Сорен поцеловал ее и пока целовал, толкнул ее на спину, его рука легонько сжимала ее горло, его губы поглощали ее. Одним поцелуем Сорен мог оживить ее тело жаждой. Он целовал ее властно, одержимо, словно ставил клеймо на каждом участке ее тела, к которому прикасались его губы.

Он отстранился и раскрыл ее бедра. Он взял ее ладонь и положил между ее бедер. В его взгляде читалось ожидание.

- Сэр, вы собираетесь сидеть и смотреть?

- Я могу прикоснуться. Если будешь хорошо себя вести.

- Один вопрос - я буду делать это, пока вы смотрите, потому что это заводит вас, или потому что это унижительно?

- Для меня эти понятия едины.

Она глубоко вдохнула и развела бедра еще шире. Если она должна устроить шоу, надо сделать его отличным. И она знала, Сорен хотел ее, так почему бы не сделать его ожидание таким же болезненным, как и ее?

Обеими руками между ног она раскрыла свое лоно и проникла в себя одним пальцем. По какой-то причине все это действие у Сорена на глазах смущало ее меньше, чем поглощение ужина за столом. Делать что-то сексуальное, будучи обнаженной, было логично. Но быть голой и ужинать ощущалось неловко и смущающе. Быть голой и трогать себя? Не проблема.

- Позерка, - заявил Сорен, пока она ласкала свои влажные лепестки.

Она провела пальцем к клитору и начала массировать его. Закрыв глаза, она погрузилась в фантазию, где ей и Сорену понадобился бы телескоп, чтобы увидеть черту, которую они пересекли. Он предупреждал ее, что должен причинить боль, чтобы достаточно возбудиться, чтобы трахнуть ее. Ладно. Хорошо. Она ждала дня, когда он выпорет ее флоггером и тростью и будет обращаться с ней, как с сексуальной собственностью, словно с телом, используемым Сореном и для Сорена. Она напомнила себе, что, если только у нее будет оргазм, она делала это для него, для его удовольствия. Эта мысль уменьшала стыд подчинения его приказам. У нее не было выбора.

Сорен проник в нее пальцем и нашел то мягкое место в дюйме от входа, от чего ее живот напрягся, а спина расплавилась на диване. Он выписывал маленькие круги внутри нее, заставляя ее стонать и рычать.

Элеонор продолжала тереть клитор, а Сорен добавил второй палец. Она начала задыхаться, он медленно погружал и доставал пальцы, царапая кончиками пальцев по передней стеночке влагалища. Она чувствовала все, пока он двигался внутри нее. Ее пальцы на ногах поджались, бедра задрожали. Ее бедра напряглись и спина выгнулась. В животе затрепетало, клитор пульсировал. Грудь налилась, соски превратились в твердые пики.

- Можешь кончить, когда захочешь.

- Я не хочу кончать, сэр.

- Почему?

- Чтобы вы продолжали прикасаться ко мне.

Сорен мягко усмехнулся.

- Выбери цифру от одного до пяти.

- Что я выбираю?

- Не могу сказать. Нет, могу, но не буду.

- Тогда как мне узнать, что я выбираю?

- Никак.

- Тогда пять.

- Я должен был догадаться. Кончи для меня, Малышка.

Она глубоко вдохнула и сосредоточилась на собственном удовольствии, на пульсации клитора под пальцами, и удовольствие нарастало в ее животе. Ее подхватила волна наслаждения и покатила ее на полной скорости к вершине. Внутренние мышцы сокращались вокруг пальцев Сорена. Пока она восстанавливала дыхание, он вытащил пальцы и притянул ее к себе. - Это один, - сказал он.

- Один что? - Она рухнула на его грудь, сонная и уставшая.

- Ты выбрала пять. Один есть, осталось еще четыре.

Ее глаза распахнулись.

- Пять оргазмов?

Он поцеловал ее в нос и скользнул рукой по ее животу к развилке ног.

- Конечно, в следующий раз я заставлю тебя выбрать, и это может быть количество часов, в течение которых я буду тебя дразнить, прежде чем позволю тебе кончить. - Он крепко обхватил ее за шею, его голос был сильным, доминирующим и ледяным. Ей это нравилось.

- Вы садист.

- Да.

- Если я не знаю, что выбираю, то всегда буду выбирать самое большое число, - ответила она между вдохами.

- И вот поэтому, Малышка, я люблю тебя.

- Я тоже вас люблю. Даже если вы будете пытаться меня, заставлять ждать и умолять вас, сэр.

- Но всегда ли будешь? - спросил он, его голос внезапно стал серьезным и мрачным.

Она прикоснулась к ошейнику вокруг ее шеи. Она почти о нем забыла. Менее чем через час он уже казался частью ее, второй кожей.

- Я буду любить вас вечно. Я буду ждать вас столько, сколько должна, сэр.

- Что, если я заставлю ждать тебя еще один год?

- Буду ждать.

- Еще два года?

- Подожду.
- Что, если ты найдешь кого-то другого?
- Не интересно, - пообещала она. - Если вы не можете заниматься сексом без боли, я тоже не хочу. И я никого не хочу, кроме вас.
- Ты уверена?
- Она положила голову ему на грудь.
- Полностью, - ответила она на полном серьезе. Кроме Сорена для нее не существовало других мужчин, ни сейчас, ни когда-либо. - Вы действительно думаете, что какой-то парень попытается украсть меня у вас?
- Нелепая идея. Если она отказала Кингсли на заднем сидении «Роллс-Ройс», кому еще удастся уговорить ее уйти от Сорена? Никому, вот кому.
- Элеонор, - обратился Сорен, целуя ее в лоб. - Я более чем уверен в этом.

Глава 27

Элеонор

- Скрещенье тропинок в осеннем лесу,
Когда б раздвоился, я...
- Пошел по заброшенной. Может быть, зря...
- Но это все прочее определило.
- Доктор Эдвардс с печальным вздохом закрыла книгу, а Элеонор поборолла желание удариться головой о стену. Второкурсники факультета английской литературы, а они читают то же самое стихотворение, что и в школе? Разве нет миллиарда других стихотворений для анализа, кроме «Неизбранной дороги», которое все помнили со школы?
- Первые мысли о стихотворении? - спросила доктор Эдвардс.
- Девушка в первом ряду подняла руку, Рейчел Как-там-ее.
- Мне нравится это стихотворение, - ответила она. - Оно о том, как выбрать путь, который другие люди не выбрали бы. Быть лидером, а не последователем.
- Элеонор ощутила, как упал ее IQ.
- Очень хорошо. Кто-нибудь еще?
- Первокурсник поднял руку и как попугай повторил ту же мысль. Парень ходит по лесу. Видит два пути. Он выбирает тот, который выбрали бы немногие, и это делает его героем, бла-бла-бла. Элеонор мысленно взяла бейсбольную биту и ударила ею по затылку первокурсника.
- Замечательные мысли. Другие впечатления?
- М-да, - подала голос Элеонор. - Вы все просто идиоты.
- В аудитории воцарилась тишина. Темные глаза доктора Эдвардс округлились. Она вздернула подбородок и смерила Элеонор взглядом.
- У вас должен быть очень хороший аргумент, чтобы поддержать такое заявление.
- У меня отличный аргумент. Прочтите стих.
- Я прочитала стих, и я согласна с ними.
- Тогда у человечества нет шансов. - Элеонор откинулась на спинку стула и тяжело выдохнула. В девятнадцать она поняла, если она не находится в одной комнате с Сореном, Кингсли и Сэм, значит, можно считать, что ее окружают идиоты.
- Элли, будьте добры поведать нам свою интерпретацию стихотворения?

- Конечно. Почему нет? - Она подняла книгу и указала на строчку. - Кто-нибудь читал в этом стихотворении что-то, кроме последней строфы? Девятую и десятую строки: «Хотя для того, кто проходит по ней, отличия вряд ли уже различимы». Кто-нибудь еще, кроме меня, видел эту часть? Одна не была нехоженной. Обе дороги выбирали.

- Тогда почему повествователь в последней строфе называет одну менее пройденной? - спросила доктор Эдвардс. - Это ты можешь объяснить?

- Я могу, - мужской голос донесся с другого конца аудитории. Элеонор повернула голову и посмотрела на парня, который сидел в дальнем углу. Она видела его раньше, но никогда не обращала на него внимания. У него были черные волосы с ярко-красными прядями, кольцо в брови, черный лак на ногтях и татуировки на руках.

- Ты можешь, Вайет? - поинтересовалась доктор Эдвардс. - Тогда поделись с нами. Приятно слышать твою речь.

- Я поддерживаю Элли. Не могу держать язык за зубами, когда вокруг столько тупости.

Вайет. Так вот как его зовут. Ему подходит. Странное имя. Станный парень.

- Что, по твоему мнению, тут тупого? - Голос доктора Эдвардс казался менее раздраженным с Вайетом, чем с ней. Доктор Эдвардс всегда уделяла парням больше внимания, чем девушкам. Но в данном случае Элеонор не могла ее винить. Теперь, когда она смотрела на Вайета, то впервые заметила, насколько он привлекателен. Пирсинг, татуировки, торчащие волосы, как у панка, и он читал поэзию и называл людей тупыми прямо в лицо? Ее типаж.

- Все очевидно. Стих состоит из двух частей. Первые четыре строфы о реальном событии. В пятой строфе автор говорит нам, как он будет рассказывать нам событие в будущем. И он ненадежный рассказчик. Как говорит Элли, в девятой и десятой строках он говорит, что дороги одинаковые. Но в последней строфе он говорит, что в будущем, когда рассказывает об этом моменте, он солжет и скажет, что одна из них менее проторенная, чем другая. Будучи молодым человеком, он сделал абсолютно произвольный выбор - левая или правая дорога - и в будущем он будет утверждать, что выбор был не случайным. Он придаст ему значение, которого не было в тот момент. Он не герой. Он старик, который врет молодому поколению.

- Нет нехоженной дороги, - подхватила Элли. - Это выдумка, чтобы объяснить, почему мы идем направо, а не налево. Мы должны верить, что выбор, который мы сделали, был не зря, если хотим, чтобы наша жизнь имела смысл. Этот стих не вдохновляющий. Он жуткий и подавляющий.

- Верно, - добавил Вайет. - Поэтому-то он мне и нравится.

Элеонор обернулась и улыбнулась ему, произнося губами: «Спасибо». Он небрежно пожал плечами.

Когда лекция, наконец, закончилась, Элеонор подняла рюкзак с пола и запихнула в него книгу. Она заметила, как перед ней остановились чьи-то ноги. Перед ее лицом появилась записка с ее именем. Она подняла голову и увидела Вайета.

- Эта записка очень важная, - заявил он. - Меняющая жизнь. Прочти на свой страх и риск.

- Вайет, ты странный. Ты знаешь об этом, верно?

- Элли, должно быть, ты флиртуешь со мной? Мы впервые разговариваем, и я очень стеснительный, и девушки меня пугают. Скорее всего, я до сих пор девственник.

Она вопросительно изогнула бровь. Она тренировалась перед зеркалом.

- Скорее всего? Ты не знаешь, девственник ты или нет?

- Я не спрашивал себя. Это очень личный вопрос, и я не знаю себя достаточно хорошо, чтобы затронуть эту тему.

- Я открою записку сейчас.
- Хотел бы я, чтобы ты передумала, - заметил Вайет.
- Мне могут понадобиться доказательства в уголовном деле против тебя.
- Принимается. Открывай.

Она развернула листок.

- Вайет, тут акула. Это рисунок акулы. - Она протянула записку.

- Что? Тебе не нравятся акулы? Какой человек не любит акул?

- Я не сказала, что они мне не нравятся. Только говорю, что не понимаю, почему ты дал мне рисунок акулы.

- Меня попросила акула.

- Почему акула попросила тебя дать мне рисунок?

- Потому что она считает тебя красивой, яркой, и она хочет номер твоего телефона

Элеонор уставилась на акулу. Она была изображена так, будто ее рисовала она сама. Она надеялась, что у Вайета не художественный профиль. Тем не менее, акула была милой с впечатляюще большими плавниками. Он даже пририсовал акуле красный ирокез.

Она сложила листок и протянула его Вайету.

- Пожалуйста, передай акуле, что мне жаль. Я занята. - Ее поразило то, как тяжело ей был заставить себя произнести эти слова.

На долю секунды глаза Вайета помутнели, и она заметила боль и разочарование под очаровательной маской мужского высокомерия.

- Может, ты и акула могут стать друзьями?

- Я никогда раньше не дружила с акулой. А она меня укусит?

- Если ты очень вежливо попросишь.

- Тогда попробую. Акулий обед?

- Акулий обед.

Они говорили всю дорогу до кафетерия в Вайнштейне о том, что не могли поверить, что у доктора Эдвардс был такой узкий взгляд на «Неизбранной дороги» Роберта Фроста.

- Вот что я думаю, - сказал Вайет, после того как доел ланч, состоящий из чизбургера и картошки фри - единственной безопасной еды в кафетерии. - Думаю, если ты знаешь о предмете больше, чем твой профессор, значит, ты можешь забрать у них их докторскую степень. Образование должно быть, как бокс в тяжелом весе, только вместо поясов - докторские степени.

- Так кто из нас заберет степень доктора Эдвардс? Думаю, доктор Шрайбер хорошо звучит.

- Верно. Можешь оставить себе, потому что ты заговорила первой.

- Да, но твои аргументы были более убедительными.

- Ты можешь оставить докторскую себе, если поиграешь со мной в доктора, Доктор Шрайбер.

- Акула забыла передать тебе, что я занята?

- Она сказала мне, но у нее было мало деталей, так что я не уверен, что ее можно считать надежным источником. Парень?

- Вроде как.

- Он учится здесь?

- Нет. Сейчас он в Европе защищает диссертацию.

- Мужчина постарше? Теперь все ясно.

- Ясно?

- Теперь даже акула не может соревноваться с мужчиной постарше за девушку из колледжа. Это как заявиться на бомбардировщике на драку на ножах.

- И становится еще хуже.

Вайет театрально поморщился.

- Насколько хуже? Он богат?

- Он просто великолепен. Неприлично великолепен. Но не богат. Больше нет. Пошел по кривой дорожке, работает, а не живет на деньги отца.

- Бедный по собственному выбору. Боже, ненавижу этого парня. Расскажи еще.

- Ты мазохист?

Он указал на кольцо в брови и татуировки на руках.

- Приму это как да, - ответила Элеонор. - О чем твои татуировки?

- Это на немецком. На правой руке говорится...

Прежде чем он успел закончить, она схватила его за руки и потянула через стол.

- Es war einmal, - прочитала она. - Жили-были...

Он протянул ей левую руку, и она прочитала вслух, - Und wenn sie nicht gestorben sind, dann leben sie noch heute. И жили они долго и счастливо.

- Ты знаешь немецкий? - удивился Вайет, не торопясь убирать руки.

- Бабушка и дедушка немцы. У тебя на руках начало и концовка немецких сказок.

- Так вот оно что? Я зашел в салон и сказал им набить что-нибудь из специального предложения дня. Странно, что в тату-салонах есть такое, верно? Мне показалось это странным. У тебя есть татуировки?

- Пока нет. Я хочу Бармаглота на спине.

- Бармаглота? Лучше, чем проклятая бабочка. Почему его?

- Бармаглот мое... - Она остановилась, прежде чем произнесла «стоп-слово». Когда ей исполнилось восемнадцать, Сорен приказал ей выбрать его. Но об этом она не хотела говорить. - Мой духовный наставник. Понимаешь, тотем или вроде того. Значит, ты любишь сказки?

- Сказки братьев Гримм, настоящие. А не Диснеевские. Реальные истории.

- Настоящие сказки невероятно жестокие, - напомнила ему Элеонор. Она не только знала сказки Гримм, но и читала их на языке оригинала. - В оригинальной «Золушке» злые сводные сестры отрезали себе пальцы на ногах и пятки, чтобы влезть в хрустальную туфельку.

- Знаю. Это не совсем версия Гримм, но в настоящей оригинальной французской «Спящей Красавице», спящую принцессу не поцеловал принц...

- Ее изнасиловали. Небольшая цена.

Вайет уставился на нее.

- Изнасилование - малая цена? Ты только что сказала это вслух в университете? - Он испуганно осмотрелся, словно высматривал шпионов и/или преподавателей.

- В «Спящей Красавице» такая же тема, как и в мифе о сотворении мира, - сказала Элеонор. - Адам и Ева в Эдеме такие юные и невинные. Если они вкусят запретный плод, то получают знания о добре и зле. Но и потеряют рай. Они отказались от рая ради знаний, даже не зная, в чем оно заключается. Спящая Красавица потеряла свою невинность в обмен на пробуждение. Иначе она бы провела всю жизнь в царстве сна.

- Но она не соглашалась на изнасилование, будучи в сознании, - напомнил ей Вайет.

- Адам и Ева не знали, что они получают или что потеряют, пока они оба не выиграют или проиграют. Все как в том стихотворении, что мы читали. Парень не знает, что значит дорога, которую он выбрал, пока не дойдет до ее конца. Сначала ты

выбираешь, затем узнаешь, что выбрал. Каждый выбор имеет цену. Иногда мы не знаем, какова она, пока не приходит время расплаты.

Вайет наклонился вперед и уставился на нее.

- Элли, не пойми меня неправильно, но ты должна стать писателем.

- Я и есть писатель.

Он понимающе кивнул и постучал по столу пальцами, будто что-то обдумывал.

- Вайет?

- Дай мне секунду. Я пытаюсь понять, как сбить бомбардировщик ножом.

- Даже не пытайся. Ты сам пишешь?

- Да, только никому не говорю об этом. Писательство как мастурбация. Все этим занимаются, но никто не любит признаваться в этом.

- Я признаюсь.

- В писательстве или мастурбации?

- И в том, и в другом. - Элеонор поиграла бровями и поняла, что она сейчас в режиме флирта. Ей нужно выключить его и как можно быстрее.

- Так о чем ты пишешь? - спросила она, пытаясь перейти на более безопасную тему, чем секс.

- В основном стихи о смерти и тщетности бытия, и как принимать решения, которые ничего не значат, когда ты молод, но повзрослев тебе приходится притворяться, будто они имели некий смысл.

- Вот черт. Ты Роберт Фрост, верно?

- Шшш... - Вайет шикнул, будто она поведала государственную тайну. - Говори тише, пожалуйста. Не хочу, чтобы меня преследовали поэтические фанатки, которых никогда не существовало.

- Ты смешон.

- А ты красивая и говоришь на немецком, и ты пишешь, и я хочу переехать в твою комнату в общежитии и спать в корзине для грязного белья.

Элеонор уставилась на него.

- Последняя часть о корзине с грязным бельем была чересчур? - спросил он.

- Только потому, что у меня нет корзины.

- Одно свидание. Все, о чем я прошу. Твой бомбардировщик в Европе. Он не узнает. Он слишком занят, раздражая меня своим существованием и интеллектом. Мы поужинаем, поговорим. Я покажу тебе свои стихи. Потом позвонишь на горячую линию с просьбой предотвратить самоубийство. Будет здорово.

- Ты серьезно настроен, не так ли?

- Я сказал доктору Эдвардс, что она идиотка. Я хочу заняться любовью с твоими мозгами. В стили Марвина Гейя.

- Просто ужин?

- Просто ужин.

- И ты не будешь ничего делать?

- Я буду делать все.

- И ты не примешь отказ в качестве ответа?

- Да. То есть, нет. То есть да, я приму отказ. погоди. А какой был вопрос?

- Если ты попросишь заняться с тобой сексом, я отвечу нет, - ответила Элеонор и бросила на него убийственный взгляд.

- Если ты попросишь заняться с тобой сексом, я отвечу «да».

- Вайет, я серьезно. Никакого секса.

- Согласен, секс вычеркиваем из меню.

- Значит, у нас не будет секса, - подтвердила она.

- Нет, не будет. Только не на столе. Это отвратительно, Элли. Люди тут будут есть.

Элеонор вздохнула. Она уже пожалела, что согласилась на это свидание.

- Мой бомбардировщик-невидимка возвращается через неделю.

- Тогда ты в безопасности от акулы в моих штанах.

- А у твоей акулы в штанах тоже красный ирокез? – спросила она, собирая вещи, и встала.

Вайет откинулся назад на стуле и завел руки за голову.

- Что тут скажешь, красавица? Какие сверху, такие и снизу.

Этим вечером Элеонор и Вайет поужинали дешевой и вредной китайской едой в Чайнатауне, а затем отправились на прогулку по Сохо. У Элеонор было ощущение, будто Вайет предложил прогуляться потому, что начал идти февральский снег, и город выглядел невероятно романтично. Она ненавидела, лучшего слова, чем ненависть не подобрать, как весело ей было с Вайетом. Она так сильно смеялась, что разболелся живот. Вайет обожал все в ней. На ней были сапоги до колен и джинсы, и он сказал, что в них она выглядит дико. Ему нравились ее волосы, собранные в неряшливый пучок на затылке. Он сказал, что она похожа на сексуальную Вирджинию Вульф без суицидальных мыслей. Разговор оказался трудным, только когда Вайет спросил о ее прошлом и ее бомбардировщике-парне. Она предпочла бы не говорить о своем умершем отце и о проблемах с законом. И она не могла говорить о священнике, в которого была влюблена с пятнадцати лет.

- Ничего? Я ничего не узнаю о бомбардировщике? Даже имени?

- Не хочу, чтобы ты преследовал его, чтобы убить.

- Верно. Даже вижу, как делаю это. Сколько ему? Если он получает докторскую степень, ему должно быть около? Двадцать шесть? Двадцать семь?

- Ему тридцать-с-чем-то.

- Так и знал, что не просто так ненавидел этот сериал. Сейчас же звони на горячую линию. - Вайет резко прислонился к фонарному столбу и драматически уставился на лампу. - Я повешусь на этой штуке.

- Какую же ахинею ты несешь. - Она схватила его за лацканы пальто, взяла за руку и потащила вперед. - Давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Мы можем поговорить о твоих губах?

- Это всего лишь губы.

- Готов поспорить, у них вкус клубники и поэзии.

- А какой вкус у поэзии?

- Не знаю. Но с удовольствием узнал бы.

Вайет остановился под светом уличного фонаря. Снег неугомонно кружился вокруг них.

- Я подхожу прямо к границе, - сказала она. - Я умная. Я не пересекаю границы.

- Ты хочешь ее пересечь. Поддайся желанию, Элли.

Она стояла за пределами круга света. Вайет вытащил руку из кармана пальто и поманил ее пальцем.

Сорен был за океаном, а Вайет стоял здесь, перед ней, окруженный светом и снегом. У него на лице играла улыбка, а на руках были татуировки из немецких сказок. Он так любил писать, что набил слова на собственной коже. Один этот факт заслуживал поцелуя. Но только одного.

Она шагнула в круг света.

Поцелуй начался мягко и осторожно, будто он боялся испортить момент, слишком сильно напирая. Она ухватила за лацканы его кожаной куртки и притянула ближе. Поцелуй углубился, и язык Вайета проник между ее губ, а пальцы запутались в

ее волосах. Поцелуй длился долго, дольше, чем ей стоило позволять. Он длился достаточно долго, и она почти забыла, кому принадлежала, почти забыла о своем белом ошейнике с замком сзади и о мужчине, который подарил ей его. Вайет целовался не как Сорен. Вайет изучал ее поцелуем. Сорен захватывал ее.

Вокруг них падал снег, и все же она не ощущала аромата зимы.

Она отстранилась и сделала шаг назад.

Вайет глубоко вздохнул, и воздух вокруг них стал белым.

- Черт, - пробормотал он. - Я ошибался.

- О чем именно?

- Твой вкус не похож на поэзию. У поэзии твой вкус.

И тогда Элеонор поняла, что он заполучил ее.

Так все и началось. Так как она сказала Вайету, что секса не будет, он и не просил. Он ничего не делал, только целовал ее при каждом удобном случае во время их пяти дней вместе. Она убедилась, что у него их будет много. Он встречал ее после занятий, и они делали домашние задания вместе. Они вместе завтракали, обедали и ужинали. Они вместе ходили на вечеринки. Они зависали в его комнате в общегитии с парочкой его друзей и смотрели телевизор. Они так громко ругались из-за попкорна, что два друга Вайета ушли из гостиной, сказав, что не могут смотреть телевизор, когда в помещении витает такое сексуальное напряжение, что даже телек барахлит. Наедине в его комнате они провели два часа в кровати Вайета. Он лежал на ней, и ее руки были под его футболкой. Ей нравилось ощущение его кожи, такой мягкой и гладкой. У него не было подтянутых мышц, как у Сорена, и его роста. Она и Вайет подходили друг другу больше, чем она с Сореном. Он был для нее ровней, другом. Но тут он начал задирать ее рубашку, и все мысли о дружбе выпрыгнули из окна четвертого этажа и разбились насмерть.

- Вайет...

- Пожалуйста?

Одно «пожалуйста», и она проиграла битву.

- Ладно.

Вайет снял ее рубашку. Он расстегнул бюстгальтер и медленно опустил бретельки по рукам.

Он уставился на ее обнаженную грудь, а она лежала и позволяла ему смотреть. Она ждала, что он скажет что-то, хотела этого. Но он нашел своему рту лучшее применение. Он наклонился к ее правому соску и нежно всосал его. Пока он целовал соски, облизывал и дразнил их, она наблюдала за ним и все больше и больше возбуждалась. Она вцепилась в его волосы, ощутив подавляющее чувство нежности. Он казался таким юным, таким невинным. Она хотела прижимать его к груди, оберегать его, защищать его. Он должен быть обнаженным и под ней, пока она будет дразнить его тело так же, как и он ее. Но он был сверху, и она прижала бедра к его бедрам. Он толкнулся в ответ, и Элеонор ощутила, как близка к кульминации. Она задрожала в его руках, и волна удовольствия обрушилась на нее и прошла насквозь.

- Неужели это произошло? - спросил Вайет, нависая над ней.

- Что произошло? - Она решила притвориться невинной.

- Ты кончила?

- Я воспользуюсь пятой поправкой.

- Элли... - Вайет серьезно, почти умоляюще посмотрел на нее.

- Да, кончила. - Она погладила его по щеке.

- Это была самая сексуальная вещь, которая когда-либо случалась со мной. - Вайет прижался лбом к ее лбу.

Она улыбнулась и чмокнула его. - Это произошло со мной, а не с тобой.

- Это произошло между нами. С нами. Мне нравится говорить «мы». Могу я еще раз повторить?

- Вайет, он вернется через три дня. - Она боялась будущей беседы с Сореном о Вайете, но не сказать ему казалось невыносимым.

- Мне плевать на него. Меня заботят только мы. Мы даже не занимались сексом, и ты кончила подо мной. Это было так чертовски сексуально, и, думаю, я кончу, только говоря об этом.

- Ты можешь, если хочешь.

- А ты хочешь?

- Ты спрашиваешь моего разрешения?

- Ты та самая женщина. Ты устанавливаешь правила в сексе.

Она улыбнулась ему. Она устанавливала правила в сексе? Ей даже понравилось, как это звучит.

- Можешь. Я хочу.

- Да, мэм. - Он снова впился в ее губы и поцеловал с грубостью, которая потрясла ее. Она обернула ноги вокруг его спины и прижалась грудью к его груди. Он гортанно стонал, пока прижимался пахом к ее промежности. Она повернула голову, чтобы открыть доступ к шее. Вид его татуированной руки и предплечья на простыни заставил ее пересмотреть вопрос о «сексе в меню». Сейчас она хотела его, по заказу или без.

Дыхание Вайета стало поверхностным, пока он двигался. Боже, она хотела перевернуть его на спину и прижать к кровати. Ей бы понравилось удерживать эти татуированные предплечья. Она бы терлась бедрами о него, доводила до грани, а затем останавливалась... снова доводила до грани и снова останавливалась... Она бы мучила его так, пока он бы не начал умолять об оргазме. И, может быть, если бы он хорошо попросил, она бы разрешила ему.

Но вместо этого она обнимала его, пока его тело сотрясилось от оргазма. Он лежал на ней, едва двигался, только легонько целовал шею, пока восстанавливал дыхание.

- Я собираюсь влюбиться в тебя, - прошептал Вайет. - Прямо... сейчас.

Он закрыл глаза, но она ничего не ответила. А что тут скажешь?

Она выскользнула из джинсов. Он, в одних боксерах, и она в трусиках и футболке Smashing Pumpkins, они обнимались в его кровати и спали. Она знала Сорена почти четыре года и никогда не спала в его объятиях. С Вайетом же она была всего каких-то пять дней и заснула в его руках, и, проснувшись, они по-прежнему были вокруг нее. Она чувствовала себя такой любимой и желанной, и такой... нормальной, это было впервые, что ей было больно покидать его объятия и кровать. С пятнадцати лет любовь Сорена была для нее словно благословение. Тем утром в постели Вайета впервые любовь к священнику ощущалась как бремя.

В ту пятницу, как и всегда, она пошла к Кингсли. Они с Сореном заняли бы музыкальную комнату, и Сорен рассказывал бы ей о различных аспектах С\М, которые ей нужно понять. Он также заставлял ее писать для него. Он хотел знать, что она больше всего хотела, когда представляла их любовниками. Это были ее любимейшие домашние задания, которые он давал - описать откровенно сексуальные фантазии об эротическом бандаже и пытках. Она любила их пятничные учебные сессии, отсчитывала минуты, когда снова будет с ним. Но Сорен уже три недели был в Риме. Она пришла к Кингсли только потому, что не хотела быть наедине со своими мыслями, страхами и ужасающими чувствами к Вайету.

Вайет пригласил ее на свидание сегодня, но она солгала, когда сказала, что должна работать. В столовой Кингсли проходила какая-то вечеринка. Элеонор

избегала ее, прячась в музыкальной комнате. Она села возле рояля, надеясь почувствовать себя ближе к Сорену. Не сработало. Из рюкзака она достала последнее письмо от Сорена.

Моя Малышка,

Жаль, что ты не можешь быть здесь со мной. Сегодня я прогуливался по галерее Боргезе и пытался представить все твои неуместные комментарии о статуях в различных стадиях обнажения. Быть без тебя среди такого количества красоты сродни пытке. Я уже видел статуи раньше и восхищался ими. И мне не хватало сегодня вида того, как их рассматриваешь ты. Этот город старый и уставший, но в твоих глазах он снова станет молодым. Не знаю, сможем ли мы когда-нибудь приехать в Рим вместе, хотя я мечтаю о таком дне. Здесь у меня есть друзья. Кажется, я натываюсь на них, куда бы не пошел. Город кишит священниками. Особенно после праздничных дней.

Надеюсь, твои занятия проходят хорошо. Прости, что мне пришлось так долго отсутствовать. Я думаю о тебе каждый день и каждую ночь. Надеюсь, тебе не очень одиноко, и Кингсли хорошо ведет себя в мое отсутствие.

Сегодня прошел мимо одного граффити, знаю, ты бы посчитала его забавным - cloro al clero. Его можно увидеть возле Ватикана. Оно обозначает «отравленное духовенство», но, пожалуйста, не подпитывай им свои идеи.

Мое путешествие было успешным. Я уехал как Преподобный Маркус Стернс, ИО¹¹. И вернусь к тебе Преподобным доктором Маркусом Стернсом, ИО. Тебе запрещается называть меня преподобным, доктором или Маркусом. В церкви можешь обращаться Отец Стернс, сэр, когда в ошейнике, и Сорен, когда я внутри тебя.

Я провожу вечер с иезуитами, с которыми ходил в семинарию. И сейчас должен идти. Скоро я вернусь домой к тебе. Дом, на случай если ты спрашиваешь, не в Дании, не в Нью-Йорке, не в Уэйкфилде или каком-либо другом городе, штате или стране. Я дома, когда с тобой.

Jeg elsker dig. (Да, я знаю, как тебя заводит, когда я говорю на датском).

Письмо было подписано витиеватой перечеркнутой С, личная подпись Сорена. Она оторвалась от письма и увидела, что из дверного проема в музыкальную комнату за ней наблюдает Кингсли.

- Как его зовут, Элли? - спросил Кингсли с порога.

- Кого?

Кингсли подошел к ней и оттянул вниз воротник ее рубашки. Она поняла, что он трогает небольшую красную метку, которую Вайет оставил на ее груди после вчерашней ночи поцелуев.

- Расскажи мне все прямо сейчас.

- Кингсли, кажется у меня неприятности.

- Беременна?

- Хуже.

- Что может быть хуже беременности?

Она смахнула слезы с лица тыльной стороной ладони и сделала глубокий вдох.

- Мне кажется, я влюбилась.

---

¹¹ иезуитский орден.

Глава 28

Элеонор

Кингсли воспринял новость лучше, чем она ожидала. Он слушал, не задавая вопросов, даже после того, как она завершила рассказ.

- Кингсли, он влюблен в меня. Я никогда не думала, что кто-то кроме Сорена полюбит меня. Должно быть, он мазохист, - произнесла Элеонор с мрачной безрадостной улыбкой. - Думаю, любой, кто влюбится в меня, должен быть мазохистом.

Кингсли усмехнулся поверх бокала со скотчем.

- Ты сказала, а не я. Но сомневаюсь, что он один из них. Или вообще сабмиссив.

- Тогда почему он хочет делать все, что я ему говорю?

- Потому что он ванильный подросток, отчаянно пытающийся угодить и отчаянно пытающийся удержать тебя. Мужчины сабмиссивы подчиняются из-за желания, а не от отчаяния. И парень влюблен в девушку, которая влюблена в другого, - второе самое отчаянное создание на земле.

- А кто первый?

- Мужчина, влюбленный в мужчину, который влюблен в другую женщину.

Элеонор засмеялась. Кингсли - нет.

- Я не знала, что у меня могут быть такие чувства. Они не похожи на любовь к Сорену. У меня будто второе сердце, и я не знала о его существовании, пока не встретила Вайета. Не знаю, можно ли так с одинаковой силой заботиться о двух людях одновременно.

- Добро пожаловать в полиаморию. - Кинсли поставил свой напиток.

- Полиаморию?

- Поли - значит много. Амор - любовь. Иметь больше чем одного любовника - обычное явление в нашем мире. Я не имею в виду любовника только в сексуальном плане. Я говорю о любви к двум людям.

- Звучит как ночной кошмар.

- Разве не Оскар Уальд сказал, что в жизни есть только две настоящие трагедии — когда получаешь то, чего хочешь, и когда не получаешь? Полиамория - трагедия получения всего и сразу. Но все же лучше моногамии, oui?

- Я чувствую себя... ужасно. - Она посмотрела на рояль и закрыла лицо руками. - Но я не могу остановиться. Каждый день я говорю себе: «Ладно, сегодня я порву с Вайетом». И каждый день не делаю этого. Простой ночью мы дурачились. Мы даже спали вместе. Я никогда ни с кем не делала этого - спала в одной постели. Без секса, но я этого хотела. Я хотела привязать Вайета и заставить его умолять... - Она выдохнула через нос. - Черт, я сказала это вслух?

Кингсли только улыбнулся.

- Да.

- Прости.

- Не извиняйся. Никто в этой комнате тебя не осудит. Сегодня я трахался с двумя разными людьми. И, вероятно, потрахаюсь с третьим еще до окончания этой ночи.

- Это должно как-то облегчить мои страдания, но нет. Хотя, немного завидую. - Она попыталась улыбнуться.

- Это должно облегчить твои страдания. Он знал, что это произойдет. Я бы сказал, он хотел этого.

- Сорен хотел, чтобы я влюбилась в кого-то другого?

- Думаешь, он заставляет тебя столько ждать только для того, чтобы помучить тебя?

- Ну, да.

- Это лишь часть. - Кингсли откинулся на спинку и закинул длинные ноги в сапогах на спинку софы и скрестил их в лодыжках. - Но правда в том, что он любит тебя. И он католический священник. Он не может на тебе жениться. Не может подарить детей. Не может держать за руку, пока вы гуляете по Вашингтон Сквер Парку, и целовать под фонарем во время снегопада, на виду у всего мира. И если это то, чего ты хочешь, он хочет, чтобы у тебя это было. Секс привяжет тебя к нему. Ты проведешь ночь в его постели и никогда не захочешь ее покидать. Если собираешься выбраться, тебе нужно сделать это сейчас, пока не стало слишком поздно.

- Я хочу их обоих.

- Позволит ли le prêtre, позволит ли твой мальчик?

Она покачала головой.

- Нет. Он категорически против. В первый день он хотел знать все о Сорене. Теперь он морщится при одном упоминании о нем.

- Тогда тебе придется сделать выбор. И сделать его в ближайшее время и однозначно.

- Однозначно?

Кингсли поставил бокал на столик и ловкими пальцами быстро расстегнул белую рубашку. Он отодвинул ткань в сторону, обнажая большой шрам, который выглядел еще свежим.

- Пулевое ранение, - объяснил он. - Чуть не убила меня. Но не сам выстрел. Пуля раздробила ребро. Пришлось доставать тридцать кусочков серебра. Хочешь застрелить кого-нибудь? Будь добра сделать это четко. Вошел и вышел, напролом. Без надежды.

- Без надежды? Кинг, это жестоко.

- Ты говоришь, он начинающий писатель. Тогда сломай его. - Кингсли отпил скотча и усмехнулся. - Это пойдет на пользу его творчеству.

Он начал застегивать рубашку, но Элеонор остановила его, прижав ладонь к его груди. Она прижала ладонь к шраму. Кингсли не выглядел удивленным, когда она прикоснулась к нему. Не удивлен, но и не недоволен.

- В моей школе была монахиня, и она всегда говорила: «где нет надежды, там ад», - сказала Элеонор, скользя пальцем по линии шрама. Она не могла представить, сколько боли пережил Кингсли, как он выжил с такой раной. Но он был по-своему прекрасен, этот шрам. Она почти хотела его целовать.

Кингсли накрыл ее ладонь своей.

- Значит, твоя монахиня никогда не была влюблена в того, кого не могла получить. Если тебе дорог этот мальчик, не давай ему надежды.

Он поднял руку и провел по ее нижней губе большим пальцем.

- Я знаю тебя, Элли, - сообщил Кингсли, его голос был настолько низким, что манил ее к нему, так близко, что они могли поцеловаться, если бы один из них осмелился сделать это. - Я знаю кто ты. Тебе всегда будет мало такого мальчика. Он будет игрушкой, и ты будешь играть с ним, и тебе надоест игра с ним. Тебе нужно гораздо большее, чем может дать такой мальчик. Я знаю это, потому что я такой же.

Он посмотрел ей в глаза, а Элеонор в его. Она почти представила, как встречаются их губы... Она могла бы сорвать его рубашку, расстегнуть брюки. Он бы отлично смотрелся, лежа на спине под ней, ее руки на его запястьях, его член глубоко внутри нее, пока она бы объезжала его на этом диване.

Погодите. О чем, черт возьми, она думала?

Элеонор отстранилась и села на противоположный конец софы. Он продолжал смотреть на нее с самодовольной улыбкой на губах, будто прочитал ее мысли. Он не потрудились застегнуть рубашку.

Кингсли сделал еще один глоток скотча и протянул бокал ей. Она уставилась на темную жидкость, а затем выпила ее. Она закашляла, как только алкоголь обжег горло.

- Я облажалась, Кинг.

- Пока нет. Но еще не вечер.

- Что я должна сделать?

- А что ты хочешь сделать?

- Трахнуть их обоих. - Невесело рассмеялась она. - Я знаю, чего не хочу. Я не хочу причинить боль Вайету. И не хочу причинить боль Сорену.

- Хорошее желание, но это жизнь, реальный мир. Ты ранишь их. Они ранят тебя.

- Вайет... он мой сверстник, понимаешь? - Она смотрела на скотч на дне бокала Кингсли. - Он студент Нью-Йоркского университета. Мы можем ходить вместе, быть на людях. Мы оба писатели. Мы понятны. Сорен и я? Мы не логичны. По крайней мере, кому-то другому, кроме нас.

Кингсли скользил по влажной грани бокала пальцем.

- Элли... Я бы хотел, чтобы ты знала его, когда он был подростком.

- Каким он был?

- Старым. Он был старше, чем сейчас. Старая душа, как говорят. - Кингсли усмехнулся, будто вспомнил что-то хорошее. - Mon Dieu, ты никогда не встретишь кого-то более высокомерного, надменного, помпезного и снисходительного. Все в школе ненавидели этого блондинистого подонка. Все, кроме священников.

Элеонор разразилась смехом.

- Это я могу представить. Почему тогда он был таким придурком?

- Мы все придурки, когда подростки. Бог Свидетель, я был таким, но у него, думаю, был страх себя. Он считал, что испорчен отцом, своим прошлым. Лучше быть ненавистным, чем любимым. Любовь впускает людей. Он не хотел никого рядом. Сейчас он лучше. Будучи священником... он более открыт со своими чувствами. Находясь рядом с тобой... - Кингсли замолчал, будто следующее слово не хотело выходить. - Рядом с тобой он становится лучше. Счастливее. Менее обеспокоенным. Боже, он почти... - Кингсли покачал головой. - Почти веселый.

Кингсли произнес это слово с преувеличенным ужасом.

Элеонор усмехнулась.

- Он не был веселым подростком? - Она отдала Кингсли бокал со скотчем. Если она оставит его себе, то может выпить до дна и потом взять еще.

- В другом плане, - ответил он, и Кингсли улыбнулся своей тайной улыбкой, затем та померкла. - Нет, тогда он не был веселым. Он был холодным и закрытым, опасным, и к нему было почти не подступиться. Я едва не умер, пока добрался до него, но в итоге награда того стоила.

- Если я уйду от него... - Она повернулась к Кингсли и посмотрела в его темные глаза. - Что произойдет?

Кингсли болтал остатками скотча и льда на дне бокала.

- Ты видела его только днем, а днем мы видим только свет и тень. Но если ты уйдешь от него, наступит ночь. И тогда мы увидим кромешную тьму.

- На что похожа тьма?

- Я скажу одно - когда le prêtre в правильном настроении, он может заставить даже дьявола бояться повернуться к нему спиной.

Кингсли допил напиток. Элеонор снова закрыла лицо руками.

- Сегодня я ненавижу свою жизнь, - заявила Элеонор, когда его слова проникли через микротрещины в ее сердце и расширили их.

- Элли, однажды я стоял на том же перекрестке, что и ты сейчас. Я никогда не сожалел о том, что пошел темным путем. Отсюда лучше вид. И я много перепробовал, и мне никогда не надоедает.

- Я не хочу, чтобы Сорен оставлял пост священника, но если нас поймают, если у него будут проблемы... Хотела бы я видеть будущее.

- Какая фамилия у твоего молодого человека?

- Зачем? Ты хочешь составить на него досье? - Она знала о файлах Кингсли, которые он составлял на всех, кто его интересовал.

- Peut-être, - признался он без стыда. Возможно.

- Сатерлин. Вайет Джеймс Сатерлин. Назвать день рождения и группу крови?

Кингсли усмехнулся.

- Я сам могу это выяснить. Вайет Сатерлин... Элеонор Сатерлин... Хорошо звучит, верно?

Она тяжело выдохнула. Нелепо даже думать, что кто-то вроде нее выходит замуж, заводит детей и занимается всеми жена-и-мать делами. Она сидела в музыкальной комнате самого скандального дома в городе, говорила с самым скандальным извращенцем в городе о священнике, которого любила.

- Моя лучшая подруга по школе, точнее моя единственная подруга, Джордан, выходит замуж следующим летом. Она на втором курсе в колледже Анны Марии и уже обручена. Она хочет завести детей. На прошлой неделе она звонила мне. Я даже говорить с ней не могла. Как я могу разговаривать с кем-то вот так? Я думала... - Она остановилась и смущенно усмехнулась. - Я думала попросить тебя навестить ее. То есть соблазнить ее. Она видела тебя один раз, и это был единственный раз, когда она шутила о сексе. Она ступила на путь «дети-и-брак в восемнадцать», и я хочу ее остановить.

- Я могу ее остановить, - ответил он без намека на высокомерие в голосе. Он просто констатировал факт. - Ты бы хотела, чтобы я это сделал?

Она покачала головой.

- Муж, дети - это то, чего хочет Джордан.

- А ты?

- Я хочу большего.

- Тогда вот твой ответ, Элеонор Сатерлин.

- Еще раз так меня назовешь, и я буду шлепать тебя до наступления следующего тысячелетия.

- Теперь, ma belle Элли, ты говоришь на моем языке.

Элеонор поцеловал Кингсли в обе щеки и пожелала спокойной ночи, затем надела пальто.

Температура упала, и она решила взять такси. Пока она сканировала улицу в поисках желтой машины, она слышала, как кто-то зовет ее.

- Вайет? - Она развернулась и удивленно уставилась на Вайета. - Какого черта ты тут делаешь?

Он сжал букет цветов в руке, почти завядших от мороза.

- Ты сказала, что должна работать, - ответил он без улыбки на лице. Она не могла вспомнить его без улыбки. - Я хотел удивить тебя на работе цветами. Я не знал, в каком книжном магазине ты работаешь, поэтому пошел за тобой. Знаю, это жутко, но думал, ты простишь меня, потому что я просто хотел подарить тебе цветы.

- Ты ждал меня здесь два часа?

- Что ни сделаешь ради любви, верно? - Он поднял руки и посмеялся над собой. - Мне даже нравится этот образ таинственной девушки. Ты не говоришь о своем прошлом, о родителях. Я даже не знаю имени твоего парня, в которого ты якобы влюблена. Даже сексуально, вся эта секретность, которую ты нагоняешь. Но секреты - одно дело. Ты солгала мне.

- Я солгала, - призналась она. - Очевидно, что я не на работе. Я навещала друга.

- Чертовски богатого друга, судя по всему.

- Он тоже его друг. Я не хотела задеть твои чувства.

- Что же, они задеты. Не страшно. Потом перестанут болеть. В конце концов. Так же как и я согреюсь.

- В конце концов?

- Именно. Может, мы пойдем куда-нибудь и поговорим...

- Вайет, я больше не могу тебя видеть, - Элеонор выпалила слова быстро и резко, словно срывала пластырь.

- Я внезапно стал невидимым?

Она потеряла лоб.

- Ты должен прекратить быть таким милым и забавным, хорошо? - попросила она. - Он возвращается через три дня. Я больше так не могу, играть с тобой в эту игру.

- Это не игра. Я влюблен в тебя.

- А я влюблена в него.

- Ты не можешь. Ему за тридцать. Тебе девятнадцать. Как у тебя может быть что-то общее с кем-то таким старым? О чем вы можете говорить?

- Он блестящий и смешной, и очаровательный, и я никогда не разгадаю до конца все его тайны.

- Парни в его возрасте любят девушек помоложе. Ты для них легкая добыча. Они могут впечатлить тебя одним своим возрастом.

- Я не легкая добыча, понял? Я не какая-то там овечка, которую съел большой плохой волк. Он говорит на восемнадцати языках. Он ростом шесть футов и четыре дюйма. Он потрясающе красив, и да, я использую слово «красив». Он ездит на мотоцикле и ведет такую жизнь, которая тебе и не снилась, и он впустил меня в нее. Я видела такие вечеринки, что ты и представить не можешь. А люди? Богатые и влиятельные люди, о которых ты и не подозревал. И, Вайет, ничего из этого не имеет значения. Важно то, что он любит меня, и нет ничего, что бы он не сделал для меня. Он так сильно любит меня, что если я захочу быть с тобой больше, чем с ним, он позволит мне быть с тобой. Он любит меня и знает меня, и я более интересная, когда с ним, чем без него. Без него я всего лишь студентка Нью-Йоркского университета с факультета английского, с работой на полставки и слишком большим количеством домашних.

- И я тоже.

- Да. Именно.

Слова повисли между ними в воздухе, как ядовитое облако. Она знала, что пересекла черту, глубоко вонзила нож. Как бы она не обожала Вайета, он никогда не сможет конкурировать с таким мужчиной, как Сорен. Во-первых, Сорен был мужчиной, а Вайет - всего лишь девятнадцатилетним парнем.

- Элли, ты знаешь, что делаешь? - спросил Вайет. - Ты живешь в Стране чудес. Этот парень старше и говорит на всех этих языках, и живет этой сумасшедшей жизнью. Она отличается, она странная, это Безумное королевство на дне кроличьей норы. Там весело какое-то время, но все же тебе придется вернуться домой. Алиса, ты не можешь жить там вечно.

- Я не Алиса. - Она не знала кем была - Белым кроликом, Белой королевой или Бармаглотом, но она точно знала одно. Она не была чужой в Стране чудес. Она была там рождена.

- Ты и он - это безумие.

- Что я могу ответить? Мы все здесь сумасшедшие.

- Элли... - Вайет запустил руку в свои красные волосы. Она любила его панковские красные волосы. Как сказал Кингсли, будь жестокой. Сделай все четко. Она повесила на сердце замок и пропустила пулю через сострадание.

- Вайет, позволь задать тебе один вопрос. Ты когда-нибудь порол флоггером женщину? - Она шагнула вперед.

- Что? Флоггером? Никогда.

- Тростью?

- Нет.

- Ты знаешь, как пользоваться однохвосткой?

- Я даже не знаю, что это.

- В твоей спальне есть Андреевский крест?

- Что?

- Я не та, за кого ты меня принимаешь, - ответила она. - Ты влюблен в ту, которой не существует.

- Ты меня пугаешь, - ответил Вайет, его глаза были большими и испуганными.

- Я еще даже не начала пугать тебя.

- Элли? - Голос Вайета стал тихим и покорным. - Что он может дать тебе, чего не могу я? Серьезно. Я хочу знать ответ.

Она повернулась к нему спиной и направилась к ожидающему такси.

- Все.

В одиночестве на заднем сидении темного такси она дала слезам волю. Больше никогда. Она не позволит себе заботиться о ком-то еще, кроме Сорена до конца своей жизни. Это слишком больно. Наедине со своим разумом и в печали она пообещала себе и знала, что будет верна своему слову. Больше никаких ванильных парней. Она не могла, больше не могла пересекать границу между двумя мирами. Это слишком больно. Больно Вайету, больно ей. И Сорену тоже может быть больно, будет больно, если Сорен узнает. А он узнает. Она должна ему рассказать.

Она заплатила водителю и пробралась через густой снег к общежитию. Она достала бутылку легкого вина одной из ее соседок из холодильника и выпила его быстрее, чем стоило. Она услышала голоса в коридоре - безошибочный звук вечеринки.

Элеонор села на кровать, с другой бутылкой в руках. Что может быть более жалким, чем влюбленная девушка, сидящая в комнате общежития и напивающаяся в одиночестве? Ответа на этот вопрос не было. Ей не стоит пить в одиночестве, размышляя о том, как сильно ей будет не хватать быть девушкой Вайета, как ей будет не хватать их общих обедов и ужинов, разговоров о книгах и поэзии, любимых и ненавистных профессорах. Ей не стоило пить одной и думать о том, как хорошо было прошлой ночью лежать под ним обнаженной до пояса, пока он целовал ее грудь и соски. Ей не стоило пить одной и думать о том, как эротично было просто спать в его постели, в его объятиях. Он заставил ее хотеть, Вайет заставил. Хотеть совершенно других вещей, отличных от того, что заставлял хотеть Сорен. Она хотела раздеть Вайета, привязать его, кусать его, целовать, сосать, заставить умолять о большем. Может, она дала бы ему больше. Может, нет. Может, она взяла бы кубик льда и пыталась бы его им. Черт возьми, откуда эти фантазии? Она была нижней, собственностью Сорена. Она не могла представить, как доминирует над Сореном. Об

этом даже смешно было думать. Так почему она так сильно хотела этого? Почему она думала только об этом, когда они с Вайетом были наедине? Не важно. Фантазия. Она забудет об этом к утру.

Она поставила бутылку вина на прикроватную тумбочку и уставилась на нее.

Пить в одиночестве было определенно худшей идеей. Она решила вылить содержимое бутылки в канализацию.

Но прежде, чем она дошла до раковины, в дверь ударили с десятков кулаков.

- Вечеринка в угловой комнате! - донеслась какофония мужских и женских голосов. Они перешли к следующей комнате, постучали снова и повторили клич.

Типичное пятничное приглашение.

Элеонор уставилась на бутылку в руке. Этим утром она пыталась покинуть постель Вайета, но он проснулся, притянул ее к себе и прошептал: - Я буду ждать столько, сколько хочешь, но ты должна знать, я безумно хочу быть внутри тебя.

Его слова и его эрекция, прижимающаяся к ее спине, заставили ее весь день изнывать от потребности.

Вечер пятницы. Ужасная идея - пить в одиночку.

Она взяла бутылку и отправилась в угловую комнату.

Почему бы не выпить со всеми?

Глава 29

Элеонор

Хлорка. Она чувствовала запах хлорки. Вот что это. Элеонор сморщила нос от едкого запаха и попыталась открыть глаза. Почему хлорка? И...дезинфицирующее средство?

- Элеонор? Ты проснулась?

- Нет, - ответила она.

- Элеонор, я Лиза. Ты можешь открыть для меня глаза?

- Нет. Но я могу открыть их для себя.

Она открыла глаза. Повсюду яркий свет. Яркий свет, белая плитка, белые простыни и белые халаты. Она сразу же их закрыла.

- Ты знаешь, где ты? - спросила женщина, Лиза.

- В аду?

- Элеонор, ты в больнице. Твой друг думал у тебя алкогольное отравление.

- Правда?

- Да.

- Недотепа.

В какой-то момент прошлой ночью она решила не пить в одиночестве, а выпить со всеми остальными. Выпивка была ее первой ошибкой. Компания, которую она выбрала - второй.

Элеонор попыталась сесть, но Лиза остановила ее, аккуратно положив руку на плечо.

- У тебя капельница с физ. раствором в руке. У тебя обезвоживание. Старайся не двигаться.

- Вы врач?

- Нет, не врач. Я из центра помощи жертвам насилия. Меня вызвали сюда.

- Почему?

- Девушка, позвонившая в 911, сказала, что нашла тебя под парнем.

- Я убью Кэти.

- Кэти?

- Моя соседка-первокурсница. Изучает феминистское движение. Это она позвонила?

- Думаю, да.

- Мы с Шоном обжимались. Она бурно отреагировала. Ее обучали бурно реагировать.

- Кто такой Шон?

- Шон, тот пьяный парень. Я притянула его на себя, потому что мы оба были пьяны и хотели потрахаться. Я заснула на середине действия. Судя по тому, насколько он был пьян, он даже не заметил. Кажется, меня стошнило на него.

- Элеонор, многие жертвы проходят стадию отрицания...

- Боже мой. - Элеонор понизила голос, когда ее собственные слова вызвали вибрацию мозга в черепе. - У меня похмелье. Я очень устала. Я обезвожена, и мне нужен десятичасовой душ. И прошлой ночью я вела себя, как дура. Но не сейчас, и я не была жертвой чего-либо или кого-либо, кроме как своих неверных решений, ясно? А теперь, я уверена, кого-то в этом городе точно изнасиловали. Как насчет того, чтобы помочь ей?

- Элеонор, - произнесла Лиза раздражающе успокаивающим голосом. - Пожалуйста, позволь мне помочь.

- Вы можете помочь. Я дам вам номер телефона. Вам нужно позвонить по нему.

- Элеонор, это я могу. Мне позвонить твоей маме?

- На звонок ответит женщина по имени Сэм. Попросите Кингсли. Скажите ему в какой я больнице. Скажите, что меня привели сюда глупости по пьяни, и, ради всего святого, скажите ему, чтобы он приехал и забрал меня.

Элеонор закрыла глаза и снова заснула. Когда она проснулась в очередной раз, она более четко воспринимала действительность. Она повернула голову и увидела женщину, около сорока лет, сидящую в кресле рядом и делающую пометки в какой-то форме.

- Вы Лиза или мне это приснилось?

- Я Лиза. Тебе что-нибудь нужно?

- Вы позвонили по тому номеру?

- Да.

- Хорошо.

- Элеонор, ты хочешь поговорить о том, что с тобой случилось?

- Я напилась до зеленых соплей и отрубилась. Проснулась поблевать.

- Ты согласна на осмотр на изнасилование?

- Должно быть, я говорю на непонятном языке. Нет, значит, нет, понимаете? Нет, меня не изнасиловали. Но проводите тест, если это, наконец, вас заткнет.

Видимо не этого ответа Лиза хотела или ожидала. Тем не менее несколько минут спустя в ее палату вошли две медсестры и женщина доктор. Осмотр завершился через пару минут. Ее никогда не осматривали до этого, но она знала, что он из себя представлял. Расширитель боли не причинил, хотя в животе были странные ощущения. Через десять минут она снова была одета.

- Они сделают несколько анализов, но никаких следов травмы они не заметили. На самом деле, твоя плева...

- Цела и невредима. Как и мой мозг.

- И все же есть вероятность... Мыждемся результатов анализов.

- Могу я теперь уйти? - Ее голова раскалывалась, ее тело болело, ее сердце болело.

- Я принесу документы для выписки. Тебя кое-кто ждет.

- Это суперсексуальный француз в ботфортах?
- Эм, нет. Это священник. Но если ты не хочешь...
- Впустите его. Прямо сейчас. Пожалуйста. И вы можете идти.

- Конечно. - Лиза одарила ее добрым, сочувствующим взглядом, который Элеонор хотела смыть с ее лица.

Она покинула комнату, и секундой позже дверь открыл Сорен. Прежде чем она успела сказать хоть слово, Сорен обнял ее.

Он был в белом воротнике и клерике, и она никогда не была так благодарна за то, что влюблена в священника. Представителю духовенства в больнице были рады сильнее, чем в любом другом месте.

Она наслаждалась его руками, наслаждалась его грудью, на которую положила голову, наслаждалась его ароматом, чистым, как зимняя полночь.

- Вы рано вернулись, - прошептала она сквозь слезы.

- Я хотел сделать тебе сюрприз.

- Почему?

- Мне не нужна причина, чтобы вернуться к тебе.

Она посмотрела на него.

- Наверное, я испортила сюрприз.

Он вытер слезы с ее лица.

- Нет, Малышка. Конечно, нет.

Он поцеловал ее в лоб, и она обняла его крепче.

- Я был у Кингсли, когда позвонили из больницы. Они сказали, что у тебя алкогольное отравление.

Она сжалась от унижительного беспокойства в его голосе. Осуждение, злость... этого она ждала. Доброта ранила больше, чем порка.

- Прошлой ночью я тупо напилась из-за тупой причины, что привело к тупому поведению.

- Если это поможет, последний раз, когда я и Кингсли напились, мы оба оказались на крыше приходского дома. И хоть убей, я не помню, как мы спустились.

Элеонор усмехнулась и одновременно вздрогнула.

- У меня все немного хуже. Я целовалась с парнем, которого едва знаю. Он был так же пьян, как и я.

- Оба.

- Верно. Я отключилась, пока мы обжимались. Потом проснулась и меня вырвало. Подруга позвонила в больницу. Им даже не пришлось промывать мне желудок, так сильно меня тошнило.

- Ты уверена, что больше ничего не произошло? - Он держал голос и тон нейтральными. - Элеонор, мне ты можешь рассказать все.

Элеонор улыбнулась. Из Сорена получился бы отменный консультант для жертв изнасилования, гораздо лучше, чем эта как-ее-там.

- Полностью. Кроме того, что я идиотка.

- Ты не идиотка, юная леди, и я больше не хочу слышать, как ты говоришь что-то подобное.

- Я идиотка. Выслушайте меня. Я кое-что сделала, пока вас не было. Я познакомилась с парнем на занятиях по английской литературе. Он... не знаю. Он подарил мне акулу. И захотел пообедать со мной, и это был просто обед. Затем обед перерос в ужин, а ужин в прогулку в снегопад, и потом мы поцеловались и потом еще целовались. И он... он мне так понравился. - Ее живот сжался от горечи. - Мы были вместе всего шесть дней, так что я даже не знаю, почему так расстроена. Мы даже не занимались сексом. Я порвала с ним прошлой ночью. Поэтому я напилась.

Она посмотрела на Сорена, ожидая увидеть на его лице злость. Но вместо этого он ухмылялся, будто давно ждал этого. Конечно же, он ждал.

- Шесть дней? Бог создал вселенную за шесть дней. Может, эти отношения и были короткими, но это не значит, что ты не можешь оплакивать свою потерю.

- Я закончила её оплакивать, - ответила она, протянула руку и прикоснулась к его лицу. Она любила его кожу, легкий намек на щетину на подбородке казался таким мужественным и эротичным.

- Вы заставляли меня так долго ждать вас, чтобы это произошло? Я имею в виду, чтобы я встретила другого и влюбилась?

Сорен шумно выдохнул, прежде чем ответить:

- Да.

- Почему? - поинтересовалась она, хотя, как ей казалось, уже знала ответ.

- Потому что, Малышка, наши решения ничего не значат, пока нам не выпадет больше возможностей выбора.

- Я выбираю вас. На это ушло несколько дней, но я выбрала вас.

- Я уверен, ты бы выбрала меня. Но ты не знала, выбрала бы ты меня. Адам и Ева могли оставаться в раю вечность, если бы там не было искушавшего их яблока. И их послушание было бы бессмысленным, потому что послушание было бы единственным выбором.

- Вы знали, что я выберу вас.

- Да.

- Вы тот еще высокомерный ублюдок?

- Я знаю свои сильные стороны. Ты... - Он обхватил ее подбородок. - Ты одна из моих сильных сторон, моя величайшая сила.

- Я больше не разочарую вас.

- Ты никогда этого не делала. А теперь давай уйдем отсюда, пока никто не попросил у меня соборование.

- Да, стоит поспешить. В этом месте вы нарасхват.

- Машина ждет снаружи. Мы проведем выходные у Кингсли. Отец О'Нил планировал заменить меня на мессах до понедельника.

- Можем мы сделать кое-что перед отъездом к Кингсли? Я быстро.

- Все, что пожелаешь.

Элеонор рассказала ему свою просьбу, Сорен повернул голову и посмотрел в окно, будто обдумывал ее.

- Не уверен, уместно ли это, учитывая наши отношения, - наконец ответил он.

- Или вы, или никто.

Сорен молчал, затем вынес вердикт:

- Тогда хорошо.

Он достал маленькую кожаную коробочку из кармана и расстегнул ее. Он развернул фиолетовую столу¹² и поцеловал ее перед тем, как накинуть себе на шею. Он откинулся на спинку стула и отвернулся, чтобы дать ей немного уединения.

Элеонор закрыла глаза, сделала глубокий вдох и начала говорить:

- Простите меня, Отец, ибо я согрешила. - Она перекрестилась и начала исповедаться. Она призналась во всем, что хранила в сердце всю свою жизнь. Ее не заботили ее простительные грехи, похоть, ложь, жалость к себе. Она рассказала Сорену о телефонном звонке, на который она не ответила, из-за которого ее отцу пришлось самому предстать перед последствиями собственных решений. Она

¹² Стола — элемент литургического облачения католического (и лютеранского) клирика. Шёлковая лента 5-10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами

рассказала, как причинила боль Вайету, и больше того, как любила Вайета. Она призналась, как от отчаяния использовала парня прошлой ночью. Она призналась во всем.

Она выложила свои грехи на руки Сорена, и затем, словно по волшебству, он заставил их исчезнуть. Но это не было магией, и она понимала, что ее грехи не исчезли, они были прощены, и за это она была благодарна. Она не хотела, чтобы ее грехи исчезли. Она слишком сильно будет по ним скучать.

И после исповеди и отпущения душа Элеонор снова ощущалась чистой. Все, что ей было нужно сейчас, чтобы внешняя оболочка соответствовала содержимому.

Кингсли выделил ей гостевую комнату с самой большой ванной комнатой. Она разделась, шагнула под душ и позволила теплу и воде смыть остатки сожалений, остатки ее горя и остатки боли. Она побрила ноги и отскрабировала тело мочалкой из люффы, желая стереть верхний слой кожи, который казался запятнанным выпивкой и печалью, и болью, причиненной ею. Через час она выключила воду и вышла из душа в раскрытое Сореном белое мягкое полотенце.

- Думал, ты никогда не выйдешь. - Он крепко завернул ее в полотенце, и она засмеялась, пока он кутал ее

- И Вы, гад, все это время были в ванной?

- Только последние пятнадцать минут. Думал, тебя смыло в канализацию.

Он переоделся из сутаны в нормальную одежду - джинсы и черную футболку с длинными рукавами. Рукава были закатаны так, что она видела его запястья и предплечья. Мускулистые предплечья и большие, мужественные руки взрослого человека. Никаких игривых татуировок или панковского лака на ногтях. Его руки были серьезными и величественными, для работы, а не для игр. И эти руки сушили полотенцем ее волосы, вытирали капли воды с ее лица. Она представила, что они были нормальной парой в их собственном доме. Но они не были нормальной парой и никогда не будут, и поймет остальной мир или нет, именно это она и любила в них.

Сорен поднял ее и усадил на тумбочку в ванной.

- Вы, правда, собираетесь меня вытирать?

- Одеть в пижаму и уложить спать.

- А сказку на ночь тоже читаете?

- Если хочешь.

Она улыбнулась при мысли, как Сорен читает ей сказку. Может ли жизнь стать еще более странной? Лучше? Пока Сорен сушил ее волосы, лицо, даже ноги и ступни, остатки прошлой недели с Вайетом испарились. Она обожала Вайета, да, но теперь, когда Сорен вернулся, она воспринимала Вайета не больше, чем отвлечение, временное и неожиданное. Сорен был дорогой, которую она выбрала. В его присутствии она вспомнила, почему выбрала его и почему никогда больше не сойдет с этого пути.

- Сэм обеспечила пижамами, - сообщил Сорен, держа маленький белый наряд. - Она выбрала их для тебя.

- Мне стоит ее поблагодарить.

- Позже. Сейчас ты моя.

Она шагнула в белые короткие шортики, которые Сорен натянул на ее ноги и надел камисоль.

- Знаете, последний раз, когда мне кто-то помогал переодеваться перед сном, мне было восемь, и у меня был грипп. - Элеонор вспомнила, как мама купала ее уставшее тело и одела в пижаму. Тогда она была такой слабой и беспомощной из-за болезни, что мама качала ее на руках, будто она все еще была ребенком.

Сейчас Элеонор чувствовала себя усталой и счастливой. И чистой, такой чистой в присутствии Сорена. Чистой и в безопасности. Она больше не была беспомощной, не была слабой. Из-за удовольствия и любви она подчинилась его заботе и позволила себе быть зависимой, как ребенок.

Он помог ей спуститься с тумбочки и провел в спальню. Она стянула покрывало и начала ползти в центр, но замерла, когда ощутила невероятно сильную руку на шее.

- Не двигайся, - приказал Сорен.

- Что...

Она закричала, когда его рука громко и резко приземлилась на ее едва прикрытую попку.

- Это за вчерашнюю пьянку.

Он снова ударил ее, в этот раз в два раза сильнее.

- А это за Вайета.

Элеонор впилась пальцами в простыни и собралась с духом. Следующий шлепок был болезненнее, чем два предыдущих вместе взятых. У нее перехватило дыхание от боли.

- А это было просто для удовольствия. А теперь можешь ложиться спать.

- Ай, – наконец, выдавила из себя Элеонор. Она легла на бок и укрылась одеялом. Она смотрела на Сорена, который, казалось, сдерживал улыбку. - Не могу поверить, что вы меня отшлепали.

Сорен улыбнулся: - А я могу.

Он наклонился и поцеловал ее, одним из его захватывающих поцелуев, которые заставляли её чувствовать себя нетронутым местом на карте в ожидании, когда первооткрыватель водрузит на нее свой флаг.

Его рука скользнула под одеяло, вниз по ее телу и между ног. Поверх пижамных шорт он дразнил клитор, пока она не начала тяжело дышать ему в рот. Она приподняла бедра, желая большего, и он отодвинул ткань в сторону, чтобы проникнуть в нее одним пальцем.

- Хочешь кончить? - спросил он.

- Да, пожалуйста.

Он снова поцеловал ее и потер клитор большим пальцем. Она впилась пальцами в простыни, пока он подводил ее все ближе и ближе к оргазму. Она закрыла глаза, напряжение все нарастало, температура тела повышалась. И затем, без предупреждения, Сорен убрал руку.

Она распахнула глаза и уставилась на него.

- Вы убиваете меня, - заявила она.

Он одарил ее такой дьявольской улыбкой, что она едва не кончила только от нее.

- Я спросил, хочешь ли ты кончить. Но я не сказал, что позволю тебе.

- Чертов садист.

- Рад, что ты начала это понимать. Теперь, хочешь сказку на ночь?

- Нет, я хочу оргазм.

- Хорошо. Найду книгу. Но сначала... - Сорен опустился на колени возле кровати, и Элеонор поднялась на локтях.

- Вы что там делаете? Молитесь?

- Ищу. А вот и он. - Он достал какой-то чемодан из-под кровати и открыл его.

- Что это?

- Кингсли хорошо снабжает свои гостевые комнаты. - Он достал два куска веревки из чемодана, закрыл его и задвинул обратно под кровать. - Придется покинуть комнату на несколько минут, не уверен, что могу тебе доверять.

- Думаете, я буду яростно мастурбировать, как только вы повернетесь ко мне спиной?

- Да.

- Скорее всего, вы правы.

Он взял ее запястья. Они казались такими маленькими в его ладони. Он обернул веревку вокруг запястий несколько раз, связывая их вместе, затем набросил петлю на столбик кровати и зафиксировал. С благоговением она наблюдала за его умелыми пальцами, как легко он завязал веревку.

- Оставайся на месте.

- На месте? - крикнула она, когда он покинул комнату. - Я привязана к чертовой кровати. Куда тут пойдешь?

Сорен не ответил.

- Ненавижу вас! - крикнула она громче. В этот раз он ответил:

- Сто семьдесят семь, - крикнул он в ответ.

Как только Сорен вышел, она решила непременно выбраться из этих проклятых веревок. Если бы у нее было две минуты, она бы довела себя до оргазма, в котором он ей отказал. Все ее тело все еще пульсировало от жажды. Может, если она вывернет руки, повернет их, изменит положение плеча и повернется всем телом...

- Ты все еще здесь, хорошо. - Сорен вернулся в комнату с книгой в руках.

- Интересно почему. - Она притянула колени к груди и пробубнила. - Вы самый злой человек на земле.

- Да, я такой. Хочешь послушать сказку перед сном?

- Я бы хотела врезать вам по лицу.

- Это Льюис Кэрролл. Я нашел его в антикварном книжном магазине в Риме.

- Ненавижу ее. Хочу увидеть, как она горит.

- Это «Алиса в Зазеркалье». Я знаю, как ты равнодушна к Бармаглоту.

- Это вы Бармаглот, вы монстр.

- Книга большая. Устраивайся поудобнее. Я буду читать.

- А я мысленно вас убивать.

Элеонор обдумывала несколько дюжин жестоких фантазий о возмездии Сорену. Он отшлепал ее, возбудил, отказал в оргазме, а затем привязал к кровати, чтобы она не смогла себя трогать. А теперь он блаженно игнорировал ее злость, перелистывая страницы книги и приступая к чтению:

- Одно было совершенно ясно, - начал он, - белый котенок тут ни при чем; во всем виноват черный, и никто другой.

Находясь в плену, Элеонор ничего не могла сделать, кроме как лежать и слушать, как Сорен читает ей. Вскоре она погрузилась в эту историю, в мгновение, в нелепое удовольствие быть почти двадцатилетней и слушать при этом сказку на ночь. Она забыла о веревках на запястьях и потребности внизу живота. Через час она даже забыла о том, как планировала убить Сорена с помощью кирки, как только он ее развяжет.

Он читал, пока Элеонор не начала зевать, а ее веки начали тяжелеть. Она хотела остаться в сознании и продолжать слушать, но она сражалась в проигранной битве против сна. Сорен закрыл книгу и положил ее на прикроватную тумбочку.

- Малышка, ты спишь? - спросил Сорен.

Она почувствовала, как он развязывает ее руки. Как только веревки ослабли, он аккуратно растер ее запястья.

- Почти, сэр.

Сорен взял ее на руки, и она оказалась у его груди.

- Люблю эту книгу, - выдохнула она.

- Я знаю. Она у меня тоже одна из любимых.
- И вас я тоже люблю, сэр. Даже когда хочу убить киркой.
- Это все, на что я могу рассчитывать. - Он наклонился и поцеловал ее в лоб и щеку. - Прежде чем ты уснешь, нам нужно кое-что обсудить.
- Если это не о сексе, то я сейчас же усну.
- Тогда просыпайся.
- Элеонор распахнула глаза и ровно села.
- Когда? Как скоро? Сегодня?
- Когда я приму решение, то обязательно скажу тебе. - У нее снова появились крышесносные фантазии. Безусловно, он решает, когда. - Но тебе скоро двадцать. Больше не подросток. Ты должна быть готова.
- Я пойду в университетскую клинику и начну принимать противозачаточные.
- Хорошая девочка.
- Какая ирония: католический священник говорит ей начать принимать противозачаточные.
- Вы действительно самый странный священник на земле.
- Малышка, - сказал Сорен, - ты даже и половины не знаешь.
- Ей стоило этого ожидать.
- А теперь спи, - приказал он. - Тебе нужен сон для восстановления после того, через что ты прошла.
- Вы останетесь со мной, пока я не усну?
- Это я могу, - заверил он и сел на кровать, упираясь спиной в изголовье. Она опустила голову и положила ее ему на живот. Никогда прежде она не чувствовала себя такой любимой, такой обожаемой, такой особенной и лелеемой как в этот момент. Она провела последнюю неделю с Вайетом. Всю прошлую ночь она развлекалась с незнакомцем. Сорен не только простил ее, но и отпустил грехи, а затем наказал более сексуальным способом, чем сам секс. Это утро она встретила на больничной койке. А ночью засыпает в руках Сорена под размеренный ритм его сердца.
- Расскажите мне еще одну сказку на ночь? - попросила она.
- Хорошо. Какую бы сказку ты хотела?
- О любви.
- Думаю, справлюсь. - Он обнял ее обеими руками и ласково погладил по спине.
- Давным-давно, - начал он, - жила-была красивая девушка по имени Элеонор, у неё были секреты, которые она хотела сохранить. Элеонор натягивала рукава на руки. Она стыдилась ожогов на запястьях и боялась, что кто-то увидит их и осудит ее. Затем пришло время ее причастия. Тогда она потянулась к чаше, ее рукав сполз, и ее священник увидел, кем она была.
- Кем она была? - спросила Элеонор.
- Сорен поцеловал ее в макушку и прошептал.
- Она была моей.

Глава 30

Элеонор

Что-то щекотало нос. Элеонор потерла его, не открывая глаз. Она перевернулась в кровати и вжалась в подушку. Однако ее подушка не была похожа на подушку. Она была твердой, а не мягкой. Очень твердой.

- Bonne anniversaire, - прошептал ей на ухо голос.

Ее глаза распахнулись, и Элеонор села в кровати. Рядом с ней на узкой общажной кровати растянулся Кингсли с белой розой в руке. Он пощекотал ею ее нос, и она отмахнулась от нее.

- Кинг, какого черта? Как ты здесь оказался?

Элеонор натянула простынь до груди. Она была в одном топе и трусиках.

- Меня впустила твоя соседка.

- Здорово. Значит, моя бывшая соседка видит, как я целуюсь, и заявляет копам об изнасиловании. А моя новая соседка отправляет тебе приглашение с гравировкой прыгнуть в мою постель, пока я без сознания.

- Там не было гравировки.

- Который час?

- Семь.

- Семь? Ты поднялся в семь утра?

- Поднялся? Я еще не ложился. Во всяком случае, не для сна.

- Миленько. - Она схватила резинку для волос с тумбочки и попыталась собрать волосы. - Ты скажешь мне, что ты тут делаешь?

- Я принес подарки.

- Подарки?

- Oui. - Кингсли указал на заваленный подарками стул.

- Все для меня?

- Pour toi.

Элеонор потянулась к коробкам, но Кингсли схватил ее и уложил к себе на колени. От неожиданности она начала кричать и извиваться. Кингсли быстро подчинил ее и шлепнул.

- Это лучшая часть вечеринки. Хватит сопротивляться мне, шалунья.

На слове шалунья она замерла. Она не была уверена почему, кроме просачивающегося чувства, что ей нравится, как Кингсли назвал ее шалуньей. Как только ее сопротивление прекратилось, он двадцать раз смачно шлепнул ее по попке.

- Двадцать, - произнес Кингсли, и последний шлепок был самым сильным. Она заорала, и дверь в ее комнату распахнулась. Эйприл, грудастая староста общежития, выглядела так, будто только что выползла из постели. На ней ничего не было кроме халата, едва прикрывающего ее груди.

- Элли, ты в порядке? Я слышала крики.

Элеонор встала на четвереньки.

- Она в порядке, - заверил Кингсли, возвращая Элеонор на свои колени. - Поздравительные шлепки.

Эйприл уставилась на Кингсли и провела рукой по взъерошенным волосам.

- У меня тоже день рождения, - сказала Эйприл Кингу.

- Эйприл, пошла вон, - приказала Элеонор.

- Уже ушла. - Эйприл закрыла за собой дверь.

- Ты закончил? - Элеонор посмотрела на Кингсли через плечо.

- Non. - Он шлепнул ее еще один раз. - Один на вырост.

- Я почти так же ненавижу тебя, как ненавижу Сорена.

- Ты перестанешь меня ненавидеть после того, как откроешь свой cadeaux (*фр. подарок*).

Поморщившись, она села на кровать с подарками на коленях. Просидеть весь день на занятиях будет тем еще испытанием.

- Они все от тебя? - Она перебирала коробки, сортируя по размерам. Самая маленькая заинтриговала ее больше всего.

- Три от меня. Один от Сэм.

- Сэм? - Элеонор не смогла сдержать улыбку. - Сэм купила мне подарок?

- Да. Этот можешь открыть первым. - Он взял маленькую плоскую коробку, завернутую в розовую бумагу с черной лентой. Она развязала ленту и подняла крышку.

- Боже мой... - Она достала тетрадь в кожаном переплете и дорогую перьевую ручку.

- Сэм прочитала одну из твоих историй. Говорит, тебе нужно больше писать.

- Передай ей быть осторожнее в желаниях. Однажды я могу написать о тебе и Сэм.

- Хорошая история. Открой этот.

Она разорвала обертку и нашла внутри только рисовую бумагу. Она продолжила копаться, пока не нашла конверт на самом дне.

Внутри конверта она нашла пачку стодолларовых купюр.

- Кингсли. Мне не нужны твои деньги.

- Это подарок.

- Сколько тут?

- Пять тысяч.

Элеонор устала на него.

- И что мне прикажешь с этим делать?

- Шопинг. Тебе нужен новый гардероб.

- У меня подходящая одежда.

- Твоя одежда подходит для учебы. Твоя одежда подходит для ванильного мира. Но твоя одежда не подходит для мира, в который ты собираешься войти. Завтра Сэм отвезет тебя за покупками в несколько проверенных мест. - Он многозначительно посмотрел на нее. - Покупай только белое. У нас дресс-код.

- Я не люблю брать деньги, которые не заслужила. Я взяла папину страховку только потому, что Сорен приказал.

- Ты собственность в личном ошейнике самого почитаемого человека в моем мире, в нашем мире. Меня боятся. Меня уважают. А ему поклоняются. Все в Преисподней ждут знакомства с тобой. Это ты понимаешь?

- Нет.

- Поймешь.

- Кинг, что происходит? - Она смотрела на деньги в руках. Она всегда отказывалась от денег и подарков, даже от Кингсли. Она сядет в «Роллс-Ройс» только в сопровождении Кинга или Сорена. Последнее, что она хотела, это чтобы Сорен думал, что она любила его только из-за его связей.

Кингсли откинулся на подушку и закинул руки за голову. Сегодня он выглядел почти нормально в джинсах и черной футболке, натянутой на широкой сильной груди. Кожаная куртка висела на спинке стула. Он выглядел слишком старым для студента, но недостаточно старым, чтобы быть профессором. Ее сумасшедшая соседка Брэнди-Энн, должно быть, намочила трусики от одного его вида и сказала, что не прочь покувыркаться с ним.

- Ты больше не маленькая девочка. Ты даже не подросток. Как думаешь, что происходит?

Она посмотрела на деньги и на Кингсли на ее кровати. Первая Леди Преисподней?

- Это скоро случится, верно? Очень скоро? Я и Сорен?

Кингсли всего лишь загадочно улыбнулся.

- Открой последнюю коробку.

Она взяла самую маленькую коробку и сняла крышку. Внутри, на черной шелковой подушке, лежал серебряный ключ.

- От чего ключ?

Кингсли подобрался ближе к ней и прижался губами к уху. Она ненавидела, когда он находился так близко, она ненавидела, как сильно ей это нравилось.

- Это ключ от королевства.

- Какого королевства?

- Моего.

- И что мне с ним делать?

- Узнаешь.

Кингсли сполз с кровати и надел куртку.

- Сегодня в три тебя заберет машина, - сообщил он, и, когда она попыталась возразить, он поднял руку, чтобы заткнуть ее. - Ты саба с ошейником самого почитаемого мужчины в Преисподней. Теперь ты принадлежишь ему. Твое мнение больше не является главным фактором в принятии решений, которые касаются тебя. Сэм заберет тебя завтра. Ты будешь делать то, что тебе скажут, и тебе это понравится. Tu comprends?

Элеонор с прищуром смотрела на него.

- Je comprend.

- Твой французский улучшается. А теперь давай поработаем над твоим поведением.

- Кинг, ты для меня как старший брат, которого у меня никогда не было. И которого я никогда не хотела.

Кингсли открыл дверь ее спальни.

- Не волнуйся, chérie, - произнес он с самым бесячим французским акцентом, - однажды ты меня получишь. Мы оба знаем, что ты уже меня хочешь.

- Мне не нужны твои деньги. - Она подняла конверт. - Я не заслужила их.

- Нет, - почти покорно согласился он. - Но, поверь мне, в его кровати ты их заслужишь.

Она швырнула подушку в его удаляющуюся спину, и он захлопнул за собой дверь. Кингсли был прав насчет ее непокорного подчинения. Не то чтобы она признавалась ему в этом. Она рухнула на кровать и старалась не думать о деньгах, ключе и походе по магазинам. Как сильно изменится ее жизнь, когда она и Сорен станут любовниками, настоящей парой?

Будильник зазвенел в 8:30, и Элеонор вытащила себя из постели. У нее не было занятий до десяти, но ей нужно начать принимать противозачаточные таблетки сегодня же. Как только Сорен сказал, что больше не может ждать, она перешла в режим планирования - планирования не залететь. Она сосредоточилась на проблеме предохранения, на части «Я не собираюсь беременеть». Если бы она думала о «У Сорена никогда не будет детей», она бы считала иначе.

Ей удалось уделить лекции по психологии половину своего внимания, даже с пылающей задницей от порки Кингсли. Они изучали тюремные эксперименты в Стэнфорде - печально известное исследование, в котором Филипп Зимбардо создал поддельную тюрьму в подвале учебного корпуса и наполнил его волонтерами-охранниками и волонтерами-заключенными. Поразительно, как быстро люди вживаются в назначенные им роли. Даже в поддельной тюрьме потребовался один день, чтобы охранники начали издеваться над заключенными, а заключенные устроили бунт или погрузились в депрессию. Охранники и заключенные так быстро сроднились со своими ролями, что пришлось закрыть эксперимент на шестой день.

Некоторые охранники, прежде нормальные студенты, превратились в садистов. Слово садист привлекло ее внимание.

Она подумала: что, если такое произойдет в БДСМ сообществе, которым управлял Кингсли? Доминировали ли доминанты потому, что они взяли на себя эту роль? Подчинялись ли сабмиссивы по той же причине? Что было первым? Сабмиссив или подчинение? Может, она напишет курсовую работу о ролевых играх в БДСМ. Что, если кто-то вложит в ее ладонь флоггер, укажет на сабмиссива и прикажет наказать? Безусловно, она это сделает. И с удовольствием, хоть и понимая, что она саба, а не доминант. Она должна быть сабмиссивом, верно? Ей нравилось сидеть у ног Сорена, подчиняться его приказам, обучаться и мечтать о ночи, когда он впервые ее выпорот. И, тем не менее... если кто-то даст ей флоггер, она не станет возмущаться.

В три часа дня перед ее общежитием остановился «Роллс-Ройс». Она надеялась увидеть ожидающего ее Сорена или хотя бы Кингсли. Даже Сэм? Ночь с Сэм стала бы самым большим подарком. Но на заднем сидении ее ждала только записка и коробка.

На карточке было написано: «Открой меня».

Она открыла коробку и достала секундомер.

Секундомер?

Она взяла записку. На конверте была надпись: «Не открывать, пока не сядешь в Q31».

Это что за неведомая хрень? Q31?

Она положила секундомер в карман пальто. Машина остановилась перед концертным залом. Концертным залом?

Она нашла место Q31 на балконе. Села, достала секундомер и записку из кармана. Внизу на сцене настраивался оркестр, дирижер листал какие-то ноты. Поморщившись от исходящего со сцены диссонанса, она открыла записку и начала читать.

С Днем Рождения, Малышка. В этот самый благословенный день у меня для тебя два подарка. Сначала посмотри вниз на сцену. Это один из оркестров, с которым я играю, когда им нужен пианист. В обмен на мои услуги они любезно согласились сыграть специально выбранный фрагмент для тебя в твой день рождения.

Фрагмент начнется, как только оркестр настроится. Когда дирижер поднимет палочку, запусти секундомер. Слушай музыку, но следи за временем. Мой первый подарок тебе - после пяти минут (пять минут и восемь секунд, если оркестр не будет отставать) ты узнаешь, что я чувствовал, когда впервые увидел тебя. Я не так одарен, как ты, в выражении своих чувств словами. Возможно, музыка выразит то, что я не могу.

Вскоре я вручу тебе твой второй подарок.

Люблю тебя, Элеонор.

Она прочитала записку еще раз, прежде чем взять секундомер. Она встала со своего места и опустилась на колени перед перилами балкона.

Какофония исчезла. Дирижер постучал по пюпитру.

Он поднял руки.

Она нажала кнопку старта.

Началась музыка.

Сначала был взрыв звука. Она не ожидала такого мощного начала. Затем все затихло. Музыка танцевала, опускалась на несколько ступенек и поднималась вверх.

Нота за нотой зависали в воздухе, а потом скатывались вниз. Фрагмент начал кружиться. Иногда игриво, иногда мрачно.

Над ее головой парила высокая нота. Тишина... Как оркестр из такого количества человек мог быть таким тихим?

А затем она услышала ее. Тонкий намек на знакомую мелодию. Где она ее слышала? Гимн. Это был гимн. Верно? Не важно. Она продолжала слушать.

На двух минутах и пятидесяти секундах мелодия вернулась, крадась, словно секрет, который хотел сохранить композитор. Она напрягла слух, чтобы услышать больше.

Затем музыка стала громче, но только немного, когда другая секция подхватила мелодию и отнесла ее ей. Элеонор приняла ее с распростертыми объятиями.

Ее руки дрожали, а пальцы на ногах поджимались. Музыка лилась, как запруженная вокруг нее река.

На пятой минуте и семи секундах мир стал музыкой. Он разразился вокруг нее, взорвался, как бомба, которая накрывала ее счастьем и радостью. Слезы потекли по ее щекам, и самый прекрасный звук, который она когда-либо слышала, обернулся вокруг нее и поднял ее на своих руках к самому потолку концертного зала, и выше, выше, пока она на мгновение не посмотрела в глаза самого Господа.

Она слышала позади себя шаги, но проигнорировала их. Сейчас ею владела музыка и не отпускала. Мелодия исчезла и вернулась с удвоенной силой. Она не могла насытиться ею. Ни один алкоголь не опьянял так сильно. Как музыканты это выдерживают? Как они останавливают себя и кладут инструменты, чтобы поесть или поспать? Если бы она извлекала такие звуки, ее руки никогда бы не отрывались от инструмента. Она бы играла до кровавых мозолей. Она бы извлекала такие звуки, пока им бы не пришлось держать ее под замком.

Фрагмент достиг финальной высокой ноты, которая заставила ее хотеть чего-то... не чего-то, а где-то, прежде чем смолкнуть. Дирижер опустил руки, повернулся и посмотрел на балкон.

Аплодисменты одной смиренной юной леди наполнили зал.

- Спасибо, - крикнула она оркестру.

- С Днем Рождения, - ответил дирижер.

Она повернулась и увидела Сорена, сидящего позади нее.

- Если бы Бетховен написал партию для фортепиано своей Девятой симфонии, моя жизнь была бы полной, - сказал он с задумчивым выдохом. Сейчас симфония началась с нового фрагмента, красивого, но менее захватывающего. Она остановила секундомер и положила подбородок на колено Сорена.

- Это был Бетховен?

- Девятая симфония, четвертая часть. Известная как «Ода к Радости».

- Без партии фортепиано?

- Думаю, Бетховен просто чувствовал, что другие инструменты будут заглушены фортепиано. Инструмент то большой. Некоторые считают его пугающим.

Он подмигнул ей, и Элеонор улыбнулась ему.

- Это была самое прекрасное произведение, что я когда-либо слышала. Думаю, я увидела Бога. Он улыбнулся мне.

- Никогда не понимал Девятую симфонию, пока не встретил тебя, Элеонор. Когда я увидел тебя, то впервые услышал, как она исходит из моего сердца. Мне было семнадцать, когда я впервые увидел тебя во сне. Мы с Кингсли разговаривали, фантазировали об идеальной женщине. Зеленые глаза и черные волосы, или черные глаза и зеленые волосы, нам было наплевать, если только она была необузданнее нас двоих вместе взятых. Только мечты... и вот появилась ты.

- Однажды мама спросила у меня, что нужно, чтобы я поверила в Бога. Я ответила, если я встречу человека, который будет выглядеть, будто его создали по образу и подобию Бога, тогда я начну верить. И вот появились вы.

Они смотрели друг на друга, как два человека, которые встретились во сне и после пробуждения увидели друг друга.

- Говорят, в окопах нет атеистов. Не могу представить, сколько их на симфонии. Бог создал Бетховена, а Бетховен создал это... Намеки на мелодию можно услышать в более раннем сочинении под названием «Хоровая фантазия». Она приснилась ему задолго до того, как он ее написал. Даже ангелы опускаются на землю, чтобы послушать исполнение «Оды к радости». Когда ты слышишь такую красивую музыку, у тебя бегут мурашки по коже, это крылья ангела щекочат тебя.

- Теперь и у меня мурашки, - прошептала она.

- У ангелов есть нимбы и крылья. У нас свобода воли и Бетховен.

- Думаю, у нас варианты лучше.

Сорен улыбнулся в никуда.

- Бетховен был глух, когда сочинял этот фрагмент. Он не мог слышать собственного творения, кроме как в своей голове. Но мы все в некотором смысле глухие. Жизнь - это симфония, сочиненная Богом, исполняемая нами со вступлениями, основами, динамикой, пассажами... и с фальшивыми нотами, столько фальшивых нот. Рай - место, где мы впервые услышим, как идеально исполняется мелодия.

- Я думаю, жизнь - это книга, - возразила Элеонор. - Бог пишет ее. Мы его персонажи. Он знает, что произойдет на следующей странице, а мы нет. Рай - место, где мы сможем прочитать книгу от корки до корки, и увидеть весь ее смысл.

Сорен взял Элеонор за шею сзади, и она встала на колени, чтобы податься навстречу его губам.

- Нас же здесь никто не увидит, правильно? - прошептала она после поцелуя.

- Даже если и видят, сегодня мне наплевать. С днем Рождения, Малышка.

- Спасибо, сэр. А теперь, кажется, вы что-то говорили о подарках? - Она захлопала ресницами.

- У меня есть второй подарок для тебя. Выбери число от одного до пяти.

- О, люблю эту игру. Пять, пять, пять, - ответила она.

- Ты уверена? - Его серые глаза дьявольски блеснули.

- Сказала же, я всегда буду выбирать самое большое число. Я жадная.

- Очень хорошо. Значит пять.

Сорен потянулся в карман и достал пять белых конвертов, на каждом из которых спереди был номер от одного до пяти.

- Внутри конвертов на карточках пять дат.

- Дат чего?

- Нашей первой совместной ночи.

Элеонор посмотрела на него, затем на конверты.

- То есть...

- Открой конверт.

Дрожащими пальцами она взяла конверт с номером пять. Она поборолла желание его разорвать. Она сможет. Она может быть спокойной. Из конверта она достала листок.

- И победитель... - сказала она и развернула листок.

- Великий четверг, - закончил Сорен. - Осталось меньше трех недель.

Элеонор устала на слова и заставила себя дышать. Она была влюблена в Сорена четыре года, и сейчас перед ней был выведен чернилами день.

- Жду с нетерпением. - Она прижала листок к сердцу. Он обхватил ее лицо, и она улыбнулась ему. Просто быть с ним - вот в чем счастье.

- Я должен идти. Мне нужно вернуться в Уэйкфилд.

- Да, у меня тренировка по плаванию. Мне тоже нужно идти.

- Кстати об этом, Элеонор.

- Что?

Он ничего не сказал, но ему и не нужно было. По его выражению лица она все поняла.

- Хорошо. Я уйду из команды.

- Хотел бы я, чтобы был другой способ.

- Что есть, то есть. Сегодня же сообщу им. - Если они с Сореном собираются стать любовниками, ей придется провести остаток жизни, изучая, как прятать синяки и рубцы. Невозможно скрыть синяки в купальнике. Она знала, что придется расплачиваться. И это невысокая цена.

- Jeg elsker dig, min lille en.

Сорен снова ее поцеловал.

- Скоро увидимся, - пообещал он. - Ты должна открыть остальные конверты и узнать какие были варианты.

- Садист, - пробормотала она, улыбаясь ему в губы.

Сорен оставил ее одну на балконе с четырьмя оставшимися нераскрытыми конвертами. Ей не стоило их открывать. Она знала, что не стоило. Они были невыбранной дорогой, так зачем их рассматривать?

К черту, она хотела знать.

Она открыла конверт номер один и чуть не выругалась вслух, когда прочитала написанное.

Сегодня.

Если бы она выбрала один вместо пяти, то потеряла бы девственность в свой день рождения.

Черт бы побрал ее и ее жадность. Может, во втором конверте будет Пасха или какой-то день после Великого Четверга.

- Какого...

Во втором конверте тоже было «Сегодня».

Конверт номер три? «Сегодня».

И конверт номер четыре? Элеонор разорвала его.

- Треклятый священник.

Глава 31

Элеонор

Вечером Великого четверга Элеонор остановилась перед своим старым домом в Уэйкфилде, но внутрь не зашла. После поступления Элеонор в колледж, ее мать переехала в квартиру в Вестпорте, поближе к работе, и выставила дом в Уэйкфилде на продажу. Теперь он стоял пустой, заброшенный и одинокий. Мать выбрала Уэйкфилд из-за близости к хорошим католическим школам. Элеонор гадала, сожалела ли мама о всех пережитых проблемах. Мама считала, что Элеонор превратилась в безбожную язычницу в своем либеральном гуманитарном колледже, в девушку того типа, которые трахаются с кем попало, пьют и никогда не ходят в церковь. Она не была святой, но ей удалось сохранить девственность к двадцати годам. И Богу известно, что она всем сердцем любит католическую церковь, по крайней мере, одну ее часть.

Хотя тогда она ее ненавидела, сейчас же была благодарна матери, что заставляла ее ходить в церковь. Иначе она бы не встретила Сорена, и через Сорена она бы не нашла свой путь к Господу.

Она думала, кто может купить этот дом. Кем бы он ни был, она надеялась, что Бог будет заботиться о нем так же хорошо, как он заботился о ней. Четыре года назад она сидела в полицейском участке, считая, что ее жизнь закончится в пятнадцать. А теперь все, что она видела, это бесконечное количество прекрасных возможностей.

Когда она была подростком, то тысячу раз ходила от дома в «Пресвятое сердце». Она могла бы поехать в церковь или попросить Кингсли подвезти ее. Но сегодня девушка хотела пройтись, как делала это прежде несчетное количество раз. Она могла бы дойти пешком из Нью-Йорка, если бы пришлось. Пошла бы босиком по разбитому стеклу.

В доме священника она остановилась у двери и разулась. Ей никто не приказывал, и она не знала, почему сделала это.

Босая, тихой поступью она проскользнула в дверь и, как только оказалась внутри, услышала музыку. Фортепиано. Она никогда прежде не слышала это произведение, но мелодия говорила с ней, шептала ей, манила ее. Она обнаружила Сорена за роялем, его пальцы скользили по клавишам, вальсируя в свете единственной зажженной свечи. Элеонор села рядом с ним на скамью, спиной к клавишам, и положила голову ему на плечо. Он доиграл до конца фрагмент, затем оторвал пальцы от клавиш и позволил нотам повиснуть в воздухе. Он закрыл крышку и посмотрел на девушку.

- Еще Бетховен? - спросила она.

- «Лунная соната». Не могу пожаловаться Бетховену, что он не написал партию для рояля к своей «Девятой симфонии». Он подарил нам, пианистам, «Лунную сонату» в качестве утешительного приза.

- Она красивая.

- Как и ты.

Элеонор сделала глубокий вдох.

- Могу я задать вопрос?

- Конечно, Малышка.

- Вы так же нервничаете, как и я?

Он шумно выдохнул.

- Я не делал этого с восемнадцати лет.

- Значит, вы нервничаете?

- Нисколько.

- Я тоже, - на полном серьезе ответила она.

Сорен склонил голову, и ее губы дрожали напротив его. Она не солгала. Она ни на мгновение не ощутила нервозность. Только спокойствие и желание, словно этот момент ждал ее за дверью всю жизнь, и, наконец, она впустила его.

Элеонор завела руку за голову и вытащила карандаш, который использовала, чтобы заколоть волосы в небрежный пучок. Сорен улыбнулся, увидев карандаш в ее ладони.

- Ты так уверена, что сдашь этот экзамен сегодня? - поинтересовался он. Она положила карандаш на рояль рядом со свечой, удивленная тем, что Сорен помнил их давний разговор о том, что она взяла бы только один карандаш на экзамен, который знала, что сдаст на отлично.

- Я планирую всех переплюнуть.

Они снова поцеловались и целовались через улыбки.

- Сиди тут, - сказал Сорен, отдаляясь от нее.

Она ждала на скамье у рояля, как он приказал. Отныне до конца времен это станет ее жизнью - Сорен отдающий приказы, и она, исполняющая их. Она будет ждать, когда он скажет ждать и где ждать, и она не сдвинется с места, пока он не разрешит двигаться.

Сорен вернулся в гостиную с большой белой чашей, стеклянным кувшином с водой и небольшим белым полотенцем.

Ее сердце замерло, когда Сорен опустился перед ней на колени.

- Сорен, пожалуйста, не надо...

- Сегодня Великий четверг. Именно это священники делают в Великий четверг.

- Почему?

- Потому что Иисус омыл ноги своим ученикам в ночь Тайной Вечери.

Она мучилась с выбором одежды, мучилась, пока не вспомнила, что та не важна. Если она появится в лохмотьях, Сорен по-прежнему будет ее любить, по-прежнему будет ее хотеть. И в определенный момент она все равно окажется обнаженной. Элеонор выбрала джинсы и свитер. Также она надела белый комплект нижнего белья, за который заплатил Кингсли, а Сэм помогла выбрать. Не важно, как странно было получать в подарок белье от Кингсли и Сэм, она не могла винить их вкус. Как бы странно это ни было, ей нравилось. Отныне жизнь будет странной. Она была любовницей католического священника, который был лучшим другом короля С/М империи. Жизнь была странной и удивительной, и все, что она могла сказать по этому поводу, это – аминь. Аминь.

Так тому и быть.

Сорен взял ее правую ступню в ладонь, и Элеонор задрожала от нежности прикосновения. Он вылил теплую волю на ступню, и она ахнула от жара. Это и была любовь? Она засунула это ощущение в сердце и заперла его там. Однажды она напишет об этом моменте. Она напишет книгу о девушке, которая влюбится в Бога, и тогда, к своему удивлению, она поймет, что Бог любит ее. Поскольку он не мог быть человеком, она стала бы богиней и покинула смертный мир ради него.

Он вылил воду на ее левую ступню и вытер обе ноги полотенцем. Даже стоя на коленях, Сорен не упал в ее глазах. Его длинные ресницы отбрасывали тени на щеки. Одна непослушная прядь волос упала ему на лоб. Она убрала ее назад, и он прижался щекой к ее ладони. Не важно, сколько она ругалась и упрекала его за такое долгое ожидание, теперь она понимала, почему так было лучше. Сегодня они были наравне друг с другом. Ее подчинение значило больше, потому что она выбрала его по своей воле, вместо того чтобы позволить закону или разнице в возрасте, или чему-либо еще давить на нее.

Сорен встал и обнял ее. Он поднял ее со скамьи и отнес наверх. Она никогда не была в его спальне, и та ее не разочаровала. Для нее она казалась священной, комната, где спал Сорен. Белые простыни покрывали кровать, словно свежесвыпавший снег. Темное дерево кровати с четырьмя столбиками, что казались стволами деревьев - сильными и бесконечными. Она ощущала себя девственницей, приносимой в жертву древнему лесу. Кровь должна пролиться, чтобы задобрить Богов. Сегодня она предлагала собственную кровь, и она прольется, как вино на снег.

Рядом с кроватью стоял бокал красного вина. Сорен поднял его и отпил из бокала. Он протянул его ей.

- Пей. Оно расслабит тебя.

Она выпила, как он приказал.

- Сегодня я буду как можно более осторожным.

- Чем больше боли я чувствую, тем больше тебе это нравится, верно?

Сорен открыл коробку на прикроватной тумбочке и достал белый ошейник. Он встал позади нее, пока она пила вино.

- Да. Но я так же могу получить удовольствие, не пытая тебя.

- Сэр, вы не должны быть со мной аккуратны. - Она ахнула, когда он застегнул ошейник на ее шее. Она дышала через его хватку.

- Ты - моя самая ценная одержимость. Я буду охранять тебя ценой собственной жизни.

Он взял бокал из ее руки и поставил на стол. Она смотрела на него и оторвалась только тогда, когда Сорен сел на кровать лицом к ней.

Без слов он приказал ей раздеться. Она уже могла читать его прихоти и желания, не требуя слов. Он хорошо ее обучил, готовил к этой ночи. И она подчинилась без раздумий, сняла свитер и отбросила его на пол. Следом последовали джинсы. Она расстегнула лифчик и стянула трусики. Так было однажды в Эдеме. Мужчина и женщина в раю без каких-либо преград между собой, без преград между ними и Богом. Так было однажды, и сегодня, когда они займутся любовью, они на мгновение вернуться в Эдем и увидят, что было утрачено и что можно обрести вновь.

- Я хочу, чтобы вы причинили мне боль, - сказала она. - Столько, сколько вы хотите, сэр.

- Ты только говоришь так, но не думаешь.

- Я серьезно.

Сорен ударил ее по лицу.

Элеонор вздрогнула. С открытым от шока ртом она уставилась на Сорена, прижимая ладонь к щеке. Та горела.

- Сейчас ты все еще хочешь, чтобы я причинил тебе боль так, как того хочу? - спросил Сорен. Вопрос не был вопросом, а вызовом. «Я - это я», - говорил Сорен. - «Принимай меня или уходи».

Она приняла его.

Она протянула руку, и Сорен взял ее. На мгновение ей показалось, что она видит облегчение в его глазах.

Он повел ее к столбику кровати. Огромный сундук стоял у подножья кровати, на уровне ее икр. Сорен повернул ключ и открыл его. Сперва она увидела лишь одни простыни внутри. Он приподнял их и достал комплект белых кожаных манжетов. Он выпрямился и взял ее правую руку. Прижал ее ладонь к центру своей груди и застегнул манжет вокруг ее запястья. То же самое он проделал с ее левым запястьем. А после она восхищалась видом своих рук в манжетах. Значит, так и выглядит любовь? Теперь она знала.

- Произнеси свое стоп-слово.

- Бармаглот, - ответила она.

- Хорошо. В любой момент ты можешь произнести его, если хочешь, чтобы я остановился. Рассказать о своих потребностях, и твои просьбы будут удовлетворены. Говори стоп-слово только тогда, когда я должен все остановить. Ты добровольно отдаешь себя мне. Я никогда не стану тебя принуждать.

- Знаю, сэр. Все, чего я хочу сегодня, это угодить вам.

- Так и будет. Ты уже это делаешь. Сначала я использую флоггер, затем трость. По лицу больше бить не стану.

- Вы можете, - сказала она. - Думаю, мне это понравилось, сэр.

Сорен поцеловал ее в шею.

- Если будешь хорошо себя вести. После я привяжу тебя к столбику. Сегодня во время твоего первого раза я хочу, чтобы мы были лицом друг к другу. Я дам тебе столько же удовольствия, сколько и боли, возможно, даже больше. - Он прижался к ее

спине, и Элеонор почувствовала, как он расстегивает свою рубашку. Она прижалась к нему, нуждаясь в прикосновении его кожи.

- Какой вид боли вы больше всего любите причинять, сэр?

- Порезы. Ничего не возбуждает меня больше, чем кто-то истекающий кровью для меня.

- Я буду кровоточить для вас, сэр.

- Да, на кровати, когда я буду внутри тебя, так и будет. Достаточно крови для одной ночи.

Элеонор поняла, что он говорил о ее девственности. Она хотела дать ему больше. Она даст ему больше.

Сорен достал небольшой моток веревки из сундука и продел через кольца в ее манжетах. Он повернул ее к столбику и зафиксировал руки над головой. Она вытянулась, приспособливаясь к позе, ощущая себя выставленной на обозрение от лодыжек до шеи. Она не могла пошевелить руками, не могла убежать. Оставить его больше не было вариантом. Элеонор не смогла бы, даже если бы захотела. А она никогда этого не хотела.

Сорен провел ладонью по ее спине, прикасаясь к каждому дюйму кожи. Никого больше не существовало, кроме нее и Сорена. Мир начал свое существование с той секунды, как она вошла в его спальню. И он закончится, когда она покинет ее. Все, что за порогом спальни, исчезло в пустоте. И она не скучала по этому.

Первый удар флоггера приземлился между ее лопаток. Спина взорвалась от боли. Она почти рассмеялась от шока.

Он снова ударил. Выдох вырвался из ее легких. Затем снова и снова флоггер ударял, иногда на то же место опять и опять, пока слезы не наполнили глаза. Она не могла угадать, куда придется следующий удар. После пятидесяти она перестала даже пытаться. После ста ей стало все равно. Флоггер жалил, и ее кожа горела в огне. Еще, она хотела еще. Еще. Пусть он сожжет ее дотла. Пусть она восстанет из пепла.

Удары прекратились, и Сорен прижался грудью к ее обнаженной спине. Она закричала, когда его жар ошпарил ее саднящую кожу.

- Слишком? - Он провел ладонями по ее бокам и обхватил груди. Он дразнил ее соски, и теперь она зарычала от удовольствия. Он уже стал хозяином ее тела. Будучи привязанной, она не могла доставить себе ни удовольствия, ни боли, ни какого-либо облегчения или освобождения. Все ощущения исходили от него и только от него.

- Нет, сэр.

- Хочешь еще боли?

- Я хочу всю боль, которую вы хотите дать мне, сэр.

С руками, привязанными к столбику, она могла видеть только то, что перед ней. Сорен достал что-то из сундука. Она не видела, но поняла по звуку рассекаемого надвое воздуха. Когда трость соприкоснулась с задней поверхностью бедер, она закричала. Элеонор не хотела, но боль вытолкнула из нее звук. Сорен остановился, будто ждал ее протеста или просьбы остановиться. Если он ждал, когда она попросит его остановиться, ему придется ждать всю ночь.

Он снова ударил ее.

В третий раз.

Четвертый.

Она никогда не испытывала такой боли, как эта. Она никогда не ощущала такой силы, которую приходилось использовать, чтобы пережить ее. Но вскоре она перестала бороться с ней, лишь наслаждалась ею. Для нее боль стала игрой. Сколько она выдержит? Сколько Сорен даст ей? Он поработил ее болью. Никто не терпел ее по собственной воле, и, раз она выносила ее, значит, он владел ею и мог причинять такую

боль. И все же она пришла по собственной воле. И одно слово могло его остановить. Он владел ею по той же причине. Это не имело никакого смысла, ни единого, и все же ее тело понимало. Она знала, что ее тело понимало, потому что Сорен отбросил трость на пол и обхватил ее бедра. Он погрузил в нее два пальца и утонул в ее влажности. Никогда в своей жизни Элеонор не была настолько возбужденной.

Одна рука оставалась внутри нее, а второй Сорен развязал веревки. Он развернул ее и прижал спиной к столбику. Поддев рукой ее левое колено, он поднял его, открывая ее так, чтобы иметь больше доступа. Она ничего не ощущала, кроме удовольствия, пока два его пальца изучали ее, медленно погружаясь и выходя. Ее соки облегчили проникновение, когда он глубоко толкнулся в ее потайные места. Когда он добавил третий палец, она вздрогнула.

- Знаю, это больно, малышка, - прошептал Сорен между поцелуями и надавил на преграду в ее лоне. - Позволь сделать это. Так будет лучше для тебя.

- Только не пальцами, пожалуйста, - умоляла она.

- Так будет менее болезненно. У меня больше контроля.

Она замотала головой.

- Пожалуйста... - умоляла она, и Сорен прижался лбом к ее лбу. - Я так мечтала об этом. Пожалуйста...

- Ты так красиво умоляешь.

- Я буду еще больше умолять, если хотите. - Она хотела, чтобы он разорвал плевую не пальцами, а когда проникнет в нее первый раз. Так должно быть. Ей нужно, чтобы было так.

- Ты будешь просить о пощаде, когда я окажусь внутри тебя в первый раз.

- Я не хочу пощады. Я хочу вас.

Он поцеловал ее в губы и опустил ногу на пол. Вся задняя часть ее тела от коленей до плеч пульсировала после порки. Почему люди сторонятся боли и избегают ее, как чумы? Да, больно, как и все, что важно. Любовь - боль, жизнь - боль, рождение - боль, изменения - боль, взросление - боль. Умирать не больно, только жить. Она никогда не чувствовала себя такой живой.

Сорен снова поцеловал ее, но только чтобы увлажнить губы. Когда Сорен обхватил ее шею, она поняла, что могло произойти дальше. Она не удивилась, когда он заставил опуститься на колени. Она расстегнула его брюки и вспомнила, как фантазировала, что делает это с ним с пятнадцати лет. Но ей было не пятнадцать. Сейчас ей было двадцать. Взрослая женщина. Нет причин волноваться. Член стал твердым, пока он порол ее, и она облизнула губы в предвкушении. Обхватив губами возбужденный ствол, она глубоко его вобрала, наслаждаясь вкусом. Сорен впился пальцами в ее затылок с болезненной силой. С его губ слетали легчайшие стоны. Звук его наслаждения подстегивал Элеонор. Она сосала сильнее, глубже, облизывала его от основания до головки снова и снова.

Это то, чего она хотела со дня их встречи. Она хотела служить ему, преклоняться перед ним, предлагать себя, быть использованной им. Каждый день он приносил себя в жертву на алтаре Католической церкви, отдавая свое время, свое богатство, свою свободу. Но кое-что она могла дать ему - удовольствие использовать ее, и с этим она отдаст ему свое сердце, тело и душу.

Она поморщилась, когда Сорен сильнее впился в ее кожу. Она знала, что завтра у нее будут черные синяки от его пальцев.

- Стоп, - приказал он, и Элеонор села на пятки.

Сорен обхватил ее подбородок и провел большим пальцем по губам.

- Думаю, тебе это понравилось.

Она улыбнулась.

- Я живу, чтобы служить.

- Чем ты и занимаешься.

Не убирая руки с ее подбородка, он заставил ее подняться на ноги.

- Жди у кровати.

Сорен оставил ее у столбика, а сам стянул верхнюю простыню с кровати. Он взял еще веревки и еще один комплект манжетов, положив их на кровать.

Пока он готовил постель, Элеонор смотрела на бокал вина на столе. Она подошла к нему и допила последние капли. Она сделала шаг назад, а затем еще один.

Когда Сорен повернулся к ней, она протянула ему бокал.

- Элеонор?

Она выпустила бокал из рук, и тот разбился у ее ног... ее босых ног.

- Элеонор...

Прежде, чем он успел приказать ей сделать другое, она шагнула на разбитое стекло.

- Вы сказали, что вам больше всего нравится, когда кто-то кровоточит для вас. - Она сделала еще один шаг. Стекло резало ее пятки, ее пальцы. Сорен рвано вдохнул, пока она шла к нему - босая по разбитому стеклу. Она почти ничего не чувствовала. Единственный признак того, что стекло порезало ее, это кровавые следы. Она смотрела Сорену в глаза. Его зрачки расширились, а обнаженная грудь двигалась в унисон с поверхностными вдохами. Она пересекла четыре фута до кровати.

- Если бы это был огонь, я бы прошла сквозь него, - прошептала она.

- Если бы это был огонь, я бы пронес тебя через него. - Он поднял ее на руки и положил на живот в центр кровати.

Сорен впился пальцами в ее волосы, заставляя ее выгнуться и обнажить шею. Он целовал впадину на ее горле, кусал плечи. Коленями он раздвинул ее бедра. Обхватил клитор большим и указательным пальцами, и она вздрогнула от сочетания боли и удовольствия. Он широко раздвинул ее лепестки и провел пальцами по лобковой кости, нажимая подушечками на мягкое углубление в дюйме от входа в лоно. Хриплые стоны срывались с ее губ, пока он владел ее телом. Боль в ступнях была забыта, и ее внутренние мышцы пульсировали вокруг его пальцев. Прежде чем она кончила, он отпустил ее и быстро и резко перевернул на спину. За считанные секунды он привязал ее запястья и лодыжки к столбикам кровати и оставил ее так лежать, задыхаясь, ожидая и желая. Она закрыла глаза, когда он вернулся к ней, с влажным полотенцем в руках. Он стер кровь и вынул стекло с ее стоп, двигаясь так осторожно и нежно, что она с трудом могла поверить, что этот же человек мгновением ранее чуть не разорвал ее пальцами.

«Ты видела его только днем». Вспомнила она слова Кингсли. «Только свет и тени. Но наступит ночь, и ты увидишь тьму».

Значит, это и была тьма? Тогда она может прожить всю жизнь в ночи.

После того, как он привязал ее к кровати кожаными манжетами и черной веревкой, Сорен уставился на ее беспомощное тело.

- Моя, - сказал он и посмотрел ей в глаза.

- Ваша, сэр.

Когда он закончил привязывать ее, она лежала на спине, не в силах пошевелить руками и ногами. Вот так все и будет. Вот так все произойдет. Это начало. Это конец.

Сорен избавился от своей одежды. Она мечтала о его обнаженном теле и теперь видела его в лучах лунного света и свете свечи, и его собственного света, исходящего изнутри. Даже обнаженный он по-прежнему казался одетым в достоинство и силу, и он носил свою силу, как щит. Он накрыл ее тело своим. Его бедра были словно

мрамор. Его кожа сияла, как отполированное золото. Вкус его губ был таким же сладким, как вино, и она упивалась им.

- Почему царь привязал Эсфирь к кровати? - спросил он.

- Потому что он любил ее.

Глава 32

Элеонор

Сорен припал к ее губам. Он целовал ее, и она отвечала на поцелуй с такой же и даже большей пылкостью. Их языки переплетались, и она упивалась вином с его губ, поглощала жар его рта. Элеонор поморщилась, когда Сорен прикусил ее нижнюю губу.

Сорен усыпал поцелуями чувствительную кожу ее груди. Под его губами ее сердце трепетало, кровь бурлила. Она неистово хотела прикоснуться к нему, но каждый раз, когда она пыталась пошевелить руками, путы удерживали ее. Кингсли предупреждал ее о бондаже. У Сорена была потребность контролировать все как можно дольше. Чем более беспомощной она была, тем больше он чувствовал потребность защитить ее.

Она ахнула, когда Сорен лизнул ее правый сосок. Он опустил к ее груди и нежно посасывал, пока дразнил левый сосок пальцами. В таком положении она могла только выгибать спину, предлагая ему свои груди. Он припал к левому соску. Жар концентрировался в ее грудях и распространялся вниз по животу, проникая в бедра. Она хотела его внутри себя. Нет, не хотела, нуждалась в нем.

- Пожалуйста, сэр... - умоляла она.

- Пожалуйста, что? - Он поднял голову и изогнул бровь, удивленный тем, что она посмела о чем-то просить.

- Я хочу вас.

- Вот он я.

- Я хочу вас внутри себя.

- Малышка, я всегда внутри тебя.

Элеонор развлекла себя небольшой фантазией о том, как она втыкает ему в шею нож. Но затем он снова накрыл ее рот губами.

- Терпение, - прошептал он ей. - Я годы ждал этой ночи. И не хочу спешить.

- Вы, правда, хотели меня со дня нашего знакомства?

- Так сильно, что меня это пугало.

Он провел пальцем вниз по центру ее тела, пока не прижал ладонь к клитору. Тот пульсировал.

- Я хочу, чтобы ты кончила для меня. Мне нужно, чтобы ты была как можно более влажной, прежде чем я войду в тебя. Поняла?

- Да, сэр. - Она задышала тяжелее, когда Сорен сильнее прижал основание ладони. Два пальца погрузились в лоно, затем ими же, теперь влажными, обхватил клитор. Желание захлестнуло ее, когда он начал выписывать круги на набухшем узелке плоти.

Она приподняла бедра над кроватью и замерла под ним. Все ее тело застыло перед взрывом удовольствия. Лоно сжималось и содрогалось, трепетало и сокращалось вокруг пустоты. Она не могла дожидаться, когда кончит вокруг него, позволяя ощущать ее удовольствие на его теле.

- Хорошая девочка, - сказал он, смахивая прядь волос с ее лба.

Он снова целовал ее соски, пока она приходила в себя после оргазма. Он лениво, неспешно посасывал их, словно собирался провести всю ночь между ее грудей. У нее были смутные воспоминания о том, как Вайет так же целовал ее соски. Когда он делал это, она наблюдала за ним и испытывала к нему нежность, словно мать к ребенку. Они могли быть одного возраста, но она чувствовала себя гораздо старше него. Но с Сореном она ощущала себя собственностью короля, как Эсфирь в гареме, плененная и завоеванная. Как и Эсфирь, она знала, что ей придется покорить завоевателя самой великой силой - любовью.

Сорен поцеловал ложбинку между грудей, и его губы опустились вниз к животу и бедрам. Он прикусил тазобедренную косточку, и, как только она ощутила боль, Сорен опустился к развилке ее ног. Элеонор замерла, когда он лизал ее, целовал, занимался с ней любовью своим ртом.

- Черт... - зарычала она, не в состоянии сдерживаться. Она не ожидала, что он займется с ней оральным сексом. Он сказал, что доставит ей удовольствие, но, когда мужчина оказался между ее ног, для нее это показалось почти актом покорности. И затем он увеличил давление на клитор языком, погрузил в нее два пальца и потерял мягкое местечко на передней стенке внутри нее. Его рот владел ею. Пальцами он широко раздвигал ее складочки, обнажая вход в ее тело. Она не могла спрятаться от него. Он видел ее всю, все ее самые сокровенные места. Он снова и снова лизал клитор, и, кончая, она излилась на его губы и пальцы.

Сорен поднялся и поцеловал ее. Она ощутил свой вкус на его губах и не могла насытиться им. Представляла ли она что-то более эротичное, чем это? Его ладонь скользила по ее телу от ключиц до бедер. Его большой палец проник в нее, и она поморщилась от странного ощущения. Содрогание превратилось в стон чистой боли, когда он прижался к ее плеве, недостаточно сильно, чтобы порвать, но достаточно, чтобы вызвать слезы. Он резко вдохнул, словно ощутил ее боль своим телом. Он принимал ее боль как свое удовольствие. Тогда пусть причиняет боль, чтобы он смог получить удовольствие. Пусть он уничтожит ее, чтобы она смогла возродиться заново.

Боль утихла, и Сорен расположился между ее бедер, головка члена прижималась к клитору. Она приподняла бедра навстречу ему, открываясь перед ним, предлагая себя.

Элеонор посмотрела на него и увидела, что глаза Сорена закрыты. Его длинные, неестественно темные ресницы покоились на щеках. Вены на руках и плечах пульсировали, пока он удерживал себя над нею. Он начал говорить, но не на английском. Это был датский, его родной язык. Она знала немного датского, достаточно чтобы она и Сорен могли сказать друг другу: «Я нуждаюсь в тебе, я хочу тебя», и никто не понял бы их. Но в своем лихорадочном состоянии она не могла узнать ничего из того, что он говорил. Он бормотал слова, как молитву. Она подняла голову и прижалась поцелуем к его горлу, ее самая любимая часть в его теле, часть, спрятанная под колораткой. Финальные слова молитвы она поняла.

Jeg elsker dig.

Я люблю тебя.

- Я люблю тебя, - сказал он на своем родном языке, и эти слова повисли над кроватью, словно баннер.

С полузакрытыми глазами она ощутила, как мир начал погружаться в сон. Где-то вдалеке она слышала музыку, одинокий преследующий голос почти нечеловеческой красоты. Она слышала его? Видела его? Или он исходил изнутри, как сон, который помнишь лишь несколько часов после пробуждения? Она уткнулась в местечко между шеей и плечом Сорена. Она дышала и вдыхала аромат снега, свежего снега, чистого и холодного. И тогда она поняла истину.

Сорен не пах зимой. Зима пахла Сореном.

Jeg elsker dig.

Услышала она голос Сорена сквозь туман.

Он проник в нее одним толчком.

Боль, которую она даже не представляла себе, разорвала ее надвое. Разорвала надвое, рассекла на две половины, обжигала, как пламя, разрывала ее словно бумагу.

Под Сореном она извивалась и плакала, уткнувшись ему в грудь. Он гладил ее по голове, пока слезы агонии и капитуляции текли по ее щекам. Он не вышел из нее, не извинился. Он оставался в одном положении, но внутри нее он пульсировал, а ее лоно растягивалось и напрягалось, чтобы принять его. Это и была цена за поцелуй, который нельзя забыть, за яблоко с Древа, от которого невозможно отказаться, за путь, который она выбрала. Они зашли слишком далеко. И вернуться они уже не могут.

Она не хотела возвращаться.

Боль поглотила все ее тело. Оно пылало, словно в адском пламени, и если бы она могла использовать руки, то попыталась бы его оттолкнуть. Одно слово могло остановить ее страдания. Она промолчала.

Медленно она выходила из дымки боли и услышала рваное дыхание Сорена возле своего уха: легкая задержка на вдохе, тончайший гортанный стон. Существует ли более прекрасный звук, чем этот - звук удовольствия, которое он получает, находясь в ней?

Инстинкт говорил ей отпрянуть от него, оттолкнуть. Но она поборолла это желание и приподняла бедра навстречу. Он проникал в нее, пока, казалось, все его тело не наполнило ее до предела. Каждый медленный, контролируемый толчок широко растягивал ее, разрушая преграду, которая не впускала его. Она хотела, чтобы она исчезла, хотела, чтобы все между ними исчезло навсегда. Его ладонь нашла ее, и он переплел с ней пальцы, приподнялся и снова толкнулся. Она приготовилась к боли, но вместо нее ощутила глубокий толчок удовольствия. Ее глаза распахнулись от шока, такого плотского, такого животного. С криком она подавала бедра навстречу ему снова и снова. Поток жидкости между ее ног еще больше облегчил проникновение. Кровь, возможно? Ее собственная влага? Неважно. Было важно только то, что он пронзал ее, проникал в нее, завладевал ею с каждым контролируемым, но безжалостным движением.

Она сфокусировалась на его лице, на темных длинных ресницах, на его приоткрытых губах, на его золотистых волосах, в которых она так сильно хотела зарыться пальцами, на сиянии пота, который покрывал его лоб, плечи и вену, которая заметно пульсировала на его шее. Должно быть, ему потребовалась вся сила, чтобы сдерживаться и не потерять себя внутри нее. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как он занимался этим. Его самоконтроль мог рассыпаться в любой момент. Она хотела разбить его вдребезги.

Подняв голову с простыни, она поцеловала его в плечо.

- Вы владеете мной, - прошептала она.

Сорен открыл глаза и уставился на нее.

Он с такой силой вонзился в нее, что она перестала дышать. Он вонзился еще раз с такой же силой, и она еще раз выдохнула. Так и должно быть, должно быть жестко. Недостаточно было просто лишить ее девственности - он должен уничтожить ее.

Почти вечность она не могла ничего, кроме как дышать через боль, вдыхать ее и выдыхать. Но когда он двигался, боль отступала, и что-то еще занимало ее место. Что-то... желание, голод, жажда большего от него. Сорен опустил руку между их телами и потер клитор, массируя его, пока она прижимала лобок к его ладони. Глубокая и животная жажда охватила ее. Она выгибалась под ним, выгибалась и извивалась. Ее

внутренние стенки пульсировали вокруг него. Он вышел и снова пронзил ее, дразня клитор и приближая ее к кульминации.

В момент, когда она впервые увидела его много лет назад, при виде него она ощутила, будто золотая струна обвивала ее и затягивалась с каждым шагом навстречу к нему. Теперь она снова ощущала, как эта струна затягивалась вокруг ее бедер и сердца. Он глубже и глубже вколачивался в нее, и она ощутила, как струна подняла ее, неся выше и выше, пока сердце не добралось до небес. Струна лопнула на вершине, и она рухнула на землю. С криком она кончила, и оргазм обрушился на нее. Вот он, момент, ради которого она жила и страстно желала с их первой встречи. Наконец, их причастие.

Сорен начал двигаться быстрее, и с финальным толчком, который заставил ее ахнуть, он кончил в нее, погрузился, бесконечно изливался в нее, пока она содрогалась вокруг него и дрожала под ним. После оргазма он задержался в ней, упиваясь ее поцелуями. Наконец он покинул ее тело, и из нее вытекла смесь крови и спермы.

Сорен снова опустился на колени между ее бедрами. Он припал к ее саднящим внешним лепесткам, к все еще пульсирующему клитору. Она снова поднялась и рухнула. Когда Сорен поцеловал ее в этот раз, она ощутила вкус крови.

Он проник пальцами в ее нежное лоно. Вскоре он снова навис над нею, снова проник в нее, снова трахал ее. Их первый раз можно было назвать занятием любовью. Второй раз его не заботили никакие тонкости цивилизованного секса. Он трахал ее жестко, беззастенчиво, трахал, словно у него не будет другого шанса трахнуть ее снова, по эту сторону ада и рая, и он воспользуется ею по полной, даже если это убьет их обоих.

После его второго оргазма внутри нее, он вышел и смотрел на ее обнаженное, кровоточащее тело. Рубцы и синяки покрывали ее спину. Порезы покрывали стопы. Ее лоно ощущалось разорванным от его толчков. Сегодня она кончила четыре раза, и по его взгляду кое-что поняла.

Сегодня вечером он только начал причинять ей боль.

Снова в игру вступила трость. Затем флоггер. Он отстегнул ее от кровати и поставил на четвереньки, погрузился в ее все еще кровоточащее тело, пока она удерживала себя одной рукой за изголовье, а второй рукой вцепилась в простыни. Его ладони скользили по ее избитой спине, бедрам и ногам. Он схватил ее за затылок и держал, пока вколачивался сзади. В его руках она ощущала себя собственностью, поработанной, захваченной и подчиненной.

Она потеряла себя в ночи, перестала быть Элеонор, перестала быть человеком с разумом и собственной волей. Она была Его, и Он стал ее единственной личностью. Если бы кто-то спросил, кто она, последовал бы ответ: «Я Его». Он вонзил в нее четыре пальца, больше, чем она думала, что могла принять. И все же она приняла их и затем снова его, потому что в этом вопросе он не предоставлял ей выбора.

- Сколько ты еще можешь принять? - спросил он и опрокинул ее на живот.

- Я приму все, что вы хотите мне дать, - ответила она. Секс и порка довели ее до предэкстатичного состояния покоя и блаженства. Боль оглушила. Она почти не чувствовала свое тело. Она словно парила над кроватью. Тяжелейшие удары флоггера щекотали ее. Самые яростные удары тростью немного жалили. Сорен уложил ее на живот и снова погрузился в нее. Шестнадцать лет он воздерживался от секса. Он казался настроенным наверстать упущенное время за одну ночь. Пусть. Пусть он трахает ее, пока ни один из них больше не сможет двигаться. Она умоляла испытать из этой чаши. И она будет пить, пока не подавится вином его тела и его садизмом. Она будет пить, пока не утонет в нем.

Сорен трахал ее в четвертый раз, останавливаясь каждые несколько секунд, чтобы кусать ее спину и плечи. Затем он опустился на колени возле ее бедер и тонкой тростью оставлял полосы огня на ее коже в месте соприкосновения. Она никогда не мечтала о том, как он будет пороть ее будучи внутри нее. Ей никогда не стоит сомневаться в его садизме. Она больше никогда не будет в нем сомневаться. Пока он вколачивался в нее долгими, жесткими толчками, он говорил с ней, говорил, как гордится тем, что она принадлежит ему, насколько ценной собственностью она была, как она угодила ему, больше чем он смел мечтать, как он всегда будет ее любить и никогда не отпустит.

К рассвету она не могла принять больше. К рассвету он не мог дать ей больше. Он сгреб ее тело, усыпанное синяками от плеч до колен как спереди, так и сзади, и обнимал ее.

Они не обсуждали произошедшее. Что они могли друг другу сказать? Он показал ей свою душу. Она отдала ему свое тело. Они соединили свои тела, и теперь незыблемая связь объединила их вместе. И ничего не могло разъединить их, потому что ничто не могло их сломать.

Когда она проснулась следующим утром, к ним в кровати присоединилось солнце.

Элеонор поморщилась, когда потянулась на простынях. Ее ступни пульсировали. Несомненно, в коже до сих пор были осколки стекла. Плечи и спина болели так, словно ее растягивали на дыбе. Грудь и соски саднили, и они были припухшими. Внутри все болело и ныло. Она не могла припомнить, когда испытывала столько боли.

Это было лучшее утро в ее жизни.

Сорен открыл глаза и посмотрел на нее, будто пытался вспомнить, где он видел ее раньше. Она поцеловала его. Он ответил на поцелуй.

- И что теперь? - спросила она.

Сорен улыбнулся, и что-то в этой улыбке подсказало ей, что она влипла в самые большие неприятности в своей жизни.

- Всё.

Глава 33

Нора

Нора открыла глаза, и напротив нее на постели лежал Нико, а не Сорен. И она была рада видеть его, достаточно рада, чтобы улыбнуться.

- Это конец сказки? - спросил Нико. Она заметила, как потяжелели его веки, как и ее сердце.

- У сказки нет конца. Это рассказчик уже слишком устал, чтобы продолжать рассказ.

- Что произошло потом?

- Кингсли пришел за мной в дом Сорена. Он вошел прямо в его спальню и отнес меня в машину. Я провела неделю в его доме, восстанавливаясь после одной ночи. Твой отец... - она остановилась и погрузилась в воспоминания. Ее тело до сих пор помнило те ощущения. - Он уложил меня на свою постель, сел у моих ног и, вооружившись пинцетом, вытаскивал осколки стекла из моей кожи. Он рассказал, как

какому-то несчастному ублюдку пришлось вытаскивать шрапнель из его груди. Так он возвращал добро Вселенной.

- Что произошло с тобой и мамой?

- Она сделала это. - Нора закатила глаза. - Она ушла в монастырь. Когда я училась в колледже, она вернулась к учебе. Орден, к которому она хотела присоединиться, Сестры Святой Моники, требовал от кандидаток степени бакалавра и отсутствия долгов. Ей потребовалось четыре года, но она попала туда. Она приняла первый обет, когда мне было двадцать четыре.

- Ты рада за нее?

- Нет, - призналась Нора. - Мы даже не разговаривали тогда. После колледжа я вернулась к ней, чтобы попытаться улучшить отношения. Не сработало. Вместо этого она узнала обо мне и Сорене. Плохие были времена. Я не разговаривала с ней три года. Поэтому... ты должен простить Кингсли и свою мать. - Она ткнула его в грудь. - Поверь мне. Сделай это сейчас, пока не стало слишком поздно.

- Я хочу любить его, - ответил Нико.

Он устало улыбнулся.

- Как-нибудь я расскажу тебе сказку о нем, Сэм и его клубе, «Восьмом круге». Тогда ты полюбишь его.

- Расскажи сейчас.

- Нет, уже почти рассвет.

- Мои виноградники нуждаются во мне, - сказал он, протянул руки и придвинул ее ближе.

- Тебе нравится ощущать чью-то зависимость? - Она расположилась на его груди, такой широкой и такой теплой. - Это не пугает тебя?

- Мне нравится знать, когда от меня зависит другая жизнь. Нравится доказывать, что кто-то сделал правильный выбор, поверив в меня. Тебя это пугает?

- Быть нужной? Да. Очень. Возможно, это единственная причина, почему я решила давным-давно не заводить детей, даже с Сореном. И поэтому у меня никогда их не было.

- Никогда?

Она покачала головой.

- У меня были питомцы - люди. Но это была часть игры в клубе. Я никогда никем не владела так, как Сорен владел мною. Быть нужной устрашает. Отвечать за другого человека? Годами? Похоже на тюремный срок. У меня даже комнатных растений нет.

- Тебе стоит попробовать, - произнес он. - Все не так уж и плохо, как ты думаешь. Это не всегда тюрьма. Иногда это дворец. Предметам нужны их короли и королевы.

Он смахнул ее волосы с плеча. Она улыбнулась.

- Что? - поинтересовался Нико, прикасаясь к ее губам. - Откуда улыбка?

- Просто ты напомнил мне кое-что однажды сказанное мной - просто так. - Она поцеловала его пальцы.

- Ты говорила, что никогда не нуждалась в Сорене, но он нуждался в тебе.

- Да, нуждался. Даже после моего ухода он иногда звонил мне и говорил, как нуждается во мне. Я любила его и поэтому ехала к нему.

- Для тебя это было тюрьмой?

- Нет, - призналась она, вспоминая те ночи, когда она проникала в его дом и отдавала ему свое тело. - Это было словно привилегия.

- Именно это я и ощущаю, - сообщил Нико. - Когда ты нуждалась во мне прошлой ночью? Привилегия. Честь.

- Нико, о чем ты говоришь? - спросила Нора.

- Ты нужна мне.

Он прикоснулся к ее лицу, губам.

- Ты нужна мне, - повторил он. - Ты - все, о чем я мечтал, соединенное в одной женщине. Моя Розанелла. Прекрасная, изящная, умная, бесстрашная, и все же ты дрожала в моих руках во время шторма, а затем выпила меня из винного бокала. Ты владела мной прошлой ночью и делала со мной все, что позволяла мне сделать с собой. Никто на земле не заслуживает иметь всего, что он хочет. Никто не имеет права иметь то, что он хочет. Но если бы я мог иметь желаемое, я бы хотел, чтобы именно ты дала мне это. Потому что это ты, Госпожа Нора.

Нора не могла смотреть на Нико. Слышать, как он называет ее Госпожой Норой было похоже на то, как Сорен впервые назвал ее малышкой, словно слышать свое настоящее имя. После того, как она рассказала, кем был его отец, он спросил о фамилии Кингсли. Николас Буасоннэ - произнес он, его глаза сияли от слез, когда он примерил новую фамилию.

Ему было больно узнавать, кем он был. И ей тоже было больно, но по другой причине.

- Засыпай, любовь моя. - Она поцеловала его в лоб. - Это приказ. У тебя долгая дорога домой.

- Что будешь делать?

- Пока не знаю, - ответила она. - Но со мной все будет хорошо. Как и всегда.

Нико закрыл веки и через пару минут его дыхание погрузилось в глубокие ритмы сна. Она смотрела на него, на этого красивого молодого мужчину в ее постели, с мозолями на руках от тяжелой работы, которую он выполнял каждый день. Она никогда прежде не любила мужчину с мозолями на руках. Но у нее были мозоли. Мозоль на пальце от многих часов письма. Мозоль на сердце от такого количества любви.

Нора вытащила себя из постели и нашла сорочку. Она достала книгу из чемодана и спустилась с ней вниз.

Она разожгла камин и расположилась в кресле. Осторожно, чтобы ни одна страничка не вывалилась, она открыла Библию.

В последнее время она все чаще и чаще стала обращаться к этой книге в поисках успокоения и напутствия. Царица Есфирь по-прежнему очаровывала ее, как и Рут и соблазнение Боаза на молотильном полу. Псалмы утешали ее - «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла». Царь Давид и царь Соломон находили отклик в ее душе из прошлых времен - два прелюбодея, которые нашли свои пути к родословной Христа. А сейчас она любила Исайю и слова, которые стали для нее более значимыми в последнее время - «Ибо младенец родился нам; сын дан нам».

Но не к словам Библии она обратилась в этот последний час ночи. Из ее страниц она достала фотографию, ребенка меньше года, с бирюзовыми глазами матери и золотистыми волосами отца.

Она смотрела на фотографию Фионна. На ней ее редактор, Зак, держал своего сына на плечах. В первый раз, когда она держала мальчика на руках, внезапная глубина любви к нему потрясла ее, словно первобытный страх. Она так сильно дрожала, что ей почти сразу пришлось отдать его Грейс.

- Если кто-нибудь попытается навредить этому мальчику, я сожгу их мир дотла, - сказала она Заку. - Но, пожалуйста, никогда не проси меня посидеть с ребенком.

Зак рассмеялся и притянул ее в нежные объятия, не обращая внимания на то, что его жена стоит в пяти футах, смотрит и закатывает глаза. Они давно пережили ревность и делили между собой только радость.

- Рождена быть солдатом, а не политиком, - подразнил ее Зак, затем быстро чмокнул в губы.

- Ты о чем? – не поняла она.

Зак посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

- Любишь риск и ненавидишь ответственность.

Она не спорила. Зак слишком хорошо ее знал.

Нора изучала мальчика на фотографии. Она показала фотографию Нико, после фотографии его новорожденной сводной сестры Селесты.

- Мой крестник, - сказала она с гордостью.

- Он не похож на своего отца, - заметил Нико, отметив, что нет ничего общего между темными волосами Зака и светлыми локонами Фионна.

- И в правду, - ответила она и загадочно улыбнулась. - Так давай помолимся, чтобы у него был характер от мамы.

Сейчас ей нужно было посмотреть на лицо Фионна. Это личико с его большими, распахнутыми глазками утешало ее больше, чем любые слова песни, псалма или молитвы. Смерть пришла в ее дом и украла у нее ценность. Но жизнь победила в этом раунде. Фионн был ее знаменем победы.

Знать, что он существует, что новое поколение уже вошло в этот мир, чтобы занять место ушедших, теперь Нора могла взглянуть на серебряную коробочку на каминной полке без отрицания страха или сожаления. Одна смерть. Одна жизнь. Так будет до самой смерти.

Нора закрыла Библию, прижала ее груди и какое-то время дремала в кресле. Она проснулась несколькими часами позже, дрожа от холода. Пламя в камине снова погасло. Она отложила Библию и поднялась вверх.

Стоя у кровати, она смотрела на спящего Нико. Что снилось виноделам средиземноморья - вино или вода? Снилась ли ему она? Она никогда не встречала таких, как Нико, мужчину в полной и абсолютной гармонии с собой. Ему нравились женщины постарше, сексуальное подчинение, его вино и его работа. Он не извинялся и не оправдывался. Он никогда не сражался со своими демонами. Он никогда не сражался с ангелами. Он находился на земле, невосприимчивый к соблазнам ада, не обращая внимания на требования небес.

В конце концов, Нико должен был возненавидеть ее. Только в прошлом году мужчина, которого он считал своим отцом, умер. И когда она появилась с новостью, что его зачал другой человек, это было, как он сказал, словно потерять любимого отца во второй раз.

Но он не ненавидел ее, хотя и скорбел, и она скорбела с ним. Он поблагодарил ее за правду о его рождении и за сводную сестру, которую он сразу же полюбил, как только узнал ее имя. Нико было приятно знать, что ее маму соблазнил другой мужчина, но в конце она выбрала своего мужа. Кингсли также был благодарен Норе. Он хотел детей столько, сколько себя помнил, и вскоре после рождения дочки он узнал о сыне.

- Спасибо за сына, - поблагодарил Кингсли, когда она рассказала ему о Нико, рассказала, как она встретила с его сыном, и юноша был воплощением всего, о чем мечтал отец и даже больше. Голос Кингсли, обычно такой обходительный и размеренный дрожал от благодарности и скорби по утраченным годам. – Спасибо, что нашла его.

Спасибо, что нашла его. Даже сейчас эти слова эхом отдавались в ее голове. Она искала его, преследовала его и нашла его, и сейчас он был перед ней, в постели, которую они разделили. И через несколько часов он покинет ее.

Нора протянула руку и прикоснулась к губам Нико. Нико, которого никто кроме нее не нашел.

- Находка принадлежит нашедшему...

Нико пошевелился во сне. Он открыл глаза. Она опустилась на колени возле его плеча и опустила сорочку до талии. Наклонившись вперед, она поднесла свою грудь к его рту. Он обхватил ее сосок, и она ахнула, когда удовольствие начало охватывать ее и отталкивать печаль. Мертвые ничего не чувствовали. То, что она чувствовала, как его зубы царапали ее, жар его дыхания на своей коже, нежное посасывание, были единственным доказательством того, что она жила.

Она пододвинулась, чтобы дать другую грудь, а его руки блуждали по ее рукам и спине. Нико притянул ее ближе, сжал ткань сорочки, поднял и полностью ее стянул. Впервые она была обнажена перед ним, полностью и совершенно обнажена.

- Ты нужен мне, - прошептала она ему на ухо.

- Тогда возьми меня.

Она обхватила его и направила внутрь себя. Опираясь руками на его грудь, она объезжала его. Он обхватил ее бедра, и ее внутренние мышцы сжимались на его толстом члене.

Она наклонилась и впиалась в его губы, раскачивая бедрами так, чтобы он глубже проникал в нее. Она нависала над ним, но теперь опиралась руками по обеим сторонам от его головы, насаживаясь на него, пока он не начал стонать и выгибаться под ней.

Нора обхватила его обнаженную шею, не желая причинить боли или просто держаться за него, а только для того, чтобы прикоснуться к самой уязвимой части тела в самый незащитный момент. Ее соски царапали его грудь, пока она двигалась на нем, терлась клитором у основания его эрекции и яростно сжималась вокруг нее. Когда она больше не могла сдерживаться, она кончила. Ее лоно трепетало от глубоких

сокращений, и Нико выдохнул ее имя. Следом и он кончил, изливаясь в нее, наполняя своим жидким жаром.

Задышавшись, Нора рухнула на грудь Нико. Он обнял ее, обнял крепко. Сейчас она должна была ощущать умиротворение, но нет. Недостаточно было трахнуть его или позволить ему трахнуть ее. Она хотела обладать им, каждой его частичкой. Она хотела владеть его сердцем, его телом, его членом, его спермой, его душой, даже его жизнью. Но она не могла просить его об этом, верно?

- Тебе ведь скоро уезжать, не так ли? - спросила Нора, как только они оба восстановили дыхание.

- Дорога обратно долгая, но я буду здесь, пока ты меня не прогонишь.

Она не хотела его прогонять. Но она понимала, что виноградники ждут его, и она слишком беспокоилась о нем, чтобы удерживать его от земли и работы, которая была его смыслом жизни.

- Думаю, я уже готова, - ответила она.

- Я поеду с тобой, - прошептал он. Он знал, в чем она нуждалась, и первым предложил, спасая ее от унижения просить об этом.

Они выбрались из постели и вместе приняли ванну. Нико надел вчерашнюю одежду, он не взял с собой ничего другого. Она выбрала простую белую юбку и свитер.

Нико взял урну с каминной полки и передал ей. Он придержал перед ней дверь, и бок о бок они пошли по каменной дорожке к озеру. Солнце поднялось, и Бог подарил им идеальное весеннее утро, без облаков и холода.

Они добрались до кромки воды, и Нора остановилась там, где озеро доставало до носков туфель.

- Я приготовила речь, пока летела в самолете, - призналась она Нико. – Правда сейчас она кажется глупой. Я пыталась вчера произнести ее и не смогла выдать ни слова.

- Произнеси сейчас. Я хочу услышать.

Она проглотила ком и кивнула. Затем начала:

- Сорен... - она остановилась и позволила боли поглотить ее. Мертвые не чувствуют удовольствия, но и боли тоже. Боль тоже была доказательством жизни. - Сорена здесь нет. Я знаю, ты бы не хотела его здесь видеть, поэтому я попросила его не ехать со мной.

Она снова остановилась, дышала.

- И то, что я попросила его не ехать со мной, ты должна принять как знак того, как сильно я люблю тебя.

Еще один вдох.

- Тебе не стоило его ненавидеть. Думаю, я ненавидела тебя немного из-за твоей ненависти к нему. Но с моей стороны это было несправедливо, и я прошу прощения. В конце концов, именно из-за тебя мы вместе. Если бы ты в тот день не заставила меня идти в церковь, почти заманив меня туда, я бы никогда не встретила с ним. Но, знаешь, что забавного в тебе и нем?

Нора закрыла глаза. Слеза покатилась и упала в воду у ее ног.

- Я все еще помню, как по дороге в церковь ты задала мне вопрос. Ты спросила: «Все, чего я хотела, это дочь, которая любит Господа, ходит в церковь, уважает своего священника и, может, совсем немного уважает свою мать. Думаешь, я прошу о многом?» Что же, мама, я хожу в церковь каждое воскресенье. Ты знала об этом? И я не только уважаю своего священника, я люблю его всем сердцем. И уважаю свою маму. Больше, чем немного. Она мирилась со мной тридцать шесть лет. Думаю, с учетом этого ты претендуешь на сан святых.

Нико шагнул вперед и голыми руками смахнул слезы с ее лица.

Она посмотрела в его бледно-зеленые глаза.

- Знаешь, она поблагодарила меня, - сказала Нора. - Мамина настоятельница Ордена позвонила мне две недели назад и сказала: «Приезжай сейчас, если хочешь увидеть маму по эту сторону рая». Я сразу же выехала. Добралась как раз вовремя. Она уже теряла рассудок. Но она была в достаточном здравии, чтобы узнать меня. Тогда она и поблагодарила меня.

- За что? За приезд?

- За то, что была плохой дочерью, - усмехаясь, ответила Нора. - Мама курила, пока мне не исполнилось одиннадцать. Она застучала меня, когда я пыталась курить ее сигарету. Тогда она бросила. Это, должно быть, подарило ей несколько дополнительных лет. К тому времени, как обнаружили рак, он распространился по всему телу. У нее не было никаких симптомов. Только кашель.

- Благодарю, что у тебя были эти несколько часов. Мой папа упал замертво в поле.

- Что бы ты сказал ему, если бы был шанс? - спросила она.

- Голос крови не заглушить, - ответил Нико.

Впервые она взглянула в глаза Отца поверх чаши с вином для причастия.

- Вот и все, - сказала она.

Она повернулась лицом к воде, поверхность озера была такой чистой, голубой и холодной. Она хотела бы, чтобы вода не была такой ледяной.

- Мама - монахиня. Священник - любовник. Сорен, теперь я слышу, как Бог смеется надо мной.

- Он и надо мной смеется, - добавил Нико. И они оба знали почему.

- Я хотела, чтобы мы нашли способ быть друзьями, - произнесла она, словно мама слышала ее. - Хотела, чтобы мы смогли узнать друг друга получше. Но ты никогда не рассказывала мне свою историю. И мне хотелось, чтобы ты выслушала мою. Если бы ты услышала историю, которую я рассказала Нико ночью, ты бы поняла, что Сорен лучшее, что со мной происходило, что он не был монстром, каким ты его рисовала. Хотя я рада, что ушла от него десять лет назад. По крайней мере, нам с тобой удалось побыть немного вместе.

Она еще раз остановилась, чтобы вдохнуть. Почему так трудно дышать?

- Скорее всего, ты думаешь, что я постоянно злилась на тебя, - продолжила Нора.

- И поэтому я сторонилась тебя. Но правда в том, что я не злилась. Я так упорно старалась стать другим человеком, и в минуты, когда мы были вместе, я была Элли, твоей дочкой, в который ты разочаровалась. Надеюсь, вид оттуда, где ты сейчас,

хороший, и ты можешь смотреть вниз и видеть, что моя жизнь прекрасна, богата и полна любви щедрых и благородных людей, и что мои дни наполнены стоящей и приносящей удовлетворение работой, а ночи еще лучше и тебя это не касается.

Нико тихо усмехнулся. Она хотела взять его за руку, но коробка тяготила ее. Она больше не позволит ей себя обременять.

- Надеюсь, ты тоже видишь, как я люблю тебя и любила все это время, даже когда мы были порознь. И однажды ты снова увидишь, потому что, даже несмотря на то, что наши сердца выбрали разные пути, в конечном итоге пункт назначения у нас один.

Она опустила на колени у воды и открыла серебряную коробку, в которой хранился драгоценный прах ее матери.

Она осторожно опустила коробку в воду и дала ей уйти на дно. Прах Маргарет Делорес Коль, Сестры Мэри-Джон, мамы Норы, поднялся и растаял в воде как бледное облако.

- Я люблю тебя, мама.

Ей потребовались все силы, чтобы это сказать, но она сказала и сказала с улыбкой на лице.

Она расстегнула медальон с ликом святого, который носила неделю.

- Каждый медальон, который у меня есть, был от Сорена. Все, кроме этого.

- Кто это? - спросил Нико.

- Святая Моника. Мама всю жизнь его носила. Моника - святая покровительница матерей разочаровывающих детей.

- Поэтому она его носила? Она считала тебя разочарованием?

- Моника так же была покровительницей женщин, состоявших в абьюзивных отношениях.

- Ты сказала, она считала, что Сорен жесток с тобой. Поэтому она его носила?

- Нет. - Нора посмотрела ему в глаза. Она вспомнила, как ее отец ударил ее, толкнул и душил. - Она отдала мне его перед тем, как впала в кому, и сказала то, о чем я не подозревала, но должна была. Отец Грег дал ей его через два месяца после свадьбы. Только он знал правду. Она носила его из-за моего отца. Вот почему она надеялась на выкидыш. Не для того, чтобы стать монахиней, а чтобы не пришлось выходить за отца, который бил ее. Она не хотела меня. Она не хотела его. И все это время я думала, что она жалеет о моем появлении...

Дрожащей рукой Нора потянулась к воде и опустила медальон.

Но прежде, чем он коснулся поверхности воды, Нико поймал его.

Она удивленно посмотрела на него.

- Я никогда не признавался тебе, но ты была моим ночным кошмаром, - сказал Нико, сжимая медальон в руке. - Я насчитал десять мужчин, с которыми у мамы были романы. Десять, которых я видел. Знаю, их было больше. И знал, что не был похож на папу. Я знал, однажды кто-то расскажет мне правду, правду, которую я не хотел знать. И этим человеком стала ты. Даже если этот медальон кажется бременем, не избавляйся от него. Однажды твой кошмар может превратиться в самый сладкий сон.

Нико развернул ладонь и показал ей потускневшее обручальное кольцо, которое было на нем.

- Обручальное кольцо моего папы, - объяснил Нико.

Он взял ее за руку и вложил в нее серебряную цепочку и подвеску.

- Если ты выглянешь за пределами круга из Сорена, меня и нашей любви друг к другу, то увидишь, что я переспала с дюжинами мужчин за последние двадцать лет. Ты увидишь, как он любит кого-то еще, другого мужчину, которого Сорен любит так же сильно, как и меня. Для любого другого вне нашего круга это нелепо. Но зайди внутрь, и ты увидишь одну любовь. Ты не знаешь, какие секреты твои родители скрывали от тебя. Ты не знаешь, каким был их брак. Если твой отец не осуждал ее, не ненавидел, тогда и ты не должен.

Нико кивнул и обнял ее. Они ушли от воды, от пепла, от ее скорби и ее прошлого.

- Ты уже уезжаешь, - сказала она, когда они добрались до коттеджа. - Я сожалею, что держала тебя всю ночь. Ты мало спал, а дорога дальняя.

- Я буду думать о тебе все время в пути. Ты будешь подбадривать меня.

- Спасибо, что выслушал. Ночью мне нужно было выговориться.

Они долго обнимались. Она ощутила, как тело Нико дрожит под ее руками.

- Ты смеешься? - спросила она.

- Пытаюсь сдерживаться, - ответил он. - Смеюсь над тем, что Кингсли выбрал тебе фамилию Сатерлин.

- Я сказала этому мудаку, если он еще раз назовет меня Элеонор Сатерлин, то буду пороть его до конца тысячелетия. Но когда я стала Госпожой и мне нужно было новое имя, он вытащил это из своей копилки памяти.

- Что ты сделала? - задал вопрос он на пути к машине.

- Я порола его до конца тысячелетия.

Нико улыбнулся.

- Что произошло с твоим Вайетом? Ты поддерживаешь с ним связь?

- Нет, - ответила Нора, и ее улыбка снова померкла. - Мы с Вайетом хорошо смотрелись в теории. А я с Сореном были абсурдом. Но вот почти двадцать лет спустя мы с Сореном все еще вместе, все еще влюблены. А Вайет...

- Что с ним?

Нора шумно сглотнула.

- Через четыре года после нашего выпуска его нашли мертвым в квартире в Челси.

Глаза Нико широко распахнулись.

- Оказалось, у Вайета было биполярное расстройство. Что объясняло, откуда у него столько энергии на многочасовую болтовню, на которую нужен был или талант, или маниакальные наклонности. Друг по колледжу рассказал мне. Видимо, ему поменяли препараты, и он... - она остановилась и попыталась представить жизнь, если бы она осталась с Вайетом. Поженились бы они? Помогла бы она ему? Или она стала бы вдовой в двадцать шесть? - После его смерти опубликовали его стихи. Он был хорош.

- Нора, - произнес Нико. - Столько потерь.

- И столько находок. - Она обхватила ладонями его лицо и поцеловала. - Ты веришь в Бога?

- Я фермер, который выращивает виноград. Всю свою жизнь я наблюдал, как вода превращается в вино. Безусловно, я верю в Бога.

Она судорожно вдохнула и посмотрела на Нико. Последняя ночь кое-что значила для нее, значила столько, что она не могла запятнать ее тайной.

- Десять лет назад я забеременела. От Кингсли. Я не рожала. Я должна была рассказать тебе об этом несколько месяцев назад, должна была рассказать до первого нашего поцелуя. Но говорю сейчас. Я не сожалею о своем выборе, но все это время я не могла избавиться от чувства, что должна была родить Кингсли ребенка. Когда я узнала о тебе, это чувство, наконец, ушло.

Нико просто смотрел на нее, а затем сделал то, чего она никак не ожидала. Он поцеловал ее в лоб.

- Оно ушло, потому что я ребенок Кингсли, - произнес он. - И ты нашла меня, Госпожа Нора, и я всегда буду твоим.

- Нико...

- Кингсли - мой отец. Сорен - твой «Отец». Нам суждено было найти друг друга. И это моя теология.

- Нравится мне твоя теология, - прошептала она.

Затем он поцеловал ее, последний поцелуй, прощальный. Самый худший вид поцелуев.

После поцелуя Нико молчал. Он отвернулся, сел в машину и уехал. Он не оглянулся, пока ехал, а она наблюдала за ним, пока он не исчез из поля зрения.

Нора вернулась в коттедж, забралась в постель и проспала весь день. Когда она проснулась, в Черном Лесу почти была ночь, но все еще утро в Америке. Она нашла свой телефон и ходила с ним, пока не поймала сигнал.

Прошел всего один гудок, и затем он ответил.

- Элеонор?

- Боже, я скучала по вам.

- Где ты? - спросил Сорен с таким облегчением в голосе, которое она никогда не слышала.

- В Баварии, - ответила она. - В Черном Лесу.

- Баварии? Прошло две недели, и никто и слова от тебя не слышал. Что ты делаешь...

- Мама умерла.

На другом конце линии она слышала только пронзительную тишину.

- Рак легких, - продолжила она, словно это имело значение. Но это было не важно.

- Малышка, мне очень жаль.

- Они не знали сколько у нее оставалось дней или часов. Поэтому я так быстро уехала. Я должна была быть там, прежде чем она уйдет.

- Ты успела?

- Она была в сознании за день до того, как погрузиться в кому на четыре дня. Я держала ее за руку, пока она умирала. - Нора закрыла глаза. Ее мать цеплялась за жизнь с пугающим упорством. На четвертую ночь Элеонор уснула у ее кровати, держа мама за руку. Ее рука была теплой, когда Элеонор засыпала. Через пять часов, когда она проснулась, рука была уже холодной. - Она бы не хотела, чтобы я обращалась к вам за утешением. Она не хотела, чтобы вы там были, даже ради меня. Из уважения к ней...

- Понимаю, - успокоил он. - Я знаю, как она относилась ко мне. И всегда буду благодарен ей за то, что она хранила наш секрет, даже несмотря на ненависть ко мне.

- За это я должна ей. Перед смертью она сказала, что хотела, чтобы ее прах развеяли здесь, в Черном Лесу. Это было ее любимое место, когда она была маленькой девочкой.

- Как ты, Элеонор? - спросил Сорен, и даже через океан она услышала беспокойство в его тоне. - Расскажи правду.

- Теперь мы все сироты - вы, я и Кингсли, - ответила она и не знала почему. - Думаю, что же это значит.

- Значит, что мы должны любить друг друга еще больше, потому что только мы остались друг у друга.

- Простите, что пропустила нашу годовщину, сэр.

На слове «сэр» она сломалась и заплакала.

- Сейчас ты не должна быть одна, - сказал Сорен. - Мне ненавистна мысль, что ты сейчас одна.

- Я в порядке, честно.

- Когда ты летишь обратно? - спросил он.

- У меня нет обратного билета. Я купила в одну сторону.

Сорен замолчал.

- Элеонор, - наконец произнес он, - ты же вернешься, верно?

- Я вернусь. К вам я всегда возвращаюсь. Так или иначе. И вы знаете, сколько у меня в Европе проблем. Лучше уехать отсюда, пока я не сделаю то, о чем буду сожалеть.

- Не думаю, что ты сожалела о чем-нибудь в своей жизни, малышка. И поэтому я так сильно тебя люблю.

- Будете ли вы любить меня еще больше, если я еще немного побуду здесь?

- Что удерживает тебя в Германии?

- Ничего, - честно призналась она. - Совсем ничего.

- Что-то удерживает тебя во Франции?

Хотя его тон и был нейтральным, она поняла, что он знал. Он мог не знать, что она провела ночь с Нико, но он знал, кем они были друг для друга. Она ничего не могла утаить в своем сердце от Сорена.

- Здесь красиво, - сказала она.

- Ты столько пережила за последние несколько месяцев. Не торопись. Но знай, я буду скучать по тебе каждое мгновение, пока ты не вернешься домой ко мне.

- Я люблю вас, сэр.

- Я тоже тебя люблю, малышка. И помни, твоя мама тоже любила тебя. Она сказала мне это за день до того, как я стал врагом. Она сказала, как сильно любит тебя.

- Сорен, я скучаю по ней. Не думала, что буду так скучать.

- Ты скучаешь потому, что потеряла ее двадцать лет назад и только сейчас позволяешь себе горевать.

- Она отвернулась от меня в ту ночь, когда вы прогнали меня.

- Я вернулся за тобой.

- А она нет, - сказала Нора.

- Это была ее потеря и моё бесконечное приобретение.

Нора не ответила. И в молчаливую пустоту ее боли Сорен вслух произнес молитву:

- «Раз и навсегда дается тебе краткое наставление: люби — и делай, что хочешь. Молчишь ли ты — молчи по любви, вопиешь ли — вопи по любви; если наказываешь — наказывай по любви, если щадишь — щади по любви. Пусть будет внутри корень любви — от этого корня не может произойти ничего злого».

- Аминь, - произнесла Нора. - Красиво. Чья это молитва?

- Святого Августина.

Элеонор улыбнулась.

- Грешный сын Моники.

- Святой сын Моники, - поправил Сорен, как всегда педант, как всегда священник.

Нора еще раз сказала Сорену, как любит его, перед тем как закончить разговор, и вернулась в коттедж.

Две недели она не могла нормально спать. Теперь она сдалась своему истощению и проспала всю ночь. Когда она проснулась, то точно знала, что делать с маминым медальоном святой Моники.

Не спеша она убрала ночной беспорядок в коттедже. Он хорошо отнесся к ней, дал ей и Нико убежище, и она оплатит ему добротой. Она собрала чемодан, оделась и загрузила вещи в машину.

Она ехала весь день, оставляя Баварию позади. Ее мама росла в Германии, и Германия была частью родословной Норы. Но сейчас она смотрела в будущее.

В сумерках она, наконец, проехала Марсель. С наступлением темноты она стояла перед французским загородным домом, который располагался на пыльной земле, среди холмистых акров виноградников.

Она постучала в дверь.

- Убежище? - спросила она у Нико, когда тот открыл дверь.

Он прищурился на нее.

- Если я впусти тебя, то заставлю работать.

- Я отработаю содержание.

- Не на винограднике. Я хочу историй.

- Истории у меня есть. Именно ты то мне и нужен.

Нико сделал шаг назад и впустил ее. Он поднял ее на руки и отнес в свою постель. Они неистово занимались любовью, и, когда неистовство иссякло, Нора

достала медальон святой Моники из сумки и надела его на шею Нико. Серебро сияло на его коже, словно лунный свет над водой.

- Нико, обо мне ты должен знать три непреложные истины, - сообщила она. - Я люблю Сорена. Я принадлежу Сорену. И я вернусь к Сорену.

- Вину и женщинам всегда нужно дышать. Ты владеешь мной. Я никогда не стану посягать на тебя.

- Я никогда никем не владела. - Она прикоснулась к медальону, который висел возле его сердца. - Я делала все остальное, кроме этого.

- Для меня большая честь быть твоим первым. - Нико поцеловал ее для официальности. Если обещание нельзя скрепить поцелуем, тогда оно того не стоит.

Она растянулась на нем, положив голову ему на плечо, он обнял ее, не для того, чтобы удержать, а просто обнимать.

- Где моя история? - поинтересовался Нико.

- Какую хочешь? У меня столько историй...

- Расскажи ту, после которой, по твоим словам, я полюблю Кингсли.

- Эта история смешная. В ней учувствуют лесбиянки барменши в костюме-тройке, твой отец в корсете и на шпильках и телепроповедник с грязным секретом.

Грудь Нико затряслась от смеха.

- Расскажи, - попросил он. - Расскажи мне все свои истории.

- Эту историю мне рассказали. И теперь я расскажу ее тебе.

Она как можно ближе пододвинулась к Нико. В конце концов она вернется к Сорену в Америку, но сейчас ее домом были постель Нико, тело Нико и сердце Нико. Сорен владел ею и Кингсли. Кингсли владел Джульеттой. И теперь, когда она владела Нико, словно включился последний выключатель, и открылась одна запертая дверь в ее жизни. Пора войти в нее.

Она сделала глубокий вдох и начала рассказ.

- Жил-был Король без королевства...

Конец